

ПЕРВАЯ БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ

1905 — 1907 гг.

СТАТЬИ, ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

СОСТАВИЛА

С. М. ПОЗНЕР

С ПРЕДИСЛОВИЕМ

М. ГОРЬКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

СТАРЫЙ БОЛЬШЕВИК

МОСКВА

1934

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга является дополнением изданной Институтом Маркса—Энгельса—Ленина в 1932 году книги «Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП в ноябре 1906 г.». Она дополняет протоколы конференции иллюстрациями технической работы боевой группы, основанной при ЦК большевиков и она еще разговаривает об изумительной революционной проницательности Владимира Ильича Ленина, который уже в 1902 году считал вооруженную борьбу рабочего класса против самодержавной буржуазии неизбежной и близкой. Один из вождей меньшевиков, Мартов, наиболее честный, чем его товарищи, называл безошибочную проницательность Ленина «утопической» и даже угрожающей «отвести пролетариат далеко от русла классовой борьбы». Но ленинцы, выступив против врага с оружием в руках, победили, а меньшевики оказались где-то вне пределов истории, не торопясь помирать «от скуки жизни», в те дни, когда социальные процессы, преображая мир, развиваются с вулканической силой.

Эта книга рассказывает о деятельности «Боевой группы» и рисует портреты боевиков, людей беззаветной преданности делу партии, делу пролетариата. Те из них, которые уцелели, до сего дня остаются на службе революции, так же беззаветно работая в различных областях строительства социализма.

К числу радостей, испытанных мною, я искренно причисляю мое близкое знакомство с некоторыми из этих людей.

М. Горький

Ответств. редактор С. М. Познер. Тех. ред. И. И. Ионов.

Сдано производство 27/VI-33 г. Подписано к печати 13/II-34 г. Тираж 10.000 экз. Формат бумаги 72×94 см. $\frac{1}{16}$ доля листа. Печатных листов 19. Число печатных знаков в листе 52.000. Заказ изд-ва № 81. Зак. тип. 1051. Уполномоченный Главлита № В-60784

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Для настоящего сборника «Боевая группа при ЦК РСДРП(б)», выявляющего только незначительную часть всей работы партии в деле подготовки к вооруженному восстанию в период 1905—1907 гг., составитель пользовался: 1) Личными воспоминаниями участников боевых организаций, полученными путем бесед с ними, и записями на вечерах воспоминаний, на которых происходила коллективная проверка дат, псевдонимов и различных фактов, но все же и в этот проверенный материал, вероятно, вкралось немало ошибок. Кроме того, материал этот неполный, так как не все участники дали свои воспоминания: одни набросали их лишь в общих чертах, других не удалось разыскать, а третьих уже нет в живых. 2) Документами Исторического Центрального Ленинградского Архива (бывш. департамента полиции и Петербургского военно-окружного суда). Этот последний материал, восстанавливая точно хронологические даты событий, фамилии, имена и некоторые биографические данные участников, часто извращает самые факты, неверно их освещает, приписывает деяния не тем лицам, которые их совершили, умалчивает о провокации, причинявшей большое зло революционным делам и т. п. К сожалению, не все дела, необходимые для этой работы, были разысканы в архиве. 3) Документами архива Истпарта ЦК, некоторыми документами архива Института им. В. И. Ленина. Но в первом из этих архивов было найдено весьма немногое, остались же невыявленными отчеты: члена Центрального Комитета партии на декабрьской конференции в 1905 году о подготовке к вооруженному восстанию; ПК(б) на ноябрьской конференции военных и боевых организаций в Таммерфорсе в

1906 году, который был сделан, но не вошел в полулегальное издание протоколов по конспиративным условиям¹⁾. Нет также отчета, сделанного на этой конференции делегатом «Боевой технической группы» Гвоздевым (Ю. А. Грожан²⁾). 4) Дореволюционной партийной литературой, собранием сочинений В. И. Ленина, послереволюционной литературой, а также сообщениями буржуазных газет дореволюционного времени. Для освещения всей деятельности «БТГ» необходимо также исследовать боевую работу Петербургского Комитета, организацию его боевых дружин и выступления масс под руководством партии. Только изучение во всей совокупности деятельности боевых организаций может дать полную историю одного из звеньев ее — «Боевой технической группы». Но и эта еще далеко не полная работа могла быть сделана только потому, что все участники ее и, особенно прежние организаторы группы — Н. Е. Буренин и А. М. Игнатьев — проявили огромную энергию для того, чтобы помочь собрать и объединить разрозненные факты в одно целое. Всем товарищам, оказавшим содействие в составлении этой работы, приношу свою искреннюю благодарность.

С. Познер

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящее издание книги есть переработанный и значительно дополненный сборник «Боевая группа при ЦК РСДРП(б)».

Возможность значительных дополнений явилась только в результате того, что со времени выхода первого издания в 1926 году, в пятом Ленинском сборнике впервые были опубликованы огромной важности статьи В. И. Ленина «Кровавые дни в Москве», «Задачи отрядов революционной армии», а также документы и материалы, касающиеся вопроса подготовки партии к вооруженному восстанию в период революции 1905 года. Среди этих материалов осо-

¹⁾ См. «Протоколы первой конференции военных и боевых организаций РСДРП, состоявшейся в ноябре 1906 г.».

²⁾ Там же.

бый интерес представляет письмо Владимира Ильича от 16/X 1905 г. «В боевой комитет при ПК», дающее блестящий образец конкретного руководства Ленина боевой работой партии.

Фактические дополнения стали возможными вследствие того, что появились работы, имеющие непосредственное отношение к деятельности первой боевой организации большевиков, такими работами послужили книги: «Леонид Борисович Красин»¹⁾ и «Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП в ноябре 1906 г.»²⁾.

Но и о настоящем издании приходится сказать, что оно не могло еще дать исчерпывающего освещения, ибо эта организация, хотя и первое, но только одно звено в той цепи организаций, которую развернула партия большевиков в деле подготовки к вооруженному восстанию в революцию 1905 — 1907 гг.

На очереди стоят еще исчерпывающая работа о петербургской боевой организации и обобщающее исследование, охватывающее деятельность всех партийных организаций в этой области.

Выражаю искреннюю благодарность Н. Е. Буренину за помощь, оказанную в переиздании этой книги.

С. Познер.

ПЕРВАЯ БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ

¹⁾ «Леонид Борисович Красин» (Никитич). Годы подполья. Сборник воспоминаний, статей и документов. Составлен «кружком друзей Красина». Под ред. М. Н. Лядова и С. М. Познер. Истпарт, ЦК ВКП(б), изд. 1928 г.

²⁾ «Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП, ноябрь, 1906 г.». Под редакцией Ем. Ярославского. Подготовлена к печати С. Познер. Изд. ИМЭЛ. 1932 г.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВОЙ БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ В 1905 – 1907 гг.

Принципиально вопрос о вооруженном восстании был поднят Владимиром Ильичем Лениным уже в 1897 г. («Задачи русских социал-демократов»), ставилась им эта проблема в 1901—1902 годы, но тогда жизнь не выдвигала еще ни соответствующих форм борьбы, ни соответствующих форм организации. В брошюре «Что делать?» Ленин, касаясь вопроса подготовки к восстанию, писал:

«Представьте себе народное восстание. В настоящее время, вероятно, все согласятся, что мы должны думать о нем и готовиться к нему (разрядка наша — С. П.). Но как готовиться? Не назначить же Центральному Комитету агентов по всем местам для подготовки восстания! Если бы у нас и был ЦК, он таким назначением ровно ничего не достиг бы при современных русских условиях. Наоборот, сеть агентов, складывающаяся сама собой, на работе по постановке и распространению общей газеты, не должна была бы «сидеть и ждать» лозунга к восстанию, а делала бы именно такое регулярное дело, которое гарантировало бы ей наибольшую вероятность успеха в случае восстания». И далее, развивая идею организующей роли газеты в вопросе о подготовке восстания, в выборе подходящего момента для восстания, Ленин дает определение понятия восстания:

«... А ведь восстание есть, в сущности, самый энергичный, самый единообразный и самый целесообразный «ответ» всего народа правительству...»¹⁾.

Вопрос о подготовке, организации и руководстве восстанием вполне определенно и ясно ставился Лениным. Но практическое осуществление его не стояло еще на очереди дня, о восстании говорилось лишь как о лозунге, определяющем ближайшие практические задачи партии.

¹⁾ Ленин, т. IV, стр. 497—498.

В год кануна революции 1904 г. Ленин, беспощадно критикуя оппортунистическую тактику меньшевиков в статье «Земская кампания» и план «Искры», говорит о том, что «все ширится, растет и обостряется» политическое недовольство «в самых различных слоях народа», что создаются условия для восстания, что надо широко пропагандировать идею восстания, что всякая половинчатая тактика обречена на неудачу, что только силой рабочие отвоюют себе политическую свободу и начнут широкую борьбу за конечные цели — за полную победу социализма.

В то время, как большевики во главе с Лениным занимались вопросами восстания, меньшевики всячески отмахивались от «заговорщического» вопроса и в 1904 году, когда необходимость постановки его выдвигалась всем ходом революционного движения, продолжали к нему относиться также отрицательно.

«... О какой подготовке восстания (разрядка наша — С. П.) вообще может идти речь у нашей партии, — спрашивает лидер меньшевиков Мартов на страницах новой «Искры». — С прискорбием приходится констатировать, что среди наших товарищей начинают заметно проявляться чисто утопические воззрения на этот вопрос, грозящие очень далеко отвести их от русла классовой борьбы пролетариата»¹⁾.

Наступает 1905 год. Революционное движение «порождает высшую форму борьбы — восстание»²⁾.

Вопреки «опасениям» меньшевиков широкие пролетарские массы восприняли большевистские идеи о подготовке вооруженного восстания для свержения самодержавия. Петербург в день «кровавого воскресения» 9 января выявил революционную готовность рабочих масс к вооруженной борьбе с самодержавием. пролетариат Петербурга искал оружия, призывал «к оружию».

Страстным призывом к этой борьбе звучит прокламация рабочих, написанная по их инициативе и подписанная ими, как прокламация партии:

«Граждане! Вчера вы видели зверства самодержавного правительства!.. Видели сотни убитых борцов за рабочее дело... Они — убийцы, смерть им! К оружию, товарищи! Захватывайте арсеналы, оружейные склады и оружейные магазины. Разносите, товарищи, тюрьмы, освобождайте борцов за свободу. Расшибайте жандармские и полицейские

управления и все казенные учреждения. Свергнем царское правительство, поставим свое. Да здравствует революция! Да здравствует Учредительное собрание народных представителей!..»¹⁾.

Идея вооруженного восстания охватывала массы рабочих. Революция выдвигала новые практические задачи, которые требовали немедленного их разрешения. Большевики призывали к вооруженной борьбе. Все прокламации, все воззвания того времени говорили только об одном: «надо готовиться к вооруженному восстанию, надо браться за оружие»²⁾.

В этой обстановке революционного подъема начали зарождаться и строиться боевые организации большевиков, надо было во что бы то ни стало, добыть оружие, его требовали рабочие, у которых зрела могучая потребность к самой решительной схватке с самодержавием. Петербургский пролетариат, имевший большой стаж политической борьбы, пролетариат тяжелой индустрии, стал застрельщиком в деле подготовки к восстанию. Во главе его шел Петербургский комитет большевиков, положивший начало первой планомерной боевой организации.

Начались поиски оружия. На явки Петербургского соц. дем. комитета большевиков поступали заявления о возможности достать десятки, а иногда и сотни револьверов, которые при проверке оказывались часто негодными. Петербургскому комитету пришлось оставить этот случайный способ добывания оружия и начать дело более организованно. ПК выделил партийных работников специально для занятия этим делом, которые использовали те средства и возможности, какие были у партии, как опыт транспортирования нелегальной литературы из-за границы, чтобы по тем же путям доставлять необходимое партии оружие. Вырабатывались новые методы конспирации, которых требовало новое дело, выискивались и привлекались специалисты, которые могли помочь этому делу. Уже в конце января 1905 года была создана маленькая группа при ПК, которая получила вполне определенное задание от комитета добывать оружие и распределять его среди рабочих организаций. Развивая и налаживая это дело, она стала выполнять директивы петербургской организации.

Вопросы подготовки к вооруженному восстанию начинают занимать господствующее место в партийной литерату-

¹⁾ «Вперед», № 6, 1905 г., Ленин, т. VII, стр. 112—113.

²⁾ «Пролетарская революция», № 12 (35), 1924. «Как готовилась партия к вооруженному восстанию». Статья С. Познер.

¹⁾ «Искра», 1904 г., № 62. «Так ли мы готовимся?». Статья Мартова.

²⁾ Ленин, т. X, стр. 48.

ре — на страницах нелегального большевистского «Вперед» и меньшевистской новой «Искры».

Обсуждение этих вопросов выявило самое резкое расхождение между большевиками и меньшевиками. Источником этих разногласий были коренные различия в их оценке русской революции и определении задач пролетариата.

Большевистским лозунгом в революцию пятого года был лозунг «Революционная диктатура пролетариата и крестьянства».

Ленин, давая оценку революции 1905 года, писал: «... Проблема буржуазной революции у нас невозможна как победа буржуазии. Это кажется парадоксальным, но это факт. Преобладание крестьянского населения, страшная подавленность его крепостническим (наполовину) крупным землевладением, сила и сознательность организованного уже в социалистическую партию пролетариата — все эти обстоятельства придадут и ашеё буржуазной революции особый характер. Эта особенность не устраняет буржуазного характера революции (как пытались представить дело Мартов и Плеханов...). Эта особенность обуславливает лишь контрреволюционный характер нашей буржуазии и необходимость диктатуры пролетариата и крестьянства для победы в такой революции»¹⁾. В противовес меньшевистскому пониманию революции 1905 года, как буржуазной, в которой главной движущей силой является буржуазия; в противовес «несуразно левой» теории Троцкого «перманентной» революции, перескакивающего этап буржуазно-демократической, Ленин развил свое гениальное учение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. «...От революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полупути...»²⁾, — писал Ленин в 1905 году.

Определяя место пролетариата как гегемона в буржуазной революции, большевики призывали к самой последовательной, самой энергичной и решительной борьбе до полной победы демократической революции, открывающей путь к немедленной борьбе рабочего класса за перерастание демократической революции в социалистическую.

Ясно, что из такой оценки революции и той ведущей роли, которую занимал пролетариат, вытекала для партии

¹⁾ Ленин, т. XII, стр. 209.

²⁾ Ленин, т. VIII, стр. 186.

большевиков настоятельная потребность призывать к вооруженному восстанию, развивать идеи вооруженного восстания и практически немедленно готовиться к нему.

Взгляды меньшевиков на буржуазную революцию были иные — они находили, что в буржуазной революции сама буржуазия должна быть руководящим классом. Пролетариату меньшевики отводили место не во главе революции, а в стороне от нее и приходили к заключению, что «социал-демократия не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во временном правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции»¹⁾. Меньшевики, плетясь в хвосте либеральной буржуазии, ставя совершенно иные задачи перед пролетариатом в грядущей революции, отводили пролетариату весьма скромное место, не придавая того решительного значения участию пролетариата в «натиске», о котором говорил Ленин, отрицали необходимость подготовки партии к вооруженному восстанию, предлагая вооружить народ лишь одной «жгучей потребностью напасть на самодержавие»²⁾.

В период до III съезда партии, как то видно из приводимых ниже воспоминаний первых организаторов Боевой группы, еще не имевшей долгое время вполне определенного названия³⁾, было уже налажено получение оружия из-за границы через Финляндию, где помогали ей в этом деле не только финляндская с.-д.⁴⁾ партия, но и финляндская партия «активистов»⁵⁾.

¹⁾ Ленин, т. VIII, стр. 76.

²⁾ «Искра», № 87, 10 февраля 1905 г.

³⁾ Вначале она называлась «Боевая техническая группа», потом «Техническая группа при ЦК» и «Военно-техническая группа». Первое название сохранилось в памяти ее организаторов, работавших с ее основания. Второе зафиксировано в протоколах «Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП, ноябрь 1906 г.» (стр. 51, 388). Имеется оно в «отчете» ПК заграничному центру. Третье название осталось в памяти большинства ее участников, работавших в ней с конца 1905 года, и в отчете ПК о постановке боевой работы. Последнее ее название, видимо, было дано для того, чтобы отличить технику подготовки к вооруженному восстанию от конспиративной типографской «техники», так как она имела дело с предметами военного характера, то и была названа «Военно-технической группой».

⁴⁾ Финляндская с.-д. партия в период первой русской революции была типичной партией II Интернационала, в которой каутскианский центризм был руководящим течением. В состав Ф. с.-д. входили кроме промышленных рабочих и сельских пролетариев значительное количество мелкобуржуазных элементов города и деревни. Отдельные члены Ф. с.-д. оказывали некоторые услуги большевикам в налаживании их конспиративных дел.

Современная Ф. с.-д. превратилась в социал-фашистскую партию. В рядах той же Ф. с.-д. были отдельные действительно революционные элементы, которые принимали активное участие в революционных

Группой устроена была первая мастерская для изготовления ручных бомб.

Из тех же воспоминаний видно, сколько энергии и изобретательности надо было проявить для дела, которого требовали новые боевые задачи революции. Надо было одновременно приобрести это оружие и удовлетворить потребность в нем масс. Правда, Боевая группа этого сделать не могла не только в первые месяцы своего существования, но и в последующие годы, когда период первоначального добывания оружия остался далеко позади и деятельность группы приняла относительно широкие размеры.

Еще до III съезда партийные организации вместе с Боевой группой приступили к образованию боевых дружин. Этот интересный вопрос о зачатках нашей «Красной гвардии» в Петербурге получил некоторое освещение в прилагаемых ниже материалах. Требуется еще собрать значительный фактический материал, чтобы выявить со всей полнотой исто-

делах большевиков. В дни свеаборгского восстания в 1906 г. отряды революционных финских рабочих «красногвардейцев» сражались вместе с русскими матросами и рабочими.

В 1918 году основание коммунистической партии в Финляндии положили революционные рабочие, которые уже накануне и во время финляндской революции склонялись к большевизму и ряд товарищей из руководящих слоев Ф. с.-д., решительно порвавших со своей прежней центристской позицией под влиянием жестоких уроков пролетарской революции в Финляндии.

В числе основателей Ф. К. П. были Куусинен О. В., Маннер К., Си-рола Ю. и рабочие Рахья И., Ровио Г., Антикайнен Т., Лехтинен И.

⁵⁾ Из либеральной оппозиции в разгар бобриковского режима (1904 г.) в Финляндии выделились наиболее решительные элементы конституционной буржуазии, которые не довольствовались борьбой с обрусением только методами «пассивного сопротивления», а выдвинули тактику вооруженной борьбы с самодержавием для восстановления автономии и даже полного отделения Финляндии от России. Такова была программа буржуазной «Финской партии активного сопротивления» — «Finska Aktiva Motståndsparti». По методам борьбы «активисты» приближались к эсерам, с которыми у них состоялось формальное соглашение. Одним из видных вождей и основателей этой партии был писатель Конни Циллиакус.

Из условий национально освободительного движения в Финляндии вытекали и те революционные услуги, которые «активисты» оказывали большевикам в их борьбе с царизмом.

«Активисты» разрабатывали планы «стрелковых обществ» в Финляндии, создавали боевые объединения (см. «Первая конференция военных и боевых организаций». «Белая гвардия» и широко организовывали ввоз оружия из-за границы в Финляндию.

В период империалистической войны «активисты» создали «батальоны егерей», при помощи германского империализма, которые сражались против России и оказывали шпионские услуги германскому правительству. В годы 1917—1918 «активисты» превратились в активных врагов финляндской пролетарской революции.

ОРГАНИЗАТОРЫ БОЕВОЙ ГРУППЫ

С. И. Гусев
(«Иван Сергеевич»)

Н. Е. Буренин
(«Герман Федорович»)

С. М. Познер
(«Татьяна Николаевна»)

Л. Б. Красин
(«Никитич»)

Ф. И. Драбкина
(«Наташа»)

А. М. Игнатьев
(«Григорий Иванович»)

Н. П. Сагредо
(«Андрей Андреевич»)

рию возникновения и роль этих дружин, организации которых Ленин придавал огромное значение¹⁾. Но и из тех хотя и недостаточных данных, которые имеются в этой книге видно, что боевые дружины только формировались, только готовились к боевому делу. Активные выступления относятся, главным образом, к 1906 году, 1905 год был годом боевой учебы. Наиболее яркую форму приняла борьба питерских дружинников с черной сотней, этой борьбе Ленин придавал большое значение и в октябре 1905 года он писал по этому вопросу: «Прекрасным военным действием, дающим и ученье солдат революционной армии, боевое крещение им, и громадную пользу приносящим революции, является борьба с черносотенцами. Отряды революционной армии должны тотчас же изучить, кто, где и как составляет черные сотни, а затем не ограничиваться одной проповедью (это полезно, но этого одного мало), а выступать и вооруженной силой, избивая черносотенцев, убивая их, взрывая их штаб-квартиры и т. д.»²⁾.

В начале своего существования группа не ощущала остро недостатка в средствах и людях. Рабочие и интеллигентская молодежь тянулись к боевой организации, высокий революционный подъем вызывал потребность немедленных боевых выступлений. Работая часто в исключительно конспиративной обстановке, Боевая группа не отрывалась от общепартийной организации, а была в тесном контакте с нею, особенно, когда дело касалось не только технической подготовки, но и боевых выступлений. Недостаточный контакт Боевой группы с районными с.-д. организациями сказался не в первые месяцы ее существования, а значительно позднее, когда группа численно увеличилась и размах ее специально боевой технической работы стал значительно шире.

Все постановления партийных съездов и конференций в вопросе о вооруженном восстании обсуждались и проводились в жизнь Боевой группой. Изучались они и в куоккальской школе для изготовления взрывчатых веществ, где имелись протоколы таммерфорсской ноябрьской конференции, были они и на большом собрании членов боевой и военной организаций в Лесном в июне 1907 г., где представлена была уже значительная организация, имевшая большую сеть специальных кружков для выполнения различных боевых функций.

Постановления III большевистского съезда партии и меньшевистской конференции о вооруженном восстании стали из-

¹⁾ Ленин, т. VIII, стр. 327, статья «Задачи отрядов революционной армии».

²⁾ Там же, стр. 330.

вестны практическим работникам петербургской организации летом 1905 года. Различия этих решений вытекали из существенного расхождения во взглядах большевиков и меньшевиков на роль пролетариата в русской революции.

Резолюция меньшевистской конференции 1905 года о вооруженном восстании отражала нежелание меньшевиков взять на себя организацию и руководство восстанием. Вот что говорится в ней о подготовке к восстанию: «Подготовить его конспиративно-организационными средствами исключается уже одной слабой организованностью передовых слоев пролетариата», а относительно руководства предлагалось «укрепить в массах сознание неизбежности революции, необходимости быть всегда готовым к вооруженному отпору и возможности превращения в каждый данный момент в восстание»¹⁾.

В большевистской же резолюции категорически сказано:

«Третий съезд РСДРП признает, что задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий момент.

Поэтому съезд поручает всем партийным организациям... в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников» (разрядка наша — С. П.)²⁾.

Члены Боевой группы получили в этих установках первого большевистского съезда к подготовке восстания новое руководящее подкрепление. После съезда Боевая группа, до тех пор непосредственно находившаяся при ПК, переходит в ведение ЦК партии, сохраняя организационную связь с ПК. «От военно-технической группы входит в БК»³⁾ ее ответственный организатор, — говорит более поздний документ (ПК⁴⁾), адресованный Ленину. В дальнейшем группа раз-

¹⁾ «Первая общерусская конференция партийных работников». Женева, 1905 г., стр. 18—19.

²⁾ «III очередной съезд РСДРП», полный текст, стр. 519, изд. Истпарта, 1924 г.

³⁾ «БК» — боевой комитет, выделенный Петербургским комитетом.

⁴⁾ Письмо «отчет» из переписки В. И. Ленина и Н. К. Крупской с российскими организациями в 1905 г. Архив Института Ленина при ЦК ВКП(б). V Ленинский сборник, стр. 461.

вивает свою работу согласно директивам ЦК. Сеть связей переходит за пределы Петербурга — на Кавказ, Урал, в Латвию и Эстонию. Но развитие этих связей падает больше на 1906 г.

К началу осени 1905 года Боевая группа приобретает некоторое количество оружия, которое она получает с взорванного у берегов Финляндии прохода «Джон Графтон»¹⁾. Хотя в организации этого весьма шумевшего предприятия с.-д. партия большевиков не принимала участия, тем не менее ей удалось получить часть оружия, выловленного рыбаками из воды, и отправить его в Россию. К тому же времени БК в своем «отчете» Ленину сообщал: «Группа вполне организована и имеет большое число источников закупки оружия, причем все время отыскивает новые источники. Главное препятствие развитию деятельности (ее) по вооружению — отсутствие денег»²⁾.

Напряженная систематическая работа группы не прекращалась и в то время, когда партия получила в короткие «дни свобод» полулегальное существование.

Группа не отступила ни от одного из своих конспиративных правил и использовала момент растерянности правительства для того, чтобы еще больше развить свою работу, расширить и укрепить свои связи с Финляндией, и продолжала развивать свою деятельность так, как будто этих «свобод» не было совсем: самодержавие еще не рухнуло, значит, была нужна боевая подготовка. Ближайшее будущее показало, что эта большевистская оценка «свобод» оказалась совершенно правильной.

Начавшаяся после манифеста 17 октября полоса черносотенных погромов потребовала от Петербургской боевой организации напряженнейшей работы.

Восстание в Москве также потребовало большого напряжения сил группы. Вопрос о том, почему ряд попыток боевых дружин испортить путь Николаевской железной дороги, чтобы не допустить войска в Москву, окончился неудачей, еще далеко не исследован. Может быть, причины неудач лежали и в технической неорганизованности, но главную их причину следует искать в том, что меньшевистское руководство, которое в то время было значительным в Петербургском совете, ставило своей задачей не превращать советы в органы восстания, в органы захвата власти, как о том говорили большевики, а пыталось превратить их в органы самоуправления путем забастовок, оказывающих давление на царское правительство. Утомленный и истощенный стач-

¹⁾ См. ниже.

²⁾ Из этого же отчета.

ками, проведенными в октябре и ноябре, петербургский пролетариат реагировал слабо на стачку, объявленную 4 (17) декабря в ответ на наступательные действия царского правительства; вскоре стачка была ликвидирована.

И до и во время вооруженного восстания в Москве Боевая группа поддерживала активные сношения с Москвой с смысле налаживания ее работы по изготовлению бомб и снабжению необходимым для этого материалом. Но были ли использованы все те взрывчатые средства, которыми снабжал Петербург Москву, установить вполне не удалось; и в какой мере можно отнести поражение московского восстания за счет недостаточной организованности его руководящих боевых органов, — этот вопрос еще требует дальнейшего изучения. Если даже отнести некоторую долю поражения московского восстания за счет технических недочетов, то все же нельзя пройти мимо того факта, что в Петербургской боевой организации с изготовлением бомб в тот период дело обстояло более благополучно: не было провалов, не было перебоев в работе и т. п., и тем не менее бомбами не воспользовались для поддержки московского восстания. Основные причины поражения лежали не в организационных недочетах, а в том, что тогда не удалось «...слить три разрозненные потока восстаний — рабочие, крестьянские и военные — в одно победоносное восстание»¹⁾, что и сделало революцию 1905 года только «генеральной репетицией».

1906 ГОД

Волна аграрных движений поднимается выше, восстает царская армия. Царское правительство бешеными репрессиями хочет задушить революцию: карательные экспедиции, военно-полевые суды, погромы — все пущено в ход. Несмотря на все эти тяжелые условия, борьба революционных рабочих и крестьян продолжается, и партия продолжает призывать к восстанию. Поражение декабрьского восстания отбрасывает от него только меньшевиков. «Не нужно было браться за оружие», — говорят Плеханов и меньшевики. Большевики, учтя «уроки московского восстания», призвали готовиться к новому. «Мы должны, наконец, — писал Ленин, — открыто и во всеуслышание признать недостаточность политических забастовок, должны агитировать в самых широких массах за вооруженное восстание, не прикрывая этого вопроса никакими «предварительными ступенями», не набрасывая никакого флера. Скрывать от масс необходимость отчаянной, кровавой истребительской войны, как непосредственной задачи грядущего выступления (разрядка наша — С. П.), — значит обманывать и себя, и народ»¹⁾.

¹⁾ Ленин, т. IX, стр. 26.

Правительство распускает I думу, укрепляет свои позиции, но снова выдвигается вопрос об агитации за вооруженное восстание. Борьба не за думу, как мыслили и агитировали меньшевики, «а за свержение старой власти»²⁾, как говорил Ленин и призывал партию агитировать за всенародное восстание. Ленин писал: «Надо проповедывать самым усиленным образом, что близится бой, когда всякий честный гражданин обязан жертвовать собою и сражаться против угнетателей народа. Поменьше формальностей, поменьше волокиты, побольше простоты в организации... Все и каждый, кто хочет стоять на стороне свободы, должны немедленно объединиться в боевые «пятки» — вольные союзы людей одной профессии, одной фабрики...»³⁾.

Подготовка к вооруженной борьбе шла не только в большевистском подполье. Революционные слои Петербурга усиленно готовились к ней. Одна только хроника любой петербургской газеты за 1906 год говорит о том, как начинен был Петербург бомбами, сколько было складов оружия, сколько неорганизованных, самочинных вооруженных сопротивлений было оказано в то время.

Численный состав группы к этому времени значительно разросся, сеть связей становится шире, является возможность находить новые нити через военные партийные организации. «Боевая техническая группа», будучи по своему составу чисто большевистской, после московского восстания не испытывала меньшевистских колебаний и попрежнему продолжала развивать свою работу, хотя отдельные члены группы (как отмечают воспоминания), разуверившись в возможности нового восстания, отходили от боевой работы. Но попрежнему усиленно добываются взрывчатые вещества в самом Петербурге, а также привозятся из-за границы, добывается даже пушка из гвардейского экипажа. Энергия и изобретательность направляются в сторону упрощения конструкции бомб, создания такого типа, который соединил бы в себе безопасность хранения, простоту обращения и был бы доступен для массового изготовления, не требуя никаких сложных приспособлений и инструментов.

¹⁾ Ленин, т. X. «Уроки московского восстания», стр. 50. «Пролетарий», № 2, 29 августа 1906 г. (Москва, 1906 г.).

²⁾ Ленин, т. X. «Роспуск думы и задачи пролетариата», стр. 18.

³⁾ Ленин, т. X, стр. 16 (напечатана брошюрой в августе 1906 г., книгоизд. «Новая волна»).

Боевые дружины ведут борьбу со шпионами, провокаторами, организованной черной сотней и т. п.

В 1906 году широко проявляются новые формы вооруженной борьбы — экспроприации у правительства. Источники средств у партии после революции 1905 года иссякли, либеральная буржуазия больше не заигрывала с партией. В «отчете», направленном В. И. Ленину, БК, по вопросу о средствах находим следующее: «Обсуждая этот вопрос (финансовый — С. П.) БК (боевой комитет при Петербургском комитете — С. П.) пришел к следующему заключению: БК находит, что единственно возможным способом обеспечить средствами дело вооружения и вообще технической подготовки восстания является предоставление БК право самостоятельно устраивать сборы, предприятия и т. д. для специального фонда при БК»¹⁾. Партии нужны были средства на оружие и многое другое, их можно было добыть путем экспроприации. По поводу этой формы борьбы Ленин писал: «Конфискуемые средства частью идут на партию, частью специально на вооружение и подготовку восстания, частью на содержание лиц, ведущих характеризуемую нами борьбу. Крупные экспроприации (кавказская в 200 с лишним тысяч рублей, московская 875 тысяч рублей) шли именно на революционные партии в первую голову». И дальше о причинах, вызвавших эту форму борьбы, Владимир Ильич писал: «Обострение политического кризиса до степени вооруженной борьбы и в особенности обострения нужды, голодовки и безработицы в деревнях и городах играли крупную роль в числе причин, вызвавших описываемую борьбу»²⁾.

В 1906 году Боевая группа пополнилась силами с.-д. латышей, бежавших из Прибалтийского края от карательных экспедиций. Боевой опыт, огромный революционный энтузиазм этих товарищей был очень ценен в боевой работе группы.

Достижения революции к 1906 году создавали новое политическое положение, перед партией вставали новые политические задачи. Назревала необходимость партийного съезда, на котором большевики проводили тактику формального объединения с меньшевиками с целью установления единого фронта с недостаточно еще сознательной частью пролетариата, с тем, чтобы отвоевать ее у меньшевиков, за которыми они шли в силу своей малой сознательности.

¹⁾ Из переписки В. И. Ленина и Н. К. Крупской с российскими организациями в 1905 г. Архив института Ленина при ЦК ВКП(б) V Ленинский сборник, стр. 463.

²⁾ Ленин, т. X, стр. 82.

На IV Об'единительном съезде по вопросу о вооруженном восстании происходит резкое расхождение между меньшевиками и большевиками. Меньшевики после поражения декабрьского восстания проявили явную боязнь восстания, неверие в него и нежелание заниматься его подготовкой, но прямо заявить на съезде о таком отношении к нему не решались. Ленин о большевистской резолюции, предложенной съезду, говорил, что она, «подводя научным образом итоги последнего года, критикует прямо: мирная стачка показала себя «растрачивающей силы», она отживает свое время. Восстание становится главной, стачка — подсобной формой борьбы»¹⁾. В оценке меньшевистской резолюции Ленин отмечал то, что в ней «вместо учета опыта, вместо изучения соотношения стачки и восстания вы видите скрытое, мелочно скрытое отречение от декабрьского восстания»²⁾.

После значительных прений под давлением большевиков меньшевики в своей резолюции изменяют выражение, имеющее существенное значение, т.-е. вместо «вырвать права», ставят «вырвать власть», выбрасывают из нее мелочные вылазки, но общий дух ее остается тот же. Большевики принятую на съезде меньшевистскую резолюцию назвали «резюлюцией против вооруженного восстания». О результатах обсуждения этого вопроса Ленин писал: «Уклончивость меньшевиков, желающих снять с очереди вопрос о восстании, тяготеющих к этому, но не решающихся признаться в этом, привела к тому, что вопрос в сущности остался открытым»³⁾. Из различного отношения большевиков и меньшевиков к вооруженному восстанию вытекало и различное отношение их к вопросу о партизанских выступлениях и экспроприациях: то, что первые считали принципиально допустимым, вторые туманно отрицали. В резолюции последних, принятой съездом по этому вопросу, есть некоторое противоречие, а именно: запрещая экспроприацию частных и казенных средств, съезд разрешал экспроприацию «боевых средств».

После съезда Боевая группа, будучи группой при ЦК, работала в тесном контакте не с меньшевистским ЦК, а с Большевистским центром. Подпольная боевая работа, которая так претила меньшевикам, продолжалась в большевистской группе. Устраивались мастерские, готовились бомбы, набивались патроны.

Опыт восстаний и всех боевых выступлений выявил некоторую несогласованность и кустарничество в работе военных

¹⁾ Ленин, т. IX, стр. 165.

²⁾ Там же.

³⁾ Ленин, т. IX, стр. 215—216.

и боевых организаций. Эти недочеты особенно отрицательно сказывались в моменты руководства восстаниями. Все это вызывало у руководящих работников крайнюю необходимость встретиться и договориться по основным вопросам работы, поэтому, несмотря на отрицательное отношение меньшевистского ЦК к объединению боевых организаций с военными и к созыву конференции, она все же состоялась в ноябре 1906 г. в Таммерфорсе¹⁾. Руководители военных и боевых организаций предварительно договорились с В. И. Лениным о созыве конференции. Эта конференция, на которую собрались делегаты военных и боевых организаций, свидетельствовала о том, что большевики и после объединительного съезда стояли на твердой почве необходимости систематической и организованной подготовки всех боевых сил для грядущих выступлений. Потребность в таком объединении была так велика, что надо было действовать вопреки постановлениям меньшевистского ЦК, формально стоявшего во главе партии. Боевая группа, послаев своего делегата на конференцию, тем самым подвергла его «резкому порицанию со стороны ЦК»²⁾.

Анализируя действующие силы революции и реакции и все политическое положение страны, таммерфорсская конференция оценила текущий момент как «канун новой, еще более грандиозной вооруженной борьбы революционного народа с царским правительством и реакционными силами страны». Конференция дала анализ самой идеи вооруженного восстания. В резолюции ее «о роли боевых организаций» говорится, что «главные задачи боевых организаций заключаются: 1) в распространении правильного понимания идеи вооруженного восстания и раз'яснении тех конкретных условий, при каких вооруженное восстание может возникнуть, протекать и успешно совершаться...; 2) в подготовке всех необходимых технических данных для успешного проведения вооруженного восстания; 3) в организации кадров сознательных рабочих, группирующихся вокруг РСДРП, для активного выступления; 4) в содействии организации в боевых целях революционно-демократическим слоям населения и закреплении в них боевого руководства социал-демократии»³⁾.

Конференцией была намечена твердая линия работы военных организаций в направлении идейного и организаци-

¹⁾ «Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП, ноябрь, 1906 год». Статья С. Познер «Как подготовлялась и проводилась конференция военных и боевых организаций», стр. XVIII—XLIV.

²⁾ Ленин, т. XI, стр. 208.

³⁾ «Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП, ноябрь, 1906 г.», стр. 140.

онного влияния социал-демократии в армии, а также социал-демократического руководства партии боевыми организациями.

Конференция, разделяя точку зрения IV съезда по вопросу об экспроприациях частного имущества, не разделяла ее в отношении казенного имущества и находила необходимым пересмотреть этот вопрос на V съезде партии. (Владимир Ильич посвятил статью работе этой конференции)⁴⁾.

Не ставя себе задачей в рамках этой статьи, посвященной работе петербургской Боевой группы, заниматься анализом протоколов конференции, мы останавливаемся на них лишь постольку, поскольку работа этой конференции имела непосредственное значение для практической работы петербургской организации.

Так, решения конференции о необходимости организации инструкторских боевых школ были проведены в жизнь устройством школы-лаборатории, организованной в 1907 г. в Куоккала, в Финляндии⁵⁾. (Центральная инструкторская боевая школа функционировала в Петербурге уже с конца 1906 года⁶⁾).

1906 год закончился для Боевой группы вооруженным сопротивлением полиции, оказанным 31 декабря в подпольной патронной мастерской⁷⁾.

1907 ГОД

В конце августа 1906 года, учитывая «уроки московского восстания», Ленин писал: «Мы можем и должны воспользоваться усовершенствованием техники, научить рабочих отряды готовить массами бомбы, помочь им и нашим боевым дружинам запастись взрывчатыми веществами, запалами и автоматическими ружьями»⁸⁾. Таммерфорсская ноябрьская конференция изыскивала средства, чтобы лучше подготовить и вооружить боевой авангард пролетариата.

Изменившаяся политическая ситуация привела к необходимости для с.-д. большевиков от тактики бойкота первой думы перейти к активному участию в выборах во вторую, с целью использования ее как трибуны для пропаганды и агитации большевистской программы, тактики и выявления всей непригодности ее как средства осуществления задач пролетариата и крестьянства, призывая массы к борьбе за демократическую республику. Революционное движе-

⁴⁾ Ленин, т. XI, стр. 208—215.

⁵⁾ См. «Школа в Куоккала».

⁶⁾ См. «Воспоминания» Булле.

⁷⁾ См. «Воспоминания боевика».

⁸⁾ Ленин, т. X, стр. 53. «Уроки московского восстания».

ние захватывало все новые слои народных масс. Борьба продолжалась. В феврале 1907 года Ленин писал: «...Никаких преждевременных призывов к восстанию... Буря сама идет на нас. Не надо брать оружие. Надо готовить оружие, — и в прямом и переносном смысле слова». (Разрядка наша — С. П.)¹⁾.

Петербургская с.-д. организация большевиков не могла не «готовить оружия»: ее боевая организация в вопросах технической подготовки шла теми путями, которые были намечены Лениным. В марте 1907 года уже осуществилась идея школы-лаборатории, выдвинутая конференцией, но прошло каких-нибудь два месяца, и школа, в которую проникла провокация²⁾, рухнула, и все участники ее попали в лапы царских судей.

Члены боевой организации снова налаживают свою работу, провокация проникает всюду, аресты следуют один за другим, арестовываются десятками. Царская охранка и жандармерия пропускают через свое решето массу захваченных ею революционеров — одних предадут военным судам, других оставляют на воле для своих целей, все же выбывая их из революционного строя.

Кто же они, те, кто в подполье готовили оружие для борьбы с самодержавием? Считали ли они себя «заговорщиками», подвижниками-одиночками, обречшими себя на жертву революции? Нет! Это были все те же рабочие — авангард пролетариата, который шел на борьбу с капиталом, на борьбу с царским правительством, увлекая за собой массы, разжигая стачку в яркое пламя восстания, идя в открытый бой с самодержавием на улицах больших городов; это была та молодая интеллигенция первой русской революции, которая порвала с прошлым и становилась в ряды партии пролетариата.

Это они ковали оружие против ненавистного самодержавия, учились в подполье боевому делу, расплачиваясь за это годами каторжных тюрем и самой жизнью. Новая смена продолжает обсуждать вопросы боевой подготовки боевых выступлений, устраивать собрания, где снова караулит их царская охранка, где выдают их провокаторы.

Этим людям приходилось учиться в подполье теории и практике стрельбы, им надо было изучать программу и устав партии, писать «памятки боевиков», составлять боевые кру-

ки и делать многое другое. А попутно среди всей подпольной боевой работы надо было разрешать без компромиссов запросы своей личной молодой жизни¹⁾. Решается сложный вопрос — дело революции или семья? Многие и многие склоняются только к первому.

И все эти вопросы — и личные и те, которые выдвигала революция, — разрешались не в «заговорщических» тесных кружках, а в гуще массового движения, часто на своей фабрике, заводе, на студенческой скамье, и не избранными героями революции, а членами массовой партии пролетариата.

И вот иногда те из них, кто не закалил свой боевой дух, не прошел суровой школы партийной дисциплины, попадая в тиски военных судов, в лапы ловких жандармов, порою не выдерживали суровых испытаний и раскрывали царским судьям тайны конспиративной работы, губя своим поведением революционное дело.

Но эти печальные единичные случаи покрывались геройским поведением большинства привлеченных членов боевой организации 1906 и 1907 годов. Вот целая группа молодых латышей социал-демократов, с оружием в руках боровшихся в своем краю. Когда борьба стала в Латвии невозможной, они, преследуемые карательными отрядами, бегут в Петербург и становятся в ряды боевой организации. Имея уже за спиной смертные приговоры рижских судов (Карл Лодин), выдержав мужественно жестокие пытки рижского застенка, они идут снова в школу Куоккала учиться изготовлять оружие для борьбы с самодержавием.

Как твердо и решительно отказываются они давать показания русским жандармам, в то время как им грозит смертная казнь за убийство пограничного стражника (Остель-Кульпе, Лодин, Самейт). Еще юноши, но стойко и непоколебимо они ведут себя перед военными судьями. Спокойно и твердо русский рабочий Маслянников отказывается говорить что-либо жандармам; так же ведет себя рабочий Суворов, хотя психический недуг уже подтачивал его силы; таково поведение и рабочих Михайлова, Линде и др. Как героически держатся главные участники процесса школы в Куоккала Альфред Нейман, дважды судимый финским и русским военными судами, выгораживает своего молодого, пылкого това-

¹⁾ Вот член боевой организации пишет своему другу-товарищу: «Ты говоришь: я — революционерка, и появление ребенка заставляет или нарушить революционную деятельность, или не воспитывать младенца. Это верно...», (Дело спб. военно-окружного суда о мещанине Эле Бернштейне (И. И. Ионов, — С. П.), сыне подполковника Бориса Богоявленском и др. Ленинградское отделение Центрального исторического архива, т. I, № 282, 1908 г.).

¹⁾ Ленин, т. X. «Вторая дума, и вторая волна революции», стр. 371.

²⁾ «Борьба за свободную Россию». Вл. Бурцев. «Мои воспоминания», 1882—1924 гг., том. I, стр. 187—189, изд. «Гамаюн», Берлин, 1924 г.

рища Чесского, беря на себя всю ответственность за устройство лаборатории. Нейман отказывается давать показания русским жандармам. Другой участник процесса, Александр Чесский, несмотря на свои 22 года, не новичок в подпольной работе: он дважды принимался за устройство лаборатории взрывчатых веществ (первый раз в Москве). Все поведение Чесского на суде, где он держался с большим революционным мужеством, определялось его ролью — руководителя партийного дела, там же, где ему казалось, что он может отклонить удары, наносимые судьями его товарищам, Чесский стремился выгородить всех и брал обвинения на себя. «Я заявляю, — говорил Чесский на финском суде, — что все найденные документы принадлежат мне, что я действительно принимал активное участие в русской революции... Понятно, что я повсюду вносил некоторый революционный оттенок: привез в лабораторию бомбы и проч.»¹⁾ Так защищал он своих товарищей, и, хотя физический недуг сразил этого пламенного борца за дело революции, он до могилы оставался непоколебимым.

Неустрасимо ведут себя и те молодые с.-д. боевики, которые очутились на скамьях военных судов после ареста своих куоккальских товарищей²⁾.

Массовое революционное движение стало идти на убыль, десятками хватала и арестовывала охранка членов боевой организации. Вещественный материал для обвинения находят у них огромный, — об этом заботится сама же охранка, которая подбрасывает нелегальную литературу, бомбы, револьверы, записные книжки и т. п.³⁾ Все свидетельствовало о том, кто они, и все же жандармы на допросах от главных обвиняемых слышат лишь отказ давать показания.

Так же твердо держат себя боевики и члены военной организации на большом процессе, состоявшемся в сентябре 1908 года в Петербургском военно-окружном суде, среди привлеченных находятся руководитель «Временного бюро военных и боевых организаций» Ем. Ярославский, получивший каторжный приговор, и член Петербургской боевой органи-

¹⁾ «Новое время», 1 декабря, 1907 г.

²⁾ «...В ночь на 2 июня 1907 г. в Петербурге было задержано большинство участников боевой организации при (ПК РСДРП) той же партии, а в Лесном, под Петербургом, была арестована и центральная боевая дружина той же организации». Дело № 760, 1910 г.

³⁾ Провокатор Бродский подбросил в Лесном на собрании боевиков свои чемоданы с разной нелегальщиной.

зации И. И. Ионов, приговоренный к самой большой мере наказания — двенадцати годам каторги¹⁾.

Полные ненависти к самодержавию, полные сил и энергии к борьбе за дело рабочего класса уходили в каторжные тюрьмы молодые борцы первой русской революции.

В 1907 г. глубокое обострение экономической борьбы пролетариата, обострение экономической нужды порождает форму отдельных партизанских выступлений против непосредственных виновников экономического и политического гнета. Вопрос о высшей форме борьбы — вооруженном восстании — не стоит в том виде, как это было в начале 1905 года. На V съезде партии с порядка дня снимается вопрос «о подготовке к восстанию» и оставляется лишь вопрос об отношении к партизанским выступлениям. Большевики протестуют против такого частичного обсуждения и предлагают совсем снять его с порядка дня. Было принято предложение меньшевиков, поддержанное всеми делегациями, кроме большевиков. Отношение обеих фракций к этому вопросу было различное. В то время как большевики, учитывая причины формы борьбы народных масс, осуждали только «чисто анархические приемы борьбы», вносящие «деморализацию в ее собственные ряды», но в то же время считали, что «при условиях массовой революционной борьбы партизанские выступления могут быть совершаемы лишь по инициативе местных партийных комитетов, с разрешения областных центров и под их строжайшим контролем»²⁾ — меньшевики огульно осуждали эту форму борьбы и добивались роспуска боевых дружин.

На съезде прошла резолюция меньшевиков, в одном из пунктов которой говорится: «Партийные организации должны вести энергичную борьбу против партизанских выступлений и экспроприаций» и далее — «все специальные боевые дружины, имеющиеся при партийных организациях, должны быть распущены»³⁾.

Многочисленными арестами боевиков, разгромом военной организации, арестами большого собрания боевиков в Лесном первого июня 1907 года, преданием членов боевой и

¹⁾ Дело спб. военно-окружного суда о мещанине Эле Бернштейне, сыне подполковника Борисе Богоявленском и др.). Ленинградское отделение Центрального исторического архива, № 760, 1910 г. Из этого дела видно, что молодой Эля Бернштейн (И. И. Ионов) в свою записную книжку вносил вдохновлявшую их поэзию, записанную шифром. «...Ночи украдкой проводим бессонные, с злобой у горна, огнем озаренные, копья, ножи мы куем...»

²⁾ Ленин, т. XI, стр. 532—533.

³⁾ Протоколы «Пятого съезда РСДРП». Под ред. Ем. Ярославского, стр. 621. Изд. ИМЭЛ. 1933 г.

военной организаций военным судам и т. п. был нанесен значительный удар нашим боевым силам. Свертывание боевой работы в Петербургской с.-д. боевой организации произошло после того, как политические условия наступившей эпохи реакции сделали невозможной ее дальнейшую работу. Вопрос о том, как произошел роспуск оставшихся боевых дружин, прилагаемый материал не освещает. Ликвидацию же боевой технической группы ЦК поручил последнему ее организатору. Оставшееся на конспиративных складах оружие было собрано, тщательно уложено и запрятано в ожидании того момента, когда нужно будет снова браться за него. Это произошло уже к лету 1908 г.¹⁾ Отдельные члены боевой организации еще некоторое время выполняли те или иные поручения партии, которые связаны были с необходимостью действовать с оружием в руках²⁾. Наш краткий и беглый обзор за период с 1905 по 1907 г. далеко не исчерпывает фактической стороны подготовки к вооруженному восстанию петербургской организации большевиков.

Но прилагаемый материал до некоторой степени дает представление о темпе и напряженности работы в области новой в то время для партии деятельности. Обозревая помещаемые ниже воспоминания, останавливаемся на рассказе покойного С. И. Гусева, дающего характерный образец несерьезного подхода мелкобуржуазных партий в 1905 году к вопросам революционной борьбы. Воспоминания организатора боевой группы Н. Е. Буренина дают представления о том, как партийные организации меняли характер работы соответственно новым политическим требованиям момента и как по тем путям, по которым перевозилась партийная нелегальная литература, стали провозить оружие. Очерк работы организатора А. М. Игнатьева охватывает период развертывания массовой доставки оружия и взрывчатых веществ.

Воспоминания группы сестрорецких рабочих дают яркую картину активного участия рабочих в боевой подготовке, они дают также представление о количестве оружия, которое было заготовлено Боевой группой. Воспоминания Ландсберга дают описание повседневной планомерной работы, которую совершали члены Боевой группы. «Воспоминания боевика» говорят о том, как набивались патроны в конспиративной мастерской, с какой энергией и подъемом трое рабочих-революционеров боролись с целой сворой вооруженной полиции и как эта последняя в панике бежала от «страшного врага». Воспоминания С. Сулимова и И. Михайлова говорят о том, как готовились бомбы, с каким страшным рис-

ком для жизни производилась эта работа, как переносились взрывчатые вещества и т. д., — все поглощено этой работой, никаких колебаний, размышлений об опасности нет. Воспоминания Г. Салнынь и Ф. Булле охватывают период энергичной борьбы петербургской организации, когда она пополнилась новыми силами товарищей-латышей. В воспоминаниях Ф. Булле мы находим интересные данные о боевой организации, о ее составе, программе занятий боевиков. О том же приблизительно говорится и в «Воспоминаниях боевика». Формировалась эта боевая наука, видимо, так же стремительно, как стремителен был темп бурлящей революционной действительности, никаких особо сложных программ и многочисленных предметов не было, сообщались те знания, которые требовались для непосредственной борьбы¹⁾. Жадно прочитывалось и толковалось то, что появлялось на страницах партийной печати о теории борьбы. Среди преподавателей были специалисты военного дела. В «Воспоминаниях боевика» говорится о каком-то офицере, читавшем лекции дружинникам; о том, что читались такие лекции, говорят и другие документы²⁾. Воспоминания М. М. Литвинова, Б. С. Стомонякова и А. Шаповалова рисуют всю сложность добывания оружия за границей, переправы его в Россию для нужд революции. Рассказ А. Зарубкина о первых рабочих боевых дружинах и, наконец, воспоминания Г. Томашевского описывают моменты ликвидации «Боевой технической группы». Все остальные воспоминания дополняют историю боевой работы.

Но в этих воспоминаниях далеко еще не освещена работа всех ее многочисленных участков, нет еще материалов о деятельности руководителя группы покойного Сагрето, «Андрея Андреевича», который сначала энергичнейшим образом работал под руководством группы, а потом, осенью 1905 года, вошел в ее основное ядро. Этот пробел очень существен,

¹⁾ См. приложение «Программа школы в Куоккала».

²⁾ «С 1905 г. за Невской заставой стали организовываться боевые с.-д. дружины. Так как с.-д. дружины формируются для общего вооруженного восстания, то деятельность этих дружинников, если не считать момента борьбы с союзом русского народа, сводилась к слушанию лекций о приемах стрельбы из всякого огнестрельного оружия, об уличных боях, о постройке баррикад и т. д. Лекции читались в Корниловской школе и в поле, а практические занятия происходили в лесу близ церкви «Кинозия», тут стреляли из винтовок системы маузер, винчестер и казенного образца. Оружие доставлялось для дружин со станции Разлив, от рабочего Петра, проживавшего на этой станции по 3-й улице, в собственном доме. Практические же занятия с разрывными снарядами происходили у устья реки Ижоры, при чем на последних занятиях присутствовали дружинники 4 подрайонов, т. е. всего района». Ленинградское отделение Центрального исторического архива, Д.Д.П.О.О., № 514, 1908 г.

¹⁾ См. «Воспоминания» Г. Н. Томашевского.

²⁾ См. «Воспоминания боевика».

так как работа его захватывает период московского восстания и так как важно было бы выяснить во всей полноте роль группы как в деле снабжения Москвы оружием¹, так и тех попыток (правда, неудачных), которые были произведены в Петербурге в помощь восстанию. Нет еще данных о всей работе группы химиков, а также об их опытах с различными типами бомб, которые они стремились усовершенствовать²).

Но, обозревая весь помещаемый нами материал, далеко не полный и еще не вполне разработанный, можно сделать вывод, что в характере подготовки партии к вооруженному восстанию намечалось одно руководящее стремление: подготовить передовые кадры рабочих к борьбе; насытить революционную массу оружием, которого она так страстно жаждала, которое ей было так необходимо для низвержения ненавистного самодержавия.

После 9 января революционные рабочие Петербурга уже готовились к встрече с правительством только с оружием в руках. Ибо только, будучи вооруженным, привлекая на сторону революционного народа войска, пролетариат мог стать победителем в ожесточенной схватке с самодержавием.

И до некоторой степени под напором недовольства рабочих на медленную и незначительную доставку оружия у группы развивалась инициатива в способах его добывания, изготовления и распространения. Активнейшее участие революционного пролетариата Петербурга в этом движении давало возможность РСДРП (б) налаживать свои конспиративные склады оружия. Солдаты и рабочие, как муравьи, усердно растаскивали царские хранилища оружия, перенося их в свои революционные базы. Опыт подготовки к вооруженному восстанию в 1905 году дал возможность большевикам учесть все ошибки, недочеты и выработать действенный план на основе особенностей конкретной обстановки 1917 г. Осуществление этого плана до конца привело к победе пролетариата над самодержавием и буржуазией в октябре 1917 г.

¹) В записной шифрованной книжке Сагрето, отобранной при его аресте в апреле 1906 г. (записи как будто охватывают весь период его работы в группе, т.-е. с 1905 г.), можно предполагать, что пометка «Бездымный порох для Москвы» относилась к моменту отправки снарядов в Москву в 1905 г. Ленинградское отделение Центрального исторического архива, Д.Д.П.О.О., № 700, 1906 г.

А. Игнатьев, знавший хорошо все дела «Боевой технической группы», по поводу заметки Сагрето о бездымном порохе говорит, что бездымный порох, как и другие предметы, необходимые для дела вооружения, посылался в Москву до восстания и даже в то время, когда туда был уже направлен Семеновский полк.

²) По сведениям А. Игнатьева, химические работы производились в лаборатории Технологического института и в городской лаборатории на главном морском полигоне.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ РАБОТА ГРУППЫ

ПЕРЕГОВОРЫ С ОФИЦЕРАМИ-ГВАРДЕЙЦАМИ В 1905 Г.

Пасха в 1905 году была в конце апреля. За месяц до пасхи в Петербургский комитет было сообщено, что ЦК социал-революционеров хочет переговорить с нами по одному важному вопросу. ПК командировал меня.

Первое свидание было в квартире на Забалканском проспекте. Представитель эсеровского ЦК сообщил о том, что необходимо устроить представителям социал-демократов, эсеров и «освобожденцев» свидание с представителями гвардейской офицерской организации в целях подготовки к вооруженному восстанию. Свидание было назначено на Большом проспекте Петербургской стороны, в ресторане «Медведь», в 12 часов ночи. Вследствие какого-то грандиозного скандала «Медведь» оказался закрытым; я после хождения к эсерам обнаружил за собой усиленную слежку, от которой пришлось два часа гонять на извозчике, чтобы избавиться от нее. Свидание было перенесено на два дня позже, в ресторан «Контан». Представителем от организации гвардейских офицеров был, кажется, Мстиславский-Масловский, представителем эсеров, кажется, драматический писатель или художник Гейер.

Свидание происходило в отдельном кабинете, при чем в целях конспирации присутствовали дамы. Представитель эсеров привел очень красивую девицу великосветского типа. «Освобожденец» явился со своей женой. Представитель гвардейской организации был одет в штатское.

Представитель ЦК эсеров был совершенно белый — с белыми волосами, белой бородой, с вздернутым носом, — он весьма походил на крестьянина из Нижегородской губернии, но при этом он был в цилиндре, который так не шел к нему.

Представитель «освобожденцев» — коренастый, широкий, румяный, с окладистой широкой бородкой, помещичьего типа, и жена такого же типа — небольшого роста, коренастая, румяная. На отдельном столе были приготовлены закуски и

батарей бутылок. Кроме того, был приготовлен ужин, кофе с ликером, шампанское. В общем пришлось заплатить за все это 100 рублей (по 25 рублей на четыре организации), ужин стоил 85 рублей, 15 рублей на-чай (лакеям-татарам).

Ради конспирации Николая называли «женихом», а конституцию — «невестой». Сделано это было по предложению гвардейца.

Представитель ЦК эсеров очень быстро опьянел после нескольких рюмок и только бурчал: «Мы на все согласны». «Освобожденец» ничего не пил, ничего не ел и ни слова не проронил. Таким образом весь разговор происходил между представителем ПК и представителем гвардейской организации. Последний сообщил, что у них существует в противовес гвардейско-офицерской организации «лига белого орла» такая же «лига красного орла», и что цель этой последней заключается в том, чтобы свергнуть Николая и добиться конституции. В этих целях они решили войти в соглашение с революционными организациями. План гвардейской организации был таков: во время заутрени, под пасху, когда все войска выводят из казарм в церковь, без оружия, отряды из рабочих должны были напасть на казармы и захватить оружие. Другой план, на случай, если этот план не был бы принят, заключался в том, чтобы объявить в войсках питерского гарнизона, что Николай хочет дать конституцию, но что он захвачен в Гатчине в плен, и двинуть питерский гарнизон против гатчинских войск.

Представитель гвардейской организации поставил вопрос, сколько эсеры и социал-демократы могут выставить рабочих. Представитель ЦК эсеров сказал, что они могут выставить 10.000 рабочих, представитель социал-демократов заявил — несколько сот.

В дальнейшем произошел спор между представителем гвардейской организации и представителем ПК по вопросу о политических целях. Гвардейцы предлагали договориться на земском соборе, милостиво предоставляя социал-демократам в дальнейшем проводить свою собственную программу. Представитель ПК твердо стоял на Учредительном собрании. В конце концов ни до чего не договорились, а главное не достигнута была основная цель, ради которой был командирован представитель ПК, — разузнать у представителя гвардейской организации о возможности захватить оружие в арсеналах. От ответа на этот вопрос представитель гвардейской организации дипломатически уклонился. На вопрос о численности гвардейской организации представитель ее указал цифру 1.000.

Разошлись, назначив еще одно свидание через несколько дней. О первом свидании был сделан доклад ПК, — вывод докладчика заключался в том, что дальнейшие переговоры ни к чему повести не могут, кроме траты денег. Единственным конкретным результатом первого свидания была неконспиративно забытая в жилетном кармане зубочистка с надписью «Контан».

Однако ПК настаивал на втором свидании. Второе свидание произошло в том же ресторане, но уже без дам и без «освобожденца». Свидание было непродолжительным и ни к чему не привело. Розошлись, не договорившись, попрежнему, ни по одному пункту.

С. Гусев

ОРГАНИЗАЦИЯ «БОЕВОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ» 1901—1904 гг.

4 марта 1901 года в Петербурге, у Казанского собора, состоялась демонстрация против «Временных правил»¹⁾, введенных для петербургского студенчества.

«Временные правила» были введены правительством из боязни все растущего среди студенчества политического движения, и ими предусматривались всяческие кары, вплоть до отдачи студентов в солдаты.

Не состоя в каких-либо организациях, я все-таки пошел на эту демонстрацию, исключительно из любопытства; но, увидав жестокую расправу городских и казаков не только со студентами, но и с собравшейся посторонней многочисленной публикой, среди которой были дети и старики, я подошел к одному из распоряжавшихся начальников и передал ему мою визитную карточку, чтобы меня вызвали свидетелем при разборе столь вопиющего дела. Начальник этот, оказавшийся чем-то вроде пристава, конечно, заподозрил меня в сочувствии «бунтовщикам» и указал мне на группу лиц, окруженных полицейскими, ожидавших дальнейших распоряжений, сказав мне, что мои пожелания я могу удовлетворить в участке. Я присоединился к этой группе, и нас отвели в Казанскую часть, где продержали до вечера. Затем на ночь нас отвели в Конно-гвардейский манеж, а наутро, разбив на группы, отвезли в пересыльную тюрьму.

¹⁾ Во время всероссийской студенческой забастовки царским правительством были изданы «Временные правила» 29 июня 1899 г., угрожавшие участникам «беспорядков» отдачей в солдаты. «В. п.» впервые были применены в 1901 г. к студентам Киевского университета. — С. П.

В пересыльной тюрьме меня продержали две недели, причем допрашивал меня весьма известный следователь Статковский, старавшийся всеми способами установить мою виновность.

Так как передачи с воли в то время осматривались очень поверхностно, то мне удалось получить, под видом окорока ветчины, фотографический аппарат и снять несколько камер с заключенными студентами и товарищами по несчастью, а также несколько сцен на дворе.

Тем временем мои родные усиленно хлопотали о моем освобождении, и так как виновность моя не была установлена, то меня выпустили без всяких последствий.

Мои родственники, в большинстве представители крупной петербургской буржуазии, отказались принимать меня у себя. Бабушка же моя после первого моего визита к ней уверяла, будто «ясно видела», что я держал в руке в кармане револьвер, чтобы ее застрелить, и, конечно, тоже отказалась меня принимать. Такое настроение в то время было очень характерно среди определенного круга петербургского общества. Но, с другой стороны, среди петербургской интеллигенции, общественных деятелей, представителей художественного мира не было двух мнений об этих событиях. Возмущению жестокой расправой со студентами не было предела, и всякий живой свидетель ее был желанным гостем в каждом доме, где дебатировался этот вопрос. Отношение моих родственников глубоко возмутило меня, и я стал искать сочувствия среди своих знакомых. Первым из них был Дмитрий Васильевич Стасов, бывший тогда старшиной присяжных поверенных. У Стасовых я встретил самый горячий прием, меня без конца заставляли рассказывать о том, чему я был очевидцем, про тюрьму, и даже убедили записать и отпечатать на гектографе мои записки для нелегального распространения.

Дочь Д. В. Стасова Елена Дмитриевна быстро учла мое настроение, ознакомила меня с деятельностью РСДРП, предложив мне работать с нею. Вначале я, конечно, мог оказывать только небольшие услуги, но, освоившись с работой, я стал в свою очередь привлекать моих знакомых с целью предоставления адресов для всякого рода корреспонденции, явок, хранения и распределения литературы и т. п. Е. Д. Стасова ввела меня в техническую группу при ПК РСДРП, и я стал непосредственно получать директивы от секретаря ПК. Вскоре дело настолько расширилось, благодаря явившейся возможности получать нелегальную литературу большими партиями, что понадобилось для конспирации иметь семь квартир для явок — на каждый день недели по одной, не говоря

уже о специальных квартирах, связанных непосредственно с типографиями, где печатались листовки. Адресов этих квартир, так же, как адресов квартир-складов и квартир, где были типографии, никто, кроме меня и моего заместителя, не знал. Я их зашифровывал, передавая в архив на случай моего провала, и после первого осмотра квартир для выяснения их пригодности никогда в них не появлялся.

Общая схема была такова. Было несколько квартир, где находились типографии. По большей части хозяева этих квартир сами же и работали в них. Отпечатанные листки, они искусно прятали их на себе и, ничего не имея в руках, несли таким образом по определенному адресу, где уже были приготовлены материалы для типографии в виде бумаги, красок, шрифта и т. п. Принесший листки нагружался всем этим для дальнейшей работы. Хозяйка или хозяин передаточной квартиры таким же способом, отдельными партиями, относили все полученное по разным квартирам, и туда приходили только транспортеры, разносившие литературу по районным квартирам, куда в свою очередь приходили рабочие, чтобы взять их для дальнейшего распространения. Тексты для листовок получались непосредственно от меня, и для передачи их подыскивались самые благонадежные квартиры или же передавались они в местах, где трудно было установить какую-либо слежку, например, на выставке картин. Уславливались встретиться у какой-нибудь картины, которая привлекала внимание публики, и незаметно в толпе передавали текст.

Все адреса, так же, как и все, связанное с этим делом, никогда просто не записывались. Были установлены шифры, при чем нам, имевшим дело непосредственно с типографиями, складами и пр., приходилось вырабатывать свою систему шифрования; мы в этом настолько усовершенствовались, что писали шифром со скоростью обычного письма, применяя двойной шифр, т. е. мы переименовывали слова и названия по известной аналогии и шифровали уже переименованные слова. Если приходилось оставлять записки в квартирах, то обычно они писались так, что могли быть понятны только лицу, к которому относились. А. М. Игнатьев («Григорий Иванович») вспоминает, например, такой случай. К нему пришла «Лена» (Молчанова) и оставила записку следующего содержания: «Был тот, кто лает у ворот». Вспомнив поговорку: «Енот, что лает у ворот», Игнатьев стал думать, кто у нас может быть енотом и быстро догадался, что речь идет, несомненно, о Боброве, так как есть енотовые и бобровые воротники.

Со мной был, например, такой случай. Я должен был сообщить заведывавшей в то время партийным архивом Анне

Яковлевне Гуревич («Майя»), что переноска начиненных бомб из места, адрес которого провалился, прошла благополучно. Не застав ее дома, я оставил записку: «Свадебные мешки с конфетами переданы друзьям, и они очень довольны». В тот же вечер у А. Гуревич был обыск, она не пришла домой и очень волновалась, так как знала, что я должен был быть у нее. Записка попала в охранное отделение, и, как не имеющая значения, была возвращена через два месяца с прочими взятыми при обыске вещами.

Шифрованная страничка, взятая при моем вторичном аресте в июле 1907 г., была расшифрована только к октябрю, но по ней найден был только один адрес, и то благодаря случайности: в записи была не зашифрована примета «зеленая лампа», и такая запись была у кого-то из арестованных товарищей. За это время, конечно, всех удалось предупредить, и никто не пострадал.

Квартиры для явок, а в особенности для складов, типографий и пр., мы старались найти такие, которые отвечали бы требованиям конспирации. Для того, чтобы установить, не было ли слежки за нами, мы широко пользовались проходными дворами, специально изучали их по плану и старались найти квартиры со многими входами и выходами. От некоторых проходных дворов у нас были свои ключи. Бывали случаи, что, заметив за собой шпика и скрывшись через проходной двор, мы проверяли, избавились ли от него, и часто с удовольствием убеждались, что он терпеливо выжидает нового появления своей жертвы на том же месте.

Секретарь ПК знал мои явки на каждый день недели и направлял товарищей, имевших отношение к технике, как и многих приезжих из провинции, нуждавшихся в паспортах, ночевках и пр. Что касается складов, то этих адресов никто, кроме меня, не знал, при малейшем подозрении они менялись, хотя очень часто трудно было сразу разгрузить склад. Приходилось тогда и самому рисковать, и если некуда было сразу спрятать нелегальную литературу, надо было идти в склад, нагружаться самому до того, что трудно было дышать, и тащить ее на себе к какому-нибудь из своих знакомых, с расчетом спрятать столь ценные для нас книжки, листовки, газеты хотя бы на одну ночь. Я — музыкант, пианист, и мне нередко приходилось испытывать невероятные муки, когда, сидя за роялем и играя в таком бумажном панцире, я ждал, когда гости разойдутся и мне удастся переговорить с хозяевами о своем грузе. Но случалось, что приходилось уйти столь же нагруженным, каким и пришел. Бывали случаи, когда товарищам приходилось бродить по улицам це-

лую ночь, так как не удавалось найти квартиры, чтобы разгрузиться, а нести домой нелегальщину не рекомендовалось.

Вообще же надо констатировать, что до 1906 года мы пользовались самым широким содействием петербургской интеллигенции, даже крупной буржуазии и аристократии. Мы хранили нашу литературу даже в квартирах видных царских сановников, прокуроров, гвардейских офицеров, вплоть до дворцов великих князей, с ведома лиц, так или иначе причастных к этим квартирам.

До моего вступления в работу литература шла главным образом через западную границу, при помощи контрабандистов, и приходила в Петербург багажом «на предъявителя». Мы посылали посыльного, и он привозил корзину по данному ему адресу, откуда немедленно, до наступления ночи, весь транспорт разносился по разным складам.

Но на западной границе произошел ряд провалов, и надо было искать новых путей для получения литературы в большом количестве. Мне удалось организовать это дело через имение «Кириасалы», находившееся на границе Финляндии и принадлежавшее моей матери С. И. Бурениной.

Использование Финляндии для пересылки литературы относится к началу 1901 г., но еще летом 1900 г. В. М. Смирнов, окончивший курс в гельсингфорсской гимназии, установил там с этой целью некоторые связи. Перед 1 мая 1901 г. В. Смирнов снова был отправлен в Гельсингфорс с поручением напечатать первомайские прокламации, которые хотя и опоздали, но честно были присланы финнами.

Дело пересылки литературы было вначале организовано очень примитивно. Финнам давали 100 финских марок на проезд, и кто-нибудь из них отправлялся в Стокгольм, откуда на себе перевозил небольшие партии. Две партии пришли благополучно, третья провалилась. Вскоре шведский социал-демократ Брантинг отправил специального человека, металлиста Веделя, и он организовал транспорт литературы из Швеции в Финляндию в угле паровозов, маленькими пакетами, но так как эти пакеты посылались очень часто, то из них образовывались большие партии.

В Петербург перевозилась литература в паровозах. Финские эсдеки дали нам хорошую связь с железнодорожным рабочим Парриком. Ведель поселился на Аландских островах, чтобы находиться на пути следования транспорта литературы. Партия оказала ему материальную помощь для открытия маленькой слесарной мастерской. В конце-концов пришлось прекратить работу с Парриком, так как литература невероятно путалась, перемешиваясь с литературой

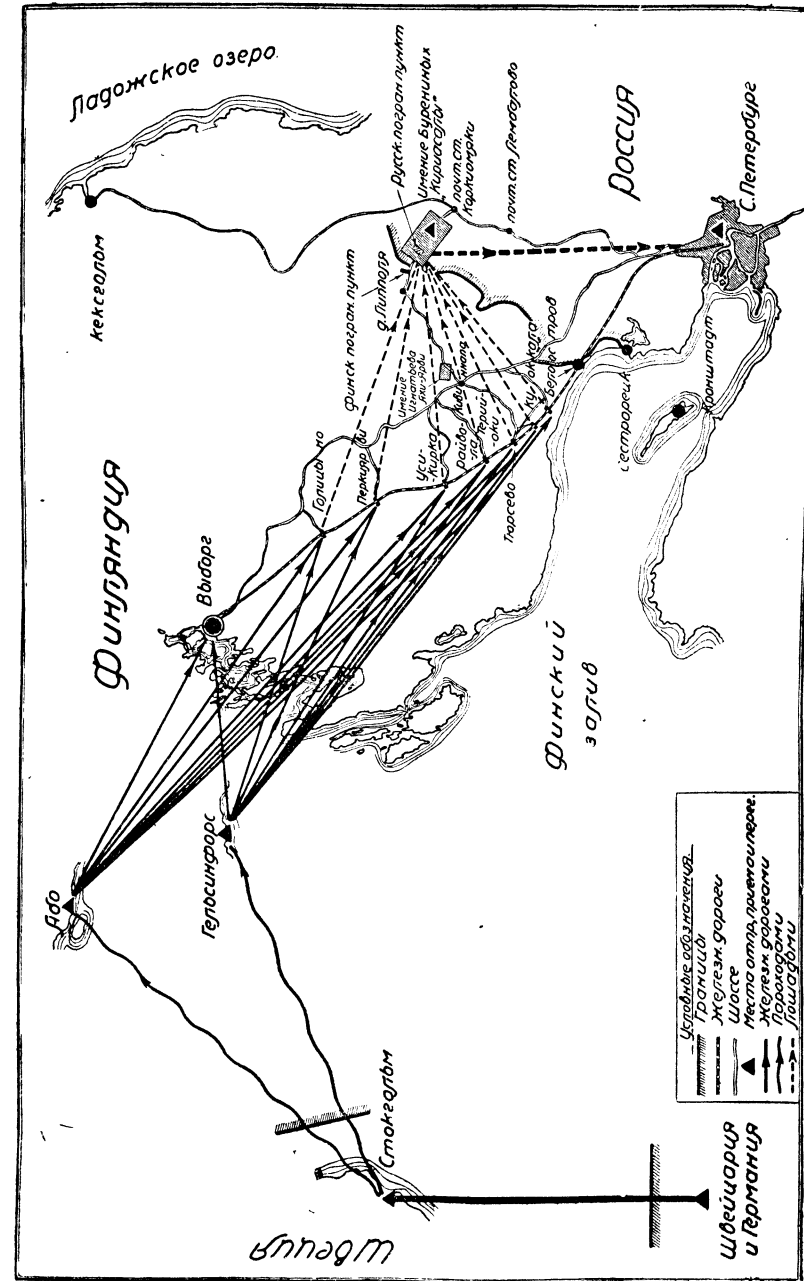
социалистов-революционеров, польской социалистической партии и Бунда.

В дальнейшем нам стал оказывать содействие финн Цилиакус, стоявший во главе «активистов», которого мы конспиративно называли «Карл Карлович»; он рекомендовал нам редактора газеты «Фриа урд» («Свободное слово») Невонуса (прозвали его «Находка»). Он и его сестра Дагмара оказывали нам крупные услуги.

Как раз к этому времени относится организация транспорта литературы через имение Кириасалы, так как другие возможности были почти исчерпаны, а литература скапливалась в транспортных пунктах, и ее надо было двигать дальше.

Имение С. И. Бурениной находилось приблизительно в 70 верстах от Петербурга по Кексгольмскому тракту, если ехать из России, и приблизительно в 40 верстах от Финляндской железной дороги, от станции Райвола, если ехать из Финляндии. Имение было расположено так, что в него можно было въехать со стороны Финляндии на лошадях, проехав до одной из финляндских станций из Петербурга по железной дороге. Ряд станций, расположенных по другую сторону границы, соединен был прекрасными проселочными дорогами с Выборгским трактом. Не менее важным обстоятельством было то, что между границами русской и финляндской находилась зона нейтральной земли, частью принадлежавшей финнам, частью — имению С. И. Бурениной. Русский же пограничный пункт со своей стражей и чиновником арендовал как землю, так и помещение у Бурениной, и, конечно, меня, как сына помещицы, и чиновник и солдаты прекрасно знали.

Вначале я с товарищами делали вид, что мы ездим на охоту, выезжая из имения с ружьями, часто с собаками, в охотничьих костюмах, по Финляндской железной дороге, на одну из станций, куда был отправлен груз. Из имения выезжал рабочий финн Микко Олыкайнен, на нашей лошади в санях без сидений. Один из товарищей привозил квитанцию из Финляндии и передавал нам. Мы делились на получающих и наблюдающих, которые в случае провала должны были предупредить всех, кто участвовал в этом деле, и немедленно уехать. Провал был один раз, но начальник станции финн, знаящий меня, предупредил об этом, и товарищи, получавший ящик, не взял его, а переотправил в Териоки, сам же незаметно скрылся. Шпики, следившие за ящиком, переехали из Райволс в Териоки и, по нашим сведениям, долго, зорко его охраняли; этот ящик нам пришлось потерять.

Путь следования транспорта оружия из-за границы в Россию 1905 — 1907 гг. (Чертеж Н. Е. Буренина).

После получения из багажа ящики ставились в сани, на которых выезжал Микко таким образом: один — вместо сидения, другой — вместо козел, покрывались коврами, забивались сеном, а в ногах у седоков были только ружья и небольшие чемоданы с личными вещами. При приближении к шлагбауму русской таможни дежурный солдат звонил, на его зов выходил досмотрщик, и на вопрос: «Кто едет?», достаточно было сказать: «Буренин», шлагбаум поднимался, и мы проезжали.

Но очень скоро произошел такой случай. Переменился досмотрщик, и новый хотел во что бы то ни стало осмотреть, что находится в санях. Только находчивость спасла дело. Я спросил, дома ли чиновник, и на утвердительный ответ повернул лошадь во двор к чиновнику, попросив его дать солдата, чтобы на время моего визита ничего из саней не пропало. К саням, где были скрыты ящики, был приставлен солдат с ружьем, который и охранял их. Жутко было сидеть за ужином у чиновника, беседовать с его женой и дочерью и прислушиваться к каждому звуку на дворе, который, казалось, происходит от вскрывания ящиков.

После гостеприимного ужина мы благополучно выехали по другую сторону шлагбаума. В дальнейшем пришлось придумывать новые комбинации, чтобы обезопасить груз. Я предложил устраивать чтения с волшебным фонарем в окрестных школах. Моя мать была попечительницей воспитательного дома в Гарболовском округе, где находилось имение, и мысль моя была встречена с большим сочувствием. Из Соляного городка, где находился музей наглядных пособий, был получен волшебный фонарь и на него взята была официальная бумага с печатями, что ящик с фонарями не может быть вскрываем ввиду возможной порчи фонаря. Фонарь, конечно, был благополучно доставлен по Кексгольмскому тракту, со стороны России, и оставался все время в имении, а бумага на него долгое время сопровождала ящики с партийной литературой, которые возились приблизительно 3—4 раза в месяц.

Транспорт из имения Бурениной в Петербург было тоже не так просто организовать.

Ехали на перекладных, и ящики, перекладывая чемоданы с литературой из одних саней в другие, удивлялись тяжести их. Вначале нами был пущен слух, будто Буренин перевозит свою библиотеку в Петербург, но скоро стали удивляться ее размерам, и почему ее надо возить в чемоданах. Тогда пришлось отказаться от личной перевозки и остановиться на перевозке «картофеля» подводами.

Опять-таки делал это Микко Олыкайнен. Но как получить весь этот груз в Петербурге, чтобы дворник дома ничего не заподозрил? Как унести зараз, по меньшей мере, целый воз из квартиры, чтобы строго выдержать принцип: «В эту же ночь, квартира должна быть чистой»? И здесь помогли чтения и репетиции к ним.

В деревне Волкове, около Петербурга, я устраивал воскресные чтения, и об этом дома знали, так как дворник часто посылался в школу с пюпитрами и инструментами для музыкантов. Эти воскресные чтения необычайно расширились: на репетициях читали пьесы с большим количеством участвующих, и у меня дома стали происходить считки. В гостиной раскладывался огромный стол, торжественно покрывался зеленым сукном, раскладывались книги, собиралось 10—15 человек, главным образом студентов и курсисток, для считки, на радость С. И. Бурениной и ее гостей, которые ничего не подозревали. В мою же комнату выходили покурить или побеседовать не занятые ролями, там быстро раздевались и обвертывались литературой, часто так толстая, что еле двигались, но в руках никогда ничего не выносили. Это категорически запрещалось.

Переноске много помогали музыканты, которые уносили литературу в футлярах из-под виолончелей и скрипок. Некоторые из них, вдохновленные этой работой, и дальше продолжали помогать, предоставляя нам и свои квартиры. Многие из товарищей помнят, наверно, скрипача Ивана Александровича Ставровского, который жил на Забалканском проспекте.

Бывали трагикомические случаи. В Выборге была своя база в лице Лидии Христофоровны Гоби («Ирина»). Ею была снята дача, в адрес которой она получала нелегальную литературу, а оттуда отправляла в Петербург. Когда однажды стал угрожать провал, «Ирине» пришлось вывезти литературу и топить ее в море. Это было очень трудно: одна, на утлой лодченке, она не могла справиться с ветром и волнами и чуть не утонула.

В дачной местности под Выборгом Сауна Лахт образовалась целая колония помогавших нам дачников. Но этого было все-таки мало, надо было искать связей с самими финнами, и мне пришлось ехать в Гельсингфорс к первоисточнику.

Через В. Смирнова я начал знакомиться с финнами, и нам удалось, доказав им, что у нас имеется уже налаженное дело транспорта, добиться их доверия, содействия и помощи. В Петербурге через В. Смирнова я познакомился со служащим Финляндской жел. дор. Отто Мальм (мы дали ему клич-

ку «Серебряков»), и для конспирации я стал брать у него уроки финского языка. Он оказался очень энергичным и ловким человеком, с большой инициативой, — помимо оказываемых услуг нашей организации, он дал нам много связей по линии Финляндской жел. дор. и даже на почтовых станциях. Особенно помог нам в то время Герман Видель («Германсон»), бывший сначала служащим на вокзале Финляндской железной дороги в Петербурге, а затем начальником одной из станций в Финляндии.

Нельзя не упомянуть о матери В. Смирнова, деятельно помогавшей нам. Финка по происхождению, уже пожилая женщина, она часто выручала нас, говоря при этом: «Не делом вы занимаетесь». Она усердно занималась вязаньем, никогда с ним не расставаясь. Только впоследствии мы узнали, что в клубке у нее хранились наши адреса-связи. Был однажды такой случай: она пошла к финскому рабочему Паррику за литературой, на заводе же, где он служил, была забастовка, и вблизи квартиры Паррика весь квартал был оцеплен казаками и жандармами. Это ее несколько не смутило, наоборот, она решила унести все, что можно. С тяжелыми пакетами в руках она подошла к городовому и спросила его, как ей пройти на такую-то улицу. Так и ушла она благополучно от полиции.

Боясь, что узнают почерк ее сына В. М. Смирнова, она не позволяла ему писать ни одного химического письма и все такие письма писала сама.

Вскоре Смирнов был приглашен лектором гельсингфорского университета и работал в гельсингфорсской университетской русской библиотеке. Я в свою очередь стал часто наезжать в Гельсингфорс и подружился с финнами из самых разнообразных кругов. Связи наши установились среди социал-демократов рабочих и интеллигенции, «активистов» (контингент последних состоял преимущественно из буржуазии и учащейся молодежи), художников всех категорий и даже полицейских. Наконец, удалось установить связь с крупным чиновником из финской полиции, через которого проходили дела нашей охраны. Связь эта дала нам возможность заранее знать, откуда идет опасность и какого она рода. Этот человек во время предупреждал нас и спас жизнь многим из наших товарищей.

К этому времени относится знакомство мое и привлечение к работе финна Вальтера Ивановича Шеберга, оказавшего нам с самого первого дня знакомства неоценимые услуги.

Когда наступил 1905 г. и мы были привлечены к новой работе, почва для нее была уже подготовлена, — оставалось только воспользоваться тем, что было уже сделано. Сохра-

няя все формы нашей работы, мы начали приспособлять ее для новой цели — подготовки к вооруженному восстанию. Склады литературы стали складами оружия, а впоследствии и бомб, — вместо типографий стали организовываться мастерские оболочек для бомб и т. п. Вместо кражи прифрита рабочие стали красть патроны, оружие и необходимые материалы для бомб.

В январе 1905 г., по распоряжению ПК, организована была «Боевая техническая группа», с целью ввоза огнестрельного оружия в Россию, организации приемки какового, хранения и распространения его. Как только «Боевая техническая группа», приступила к выполнению своей задачи, выяснилось, что удовлетворить все возрастающие требования рабочих всех районов в этой области невозможно, так как поступление оружия из-за границы было крайне скудно, организация всего дела — чрезвычайно трудна, особенно ввиду его новизны. Получение оружия в самом Петербурге тоже не налаживалось и приходилось искать иных способов вооружения. Тогда-то и возник вопрос об изготовлении бомб.

На одной из явок у профессора Технологического института Явейна поднят был вопрос об объединении «Боевой технической группы» с химической группой — была установлена связь между ними, и в задачи технической группы вошло также транспортирование и хранение оболочек, бикфордовых шнуров и всевозможных взрывчатых веществ, т.-е. всего необходимого для изготовления бомб, хранения и распространения таковых уже в готовом виде.

Вышеупомянутые материалы и готовые бомбы хранились в местах, большей частью совершенно для этого не приспособленных, что было связано нередко с огромным риском не только для квартирохозяев, но и для целых домов.

Бывали случаи, когда полиция открывала отдельные мастерские, как например, так ярко описанный в «Воспоминаниях боевика» провал мастерской на Охте. Товарищи, работавшие в таких мастерских или на складах, несли всю тяжесть провала на своих плечах, и многие из них погибли геройской смертью.

На общем деле эти провалы не отражались. Товарищи не знали имен и адресов тех, кто принимал от них изготовленные бомбы, патроны и материалы, куда их сносили, как не знали и того, кто и откуда доставлял им все необходимое для их работы. При малейшем подозрении приходилось переносить мастерскую в другое место, сохраняя, однако, раз навсегда установленные принципы работы, от которых руководители группы не отступали.

Новые предметы, входившие в обиход боевой техники, требовали выработки новых приемов конспирации. Например, для переноски динамита были изобретены особые пояса; для ношения револьверов и капсюль с гремучей ртутью надевались своего рода жилеты; для ношения неудобных винтовок выработался своеобразный прием: отделив ложе от стволов, привешивали их за мушки веревкой вокруг шеи. При чем некоторые курсистки дошли до такой виртуозности, что могли надеть на себя 8 винтовок зараз.

Увеличился и риск, связанный с неудобством нового предмета для транспорта. Например, надетая винтовка не позволяла согнуться, и Афанасия Леонидовна Шмидт («Фаня Толстая») рассказывает такой случай. Надо было спасти склад. Ружья находились в матрацах двух студентов. Она пришла с Студентским («Молекула»), и они благополучно обвязались винтовками и вышли вместе. Вдруг «Молекула», шедший сзади Фани, заметил, что из-под ее юбки тянется веревка. Фаня была шикарно одета, и веревка портила все дело. Что делать? Нагнуться ни тот ни другой не могут, — улица полна народа... Блестящая мысль осенила Фаню и «Молекулу». В то время ходили конки с империялами (со скамейками на крыше), и вот Фаня стали подниматься вверх, а «Молекула», поднимаясь за нею по лесенке, подвязал катастрофическую веревочку.

Находчивости товарищей не было предела, и часто на наших явках рассказывались совершенно фантастические случаи, спасавшие положение.

Любопытный способ хранения оружия, документов и прочего придумала Фаня, и хочется рассказать о забавном случае прогулки нашего револьвера на выставку под названием «Der Mensch» в Дрезден в 1911 году.

Фаня работала в Городском мясном патологическом музее при бойне, организованном магистром ветеринарных наук Михаилом Александровичем Игнатьевым, отцом А. М. Игнатьева, «Григория Ивановича», работавшего в Боевой группе¹⁾. Она делала модели мяса больных и здоровых животных и птиц, а также тех продуктов, которые изготовлялись из них. Модели были сделаны из особого материала, изобретенного Фаней, притом так искусно, что их невозможно было отличить от настоящих. В Дрездене на выставке Фаня получила за них почетный диплом, а на выставке в Петербурге большую золотую медаль. Некоторыми из своих моделей Фаня пользовалась. Она очень ловко прятала документы и

¹⁾ Игнатьев устроил А. Л. Шмидт и И. И. Березина на работу к своему отцу.

Вверху: А. М. Горький в костюме охотника в целях конспирации. Внизу: жандармский осмотр паровоза на границе Финляндии (ст. Белоостров) в 1906 г. в поисках нелегально провозимого оружия.

оружие в свои муляжи, заливая их в особом гнезде в общую массу, так что не было никаких внешних признаков их наличия. Однажды ей принесли револьвер, необходимо было его спрятать особенно тщательно. Револьвер был заделан в окорок ветчины, художественно надрезанный, и спокойно хранился в музее.

Когда решался вопрос об отправке на выставку в Дрезден экспонатов, М. А. Игнатъев, ничего не знавший о револьвере, взяв в руки окорок, пришел в совершенный восторг: «Ведь и по весу он совершенно верен, дайте-ка весы!» Весы подали и оказалось точь-в-точь.

Фаня страшно смутилась, пыталась доказать, что окорок еще не доделан, что надо его исправить.

И. И. Березин, «Илья» по кличке в Боевой группе, которому поручено было отвезти экспонаты на выставку, не посвященный в тайну Фани, был, что называется, парень не ту-мак. Боясь, что, переделывая, Фаня окорок только испортит и он лишится прекрасной модели, пользуясь ее отсутствием, запаковал окорок в ящик, заштемпелевал и отправил, так что, когда Фаня вернулась, окорока и след простыл.

Фаня была очень встревожена, все же выдержала характер и, надеясь на русское «авось», ждала возвращения экспонатов.

Успокоилась она только тогда, когда нетронутый окорок, содействовавший ее прославлению, был водворен на свое место в музее. Еще несколько лет он там и оставался и только после революции Фаня решила его вскрыть ¹⁾.

Заведующему группой абсолютно запрещалось подвергаться риску, так как в его руках были все связи. Но при существовавших условиях работы трудно было избежать случайностей. Со мной был такой случай. Из Риги на одну из явочных квартир привезли корзиночку с тремя бомбами. Квартира была под сомнением, и хозяин, зубной врач, требовал немедленного очищения ее. Свободных товарищей не нашлось, и мне пришлось со всякими предосторожностями самому взять корзиночку к себе домой. Чтобы решить скорей вопрос, что делать с этими бомбами,—к слову сказать, очень подозрительными, так как внутри них при поворотах что-то дребезжало,—я забрал одну из них и в енотовой отцовской шубе на лихаче поехал в военно-морскую техническую лабораторию, где работали «Альфа» и «Омега».

Мой лихач и шуба, как и следовало ожидать, произвели впечатление на дежуривших солдат, и меня с почетом прове-

¹⁾ В настоящее время он передан в Ленинградский государственный Музей революции.

ли в приемную. Выбрав удобный момент, я извлек бомбу из кармана и показал нашим химикам. Надо было видеть их ужас и возмущение при виде бомбы такого любительского изготовления. Они даже заявили, что будут требовать моей отставки, а бомбы приказали немедленно уничтожить. Хорошо сказать: немедленно.

В то время, будучи музыкантом, я часто выступал в концертах, и в этот вечер должен был аккомпанировать кому-то из больших артистов. К вечеру ко мне должны были притти трое и унести злосчастные бомбы, но пришло только двое, и одна бомба осталась. Что делать с третьей? Я не смел оставить ее у себя. И вот, во фраке, в лакированных башмаках, в енотовой шубе, но с бомбой в кармане я вышел за полчаса до начала концерта и с отчаянием оглядывался по Рузовской улице, куда бы я мог деть бомбу. Счастливая мысль подсказала мне потопить ее в Обводном канале. На канале было очень темно, была ранняя весна, и кто знает берега Обводного канала, его скользкие откосы, тот поймет мое затруднение. Я стал спускаться и, конечно, мгновенно на полах своей шубы поехал вниз, поднимая вверх бомбу, боясь, главным образом, толчка. Я думал, что уже все кончено, и в самом лучшем случае я слечу в воду, но какой-то предмет задержал меня, и я остановился. Тогда я стал топить бомбу, что оказалось страшно трудно, так как она все время всплывала. Опять-таки случай мне помог, я подсунул ее под каое-то бревно под водой и стал выбираться на четвереньках, все время соскальзывая вниз. Выбравшись и подойдя к фонарю, я увидел, на что я был похож, и мне пришлось к кому-то заходить, объяснив свой злосчастный вид неудачным падением и, конечно, основательно опоздать на концерт.

Случаи с негодными или прямо опасными бомбами стали все чаще повторяться, и нам даны были задания: поставить свои мастерские и найти лучшие типы бомб. Вначале мы могли подойти к этому вопросу только любительски, и я отлично помню, как мы приглядывались ко всем предметам, которые можно было бы начинить взрывчатым веществом. Коробки от сардин, коробки от монпансье и отрезки газовых труб привлекали наше внимание. Лучшее всего, конечно, могут рассказать об этом работавшие с нами химики, дело же наше, как организаторов «Боевой технической группы», было изыскивать всякие возможности и ставить дело возможно шире.

Работа по изготовлению бомб разбивалась на несколько частей: в одном месте делались оболочки, в другом они начинались. Одной из первых была налажена мастерская оболочек у рабочего Шмидта в Коломягах (за Новой Деревней).

Перенос частей и их хранение требовала массы людей и квартир. Организация квартир требовала особой конспирации. Примером может служить мастерская на Охте, функционировавшая в 1906 г. и описанная Сулимовым.

Необходимо было поставить опыты взрыва бомб, и для этой цели, между другими пробами, было использовано имя Ахиярви А. М. Игнатьева («Григория Ивановича»), куда специально ездили работавшие в «Химической группе».

Для изучения вопроса об изготовлении бомб был послан в феврале 1905 г. в Македонию наш химик, покойный Скозаревский, по кличке «Омега». Ему удалось установить связь с македонцами через Тюфекчиева, с которым впоследствии и мне пришлось познакомиться. Скозаревский привез чертежи типа македонской чугунной бомбы, которая и была нами принята.

Связь с Финляндией помогла получить из-за границы капсули с гремучей ртутью и бикфордовы шнуры¹⁾. Переправлялись эти материалы исключительно на себе, при чем для капсули с гремучей ртутью были сшиты жилеты с гнездами для каждой капсули. Несколько раз за этим транспортом ездила «Наташа» (Федосья Ильинична Драбкина), при чем для конспирации она брала свою маленькую девочку Лизу, трех — четырех лет.

Нагружалась она в квартире финна Вальтера Ивановича Шеберга и от него уезжала на поезд, где для нее уже было приготовлено купе 1 класса. Однажды ее провожал, тоже для конспирации, мой знакомый финский магистр с роско-

¹⁾ В. Северцев описывает организацию этой доставки в 1905 г. следующим образом: «Н. Е. Буренин поручил мне вести делом закупки и доставки взрывчатых веществ. Было решено запалы закупать во Франции, что нам сделал болгарин, зидный участник македонского движения Тюфекчиев. Через него мы закупили 5000 трехгранных (очень сильных) запалов гремучей ртути и несколько кругов бикфордова шнура. Капсули были с государственного завода. Вся отправка заняла месяца три—четыре, и не провалилось ни одного транспорта, не пропало ни одной капсули. Перевозка в Россию была сопряжена с большим риском».

Запалы представляли собою тонкие медные патроны, из которых треть была заполнена гремучей ртутью и две трети оставались для вкладывания бикфордова шнура. Возили их на себе в особых самодельных лифчиках-патронташах, куда входило три ряда запалов по пятьдесят штук — триста капсуль. Еще труднее было с бикфордовым шнуром. Резать его было нельзя, так как могла являться необходимость и в длинном куске, а потому мы его просто наматывали на ноги, и человек превращался в хорошо снаряженную бомбу, которая могла взорваться просто при сильном ударе по патронташу. Ехать было очень трудно, и всю дорогу от Парижа до Петербурга надо было не спать и сидеть, не прикасаясь к спинке, из опасения толчков, которые могли привести к взрыву». — С. П.

шным букетом цветов, ничего не подозревавший, я же наблюдал издали и видел, как рядом в купе сел жандармский полковник. Мы думали, что «Наташа» провалилась, и приняли все меры, чтобы очистить квартиру и замести следы, но все обошлось благополучно, — жандарм оказался в вагоне случайно.

Был со мной такой случай. В октябрьские дни 1905 г. мне лично пришлось доставить бомбу в квартиру на Торговой улице ¹⁾ в доме профессора Лесгафта, где жили члены совета рабочих депутатов, предназначавшуюся для взрыва распределительной доски на Главном почтамте. Было около часа ночи и на улице почти никого не было. Квартира находилась в первом этаже, и я заметил, что все условные знаки были выполнены. Войдя через двор в квартиру, я передал товарищам опасный предмет, но оказалось, что бикфордов шнур, посредством которого должно было произойти зажигание, слишком короток. До условленного часа, когда бомба должна была быть на месте, оставалось часа четыре. Дойдя до Мариинского театра, я увидел лихача, которым немедленно же завладел. На несчастье он был на приметной белой лошади, но делать было нечего. Попасть ночью в склады, где у нас хранились взрывчатые вещества, не представлялось возможности, и, хотя это было против всякой конспирации, я полетел прямо на квартиру нашего химика «Омега» (Скосаревский), представляясь экстренно вызванным к больному врачом. Видная лошадь, шикарный лихач оказались к стати, произвели впечатление на дворника. Он помог мне выйти из экипажа и открыл парадную дверь. «Омегу» я перепугал невероятно. Прежде, чем он открыл дверь, пришлось несколько раз звонить, ясно слышалось движение за дверью, очевидно, он что-нибудь припрятывал, и только после переговоров дверь приоткрылась на цепочке, и на меня направился свет электрического фонарика. Убедившись, что я один, «Омега» меня впустил и к счастью мог мне передать несколько метров бикфордова шнура. Благополучно вернувшись к Мариинскому театру, я отпустил лихача и, убедившись, что за мной нет слежки, вышел на Торговую улицу.

Подойдя к дому, я увидел, что у ворот стоял городской. Однако форточка в окне была приотворена — знак, что внутри все благополучно, и другие условные знаки были на месте, следовательно надо было действовать. Я стал следить за городским и, воспользовавшись моментом, когда он вошел в ворота, успел передать через форточку шнур и благополучно скрыться.

¹⁾ Улица Печатников.

Что касается приобретения и перевозки огнестрельного оружия, то хотя мы делали все от нас зависящее, чтобы найти больше возможностей достать его, но значительных результатов не достигли. Пересылалось оно очень небольшими количествами и было самого разнообразного типа. Вскоре явилась настоятельная необходимость его экспертизы, до того как оно должно было передаваться в районы. Таким экспертом явился В. А. Крит, бывший в то время капитаном саперных войск и воспитателем Николаевского инженерного училища. Со всякими предосторожностями, чтобы не провалить важного для нас человека, мы отправляли к нему оружие, и он давал нам заключение. Но так как на его квартире происходили также всякого рода конспиративные собрания, то он не избег в конце-концов обыска. Во время обыска Крит вышел к полицейским в военном сюртуке, со всеми орденами, и когда после ухода полиции домашние спросили его, зачем он это сделал, он с невозможным хладнокровием стал выгружать из всех карманов и даже из голенищ сапог наши револьверы и боевые припасы.

На явках все чаще и чаще стали появляться товарищи из провинции, предлагавшие приобрести партию оружия; по проверке же вместо целых партий оказывалось в лучшем случае несколько штук. Чаще всего были револьверы системы Нагана и Смита, и Вессона, Маузера, винтовки Манлихера и др.; к браунингам приделывалось особое ложе, наподобие маузеров.

Завязывались связи с Кавказом, с дашнакцутюн ¹⁾, с латышами, с уральцами.

Чрезвычайно ценной для нас была наша партийная явка в Гельсингфорсе, на Генриховской улице, дом 6, в винном магазине Вальтера Ивановича Шеберг со знаменитой огромной зеленой бутылкой, висевшей на кронштейне в виде рекламы при входе и служившей прекрасной приметой для приходивших. Неоднократно магазин попадал под подозрение, но ловкий Шеберг всегда ухитрялся изворачиваться.

Однажды преследуемый шпионами приехал Ю. А. Грожан. К счастью в магазине был сам Шеберг. Не успели они и двух слов сказать, как вошел полицейский, и Грожан еле-

¹⁾ Армянская национальная партия, образовалась в 1892—1893 гг. с целью культурно-просветительной деятельности в Турецкой Армении. В конце 90-х годов дашнакцутюн организует отпор царским репрессиям на Кавказе. В 1905 г. дашнакцутюн под влиянием революционного движения в России формирует свое отношение к полит. вопросам, которое оказывается близким к идеологии народнических партий. — которое оказывается близким к идеологии народнических партий. — С. П.

еле успел спрятаться за занавеску. Шеберг, стоя по середине магазина, видел с одной стороны занавески его, а с другой — полицейского. Воспользовавшись удобным моментом, Шеберг одной рукой показал Грожану на бороду и усы, а другой на заднюю дверь магазина — рядом была парикмахерская. Грожан, быстро сообразив, что надо сделать, выскочил из двери, с заднего входа вошел в парикмахерскую, сбрил усы и бороду и спокойно вышел на улицу с изменившейся физиономией. Полицейские, осмотрев магазин и убедившись, что в нем никого нет, ушли, потеряв след Грожана.

Вальтер Шеберг оказал партии большую услугу во время организации III партийного съезда, получив через финскую пароходную кампанию целый пассажирский пароход для перевозки делегатов. После свеаборгского восстания он спас большое количество матросов, доставлял им одежду, отправлял их за границу и даже в Россию, с чужими паспортами. Через его руки прошло свыше тысячи наших товарищей. Через него были установлены связи с финской полицией и охранкой и от него мы узнавали об ожидающей нас опасности.

Когда Леонид Борисович Красин выбрался из Выборгской тюрьмы¹⁾, первое место, куда он явился, был винный магазин Вальтера Шеберга.

Конечно, он знал и раньше о существовании «зеленой бутылки», но пользоваться этой явкой, ему не было надобности, так как приезжал он в Финляндию по делам боевой группы в исключительных случаях, и его приезд обставлялся особо конспиративными условиями, но тут раздумывать ему не приходилось, и он, вспомнив о «зеленой бутылке», немедленно обратился к В. И. Шебергу за содействием.

Леонид Борисович Красин всегда напряженно следил за всей нашей работой. Несмотря на поездку «Омеги» в Македонию, давшую благоприятные результаты, Леонид Борисович, воспользовавшись привезенными связями, поручил мне поехать в Софию и затем в Париж для закупки запалов с гремучей ртутью, бикфордова шнура и организовать транспорт их в Россию. Он вместе со мной виделся с влиятельным членом конституционной партии в Финляндии доктором Тёрнгреном и с одним из лидеров активистов известным адвокатом Гуммерусом. Оба свиданья дали блестящие результаты. Красин завоевал их симпатию, и они во всем пошли нам навстречу. Транспорт налажился. В шхерах нашими химиками были поставлены опыты со взрывами бомб.

Когда выяснилось, что кем-то закуплена большая партия оружия и Гапон принимает в этом какое-то участие, при-

нять же оружия не могут и предлагают это сделать нам Леонид Борисович немедленно отправил меня в Женеву к Владимиру Ильичу для знакомства с Гапоном и выяснения возможности получения этого транспорта для нас.

Помню, Владимир Ильич, весьма скептически относившийся к Гапону, не поверил его рассказам. В одном из кабаков в Женеве, где мы втроем мирно распивали пиво, было решено, что я должен ехать вместе с Гапоном в Лондон, где он мне передаст все свои связи по этому делу.

В Лондон я ехал с Гапоном на одном пароходе, но мы делали вид, что не знакомы друг с другом. Приехав в Лондон, мы остановились в разных гостиницах. На другой день при весьма конспиративной обстановке (насколько помню, в квартире Чайковского, впоследствии я узнал его в Нью-Йорке) было выяснено, что пароход нагружен, и должен идти к берегам Финляндии, но что принять его там некому. Гапон сердился, что я не давал ему ни одного адреса и не называл своего настоящего имени. Пароход «Джон Графтон», был тот самый, который взорвался в шхерах в Ботническом заливе.

По возвращении в Россию я рассказал о своих впечатлениях Леониду Борисовичу, и о том, что к нам обращаются в последнюю минуту, чтобы спасти положение, и что все это пахнет какой-то авантюрой и что Гапон, повидимому, сам запутался с этим делом.

Леонид Борисович хотел точно выяснить все дело и роль Гапона. Так как Гапон очень боялся Алексея Максимовича Горького, то было решено устроить их свидание в присутствии Л. Б. Красина и П. П. Румянцева. Леонид Борисович поручил мне организовать это свидание, несмотря на все трудности увоза Горького из Куоккала, где он жил и находился под наблюдением русской охранки. С другой стороны, не менее трудно было организовать поездку самого Красина и П. П. Румянцева сквозь окружения русских и финских шпииков. Поручив Красина и Румянцева товарищам, я взялся за трудную задачу вывезти Горького и установить ряд этапных пунктов, где Алексей Максимович должен был «профильтроваться» и уже «чистым» быть сданным мне ночью на одной из маленьких станций по Финляндской железной дороге. Помогали мне в этом деле Владимир Ефимович Лансберг, Я. М. Шефтель и семья Биндшток, все жившие в дачной местности Сауна-Лахти под Выборгом. Я достал костюм охотника, тирольскую шляпу и ружье для Горького, а они, кажется, нашли охотничью собаку. Все было подготовлено очень хитро: вывезли Алексея Максимовича сначала из Куоккала, «профильтровали» его через ряд своих дач, и ночью на лошадях доставили на железнодорожную станцию, где я уже

¹⁾ См. описание А. М. Игнатьева в сборн. «Л. Б. Красин».

ждал его, конечно, в соответствующем маскарадном охотничьем костюме. Курьерский поезд, останавливавшийся только на больших станциях, с приготовленным для нас купе был специально остановлен начальником станции для нас. Помню маленькую деталь, приведшую меня в дикий ужас: когда наш вагон пролетел мимо нас, и мы бежали догонять, Алексей Максимович споткнулся обо что-то и упал почти под колеса шедшего поезда.

Не доезжая до Гельсингфорса, мы вышли из поезда и пока все пассажиры еще спали, сели в приготовленную двуколку с возницей, не понимавшим ни слова по-русски. Помню очень живо, как ни финка, ни Горький, ни я не могли раскачать старую белую лошадь и тащились верст 25 чуть ли не шагом.

Тем временем Леонид Борисович заехал на станцию Черкслет, его ждала роскошная коляска, запряженная парой, высланная ему доктором Тёрнгреном, как и подобает директору электрической компании. Свиданье должно было состояться в его имении, смежном с имением капитана Кок, известного начальника красной гвардии в Финляндии, куда активисты должны были доставить Гапона.

Наши товарищи благополучно съехались, но Гапон не явился и, скрытый активистами, скрылся от нас.

По возвращении моем в Гельсингфорс, я заметил резкую перемену в отношении некоторых финских активистов ко мне. Скоро выяснилось, что был пущен слух, что я являюсь провокатором и шпионом русского правительства. К счастью, мое положение было слишком твердо, и этот слух не нашел под собой почвы. После смерти Гапона сами же активисты мне чистосердечно рассказывали о своих подозрениях. Все же поездка эта благодаря участию в ней Леонида Борисовича еще более укрепила наши связи, мы их непрерывно расширяли и могли ими пользоваться во времена злейшей реакции.

После случая с гибелью парохода «Джон Графтон» в Финляндских шхерах, на котором было послано оружие, нам удалось часть его получить от местных крестьян, спасавших его после взрыва. В течение всего конца лета и осени 1905 г. ружья и револьверы, хотя и небольшими партиями, но непрерывно поступали к нам, и многое еще пришлось зарыть и скрыть в самой Финляндии.

В Петербурге работали товарищи над изысканием возможностей получения оружия другими путями, и в начале 1906 г. для этих целей организовалась группа, работавшая на Сестрорецком оружейном заводе.

Разумеется, вся эта работа стала еще более сложной, чем

была вначале, и требовала огромного количества людей, квартир и особого выбора работников, искушенных в конспирации.

Товарищи, входящие в «Боевую техническую группу», были крепко спаяны общим лозунгом: «все за одного, один за всех», среди них царил строжайшая дисциплина, и каждый знал только то, что ему надлежало знать, никто не любил пытаться узнать больше того, что ему необходимо было знать для дела. Могу указать хотя бы на такой факт: в моем присутствии называлось иногда мое конспиративное имя, но произносивший его товарищ не подозревал даже, что оно принадлежит мне.

Ударом для нашей работы являлась потеря связи, и поэтому, следуя общему нашему правилу, каждый старался подыскать себе заместителя, а связи передать зашифрованными в архив.

Большое участие в нашей организации принимала молодежь высших учебных заведений; я старался выделить из них людей, наиболее способных к конспирации, которые и хранили у себя все связи с другими товарищами. Не могу не упомянуть о выделившемся таким образом среди группы медиков Николае Петровиче Сагредо («Андрей Андреевич»), вошедшем в работу в начале 1905 г. Мне никогда не приходилось встречать ни ранее, ни после нашего знакомства более энергичного товарища, живого, схватывающего налету любую мысль и находящего выход из самых тяжелых положений. В текущей работе мы всегда шли рука об руку, и часто Сагредо выручал меня в критические моменты, когда, казалось, выхода уже не было.

В начале 1905 г. на меня была возложена организация «Боевой технической группы» при ПК, но, часто бывая в Финляндии и имея там очень крупные связи, я мог оказывать большие услуги партии также и во многих других областях: мне давали поручения, связанные с переправой товарищей, бежавших из России и нелегально возвращающихся назад, с добыванием паспортов и бланков (при чем широко были использованы больницы и паспорта умерших в них), с организацией конференций и т. п. В виду многообразия возложенных на меня поручений мне необходимо было иметь заместителя с самого начала организации «Боевой технической группы» на случай моего провала и вследствие частых отъездов. Таковым заместителем явилась Софья Марковна Познер («Татьяна Николаевна»), направленная на эту работу секретарем ПК С. И. Гусевым («Иван Сергеевич»). В ней я сразу почувствовал необходимого для этой работы товарища.

Имея партийный опыт, она сразу уловила лихорадочный пульс работы и, приняв ее от меня в конце января, вела ее до осени 1905 года, заменяя меня во время моих продолжительных отлучек; она не только выполняла возложенные на меня задачи, но и расширяла и углубляла их.

Я продолжал работу в «Боевой технической группе» до начала 1906 года, живя наполовину в Финляндии, наполовину в Петербурге, а когда Познер отошла от этой работы, заместителем моим стал Сагредо, а в начале 1906 г. он окончательно принял от меня заведывание «Боевой технической группой», так как я был командирован партией на другую работу и уехал на долгий срок за границу, передав все связи по Финляндии Е. Д. Стасовой и А. М. Игнатьеву.

Н. Буренин¹⁾

ПОДГОТОВКА К ВООРУЖЕННОМУ ВОССТАНИЮ В ПЕТЕРБУРГЕ²⁾

События 9 января 1905 года поставили вопрос о подготовке к вооруженному восстанию практически. Члены петербургской с.-д. организации большевиков, близко стоявшие к рабочей массе, вместе с нею пережили тяжелое состояние подавленности в день кровавой расправы. Нужен был самый решительный и беспощадный отпор самодержавию в ответ на его расстрелы, а для этого не было оружия. Революция, к которой готовились, о которой постоянно думали, стала фактом, — надо было вплотную подходить к ней. На улицах Петербурга впервые в день 9 января раздался клич «к оружию», в последующие дни он перешел в подполье и властно требовал своего скорейшего разрешения. Петербургский пролетариат, готовый выйти на улицу для открытого боя с самодержавием, прекрасно понимал, что с голыми руками в бой не идут, что нужна боевая подготовка, нужно оружие. Оружия не было, его надо было достать во что бы то ни стало. Армия была не наша, она была во власти «присяги царю и отечеству», — эту власть надо было разрушить. Во всей работе стал сказываться совсем иной темп. Напряжение росло. Лихорадочно с первых же дней после 9 января принялись добывать оружие. То и дело на явки петербургского комитета большевиков приходили товарищи и сообщали

¹⁾ Партийные клички: «Борис Иванович», «Владимир Борисович», «Герман Федорович», в Финляндии: «Виктор Петрович».

²⁾ Воспоминания эти были впервые напечатаны в «Красной Летописи» № 5, 1922 г., Госиздат, Петроград. В настоящем издании они перепечатываются в исправленном и дополненном виде.

сведения о том, что можно получить 20—30 револьверов за плату или без нее, сообщали адреса. Горячо обсуждались вопросы о том, где и как добыть эти револьверы. Бегали по указанным адресам, чтобы заполучить эти «драгоценности», но зачастую все эти предложения десятков револьверов оказывались или плодом пылкого воображения, или совершенно негодными к действию револьверами, при чем цифры из 20—30 превращались на деле в 2—3.

Но надо было пройти этот путь погони за оружием, чтобы, отбросив его, подойти к планомерной работе по приобретению оружия. Приблизительно половина января проходит в такой хаотичной добыче оружия, когда все члены петербургской организации с.-д (б) считали это своим делом, и не было выделено еще специальных людей, которые занялись бы исключительно им. Но очень скоро членам организации стало ясно, что всем нельзя заниматься этим делом, как и нельзя заниматься вооружением пролетариата между делом. Потребность в людях, которые специально взяли бы на себя функции добывания оружия и всецело, не отвлекаясь ничем другим, занялись бы этим, выявилась вполне определенно. И вот, в январе Петербургским комитетом был выделен Николай Евгеньевич Буренин, которому поручено было взять на себя дело добывания оружия. В то время он был ответственным техником ПК, занимался доставкой транспортов литературы из-за границы и распределением ее по России. Буренин был очень энергичный конспиративный работник, а главное — он обладал большим талантом объединять и привлекать к себе людей. Вскоре вокруг него образовалась небольшая группа товарищей, которая в дальнейшем разрослась в организацию, имевшую большие связи среди рабочей и учащейся молодежи и среди интеллигенции, сочувствовавшей идее вооруженного восстания.

Секретарем ПК был в то время покойный Сергей Иванович Гусев, называвшийся «Иваном Сергеевичем». Он налаживал новое дело вооружения петербургского пролетариата, и с ним непосредственно сносились члены новой группы ПК, занявшейся добыванием оружия.

Когда я заявила о своем желании работать в деле вооружения петербургского пролетариата, «Иваном Сергеевичем» было предложено мне войти во вновь возникающую организацию и обратиться непосредственно для этой цели к «Герману Федоровичу». Все мысли мои были поглощены новой формой работы; об основных задачах вооруженной борьбы пришлось немного побеседовать только с «Иваном Сергеевичем», когда я сказала ему, что хочу отойти от пропаганды и агитации и перейти на боевую работу. Чи-

тать по этому вопросу в январе 1905 года, кроме прокламаций с призывом к вооруженной борьбе, было почти нечего, надо было ощупью добираться до выводов, на каких основаниях и как надо строить новую организацию. Когда в конце января явился ко мне от «Ивана Сергеевича» Буренин, чтобы сговориться о совместной работе, он очень осторожно и умело подошел к вопросу о моем взгляде на подготовку к вооруженной борьбе и о моем отношении к такой работе. Договорились мы очень быстро, — общий язык был найден.

Первоначально в эту группу, которая не имела никакого определенного названия, так как, вопросом о названии совершенно не интересовались ее члены, входили Н. Е. Буренин, кличка которого в то время была «Герман Федорович», автор этих строк — Софья Марковна Познер («Татьяна Николаевна», «Наталья Петровна»), и в марте «Иваном Сергеевичем» была направлена в качестве секретаря группы Федосья Ильинична Драбкина («Наташа»; это имя сохранилось за нею на долгие годы революционной работы). На обязанностях секретаря лежала ответственная работа: хранение существующих связей, налаживание новых и выполнение целого ряда разнообразных работ по поручению группы. Необходимо отметить, что Ф. И. Драпкиной приходилось выполнять крайне ответственные и опасные задания, как, напр., поездка в Москву во время декабрьского восстания.

Первоначальное задание, которое получила эта немногочисленная группа от ПК (б), было добыть оружие всеми способами, организовать получение транспортов оружия, устроить склады его и распределять среди организованных рабочих. Кроме одного руководящего задания и сознания того, что у организованного петербургского пролетариата, особенно рабочей молодежи, есть горячее желание подготовиться к вооруженной схватке с самодержавием, у группы никаких других ресурсов не было, и пришлось ей шаг за шагом, натываясь на самые неожиданные препятствия, строить эту новую организацию.

Взявшись за оружие и особенно, передавая его в руки пылкой рабочей молодежи, надо было снова пересмотреть вопрос об индивидуальном терроре, так как являлась опасность, что оружие в руках молодежи послужит средством для сведения счетов с ненавистными мастерами и т. п. Хотя первоначальное задание у группы было вполне конкретное — добывать оружие и передавать его в партийные организации, но ограничиться только одной чисто технической работой члены этой группы не могли, так как имея дело с молодежью, приходилось выяснять ей и цели восстания, роль партии в нем, отношение с.-д. партии к индивидуаль-

ному террору, к которому прибегали эсеры, и к террору в обстановке восстания. Приходилось обсуждать и вопросы чисто практического характера: так, на своих явках мы старались изучить план Петербурга, намечали те или иные дома (помню, особое внимание обратили на большой дом около Финляндского вокзала) и т. п. Дело это было новое, с.-д. партия впервые бралась за оружие, организацию надо было строить шаг за шагом, продумывая эти новые формы. Сложность задачи заключалась в том, как построить достаточно конспиративную организацию, не отрываясь в то же время от общепартийной; как, не нарушая правил конспирации, научить не только организованных рабочих, но и более широкие слои рабочей массы изготовлению оружия в обстановке их завода или мастерской из материалов, которые имеются тут же, на месте. Добывая оружие, группа должна была разрешать немаловажный вопрос о том, кому же передавать его и как его передавать. Необходимость внесения большей конспиративности в работу заставила нас притти к выводу, что отдельные районы общегородской организации должны выделять из своей среды небольшие группы рабочих, наиболее к тому подходящих во всех отношениях.

По этому плану такие группы рабочих должны были войти в состав новой организации, отнюдь не отрываясь от своих партийных ячеек; Боевая группа должна была снабжать их оружием и обучать владеть им. В дальнейшем были организованы почти во всех районах боевые дружины; создание дружин шло как-то с нескольких сторон, — принимали в нем участие и ПК, и сами районы, и новая Боевая группа.

Итак, вся организация по подготовке к вооруженному восстанию строилась в тесном сотрудничестве со всей организацией партии большевиков в Петербурге.

Налаживая работу по добыванию оружия, маленькой питерской группе надо было в основном наметить функции каждого ее члена. Н. Е. Буренин взял на себя обязанности, главным образом, по сношению с Финляндией, с границей, с «Бюро комитетов большинства». Он не оставлял своей прежней работы по транспорту литературы, устройству складов, переправе за границу и обратно в Россию наших товарищей. Мне пришлось строить организацию в Питере, в чем мне помогала «Наташа» (Ф. И. Драпкина).

Средства для начала кое-какие были. Еще до моей работы в этой организации, вскоре после 9 января, я поехала в Чернигов, где мне обещали собрать не менее 20—30 тысяч рублей на боевые цели нашей партии. По приезде на место

я убедилась, что взбодораженные январскими событиями провинциальные либералы размякли не настолько, чтобы вывернуть свои карманы на нужды революции, и вместо обещанной суммы я получила две с половиной тысячи рублей, из которых больше половины дал бывший офицер Иван Николаевич Полторацкий (ныне покойный). Пробыв в Чернигове всего несколько дней, я поспешила уехать оттуда, так как в довершение моих неудачных сборов кто-то меня выдал полиции, я была вызвана полицеймейстером и только благодаря энергичному вмешательству Полторацкого благополучно выбралась из Чернигова. Поездка эта надолго отбила у меня охоту совершать паломничество к нашим временным «попутчикам». Часть из этих денег петербургский комитет уделил нам; вообще же большого недостатка в средствах мы не испытывали, так как работа еще не развернулась достаточно широко, кое-какие средства давала либеральная буржуазия, так как то время было временем заигрывания ее с революционерами всех толков.

Кроме того, пока организатором группы был Н. Е. Буренин, деньги всегда являлись, когда в них была нужда, никто как-то не занимался выяснением того, откуда они брались. Потом уже, спустя несколько лет после революции 1905 года, выяснилось, что постоянным источником малых и больших сумм Боевой группы была мать Н. Е., покойная Софья Игнатьевна Буренина¹⁾. Она широко предоставляла и свою квартиру и давала средства для нужд партии и, в частности, боевой организации. Очень приветливо и ласково встречала нас, часто весьма и весьма обтрепанных, в своей фешенебельной квартире на Рузовской ул., д. 3, и самое участливое отношение проявляла к нам; она была на редкость отзывчивый человек.

Чрезвычайно энергичный и хороший организатор, «Герман Федорович» вскоре наладил правильные сношения с Финляндией и получение через финских товарищей оружия. К тому времени у нас уже были организованы во всех районах небольшие группы рабочих, которые занимались вопросами подготовки к вооруженному восстанию. Они получали от нас оружие и даже инструкторов. Обязанности последних выполняла небольшая группа студентов-кавказцев, умевших владеть оружием. Помню, что несколько человек из них жило на Загородном проспекте, и мы частенько носили к ним револьверы, чтобы они, разобравшись в системе их, могли потом познакомить рабочих, как владеть ими. Инструктировали рабочих также и солдаты соседних

казарм, с которыми они жили в приятельских отношениях. Уже в мае — особенно в начале лета 1905 года — мы стали получать довольно часто револьверы из Финляндии. Я и моя помощница «Наташа» ходили на Финляндский вокзал и там, на товарной станции, через товарищей-финнов, слушающих финляндской железной дороги, мы получали небольшие пакеты револьверов. Одного из них звали Отто Малм (он носил кличку «Серебряков»), другой, Видель, назывался у нас «Германсоном». Нужно сказать, что с товарищами финнами было чрезвычайно приятно и легко работать. Они до того невозмутимо, точно и аккуратно выполняли свои обязанности, что, идя к ним, как-то никогда не закрадывалось сомнение в благополучном исходе наших «военных операций».

Сеть наших организаций развивалась, и мы могли уже более планомерно распределять полученное нами оружие; но спрос со стороны рабочих был так велик, что удовлетворить его мы никак не могли; это вызывало большое недовольство со стороны организованных рабочих.

Революционное движение нарастало, и мы должны были изыскивать такие способы вооружения, которые могли бы удовлетворить широкие массы рабочих, чем и объясняется дальнейшая наша интенсивная работа по изысканию способов изготовления бомб. Но пока бомб не было приходилось ограничиваться распределением револьверов, которые получали члены боевых кружков.

Работа оживлялась большим рвением рабочей и помогавшей нам учащейся молодежи к скорейшим боевым выступлениям; недостатка в людях, которые выполняли бы порой самую неинтересную и часто весьма рискованную работу по хранению и доставке оружия, не было. Молодежь рвалась в бой. У нас были правильно организованные явки, куда приходило довольно много народу.

Местом собрания часто была наша конспиративная квартира на Забалканском проспекте, против 2-й или 3-й роты, хозяевами которой были Иван Александрович Ставровский и жена его. Охотно давала нам приют Яковицкая, старая учительница, работавшая где-то в народной библиотеке. В ее небольшой уютной квартирке на 11-й линии Васильевского острова собиралась наша группа. Помню ее часто недоуменные взгляды и какое-то любопытство к нам, как к породе людей очень интересных, но мало понятных. Несмотря на весьма любезное предоставление нам своей квартиры, она порой пыталась некоторых из нас, особенно женщин, отговорить от наших рискованных предприятий, рисуя нам радости и удовольствия, если мы, не мудрствуя лу-

¹⁾ Умерла в феврале 1919 г. в Ленинграде.

ково, займемся устройством своей личной жизни. Каким далеким и жалким лепетом казались нам увещевания этой благожелательной старушки! Помню еще одну квартиру, где мы особенно свободно и хорошо себя чувствовали. Это была комната Рицберга, молодого военного фельдшера, в здании Военно-медицинской академии. Относился он к нам очень хорошо, и мы широко пользовались его квартирой, хранили у него оружие, пироксилиновые шашки, документы, литературу и т. п. В том же здании — у сестры милосердия или фельдшерицы — не раз устраивались большие собрания ПК с представителями БКБ (бюро комитетов большинства) и нашей организации, от которой бывали Буренин или я. Бывали там и явки секретаря ПК «Ивана Сергеевича» (Гусева).

Особенно много внимания и сил мы уделяли вопросу изготовления ручных бомб. Помню, при изыскании средств для изготовления оболочек приходилось руководствоваться такими положениями: материал, который легко найти во всякой мастерской, простота конструкции самой оболочки, конспиративность внешнего вида, дабы не навести никаких подозрений, и, наконец, по возможности безопасный способ начинения бомбы взрывчатым веществом и хранение ее в обстановке пролетарской квартиры. В хранении оружия рабочие проявляли большую изобретательность. Помню, кто-то из них рассказал, что револьвер у него был спрятан в метле, которая стояла за дверью, и что во время обыска полиция не обратила никакого внимания на это «хранилище».

Много копий было сломано нашей маленькой группой по вопросу об изготовлении бомб. В эту группу вошли: Н. Буренин, Вадим Антонович Енько («Баббит»)¹⁾, инженер-технолог; С. Познер, и время-от-времени в этой группе появлялся тот или иной рабочий со своим изобретением в этой области или каким-либо планом. Один из них был уже немолодой рабочий-немец Иосиф Иосифович Шмидт, которого прозвали «Кузнецовым». Вопрос о бомбах обсуждался нами еще в начале возникновения группы, и при содействии ПК «Омега» (Скосаревский) был отправлен в Македонию²⁾ через Женеву, где он получил нужные адреса. В Македонии он детально ознакомился с изготовлением бомб ма-

¹⁾ В. А. Енько, умер от сыпного тифа в 1921 г.

²⁾ Со способом изготовления бомб Скосаревского познакомил болгарин, революционер-анархист Тюфекчиев, большой изобретатель в области революционной боевой техники. К нему-то и ездили наши товарищи, позднее еще и Н. Е. Буренин. Имя Тюфекчиева в то время было известно только тем из нашей группы, кто непосредственно должен был иметь с ним дело, и только после революции оно стало известно многим.

кедонского типа¹⁾. Вернулся он в начале лета и привез необходимые сведения, чертежи и связи. Мастерская оболочек бомб была организована «Боевой технической группой», как она стала называться, приблизительно в мае 1905 года в Новой Деревне, в Коломьягах, на Озерковской линии. Непосредственным организатором и руководителем работ в этой мастерской был В. А. Енько. Мастерская была довольно примитивная, работал в ней И. И. Шмидт («Кузнецов»); приходил он несколько раз для обсуждения вопроса об оборудовании мастерской на явку нашей группы в квартиру профессора Горного института В. В. Никитина. Изготовление оболочек в большом количестве пошло довольно успешно. В. Енько удалось заказать оболочки где-то на заводе под видом специальных коробок, потом они были доставлены в мастерскую Шмидта, и он уже окончательно доделывал их, приспособляя недостающие части.

Вышла какая-то заминка с этой мастерской: боялись, что в полицейском отношении не все благополучно, и она была снова под конспиративным видом перенесена в другое место.

К вопросу об изготовлении бомб подходили и другие товарищи, которые вначале к «Боевой технической группе» непосредственного отношения не имели и примкнули к ней позднее. Это были Лещенко, Скосаревский («Омега»), «Альфа» и др., которые составляли химическую группу. После возвращения Скосаревского из Македонии химики стали принимать более активное участие. В привезенную «Омегой» конструкцию македонской бомбы было внесено несколько видоизменений Л. Б. Красиным и нашими специалистами-химиками; они выработали руководство для изготовления и употребления ручной бомбы и усиленно занялись изготовлением ее в массовом количестве. «Новое время» как-то писало в дни революции, что оно не понимает, откуда могли попасть в Петербург бомбы болгарского образца, — очевидно, заинтересованная в этом деле охранка тоже не была совсем осведомлена об их происхождении. Вопрос о создании такого типа оружия, которое можно было бы иметь в массовом количестве, никогда не покидал членов группы, — это была одна из главных ее задач.

¹⁾ По вопросу о посылке Скосаревского Сергей Иванович Гусев рассказывал следующее: Лещенко, Скосаревский и «Альфа» порознь искали связей с центральными партийными организациями, предлагая свои услуги в качестве химиков. Гусеву сообщил об этом П. П. Румянцев. Когда к Гусеву явилась «Альфа», он спросил ее, не предпринимает ли она то же, что и Лещенко. Она сказала: «Да, да». С Гусевым тотчас же списался с заграницей, и Скосаревский («Омега») был послан сначала в Женеву, а оттуда в Македонию. Поездка Скосаревского в Болгарию продолжалась полтора месяца; явился он обратно в Петербург, кажется, уже после III партийного съезда.

Летом для Петербурга революционные организации ожидали полочки из Финляндии большой партии оружия: вопрос о таковой возможности держался в большой тайне, о ней знали только те члены группы, которые имели к этому делу отношение. В конце августа или даже в начале сентября весть о том, что пароход «Джон Графтон», шедший с оружием, взорвался в Ботническом заливе, разрушила надежды группы на получение большого количества оружия. Несмотря на гибель транспорта оружия, все же кое-что было спасено прибрежными жителями и кое-что через наши финские связи перепало в распоряжение «Боевой технической группы». Но эта полочка была уже осенью, а главная работа летом состояла в изготовлении бомб. Взрывчатые вещества добывали частью в Финляндии, а частью, всеми правдами и неправдами, получали от петербургских химиков. Помню профессора-химика, помогавшего нам в этом очень широко; принимал в этом деле участие и профессор Явейн.

Много трудностей и сложностей представляла боевая работа. Прежде всего необходима была строжайшая дисциплина, которую мы жестко проводили. Никаких лишних разговоров на эту тему совершенно не допускалось, весь уклад жизни работников этой организации был иной, чем у товарищей, занимавшихся общепартийной работой. Лишали себя совершенно дружеских посещений товарищей, собраний, не относящихся непосредственно к нашей группе, социал-демократических вечеринок и т. п. А главное, мы исполняли наиболее рискованную работу сами или поручали ее только тем, кому доверяли так же, как самим себе. Помню, как неоднократно приходилось переносить взрывчатые капсулы, получивши от химиков инструкции ни в коем случае не подвергаться никаким сотрясениям при переноске, не спотыкаться, не падать, не ударяться обо что-нибудь, ибо в противном случае грозило быть взорванным в воздух. До сознания эти опасности как-то не доходили, но принимались все же при переноске все меры предосторожности, и никакие страхи не портили бодрого настроения во время таких операций. Как-то раз встретились мы с «Наташей» на Измайловском проспекте; у меня в сумочке были два револьвера системы Смита и Вессона, у нее — взрывчатое вещество. Вид у обеих довольно потрепанный, так как приходилось весьма мало времени уделять заработку и надо было жить на гроши, чтобы оставалось возможно больше досуга на революционную работу. Ф. И. пришлось даже свою трехлетнюю дочку отослать к своему отцу в Ростов, чтобы всецело отдаться работе. Встретились мы с «Наташей» и от души посмеялись сами над собой; весело было смотреть на

«Наташу» в потрепанном платье и весьма свежей изящной белой газовой шляпке с цветами «для конспирации». Накрапывал дождь, потом он изрядно зачастил и «конспиративная» шляпка сразу приняла такой жалкий вид, что было бы гораздо конспиративнее не иметь ее на голове. Но, увы, и дальше «Наташе» приходилось носить ту же шляпу, ибо ресурсов на новую совсем не было.

Вскоре у нас появились и готовые бомбы. Благодаря нашей конспирации и тому, что в центр нашей организации в 1905 году не проникла провокация, у нас не было провалов. Организация наша развивалась и расширялась на периферии, а в центре оставались попрежнему те же три человека. Сношения с центральными партийными организациями продолжались через Сергея Ивановича Гусева, но после III съезда, когда С. И. Гусев должен был уехать из Петербурга после провала ПК, на котором он благодаря исключительной находчивости и самообладанию избежал ареста, Боевая группа перешла от ПК, по постановлению III съезда партии, в ведение Центрального комитета и непосредственное руководство ею было поручено члену ЦК Л. Б. Красину («Никитичу»).

К началу осени 1905 года изменилось и основное ядро группы; мне пришлось оставить работу вследствие острого заболевания, явившегося результатом крайнего истощения, а после выздоровления революционная волна захлестнула меня снова в общепартийную работу. Но новые товарищи продолжали настойчиво дело подготовки к вооруженному восстанию. Как ни незначительно было количество оружия, передаваемого Боевой группой рабочим, все же у тех из них, кому оно попало в руки, в революционные дни 1905 года оно поднимало боевой дух и революционную готовность к борьбе.

С. Познер.

РАБОТА В «ХИМИЧЕСКОЙ ГРУППЕ» ПРИ ЦК 1905—1907 гг.

ЦК в лице Л. Б. Красина поставил перед нами задание: 1) найти подходящее сильно действующее и в то же время безопасное при хранении вещество, 2) создать совершенно безопасный запал и 3) дать тип негромоздкого, но сильно действующего снаряда, годного для условий уличного боя.

Вскоре подходящее вещество было найдено, и необходимо было подвергнуть его плавлению. Членам химической группы¹⁾ не были точно известны условия плавления, поэ-

¹⁾ В состав химической группы входили: «Альфа», «Омега» (Скосянский, он же «Егор Егорович»), Лещенко, Дмитрий Ильич, Грожан,

тому первые работы летом 1905 года велись с большой осторожностью. Работа происходила на чердаке д. 32 по Гороховой улице и производилась на примусе. Я и «Омега» (Скосаревский) раздобыли провололочные маски и в них вели работу, а потом заменили их большими очками для предохранения глаз от разедающих паров. Опыты плавления оказались удачными. Через некоторое время был создан действующий без отказа и в то же время совершенно безопасный запал. Много времени взяла эта работа, требовавшая большого количества опытов на открытом воздухе. Трудно было также получить необходимые для опытов чугунные оболочки, которые после долгих хлопот удалось заказать на заводе Парвиайнен под видом каких-то двугорлых баллончиков. По мысли Л. Б. Красина, «Никитича», были использованы концевые муфты электрических кабелей. Чем дальше подвигалась наша работа, тем суровее и требовательней был «Никитич» и тем строже была конспирация. Мы, члены химической группы, не всегда выдерживали то глубочайшее конспиративное подполье, на которое обрекала нас наша работа, и тосковали по более широкой и живой партийной деятельности. На этой почве шли споры, при чем «Никитич» непреклонно стоял на своей точке зрения полной нашей изоляции от всего остального партийного мира.

Октябрьские дни 1905 года застали нашу работу в полном разгаре. Вскоре после 17 октября Петербургский совет рабочих депутатов потребовал изготовить два снаряда большой силы, не ударного типа, а со шнуром, для взрыва распределительной доски¹⁾ в главном почтамте. Спешность работы не позволила нам двинуться куда-нибудь из города, и мы воспользовались предложенной нам квартирой художника Зиварта в здании Академии художеств. Мы попали в необычную обстановку: большая комната верхнего этажа, с несуразными окнами, с белыми штукатуренными стенами, была расписана художником у окна, двери и печи яркими и красивыми картинами, придававшими комнате своеобразный колорит и даже уют. Примус нам дали, материалы мы принесли с собой и живо принялись за работу. Это было 25 октября (7 ноября). В самом начале работы Зиварт предупредил нас о том, что в Академии как раз сегодня ожидается обыск. Если будет для нас опасность, то он нас предупре-

Юлий Августович («Дмитрий Сергеевич»), который в декабре 1905 г. стал организатором этой группы, объединившейся с военно-технической группой А. М. Игнатьева («Григорий Иванович»), в имении которого в Финляндии производилась проба изготовленных взрывчатых веществ.— С. П.

¹⁾ Доска у коммутатора для регулирования телеграфных проводов.

дит. Через полчаса он сообщил, что два входа в Академию уже заняты полицией, но что мы пока можем продолжать работу. Вскоре оказался закрытым третий вход и оставался четвертый, на 4-ю линию. Очевидно, что надо было спешить удалиться из помещения оцепленного полицией, тем более, что комната, в которой мы работали, находилась поблизости от мастерской профессора Матэ, где был обыск. Пришлось свернуть еще не вполне законченную работу. Разошлись в разные стороны. При выходе из ворот наталкиваюсь на городских и околоточного, но, благополучно миновав их, выхожу на улицу, где встречаюсь с «Омегой».

Для окончания работы нам был дан полуподвал где-то на Петербургской стороне, где мы благополучно и закончили ее. Не успели ее сдать, как произошло изменение задания: надо было вдвое увеличить время, через которое снаряды должны были действовать.

Мы не могли вести непосредственные сношения с «внешним миром» и пользовались помощью ряда товарищей, из которых мне особенно памятна самоотверженная «Наташа» и корректный и деловитый «Герман Федорович». Последний и явился к «Омеге» под видом доктора в 3 часа ночи с просьбой удвоить длину бикфордовых шнуров, что тотчас и было выполнено «Омегой».

На другой день, кажется, это было 26 октября (8 ноября), снаряды должны были быть пущены в ход около часа дня. В это время мы были поблизости от главного почтамта, но ничего не слышали. Как потом оказалось, разрушение распределительной доски было отменено, а снаряды спрятали в ванной комнате той квартиры, где собирались члены Совета; при обыске после ареста Совета оба снаряда с непонятно длинными шнурами были найдены.

Работа по усовершенствованию запада продолжалась. Необходимо было проверить новую модель на вполне готовом снаряде. Один раз в ноябре мы воспользовались снегом и целой компанией ушли на лыжах далеко в лес, где и сделали предварительные пробы. Как я уже говорила, чугунные оболочки были готовы, надо было их спешно брать. Бывали случаи, что портфель не мог вместить всего нужного количества оболочек, и приходилось их выносить, привязывая на себе. При этом выработалась особая походка, с особым ритмом, при котором не обнаруживались движения тяжелой оболочки. Особенно необходим был такой способ при переезде через финляндскую границу, где таможенный осмотр мог обнаружить подозрительные предметы.

Для продолжения работы нам была предложена помощь финской с.-д. партии. В назначенный день, 12 ноября 1905 го-

да я, «Омега» и «Эллипс» должны были различными поездами и непременно во втором классе выехать в Гельсингфорс. Мне пришлось выехать вечером 12-го, и 13-го утром я стояла на платформе в Гельсингфорсе, держа в руках газету (условный знак). Ко мне тотчас же подошел финский студент и приветливо раскланялся. Он отвел меня на квартиру, где мне предложили поесть и отдохнуть. К трем часам я снова должна была быть на вокзале в зале I и II классов. В три часа я была в назначенном месте, и тотчас же мне навстречу появился мой прежний спутник. Он предупредил, что билеты уже взяты и поезд тронется через пять минут, быстро вывел меня на платформу и усадил в вагон I класса. Поезд почти тотчас же тронулся. Был очень пасмурный день, и в три часа уже смеркалось. Шел снег с дождем. Поезд шел быстро, не останавливаясь на маленьких станциях. Несмотря на хорошее зрение, я не могла прочесть ни одного названия станций и совершенно не знала, куда меня везут. Часа через полтора—два поезд остановился, и мой спутник предложил мне выйти из вагона. У платформы, в самом конце ее, стояли две одноколки, к которым мы и направились. На одной сидел пожилой финн, на другой — молодая девушка, радостно, как подругу, приветствовавшая меня. Мы разместились в экипажах, зажгли фонари на высоких шестах на передке и тронулись в путь. Дождь со снегом шел все сильнее и сильнее, а ветер беспрерывно задувал наши фонари. Дорога то поднималась вверх, то спускалась вниз; лошади бежали быстро, несмотря на темноту. Ехали мы не менее часа и остановились около какого-то дома. Раскрылась дверь, и сноп света осветил крыльцо, на которое вышла целая семья, приветствуя нас по-фински. Моя спутница подхватила меня под руку и, весело смеясь, повела в дом. Там уже были «Омега» и «Эллипс». После ужина наши хозяева распрощались с нами и ушли. Ранним утром, при свечах, мы закончили все необходимые приготовления и, следуя указанию студента, тронулись пешком в лес. Пройдя версты две — три, мы остановились и начали выбирать подходящее место. Скоро мы нашли большой валун, на вершину которого было легко подняться, а под боковым навесом удобно было спрятаться в ожидании взрыва. «Эллипс» взял один из снарядов и двинулся на валун. Через мгновение он крикнул: «готово», быстро сбежал к нам, и мы все быстро скрылись под навесом камня. Через три минуты раздался сильный взрыв, валун дрогнул, мы тотчас поднялись наверх и осмотрели повреждения в граните. Нигде не было видно кусков оболочки, а в твердом камне образовалась порядочная воронка; затем каждый из нас повторил опыт с различными веществами и

различными оболочками. Все случаи были тщательно рассмотрены и сравнены друг с другом. В лесу было тихо, мерно падал густой, мокрый снег. Наши взрывы гулко раздавались один за другим. Вдали показался воз с дровами. Возница не обратил на нас никакого внимания и медленно проехал мимо. Обождав немного, мы продолжали наши опыты. Закончив их, совсем измокшие, мы тронулись в обратный путь. После небольшого отдыха наш спутник-студент заявил, что нам пора ехать обратно. Снова вся семья высыпала на крыльцо провожать нас, а девушка поехала вместе с нами. Уже смеркалось, быстро бежали финские лошади, почти в полной тьме добрались мы до станции. Финны дружелюбно с нами простились, девушка меня обняла и поцеловала; она с отцом подождала, пока подойдет поезд и мы усядемся в вагон. К сожалению, мы не могли говорить друг с другом: я знала всего несколько финских слов, а моя временная подруга не умела даже поздороваться по-русски. Мы тронулись в обратный путь, при чем я снова не смогла в темноте прочесть название станции, которой очень интересовалась. Впоследствии я узнала, что это была станция Черкслет.

По приезде в Гельсингфорс я тотчас пересела в петербургский поезд, где встретила с «Омегой» и «Эллипсом», которые были привезены в Гельсингфорс каким-то другим путем и тоже не знали названия места, где они были. «Эллипс» рассказал, что уже после моего отъезда с финской фермы наши временные хозяева говорили, что в деревне слышали нашу пальбу в лесу и решили, что это «флот салютует по случаю торжественного дня 14 ноября».

Исполняя директивы ЦК, техническая группа продолжала свою работу. В марте 1906 года работа потребовала новых опытов в широком масштабе, и вновь нам помогли финские с.-д. Нам надо было проверить новые оболочки и испытать новое, предложенное «Баббитом» вещество. В июне 1906 года мы несколько раз с этой целью ездили в Финляндию. Запомнилась особенно ярко следующая поездка. По ряду причин, главным образом из-за убыли работников, нам не успели наладить перевозку тяжелых чугунных оболочек, и нам пришлось самим, с собою и на себе, переправлять их через финскую границу. Изрядный вес достался на мою долю, и с трудом удалось замаскировать угловатые предметы под одеждой. В Териоках ко мне должен был присоединиться «Омега».

В этот раз финны повезли нас в лес близ станции Огильбу, где в разных местах шли подрывные работы для прокладки новой шоссейной дороги. Это и было использовано для того, чтобы замаскировать наши опыты: громкие звуки

не привлекли ничьего внимания, и ни разу, бывая в Финляндии, мы даже не замечали, чтобы за ними следили. Много, конечно, зависело от помощи финнов, хорошо знавших местность, население и особенности жизни тех мест, куда они нас доставляли. Действия наших помощников были так спокойны и уверены, что работая вместе с ними, мы часто забывали о беспрерывно грозящей нам опасности ареста. Ни разу за все время не произошло малейшей неточности, не обнаружилось хотя бы самой незначительной неорганизованности.

Исполнение заданий, возложенных на нас ЦК, подвигалось вперед медленнее, чем мы этого желали, из-за необходимых мер предосторожности, вызывавших иногда приостановки работы. Надо было тщательно отобрать даже самых незначительных участников группы, чтобы не провалить всех работников. А обстановка в ту пору была такая, что малейшая оплошность окончилась бы виселицей для ряда товарищей. Нас спасало еще и то, что все же слежка была относительно слаба, а тщательное сохранение нами «нормального» образа жизни, со службой в определенные часы, с жизнью в одном определенном месте, не привлекало к нам особого внимания шпики.

К концу 1906 года все задания ЦК были выполнены. «Омега» совместно с «Эллипсом» составил все необходимые чертежи, а мне пришлось в спешном порядке выучиться писать на пишущей машинке. Затем сообще был составлен текст инструкции для приготовления снарядов различных типов, тщательно проверен, переписан мною на пишущей машинке и снабжен чертежами. Все было готово, собрано, подклеено и в виде объемистого пакета передано на хранение в указанное ЦК место. Дальнейшая судьба этой рукописи мне неизвестна. Иногда даже являлся вопрос, использована ли эта наша довольно большая работа, или она осталась лишь историческим документом. «Омеге» и мне пришлось совершенно неожиданно столкнуться с результатами нашей работы. Случайно довелось в начале 1907 года присутствовать при осмотре разряженных снарядов различных систем: японских, германских и других. Из всех были вынуты их механизмы, которые и подвергались тщательному разбору. Общее внимание привлекла небольшая очень аккуратно сделанная из коричневого картона коробка с большой красной печатью: «Российская социал-демократическая рабочая партия», внутри круга: «Фабрика бомб. Баку». Внутри коробки оказалась чугунная оболочка и наш запал, очень точно сделанный, с медными, тщательно отполированными частями.

Присутствовавший при осмотре видный специалист по взрывчатой технике очень внимательно рассмотрел все, части, особенно ударник, и задумчиво сказал: «сколько бы дало правительство за изобретение такого простого и безусловно верно действующего прибора!».

«Альфа». Л. Пескова.

Л. Б. КРАСИН, «НИКИТИЧ» РУКОВОДИТЕЛЬ БОЕВОЙ ГРУППЫ ПРИ ЦК

В 1925 году я обратилась к Леониду Борисовичу с просьбой дать свои воспоминания о его руководстве первой боевой организацией большевиков по подготовке к вооруженному восстанию. Леонид Борисович очень сочувственно отнесся к мысли собрать материалы о деятельности этой организации, но что касается написания своих воспоминаний в ближайшее время — обещал написать их при первой же возможности. Огромная работа по руководству наркоматом Внешторга, предстоящая его дипломатическая поездка в Париж видимо мешали тому, чтобы погрузиться в воспоминания далекого прошлого. Все же мы с ним договорились о том, что все, находящиеся в Москве бывшие члены этой организации соберутся у него в кабинете для снятия общей фотографии. Такое собрание вскоре состоялось, на него явились не только члены боевой питерской группы, но и те, кто оказывал некоторое содействие ей, а также некоторые московские боевики, которые были связаны с Л. Б. Красиным и группой.

На этом собрании вспомнили и установили с Леонидом Борисовичем некоторые, наиболее важные факты из прошлой деятельности, проверили чертежи бомб, Леонид Борисович признал себя автором одного из чертежей, по которым изготовлялись бомбы, вошедшие в боевую практику 1905 и 1906 годов. Л. Красин, также вспомнил, как А. Игнатьев и «Саша Охтенский» рьяно взялись за его освобождение из Выборгской тюрьмы в 1908 году, при чем он весьма добродушно заметил, что только благодаря неудаче осуществления этого плана¹⁾ он обязан тому, что сейчас находится среди живых людей. Видимо Красин расценивал теперь тот план, как крайне рискованный, хотя тогда с большой горячностью выполнял те части его, которые надлежало проделать ему, сидя в тюрьме, и только благодаря случайности план этот не был доведен до конца.

В результате этого собрания бывших членов Боевой ор-

¹⁾ «Л. Б. Красин («Никитич»». Под ред. М. Н. Лядова и С. М. Познер. А. М. Игнатьев—«Боевая работа и освобождение Красина», стр. 24, изд. 1928 г.

ганизации появилась фотография, но обещанных воспоминаний от Л. Б. Красина получить так и не удалось, через год Красина не стало.

К руководству боевой работой партии Леонид Борисович приступил после III партс'езда.

На с'езде Л. Красин выступал с речью по докладу о вооруженном восстании, речь его была проникнута призывом к действию. «Распространен взгляд на восстание, как на нечто статическое,—говорил Красин. — Я думаю, что мы должны рассматривать подготовку восстания, как процесс динамический. Мало заготовить бомбы и оружие, надо уметь владеть оружием, действовать солидарно. Нельзя откладывать военные действия до момента решительного восстания, нужно приобретать навык. Мне кажется, что в понятие подготовки восстания входят отдельные попытки актов восстания. Отдельные террористические акты в Польше и Литве, последовательность этих актов указывают на то, что мы имеем дело с намерением накопить военный опыт, который окажется драгоценным при дальнейшей борьбе. Необходимо подготовить отдельные частичные выступления, например, в виде вооруженных митингов. Мы не можем довольствоваться одним умением владеть оружием, недостаточно пробной стрельбы, надо поучиться устраивать вооруженные демонстрации»¹).

Такова была принципиальная установка Л. Красина на подготовку к вооруженному восстанию. Выступления «Никитича» по докладу Центрального комитета получили полное одобрение Владимира Ильича, несмотря на колебания Красина в предс'ездовский период, Красин по предложению Ленина был выбран членом чисто большевистского ЦК, и ему было поручено руководство Боевой группой по подготовке к вооруженному восстанию.

«Никитич» в то время был известен в партийных кругах как блестящий организатор партийной техники, блестящий финансист партии.

Воспользовавшись хорошо сплоченной группой, возникшей еще в январе 1905 года при Петербургском комитете, имевшей уже прочные связи с Финляндией и границей, Л. Красин значительно расширил и укрепил связи с возникавшими боевыми организациями на местах. Урал, Кавказ, Латвия стали входить в сферу деятельности группы. Л. Красин везде проявлял свою исключительную инициативу и зорко следил за всем тем, что делалось в боевых организациях на местах.

¹ «Л. Б. Красин («Никитич»»). Под ред. М. Н. Лядова и С. М. Познер, стр. 260.

Л. Б. Красин в боевую технику вносил принцип широкого производства, им было предложено для изготовления большого количества бомб использовать концевые муфты электрических кабелей, которые по своим размерам и форме были приемлемы в качестве оболочек для взрывчатых снарядов. Он ставил широко закупку оружия за границей (руководил организацией получения оружия с парохода «Джон Графтон»). Вместо изготовления кустарным способом динамита Красин поставил закупку его в большом количестве в Финляндии, широко поставил экспроприацию динамита и пироксилина из правительственных складов. Получение мелинита из пикриновой кислоты производилось регулярно в одном из конспиративных мест Финляндии и достигало многих пудов.

Для научных исследований взрывчатых веществ ухитрялись использовать правительственные лаборатории, и как вспоминает¹) сам Л. Красин, «привлечены были к делу выдающиеся техники, и конструкция одного из запалов нашей группы была впоследствии признана чрезвычайно удачной, если не лучшей, экспертизой главного артиллерийского управления». Для экспериментальных опытов по инициативе Красина был организован в уединенном месте Финляндии полигон для испытания бомб различных систем, ударников, запалов и механизмов так называемых адских машин. Это было организовано в километрах двадцати от Гельсингфорса, в местности, находящейся в сфере деятельности помогавшего нам финского товарища.

Л. Б. Красин лично испытывал там бомбы из «пангласти-та», изобретенного одним из членов Боевой группы. Там же Л. Б. Красин пробовал усовершенствование к браунингу, которое превращало его в винтовку, тоже изобретение подпольной техники. Леонид Борисович горячо отзывался на революционную инициативу и благодаря его поддержке немало смелых шагов было произведено членами боевой группы. Так, например, была произведена экспроприация пушки Гочкиса в 1905 году со двора гвардейского экипажа (в Петербурге), этот факт произвел тогда большое впечатление в рабочей среде. Пушка была названа конспиративно «бабушкой» и предназначалась для обстрела Зимнего дворца во время восстания. Леонид Борисович организовал захват у финского полицейского важных документов ЦК, которые были взяты при аресте технического секретаря ЦК, что было блестяще выполнено членами Боевой группы. Несмотря на свою горячую готовность поддержать революционную инициативу, он

¹) «Л. Б. Красин», стр. 148.

резко критиковал и прямо запрещал всякую революционную авантюру.

Л. Б. Красин не только являлся практически руководителем подготовки к вооруженному восстанию, но при обсуждении принципиальной постановки этого вопроса Леонид Борисович выступал от имени партии. Так, на Объединительном съезде Л. Красин в своих выступлениях решительно критикует меньшевистскую позицию боязни и неверия в вооруженное восстание. Он выступает против предложенной меньшевистской резолюции, спорит по этому вопросу с Плехановым, указывая на то, что «готовить победу одним «усилением агитации», не создавая одновременно организации для военно-технической подготовки восстания, значит вести пролетариат на убой»¹⁾.

«Для победы восстания народа над современным правительством, с его армией и полицией, с его административно-бюрократическим аппаратом недостаточно нашей агитации и пропагандистской работы, как бы она ни была успешна, — для этой победы необходим целый ряд материальных условий в области подготовки и организации вооруженного восстания»²⁾ — говорил Л. Красин, обращаясь к меньшевикам. В своем заключительном слове по вопросу о вооруженном восстании Л. Красин, указывая на опыт московского декабрьского восстания, говорил: «Вооруженное восстание должно перейти на высшую ступень. Наши боевые организации должны поставить перед собой задачу выработки во всех деталях планов, как захватить и прочно удержать восставшими в своих руках тот или иной город... Последующей ступенью должно быть координирование планов вооруженных действий в отдельных местностях...»³⁾

Ни одно крупное партийное боевое предприятие не проходило без руководства Л. Красина. Известный боевик Камо — Петросян — находился в тесном контакте с Л. Красиным и его крупная тифлисская экспроприация готовилась с ведома Л. Красина.

Авторитет Леонида Борисовича очень высоко ценился членами боевой группы, и многие из них после Октябрьской революции 1917 года продолжали работать под руководством Л. Б. Красина в самых разнообразных областях партийной и советской жизни.

С. Познер

¹⁾ «Л. Б. Красин («Никитич»)). Под ред. М. Н. Лядова и С. М. Познер, стр. 381.

²⁾ Там же, стр. 381.

³⁾ Там же, стр. 384.

ВОСПОМИНАНИЯ ОРГАНИЗАТОРА

Начало моей работы в Боевой группе РСДРП (б) относится к январю 1906 г.

Узнав, что партия нуждается в верной базе для хранения и транспорта оружия, учитывая выгодность местоположения имения Ахи-Ярви, находящегося в Финляндии, принадлежавшего нашей семье, я предложил Петербургскому комитету им воспользоваться и организовать это дело.

Предложение мое было принято, но когда выяснилось, что по образованию я естественник и знаком с химией, мне было предложено использовать имение и для других целей — пробного метанья бомб и их изготовления. Я согласился.

Имение Ахи-Ярви стало всецело обслуживать Боевую группу при ЦК РСДРП (б).

Деятельность Боевой группы в целом быстро развивалась. Рабочие требовали оружия, которого не хватало, пришлось его заменять бомбами, и заготовление их ставить в массовом масштабе.

Оружие получалось как с русских заводов, путем организованной экспроприации его, так и из-за границы, провозя его контрабандой через западную границу и Финляндию.

Получение с русских заводов было организовано в довольно широком масштабе. С оружейных заводов Ижевского, Тульского и Сестрорецкого поступали трехлинейные винтовки. Организация получения их с Сестрорецкого завода была поручена «Илье» — И. И. Березину. Любопытный способ хранения придумали рабочие завода. Они выдалбливали бревна в стенах своих домов и в образовавшиеся углубления вкладывали винтовки. Из Киева при содействии офицера Ванновского получались револьверы — наганы. Патронами для винтовок снабжала группа рабочих Охтенского завода («Саша Охтенский», Паршенков и др.). Таким же образом из разных заводов поступал к нам пироксилин, бездымный порох, гильзы и т. п.

Из-за границы оружие поступало через сухопутные границы — австрийскую и германскую, водным путем — через прибалтийские порты и, главное — через Финляндию. Помню о больших транспортах револьверов, полученных через германскую границу. Организация этого дела была с большим успехом проведена «Петром» (С. Н. Сулимовым) при помощи известного тогда профессионала-контрабандиста «Нотана». С границы этот транспорт был переслан в Петербург через транспортное общество «Надежда».

Большая партия оружия была нами получена из Финляндии после гибели парохода «Джон Графтон». Его скупал Н. Буренин у рыбаков, извлекавших его из воды после взрыва.

Через Финляндию много получалось динамита, похищавшегося из различных складов при содействии финнов. Финские газеты того времени полны были описанием такого рода экспроприаций по всей Финляндии. В одной из них я лично участвовал, а провозить динамит по железной дороге приходилось неоднократно. Самым тяжелым в этой работе было нередкое отравление. Я тоже не избег этой участи и несколько раз жестоко отравлялся со всеми последствиями.

Одной из основных задач Боевой группы было изготовление бомб. Для этой цели надо было иметь не только людей, специализировавшихся по их изделю, но и опытных транспортеров взрывчатых веществ. В одинаковой мере нужны были строго законспирированные квартиры, особо приспособленные для хранения или получения своеобразных товаров в большом количестве. Широко использовалась для этих целей квартира учительницы М. В. Януш. Для примера можно указать квартиру ботаника-лаборанта Гедройца¹⁾, жившего с семьей в отдельной дачке в Лесном, широко использовавшего теплицы ботанического сада, в которых склад многих сотен трубных отрезков, предназначенных для оболочек бомб, не привлекал внимания. Другая квартира — Грюнберг «тети Лены», как мы ее звали, была по всем условиям блестящим пунктом для получения тяжелых грузов, привозимых на возах. Она выходила на пересечение двух каналов — Екатерининского и Крюкова — и из нее была видна значительная часть Садовой улицы, так что малейшая слежка могла быть установлена. При экспроприации пушки из Гвардейского экипажа «Бабушки», как мы ее прозвали, мост через Екатерининский канал служил наблюдательным пунктом, и «Илья» наблюдал за ходом дела, подавая нужные сигналы.

О том, как был организован транспорт, лаборатории, распределение оружия, бомб, я как организатор группы мог бы многое сказать, но ввиду того, что эти вопросы достаточно освещены другими товарищами, мне хотелось бы остановиться на той части работы, которая была связана с Финляндией и именем Ахи-Ярви, так как организация ее всецело лежала на мне, и я в силу знания финского языка, местных условий специализировался на ней.

¹⁾ Академик Гедройц — ученый мировой величины (недавно умер).

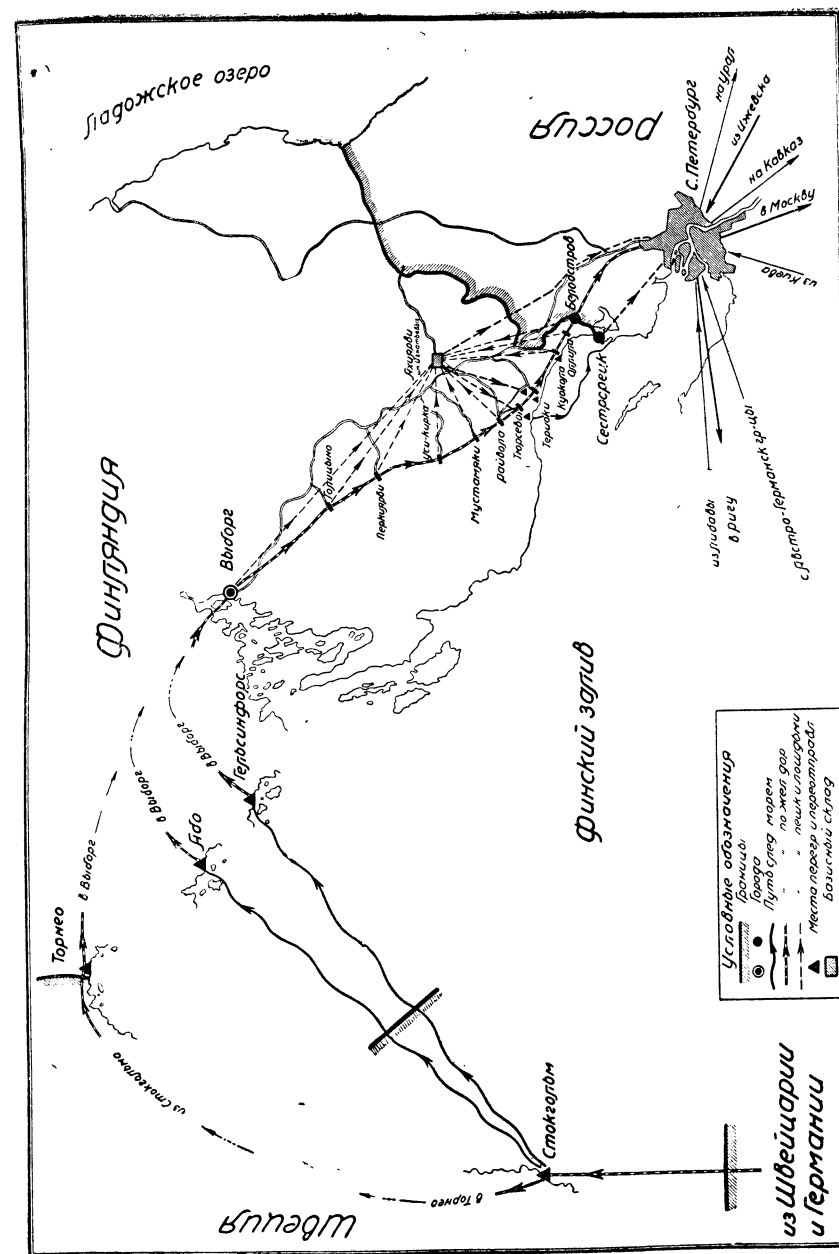

Схема путей транспорта, оружия и взрывчатых веществ через именованное Игнатьевых Ахи-Ярви в 1905—1907 гг. (Чертеж А. М. Игнатьева).

Имение Ахи-Ярви находилось в Финляндии и было расположено недалеко от русской границы, в нескольких верстах от большого тракта, который шел из Петербурга в Выборг через границу в Белоострове. Шестейными дорогами он был соединен почти со всеми железнодорожными станциями по Финляндской железной дороге, вплоть до Выборга.

Связи с Финляндией в значительной степени были мне переданы Н. Бурениным; я их расширил и наладил работу согласно с местными условиями.

Закупка оружия и транспорт его из-за границы в Финляндию меня не касались, этим ведал Буренин, инструкции шли от него, и он только сообщал, куда и что было направлено и где надо получить. Почти все оружие, посылаемое из-за границы в Финляндию, шло через Стокгольм теми же путями как перед тем нелегальная литература, но к основным пунктам Або и Гельсингфорс прибавились Ганге и Котка. Сухопутным путем через Торнео шло лишь небольшое количество. Из этих городов транспорт разбивался на более мелкие партии и, чтобы не вызывать подозрений, рассыпался по целому ряду железнодорожных станций, начиная от Выборга, вплоть до Олила, ближайшей к русской границе. С этих станций в большинстве грузы отправлялись гужевым путем в имение Ахи-Ярви, ставшее центральным пунктом. Прилагаемая схема ясно рисует общую картину транспорта. Только небольшая часть провозилась непосредственно на себе в Петербург по железной дороге.

Одна из труднейших задач, вставших передо мной была: как организовать транспорт из Ахи-Ярви в Россию в большом масштабе, так как условия конспирации не позволяли пользоваться именем как отправным пунктом. Пришлось организовать передаточные пункты на целом ряде дач, частью принадлежавших собственникам, частью снятых партией. В последних были поселены свои товарищи, которые жили под видом дачников. Свои дачи были:

Саволяйнен, где жила «Фаня Белая» — А. Л. Шмидт, Коммуляйнен, где жили Четвериковы. Дача, где жила Нина Иов. «Фаня Черная» жила на даче ЦК и ею пользовались в исключительных случаях. Нельзя не упомянуть о даче, где жил старик Рябков, прозванный «Пчелой», со своей женой. Широко пользовались дачей Ландсбергов по приморскому шоссе в пяти верстах от Териок и квартирой финского полицейского Кархонен, оказавшего нам огромные услуги.

По мере надобности на эти дачи привозилось оружие большими партиями и отправлялось дальше различными способами. Одна часть на своей лошади, принадлежавшей рабо-

ЧЛЕНЫ ПЕТЕРБУРГСКОЙ БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Слева направо сидят: М. Л. Сулимова, А. М. Игнатьев, И. И. Рябков, Л. Б. Красин, Н. Е. Буренин, Ф. И. Драб-кина, С. М. Познер. Слева направо стоят: М. В. Януш, Л. Р. Менжинская, В. И. Богомолов, А. Л. Шмидт, З. Н. Доссер (член Московской боевой организации), С. Н. Сулимов, Н. Н. Рябкова и А. А. Трояновский.

чему Дмитрию, отвозилась в санях с двойным дном в Сестрорецк. Другая часть направлялась водным путем в Разлив при участии рабочих Сестрорецкого завода Емельянова, Поваляева, Анисимова и др., выезжавших в море под видом рыбаков. Для них я покупал старые сети в Териоках в большом количестве.

Работа с этими товарищами оставила во мне самое лучшее впечатление. Не говоря о преданности делу, подкупала их простота и большая горячность без всякой эффектации. Действовали они решительно, шли, что называется, на рожон, но всегда без промаха. У них был метод прямого удара, и он оказался самым рациональным, ведь перед ними лежало открытое море, без извилин, спрятаться было некуда, они переплощались в настоящих рыбаков. Однажды, наехав в тумане на номерной островок, на котором находился постовой, на его окрик они ответили крепким русским словом и крикнули ему: «Не видишь, что ль, кто едет?» Часовой словно понял и сказал: «Так бы и сказали, а то может контрабандисты».

Путь железной дорогой был очень разнообразен. Существенную помощь оказывали финны: машинисты, кочегары, кондуктора, проводники и т. п. Оружие прятали в угле, дровах, в паровых котлах, опуская его в воду, привязывали под вагонами, провозили в бидонах с молоком — одним словом, изощрялись самыми невероятными способами, и я не знаю случаев провалов.

В Петербурге с вокзала или из депо уносили в своих рабочих корзинах, не возбуждая никакого подозрения.

Товарищи из Боевой группы и студенческая молодежь, ими организованная, провозили на себе, нагружаясь на наших дачах. Важно отметить, что граница в Белоострове не являлась единственным опасным пунктом, где сновали сыщики, зорко следившие за приезжавшими. Чтобы избежать этой опасности, транспортеры, подъезжая к Петербургу, в условленных местах выбрасывали оружие на ходу поезда ожидавшим товарищам и приезжали на вокзал совершенно чистыми. Перечислить всех участников этой работы нет возможности, но главными транспортерами были: «Молекула» (Студентский), Березин, Эйнерлинг, Соня Хосудовская (Сагрето), Кассесинова, Фаня Шмидт, Канина, Нина Иов, Рудановский, Резцов, Биншток, Баранникова, Януш, Дурова, Рябковы и др. Так как всех вышеизложенных способов все-таки оказалось недостаточно, пришлось обратиться к помощи профессиональных контрабандистов, провозивших оружие за деньги. С одним из них был любопытный случай, о котором стоит рассказать.

Узнав, какой товар и с какими целями нужно перевезти через границу, контрабандист отказался от платы, заявив: «Денег мне не надо, прошу лишь в случае победы революции, указать на мое безвозмездное участие и помощь и поместить в газетах мою фотографию».

К сожалению, пока не удалось выяснить, кто это был, — он до революции не дожил и был убит пограничником при провозе воза с сигарами.

Ко всем названным путям надо прибавить еще один, широко использованный. Около местечка Дюны существовал через пограничную речку пешеходный мостик. Осматривались только вещи и пакеты, на себе же можно было пронести все, что угодно, и при искусстве самонагружаться способ этот был очень надежным.

Следует рассказать о случае, из ряда вон выходящего транспорта, который к сожалению во всей полноте не осуществился. Это — ожидаемое оружие с парохода «Джон Графтон». Буренин сообщил: «Приготовьтесь к получению большого количества в несколько сот пудов». Возник вопрос: как оправдать привоз такого количества в имение?

Я решил привести в исполнение уже давно возникшую у меня мысль — использовать в качестве удобрения залежи золы, накопившейся в громадных количествах и в течение многих лет бесцельно лежавшей на территории свалки Петербурга. Эта зола получалась от сжигаемых отходов с городской бойни и по произведенному мной анализу содержала много фосфорной кислоты. Испытание ее в виде удобрения лугов еще ранее дало блестящие результаты. Как в нашем имении, так и у соседних финнов спрос на нее был громадный.

Она отправлялась вагонами из Петербурга в Финляндию на те же станции, куда отсылалось оружие, и всему делу был придан хозяйственно-коммерческий характер. Потянулись со станции подводы с золой, и никому в голову не пришло бы заподозрить что-либо другое. Из крупной лабораторной работы следует отметить мою работу с Березиным по перегонке мелинита из пикриновой кислоты. Березин целый год не мог избавиться от желтизны глазных белков.

На опыты с бросанием бомб приезжали наши химики, и хотя мне не позволяли, я все же учился их метать. Динамит из Ахи-Ярви тоже переправлялся на дачу и передавался товарищам, которые его провозили способом самонагрузки. Женщины часто пользовались сильными духами, чтобы перебить неприятный миндальный запах, который никаким способом нельзя было заглушить.

Во все время моей работы не было сколько-нибудь серьезных провалов, которые отразились бы на деятельности боевой группы, и потому, когда наступила реакция и было решено свернуть работу Боевой группы, легко было использовать Ахи-Ярви для этой цели. Во многих глухих местах имения, в лесу, еще готовясь к приему оружия с «Джона Графтона», были вырыты глубокие ямы, кругом повалены деревья, чтобы затруднить подход к ним: в них-то и были опущены ящики с оружием и патронами и разные другие материалы, относящиеся к взрывчатым веществам. Сверху все это было закрыто досками, бревнами, засыпано землей с наложенным сверху дерном и даже посажены елки, некоторые из которых принялись.

Несколько лет назад один из этих складов был обнаружен. Лес был вырублен, бревна сгнили, в яму провалилась корова. Крестьяне наткнулись на ящики и, вскрыв их, увидели ружейные патроны и снаряды. Патроны эти были манлихеровские, а снаряды для экспроприированной из гвардейского экипажа пушки «бабушки».

Местные власти, не вникая в суть дела, решили, что все это хранилось с петровских времен и дальнейшего расследования не последовало.

А. Игнатьев

РАБОТА В ФИНЛЯНДИИ

Финляндию можно с полным правом назвать «красным тылом 1905 года».

В истории нашего революционного движения она играла важную роль красного тыла в течение целого ряда лет. Тридцать и более лет тому назад либеральная и радикальная буржуазия («пассивисты и активисты») была доведена диким походом российского самодержавия против автономии Финляндии до логического вывода. Она убедилась тогда в необходимости оказывать систематическую поддержку революционному движению в России вообще и нашей большевистской партии в частности. Без этой чрезвычайно ценной туземной помощи в Финляндии там была бы немыслима значительная часть тогдашней огромной конспиративной работы русских большевиков.

В начале нынешнего столетия через Финляндию в грандиозных размерах проходила транзитом из-за границы в Россию наша нелегальная литература. В Выборге в 1906-07 гг. нелегально печаталась газета «Пролетарий». В 1905-07 гг. Финляндия служит для многих политических эмигрантов по-

следним этапом при их возвращении из-за границы в Россию для революционной борьбы с царизмом. Для многих из них Финляндия была временным убежищем от преследования царских жандармов и сыщиков. В. И. Ленин в течение двух лет также был вынужден часто пользоваться «гостеприимством» этой страны. Как из Швейцарии в ноябре 1905 года в Россию, так и обратно в декабре 1907 года он проезжал через Финляндию. В. И. Ленин подолгу проживал в Финляндии, недалеко от русской границы. Да и в Гельсингфорс Владимир Ильич нередко наезжал и останавливался у меня.

По мере приближения в России революционного взрыва 1905 г., вопрос о транспорте оружия через Финляндию становился для нашей большевистской фракции все более актуальным.

Во главе революционной техники большевиков стоял член ЦК Л. Б. Красин, один из крупнейших большевистских организаторов.

По транспорту оружия усиленно работали тогда Буренин и Игнатьев.

Особые наши «спецы» — Ю. Грожан, «Чорт» (Богомоллов), И. И. Березин и др. — работали в Гельсингфорсе, главным образом, по части взрывчатых веществ. К транспорту оружия я лично также имел некоторое касательство, но не в такой степени, как раньше к транспорту литературы¹⁾, а скорее лишь постольку, поскольку у меня на квартире был вообще явочный большевистский пункт в Гельсингфорсе. Ко мне нередко являлись товарищи, приезжавшие в Гельсингфорс специально по этим делам. Ко мне же из магазинов приносили пакеты с браунингами, которые в «дни свобод» в Финляндии закупались в Гельсингфорсе Бурениным и др. Ко мне, между прочим, неоднократно являлся, знавший меня еще с детства по Пскову (я по рождению пскович) химик, проф. (кличка «Эллипс»). По его поручению, например, я в футляре фотографического аппарата носил однажды из своей квартиры к одному видному финскому активисту бомбу, которая из Питера была привезена специально для демонстрирования активистам. На следующий день они вместе с («Эллипсом») приняли «научную» экспедицию в шхеры, на один необитаемый остров, где на просторе производились эксперименты.

Насколько активисты были заинтересованы в этой учебе, можно судить уже по тому, что они даже предоста-

вили «Эллипсу» накануне возможность в университетской химической лаборатории зарядить бомбу. Этой лабораторией тогда временно заведывал их единомышленник, доцент химии доктор Г. Матсон. Активистка Эбба Прокопэ, прозванная нами для конспирации Марией Ивановной, сообщила мне по телефону на «эзоповском языке» о времени, подходящем для работы «Эллипса» в лаборатории.

У меня бывали также и приезжавшие из-за границы товарищи, обвитые бикфордовым шнуром. Такие вещи не могли храниться на моей квартире, куда часто приезжали самые ответственные партийные работники. Кроме того нередко у дома, где я жил, взад и вперед сновали шпики. Мне удалось у одного финского с.-д., по профессии мебельщика, найти подходящее место для временного хранения взрывчатых веществ, которые так или иначе попадали ко мне. Со мной вели, так сказать, предварительные переговоры о закупке для нас в Финляндии оружия активисты — братья Нюман и др. С Н. Е. Бурениным мы условились даже о подробной терминологии для переписки, в том числе и телеграфной, на случай транспорта оружия, при чем динамит назывался «дядей», бомба — «тетей» и т. д., литературу же мы уже раньше окрестили «сестрой».

Во время первой революции в России Финляндия была не только «красным тылом», там работала и военная организация РСДРП(б). В дни Свеаборгского восстания в августе (нов. ст.) 1906 года финские рабочие в лице своей Красной гвардии приняли активное участие в вооруженной борьбе с царизмом и своей кровью запечатлели солидарность с нашим революционным пролетариатом. Тогда впервые в Гельсингфорсе пролилась кровь финских рабочих в борьбе с финскими белогвардейцами. 12 лет спустя, в апреле и мае 1918 года, финляндская буржуазия с помощью германских штыков обагрила кровью революционных пролетариев, можно сказать, почти каждую пядь земли в Гельсингфорсе и в других городах и селениях Финляндии.

Тогдашние с.-д. вожди финляндского пролетариата — большевистской партии в Финляндии тогда еще не было — не последовали осенью 1917 г. ценным советам наших великих вождей Ленина и Сталина взять власть в руки организованных рабочих. Был упущен благоприятный момент нанести поражение буржуазии. Вот одна из главнейших причин разгрома финляндской революции 1918 г. В кровавой бане, устроенной «патриотами» революционному пролетариату, принимали самое активное участие и многие наши прежние финляндские помощники и «попутчики» в борьбе с царизмом. Это в первую очередь были так называемые активи-

¹⁾ См. «Прол. Рев.» № 1 (1926 г.), стр. 119. В. Смирнов. «Революционная работа в Финляндии».

сты, или буржуазные «революционеры» 1903—1908 гг. Они сбросили с себя революционную маску и уже во время мировой войны предстали в своем натуральном виде: сначала они превратились в тайных агентов и шпионов германского империализма, а в 1918 г. в явных палачей революционного пролетариата.

В. Смирнов

А. М. Игнатьев с лошадью „Лизой“ в Тюрсево на даче, где жила С. И. Буренина. Дача эта служила этапным пунктом для налаживания конспиративных дел. А. М. Игнатьев приехал, чтобы вывезти кого-то из эмигрантов. „Лиза“ служила для перевозки оружия, литературы и мн. др. (фот. доставил Н. Е. Буренин).

ЗАГОТОВКА ОРУЖИЯ

ЗАГРАНИЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПО ДОСТАВКЕ ОРУЖИЯ В РОССИЮ В 1905 году.

Когда в 1905 году революционное движение вышло на улицу и вооруженное восстание после III съезда стало лозунгом нашей партии, вопросы технической подготовки революции, начали приобретать все большее и большее значение в практической работе партийных организаций. Среди этих вопросов особенно важным был вопрос о массовой заготовке оружия. Так как возможности получения его внутри страны при тогдашних условиях были весьма ограничены, то необходимо было озаботиться привозом его из-за границы. При большом несоответствии между финансовыми средствами Центрального комитета партии и стоявшими перед ним задачами естественно, что снабжение оружием происходило преимущественно в децентрализованном порядке, путем посылки местными организациями за границу собственных агентов, которые закупали оружие и, пользуясь транспортом центральных или окраинных организаций, с большим или меньшим успехом направляли закупленные партии в Россию по назначению.

Логика революционной борьбы 1905 года толкала на этот путь вооружения и мелко-буржуазные российские революционные партии. Массовыми заготовками оружия и вооружением рабочих занимались под влиянием революционизированной рабочей массы даже некоторые меньшевистские организации, несмотря на яростную борьбу, которую вели с нашей партией руководители меньшевизма вокруг лозунга вооруженного восстания. Так, вместо того, чтобы предугадывать практические пути рабочему классу, меньшевики плелись в хвосте революционного рабочего движения.

Естественно, что из всех европейских стран наибольший интерес в смысле закупки оружия представляла Бельгия. Ее оружейные заводы, особенно льежские, издавна пользова-

лись мировой известностью, в особенности в области изготовления револьверов, которые были в то время излюбленным оружием революционной борьбы в России. Достаточно упомянуть, что Бельгия снабжала царскую армию знаменитыми наганами, и что настоящие браунинги производились (и производятся) на всю Европу так называемым «Национальным заводом военного оружия» в Герстале, около Льежа. Необходимо далее иметь в виду, что Бельгия в то время, несмотря на долгое господство католическо-клерикальной партии, была одной из наиболее свободных и наименее полицейских стран, где русские революционеры не встречали почти никаких стеснений при проживании, передвижении и занятии делами своих организаций. Это обстоятельство имело особенное значение в 1905—1906 гг., когда по настоянию царского правительства усилились репрессии против русских революционеров в Германии, которая была и является главнейшим конкурентом Бельгии в производстве оружия. Наконец, Бельгия привлекала российские революционные организации в отношении закупки оружия также и тем, что Брюссель был местопребыванием Международного социалистического бюро — центра социалистического Интернационала. При недостатке связей и незнакомстве с заграничной обстановкой, выезжавшие за границу для заготовки оружия представители организаций, естественно, часто обращались за помощью к Международному социалистическому бюро в Брюсселе.

По этим причинам с осени 1905 года в Брюссель и Льеж стали приезжать для закупки оружия представители разных организаций нашей партии, а также мелкобуржуазных революционных партий — частью непосредственно из России, частью от заграничных центров. Некоторые из них производили закупки, используя случайные связи, преимущественно в многочисленной русской колонии в Льеже (там было свыше 1 000 студентов и отчасти эмигрантов из России) — большинство же обращалось за содействием в Международное социалистическое бюро. Секретарь последнего, Камилл Гюисманс, поручил одному из наиболее видных членов льежской организации Бельгийской рабочей партии (так называется реформистская социалистическая партия Бельгии), некоему Гаспару, оказанию содействия российским революционным организациям в покупке оружия в Бельгии.

Поздним летом или осенью 1905 года кто-то сообщил мне в Льеже¹⁾, что Гаспар закупает оружие по очень высоким це-

¹⁾ В то время я жил в Бельгии в качестве студента университета в Льеже, куда попал в 1904 г. в результате «безвозвратной» админи-

нам и делает при этом надбавки в свою пользу. По проверке сообщение о Гаспаре оказалось соответствующим действительности. Я написал в Женеву, в ЦК партии. Там был поставлен вопрос о том, чтобы потребовать от Международного социалистического бюро привлечения к ответственности Гаспара и аннулирования данного ему поручения относительно снабжения оружием российских революционных организаций. Было решено послать Е. Д. Стасову, бывшую в то время в Женеве, кажется, секретарем заграничного бюро ЦК, в Брюссель вместе со мной для урегулирования этого дела. Е. Д. Стасова, с которой мы были хорошо знакомы по партийной работе в Петербурге, приехала ко мне в Льеж, и мы вместе отправились в Брюссель к Гюисмансу, с которым мне уже до того приходилось встречаться по партийным делам. Гюисманс вызвал Гаспара из Льежа, и на заседании вчетвером выяснилось, что действительно из снабжения российских революционных организаций бельгийским оружием он устроил прибыльное для себя предприятие. Когда Гаспар вышел, и мы остались вдвоем, Гюисманс, к нашему удивлению, упомянул мимоходом, что он, давая поручения Гаспару, и не думал, что Гаспар должен делать это безвозмездно. Он согласился, однако, с нами, что Гаспара надо отстранить от этого дела. Было решено, что Международное социалистическое бюро разошлет циркулярное сообщение российским организациям, связанным с Международным социалистическим бюро, что мандат Гаспара на покупку оружия аннулируется.

Примерно в октябре 1905 года Московский комитет партии прислал из Москвы специального уполномоченного, приехавшего, насколько помню, под фамилией Васильева¹⁾, с довольно значительной суммой денег для закупки оружия в Льеже. Этот товарищ приехал из Берлина с явкой от «Отцова» (д-р Житомирский), который ведал техническими делами нашей партии в Берлине и, как известно, впоследствии оказался провокатором²⁾. Оружие для Васильева (главным образом маузеры с деревянным ложем и браунинги) мы купили и отправили несколькими партиями через Германию и Финляндию (впоследствии я узнал, что некоторые из этих

стративной высылки из России, которой подвергся в качестве иностранного подданного. По приезде в Льеж я был там сперва единственным большевиком, будучи связан с Женевской организацией нашей партии, потом, по приезде нескольких других большевиков, образовал большевистскую группу, входившую в «Заграничную организацию РСДРП», основанную III съездом партии.

¹⁾ Васильев-Южин, — С. П.

²⁾ Подробнее о нем см. В. К. Агафонов. «Заграничная охранка», стр. 342. — С. П.

отправок провалились, — вероятно, стараниями д-ра Житомирского).

В результате покупок оружия для Васильева и истории с Гаспаром я познакомился с оружейным рынком в Льеже и завязал непосредственные сношения с некоторыми более солидными фирмами. По какому-то случаю мне пришлось представить в Международное социалистическое бюро письменное удостоверение от ЦК нашей партии, что я являюсь агентом ЦК в Льеже по техническим делам. Повидимому, основываясь на этом, и, может быть, из опасения повторения случая с Гаспаром, Гюисманс стал направлять ко мне всех представителей российских организаций, обращавшихся к нему за содействием в заготовке оружия. Вскоре после ликвидации истории с Гаспаром приехал ко мне с письмом от Гюисманса Карский¹⁾ от социал-демократии царства Польского и Литвы, купивший несколько сот браунингов, которые я отправил по его указанию через Берлин. За таким же содействием обратились ко мне вскоре после этого представители Бунда, приехавшие купить браунинги для самообороны, Литовской социал-демократии и других организаций, каких именно, — теперь не помню.

Примерно в феврале 1906 года я получил из Женевы сообщение, что ко мне обратится за содействием по важному делу «Феликс» (М. М. Литвинов). Через некоторое время «Феликс» вызвал меня в Париж и сообщил о поручении ЦК закупить значительные партии винтовок, револьверов и даже пулеметов. Я должен был обследовать рынок в Льеже, найти подходящее оружие, получить предложения, наметить фирмы, на молчание которых мы могли бы рассчитывать, обдумать технические детали закупок, расплаты, отправки и по, — словом, проделать необходимую подготовительную работу. Закупки, имевшиеся в виду М. Литвиновым, носили значительно более серьезный и планомерный характер, чем все прошедшие до этого через меня закупки оружия в Льеже. Выбор оружия и фирм-поставщиков имел поэтому особенное значение.

Обращавшиеся ко мне до М. Литвинова представители наших и других партийных организаций закупали главным образом автоматические револьверы; револьверов с барабаном, за исключением некоторого количества наганов, никто не покупал. Характерно, что сперва шли почти исключительно браунинги и имитации браунинга, калибра 7,65, а затем, по мере того как массовая вооруженная борьба в России из области дискуссий переходила в реальность, спрос был преи-

мущественно на автоматические револьверы большого калибра — маузеры, парабеллумы, манлихеры и др., — с деревянным ложем, которые приближались уже к действительному боевому оружию. Кто-то (кажется, Московский комитет) в придачу к маузерам и браунингам купил небольшое количество автоматических винтовок.

В общем и целом, автоматический револьвер был главным оружием 1905 года. Декабрьское восстание показало, однако, его недостаточность для баррикадной борьбы. В плане М. Литвинова, приехавшего за границу в начале 1906 года, главное место занимали уже винтовки.

По возвращении из Парижа в Льеж я обратился к разным фирмам и стал выяснять возможности скорейшего получения значительных партий однотипных винтовок. Наиболее подходящим оружием для нашей цели являлись кавалерийские карабины вследствие их легкости и портативности. Но получить карабины и вообще винтовки новейших систем было очень трудно. Изготавливаемые лишь по заказам соответственных правительств, они на рынке не предлагались (и, как правило, никогда не предлагаются), так что приобрести можно было лишь случайные небольшие партии. Заказать же на заводах было невозможно из конспиративных соображений, да и времени не было, так как М. Литвинов торопился доставить все до наступления осени 1906 года в Россию. Пришлось поневоле заинтересоваться оружием более старых систем, проданным разными правительствами на рынок вследствие перевооружения их армий. Известная льежская фирма Шредер, у которой я закупал оружие, предложила нам партию в 50 или 60 тысяч швейцарских винтовок старого образца по цене, кажется, 4 франка за штуку (низкие цены на такое оружие объясняются тем, что правительства при перевооружении армий продают старые ружья «в лом»). Другой из моих поставщиков, Гартог, предложил несколько тысяч винтовок Маузера, представлявших значительно более совершенное оружие, чем упомянутые швейцарские винтовки, но все же по какой-то причине оставленных бельгийской армией, для которой они были изготовлены. Эти маузеры нуждались в какой-то переделке. Кроме этих двух было несколько менее интересных предложений на винтовки и много всяких предложений на автоматические револьверы всевозможных систем, размеров и конструкций.

Через некоторое время приехал М. Литвинов, познакомился со Шредером и остановился на упомянутых предложениях швейцарских винтовок и маузеров, однако винтовок не купил и уехал. По его поручению приехали Буду Мдивани и С. И. Кавтарадзе, которые ознакомились самым детальным об-

¹⁾ Ю. О. Мархлевский. — С. П.

разом с предложениями и образцами, произвели ряд испытаний, и тогда только мы купили у Шредера упомянутую партию швейцарских винтовок, лежавших на складе не то в Швейцарии, не то в каком-то порту Средиземного моря; у Гартога — партию маузеров со склада в Льеже, с условием переделки их на заводе в Льеже; много автоматических револьверов разных систем, но одного калибра, с деревянным ложем и значительное количество патронов к этому оружию. Мдивани вскоре уехал из Льежа, а Кавтарадзе остался для приемки и пробыл в Льеже около трех месяцев — примерно от мая до июля 1906 года, ввиду необходимости приемки маузеров в мастерских по мере их переделки. Когда выяснилась медленность этой переделки, мы купили у Шредера случайную партию совершенно новых винтовок новейшей системы Манлихера со склада в Триесте. Это было лучшее из всего оружия, закупленного для экспедиции М. Литвинова. Уже после отъезда Кавтарадзе в Льеж приезжал по тому же делу Камо, который интересовался особенно автоматическими ружьями и вообще достижениями техники в этой области. Я ходил с ним к разным фабрикантам. Большое впечатление он произвел на Шредера своими вопросами и осведомленностью в деле оружейной техники.

Работа по закупке оружия усиливалась до поздней осени 1906 года, Гюисманс продолжал направлять ко мне обращавшихся к нему за содействием в покупке оружия представителей российских организаций. В этом порядке мне давал между прочим ряд поручений по закупке и отправке оружия представитель южных комитетов нашей партии. Польская с.-д. партия через своего представителя в Берлине несколько раз присылала заказы на браунинги. Карский приезжал вторично в Льеж. Поручения на покупку оружия поступали и иными путями, например, через д-ра Житомирского в Берлине. Приезжал также представитель Латышской с.-д. партии, закупивший партию оружия.

Большую помощь в организации и работе по закупке и отправке оружия оказывал мне мой товарищ по университету Л. Д. Нерсесов, по своим убеждениям и настроениям стоявший близко к нашей партии, хотя и не вошедший в нее. Это был исключительно честный, способный и дельный человек, много сделавший для правильной постановки дела. Будучи прекрасным техником, он оказал также большие услуги Кавтарадзе при приемке и переделке оружия. Дело было сложное, хлопотливое, а привлекать к нему нового человека было опасно, чтобы не провалить его, — особенно человека из многочисленной русской колонии, где тайны особенно скоро становятся общим достоянием. Даже наша партий-

ная группа, образовавшаяся уже после того, как я вовлек в дело Нерсесова, долгое время ничего не знала о закупках оружия. Только впоследствии, с переездом из Брюсселя в Льеж старых партийцев А. И. и Л. Р. Шаповаловых, я посвятил их в это дело, и они приняли участие в работе. К сожалению, Шаповалов не мог отдавать много времени этому делу, так как был вынужден зарабатывать на существование тяжелым 10-часовым трудом на заводе.

Главным нашим поставщиком был упомянутый уже купец Шредер, старый немец, владелец большой фирмы, хорошо относившийся к нам и зарекомендовавший себя, как солидный и лойяльный купец. Когда мне впервые нужно было купить партию браунингов, я отправился в Герсталь, на «Национальный завод военного оружия», где ко мне сперва отнеслись подозрительно и стали расспрашивать, кто я и зачем мне нужно оружие, но когда я заявил, что я — болгарин и оружие нужно для Болгарии, мне разъяснили, что завод непосредственно продажей оружия не занимается, а делает это через своих агентов-представителей, и направили к фирме Шредер в Льеже. Шредер — осторожный и солидный купец — должен был тоже побороть некоторые сомнения, прежде чем решиться вступить в постоянную деловую связь со студентом-иностранцем и продавать мне, на мое имя, значительные количества оружия. Вначале он верил тому, что оружие идет на Балканы, куда в то время шло много оружия для македонских, армянских и албанских революционеров, но вскоре скрывать стало трудно, потому что стало необходимым поручать ему отправку в разные города Северной и Восточной Германии. К этому времени я убедился в его солидности и умении молчать и сообщил ему однажды, что оружие предназначается для российских революционных организаций. Он стал более осторожен, изъял мою фамилию и адрес из своих книг и переписки, начав записывать все сделки на другое, фиктивное имя и на это же имя выписывать счета и фактуры. Царского правительства боялись даже в далекой Бельгии, а с балканскими правительствами, понятно, никто в этом отношении не считался. Впрочем, отношения своего Шредер не изменил, а постепенно, в процессе деловых сношений, даже и улучшил. Он оказывал мне множество услуг, и даже были случаи, когда он, доверяя на слово, выдавал нам погрузные документы на значительные партии оружия без предварительной оплаты счетов. Это было проявлением большого доверия, ибо в случае неуплаты ему нечего было взять с меня, да и в суд идти было невозможно, так как это только скомпрометировало бы его. Узнав вместе с Нерсесовым, что существуют какие-то установленные заводом оптовые

скидки на браунинги, прогрессивно возрастающие по мере увеличения покупок, я не без борьбы добился от Шредера того, что он показал мне эти заводские условия, и заставил его делать и мне скидки, предусмотренные для продажи перепродавцам. Так как партии, которые я покупал, не были достаточно велики, чтобы получить максимальную скидку, я заключил договор на фиктивное имя с обязательством заказа большого количества браунингов, после чего я стал получать даже небольшие партии браунингов по минимальной цене в 31 или 33 франка вместо официальной цены в 45 франков (а первые доставки Гаспара, насколько помню, были по 50—52 франка). Я теперь уже не помню, сколько браунингов мы купили в Льеже. Их покупали в Льеже для нелегальной отправки в Россию, конечно, и помимо меня. Главным же образом увеличился вывоз их в Германию, Австро-Венгрию и другие страны, откуда они шли теми или иными путями в Россию. Вспоминая слова Шредера, что производство браунингов на заводе в Герстале увеличилось более чем вдвое за время революционных событий 1905—1906 гг. в России.

Другой интересной фигурой среди наших поставщиков оружия был Гартог, старый полковник в отставке, представлявший ряд крупных германских оружейных заводов. Он также знал, для каких целей мы покупаем оружие, и разыскивал для нас, пользуясь своими связями, подходящие типы револьверов, ружей и пулеметов по всей Европе. Другие купцы, к которым мы обращались, не знали, куда идет покупаемое нами оружие. Впрочем, помимо Шредера и Гартога мы купили сравнительно небольшие количества.

Когда закупки оружия приняли еще большие размеры, особенно, когда мы решили купить несколько десятков тысяч винтовок для Кавказа, Шредер решил, что проведение по бухгалтерским книгам столь значительных партий на фиктивное имя сопряжено с серьезными опасностями, и просил меня найти какого-нибудь солидного бельгийца, на имя которого он мог бы проводить по своим книгам все закупаемые нами партии оружия, чтобы иметь возможность дать объяснения полиции и заводам, если бы они обратили внимание на отправки больших партий по нашим заказам. Тогда я поехал с М. Литвиновым в Брюссель (это было, вероятно, в мае 1906 г.), и мы переговарили с Гюисмансом, которого посвятили в планы предстоящих крупных закупок оружия в Льеже. Гюисманс проявил большую готовность помочь, заявил, что наиболее целесообразно было бы закупить оружие на имя Вандервельде или де-Брукера, и взялся с ними переговорить. Отказался ли Вандервельде или его не было в Брюсселе в тот день, но Гюисманс свел нас с де-Брукером, который не

только дал свое согласие фигурировать в роли номинального покупателя больших количеств оружия, но и предложил по собственной инициативе приехать в Льеж договориться со Шредером и вообще просил располагать им для этого дела, которое его, видимо, очень заинтересовало. Надо сказать, что де-Брукер, являющийся теперь крайним правым социалистом и другом российских контрреволюционеров, представлял тогда крайнее левое крыло бельгийской рабочей партии. Я был на его выступлении в Герстале в дни декабрьского восстания 1905 года перед рабочими того самого завода, который снабжал браунингами наши боевые дружины, и помню, как сейчас, его горячую, восторженную, блестящую речь, восхвалявшую революционные заслуги русского пролетариата и призывавшую бельгийских рабочих учиться у русских и следовать их примеру. Это была политически выдержанная речь, произнесенная по-французски в бельгийской обстановке.

Имя де-Брукера, принадлежащего к одному из наиболее старинных аристократических родов Бельгии, вполне устроило Шредера и даже очень ему импонировало. Для урегулирования всех деталей де-Брукер приехал в Льеж. Моя работа проходила с этого времени в тесном контакте с ним, ибо он не только дал свое имя для нашего дела, но и действительно интересовался им и оказывал нам много услуг. Я много раз ездил к нему в Брюссель, и он довольно часто приезжал ко мне в Льеж, что вызывало любопытство в русской колонии, не знавшей, какое дело нас связывает. Отношение де-Брукера ко всему этому делу было выше всех похвал. Он тратил на наше дело много времени, энергии и даже средств, делая много больше того, что мы просили, и делал это просто и хорошо, напоминая скорее русского революционера, чем бельгийского социалиста. Впрочем, и Гюисманс, который был значительно правее де-Брукера, оказывал нам много услуг. Между прочим я вспоминаю, что крупные средства, которые ЦК отпустил тогда М. Литвинову на закупку оружия для Кавказа, хранились у него.

Закупленное оружие отправлялось нами или продавцами по нашему указанию в разные пункты Германии и Австрии небольшими партиями на «предъявителя» накладных. Приезжавшие для закупки оружия представители организаций чаще всего брали с собой эти накладные, иногда я посылал их по конспиративным адресам. В Берлине и других пунктах, куда направлялось оружие, его получали на железной дороге обыкновенно местные социал-демократы, связанные с российскими революционными организациями, и отправляли дальше

к границе. Непосредственно из Льежа к пограничным с Россией германским и австрийским пунктам мы, понятно, оружия никогда не направляли. После какого-то провала в Берлине в некоторых немецких газетах появилось известие, что через Германию — и особенно через Берлин — проходят в Россию большие количества оружия для революционных целей, и что в Льеже имеется специальная русская организация для его закупки. Пришлось принять новые меры предосторожности. Мы стали направлять оружие из Льежа в Западную Германию, в Ганновер, Аахен и другие города, исходя из того, что там будет меньше надзору при выдаче его с железной дороги. В Льеже никогда осложнений с полицией не было. Только в самом начале у одного бундовца, имевшего отношение к закупке оружия для Бунда, полиция произвела обыск, но ничего особенного не нашла и не арестовала его.

Особенно сложной задачей являлась отправка в Россию разных партий оружия, купленных по поручению М. Литвинова. Ему удалось заручиться для этого дела поддержкой македонских революционеров, особенно известного македонского деятеля Наума Тюфекчиева, блестящего «техника» македонской революционной организации, изобретателя и фабриканта македонских ручных бомб, сыгравших такую роль в македонском революционном движении. По плану М. Литвинова, все оружие должно было быть направлено разными путями в Болгарию, сконцентрировано в Варне и погружено на пароход для отправки на Кавказ, при чем для болгарских властей и в случае обыска парохода официальным назначением оружия была Турецкая Армения, а отправителем — македонская организация. Купленное в Льеже оружие мы посылали в Болгарию по указанию М. Литвинова и Наума Тюфекчиева, с которым я переписывался по делам транспорта (между прочим, не будучи знакомы друг с другом, мы, два болгарина, переписывались на французском языке). Тюфекчиев исполнил взятые на себя обязательства, и план М. Литвинова был выполнен до конца. В конце ноября 1906 года я поехал в Болгарию и через несколько дней по приезде встретил в Рушуке М. Литвинова, который отправлялся в Варну для дачи последних распоряжений. Через несколько дней я узнал из газет, что на один из немногих островов Черного моря, вблизи румынского берега, был выброшен бурей пароход, нагруженный оружием. А несколько позже в румынском сенате был по этому делу неприятный для болгарского правительства запрос одного из сенаторов. Так кончилась эта блестяще организованная М. Литвиновым необыкновенно сложная операция массовой отправки в Россию военного оружия.

Перед отъездом из Льежа я передал все дела по закупке и отправке оружия А. И. Шаповалову, которому помогал П. И. Турпаев. Последний был меньшевиком, членом объединенной (после стокгольмского съезда) группы с.-д. в Льеже. Это был дельный и преданный человек, привлечение которого стало необходимым вследствие раз'езда к тому времени всех большевиков из Льежа, кроме А. Шаповалова, который за отсутствием времени не мог один справиться с делом. Нерсесов к тому времени тоже уехал. Впрочем, с осени 1906 года закупки оружия в Льеже пошли на убыль. А когда осенью 1907 года я на короткое время приезжал в Льеж, я узнал, что они сильно сократились. Тогда же А. Шаповалов мне сообщил, что приезжавший в мое отсутствие для ликвидации разных дел М. Литвинов сжег оставленный мною архив, в котором между прочим, было много интересных материалов по закупке и отправке оружия в Россию в 1905—1906 гг.

Б. Стомоняков

РАБОТА ПО ЗАКУПКЕ ОРУЖИЯ

1906 год. Лето близится к концу. Меня освобождает харьковская судебная палата под залог в 400 руб. из Холодногорской тюрьмы в Харькове. Товарищи мне передают, что охранка, по их сведениям, собирается меня снова арестовать и советуют на полгода или год уехать в Бельгию, где рабочие сочувствуют русской революции, где устраивают сборы для последней, где, наконец, мне, как металлисту, можно будет найти работу.

В конце сентября я таким образом очутился в столице Бельгии, Брюсселе. Несмотря на конец сентября, там стояла теплая и почти жаркая погода. На рынках продавалось множество цветов. По улицам двигалась чисто, хорошо одетая, прилизанная бельгийская толпа, среди которой моя измятая шляпа, мой обтрепанный, разнокалиберный, сборный с чужого плеча костюм и весь мой довольно растрепанный вид являлись диссонансом.

Отголоски русской революции 1905—1906 годов, несмотря на все плотины, которые спешно строила против нее перепуганная и удивленная европейская буржуазия, доносились сюда и находили живой отклик в сердцах западно-европейских рабочих. События в России были настолько грандиозны, что замалчивать их для буржуазии было совершенно

невозможно, и ежедневно даже во всех буржуазных газетах печатались сообщения под особой рубрикой: «Русская революция».

Под влиянием настроения рабочих, очень благоприятного для русской революции, верхи социалистических партий оказывали содействие русским революционерам. Так, К. Гюисманс, секретарь Международного социалистического бюро в Брюсселе, бельгийский аристократ Луи де-Брукер, представлявший собой тогда левого социалиста в Бельгии, оказывали содействие Б. Стомонякову, давая деньги в кредит для закупки оружия для русской революции и указывая среди бельгийцев товарищей, на помощь которых в этом деле можно было рассчитывать.

Оружейным центром для всей Европы являлся тогда г. Льеж в Бельгии, в котором исстари изготовлялось кустарным способом всевозможное оружие. В его пригороде Герстале (Herstal) сооружены были огромные оружейные фабрики, в том числе «Национальная фабрика оружия и автомобилей», где изготовлялись знаменитые револьверы системы Браунинг. Последние, благодаря своим хорошим качествам и малым размерам, позволявшим прятать револьвер в кармане, особенно подходили для боевых дружин русской революции и покупались нами в большом количестве.

Б. С. Стомоняков, будучи болгаринком из г. Рушук, казалось, воплотил в себе все идеалистические черты русского интеллигента-революционера и присоединил к ним коммерческую расчетливость и деловитость немца. По указанию Гюисманса, он покупал браунинги через посредство бельгийского социалиста Альфонса Гаспара, генерального секретаря союза металлистов всей Льежской провинции.

Вскоре Б. Стомоняков убедился, что браунинги того же качества и той же фирмы можно покупать на 30—40% дешевле через немецкого купца Шредера, жившего тоже в Льеже. Одновременно он выяснил, что А. Гаспар брал себе лично за услуги по закупке оружия русской революции слишком высокие «комиссионные». Б. Стомоняков, работая сам не только безвозмездно, но даже тратя на дело закупки свои личные средства, получаемые им от отца, возмущился поступком А. Гаспара и возбудил против него дело в Международном социалистическом бюро в Брюсселе.

Получив возможность обходиться без дорогостоящей нам помощи Гаспара, Б. Стомоняков продолжал покупать браунинги через вышеупомянутого германского купца Шредера. Последний, заинтересовавшись личностью Б. Стомоня-

кова, был поражен его необыкновенной преданностью интересам русской революции и не раз ему говорил:

— Я удивляюсь, глядя на вас, почему вы так стараетесь для русской революции, выторговывая у меня для ее интересов последний сантим? Я понял бы вас, если бы вы были русский, но ведь вы — болгарин.

Узнав, что я приехал в Брюссель, Б. Стомоняков, собиравшийся на подпольную работу в Россию, предложил мне, согласовав предварительно всю работу с «Папашей», переехать из Брюсселя в Льеж и взять на себя руководство покупкой оружия.

Приблизительно в октябре я взял на себя это руководство и в то же время для заработка поступил токарем-металлистом в механическую мастерскую бельгийского социалиста Оливье в Герстале.

Так как я целые дни, кроме воскресений, проводил на заводе и лишь сохранял за собой общее руководство закупкой оружия, то главная тяжесть работы лежала на товарищах «Лизе Большой» (Лидии Романовне Шаповаловой) и Петросе Турпаеве.

Первая — большевичка с 1902 года — во время революции 1905—1906 гг. работала в Харькове в военной организации, организовав склад оружия и патронов в старом сарае своей матери, и временами хранила у себя в комнате под кроватью динамит целыми чемоданами. Второй представлял собой идейного меньшевика, работавшего с нами лишь под влиянием личности Б. С. Стомонякова, которого он глубоко уважал за искренность и преданность делу революции.

Каждый день к вечеру, когда к 9 часам я возвращался и ужинал в своей комнате на rue de Forie, 24, где также жил и П. Турпаев, мы проверяли, что было сделано за прошедший день, и намечали план действия для следующего дня.

Для того, чтобы можно было быстро получить требуемые для закупки оружия суммы денег, последние были положены в сберегательную кассу на имя Лидии Шаповаловой. Однажды, придя к вечеру домой, я узнал от нее, что первая попытка ее получить из вложенных денег что-то около 600—800 бельгийских франков совершенно не удалась. Выяснилось, что по бельгийским законам женщина из денег, даже ее собственных, вложенных на ее собственное имя, может получить без письменного разрешения своего мужа лишь 100 франков. Подивившись такой экономической зависимости бельгийской женщины от мужа, чего нельзя было встретить даже в нашей царской России, я принужден был написать требуемое разрешение на получение 800 франков.

Время-от-времени в нашу комнату на rue de Forie приезжал путешествовавший по революционным делам в Европе «Папаша». Мы давали ему отчет о совершенных операциях и получали от него новые инструкции для дальнейшей закупки оружия. Однажды, придя вечером к себе, я застал в своей комнате «Папашу» и приехавшего вместе с ним Камо. «Папаша» подготовлял тогда крупные операции по закупке оружия в Германии и налаживал для отправки его в Россию целый пароход. Камо принял самое живое участие в этом деле.

К сожалению, мой хозяин Оливье, у которого я работал, несмотря на принадлежность его к социалистической партии, эксплуатировал меня так жестоко, что временами я (в течение очень интенсивной 10-часовой работы на его заводе) так уставал к вечеру, что представлял собой буквально своего рода выжатый лимон. В таком именно виде я явился с работы и в этот вечер. Усталость моя была так велика, что я, несмотря на усилия своей воли, через каждые две-три минуты ловил себя на том, что начинаю засыпать. Камо при виде меня даже рассердился и со свойственной ему резкостью ругал таких старых революционеров, каким был я, назвал меня «старой калошей».

Попытки «Папаша» послать в большом количестве оружие на пароходе потерпели, как известно, неудачу. Пароход у румынских берегов сел на мель.

Из оставленных мне А. Стомоняковым дел мне необходимо было разобрать дело о А. Гаспаре, но я решил присмотреться к последнему. При этом я выяснил, что он представляет собой отнюдь не худшего товарища из среды бельгийских социалистов, а одного из лучших. Он понимал по своему интересы русской революции, интересовался последней и под влиянием русских рабочих-большевиков, живших в Льеже, стал эволюционировать в сторону марксизма. Появление марксистов для бельгийского рабочего движения представляло чрезвычайно ценное явление, ибо бельгийская рабочая партия была не-марксистская, и появление в ее среде марксистов, как А. Гаспар, Дельвин и другие, нужно было только приветствовать. Также мне бросилось в глаза, что в среде бельгийских социалистов царили совершенно другие, чем у нас, традиции и нравы, делавшие их совершенно непохожими на русских большевиков. Так, у них укоренилась привычка получать за партийную работу денежное вознаграждение, чем и объясняется, что А. Гаспар брал такое и от русской революции. Принимая все это во внимание, дело о Гаспаре пришлось временно замять.

Документ, переданный мне от К. Гюисманса, удостоверяющий очень высокий процент комиссионных за закупку для нас оружия, который брал А. Гаспар, я с объяснительной запиской переслал через Григория Алексинского В. И. Ленину, прося его указаний по этому вопросу. Но так как уже в это время Алексинский подготовлял разрыв с Лениным, чего я, сидя в Льеже, не знал, то эти документы Г. Алексинским не были переданы Ленину и пропали.

Что касается дальнейшей доставки оружия в Россию для нужд русской революции, то с ослаблением революционного движения в России в эти годы, с наступлением реакции и застоя в революционном движении, покупка оружия и доставка его в Россию была прекращена.

Самого А. Гаспара я встретил в последний раз в 1916 году в Париже, во время империалистической войны. Он представлял собой, как и Л. де-Брукер и Вандервельде, социал-патриота самой чистой воды. Я не заметил в нем уже никаких следов марксистского мировоззрения.

А. Шаповалов

ТРАНСПОРТИРОВАНИЕ ОРУЖИЯ В РОССИЮ

Январь 1906 года. Разогнан первый совет рабочих депутатов в Петербурге, подавлено вооруженное восстание в Москве, закрыты легальные социал-демократические газеты, в провинции охранка успешно устраивает антиеврейские и антиинтеллигентские погромы. Большевики поспешно сворачивают знамя, провозглашают конец первой революции, усердно занимаются угашением революционного духа пролетариата и готовят ликвидацию партии. Революционный авангард рабочего класса — большевистская партия — под руководством Ильича еще долго остается на боевом посту, не складывая оружия, призывая и подбадривая революционные отряды к новому штурму на самодержавие. «Мы еще повоюем». Особенно бурлит революционная энергия у рабочих Закавказья. Для них борьба еще только начинается, они готовятся к вооруженному восстанию в крупном масштабе. Раздобыв несколько сот тысяч рублей на революционные цели, они посылают с этими деньгами ходяков в Петербург, в ЦК партии, с просьбой закупить для них за границей и доставить оружие.

Я проживал в то время в Петербурге по паспорту Людвиг Вильгельмовича Нитца. Под этим именем я состоял организатором и администратором первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь». Одновременно с закрытием газеты охранка раскрыла мое настоящее имя и стала за мной охотиться. Приходилось искать новой партийной работы, и я обратился за указаниями в ЦК партии.

От имени ЦК «Никитич» (Л. Б. Красин) предложил мне на выбор: либо сопровождать Максима Горького в Америку и организовать там для него лекции и выступления, сбор с которых шел для партии, или же заняться за границей организацией закупки и транспорта оружия для закавказских организаций. Я выбрал последнее.

Свое бюро или «штаб-квартиру» я организовал в Париже, получив помощь нескольких кавказских товарищей, в том числе Камо.

С первых же шагов пришлось убедиться в колоссальных трудностях, которые предстояло одолеть при выполнении порученного мне дела.

Наступление реакции в России отразилось, конечно, на отношении к русским революционерам и эмигрантам буржуазного общества за границей и буржуазных правительств. В Англии еще свежа была память о неудавшейся попытке Гапона отправить в Россию оружие на пароходе «Джон Графтон». Царское правительство сделало английскому дипломатическое предостережение, и английская полиция была начеку. В союзной Франции подкупленная пресса вела кампанию в пользу царизма, подготавливая царский заем 1906 года. В Германии, где полиция Вильгельма всегда работала рука об руку с царской охранкой, преследования русских революционеров особенно усилились в 1906 году. При таких обстоятельствах тайная закупка больших партий оружия, переброска их через всю Европу и отправка из какого-либо порта являлась, по мнению западноевропейских социалистов, с которыми мне приходилось советоваться, совершенно невыполнимой задачей. Но Ильич нас учил с трудностями не считаться и невозможностей не признавать, и мы бодро, с полной надеждой на успех, приступили к делу.

Нужно было раньше всего остановиться на выборе наиболее удобного для Закавказья рода оружия, составить первый «импортный план». О закупке винтовок русского образца не приходилось и думать, так как, заказывая специально русское оружие, мы выдали бы себя с головой. По обсуждению вопроса с кавказскими товарищами мы решили закупить несколько тысяч винтовок системы Маузера

и Манлихера и соответственное количество патронов, а также несколько десятков пулеметов, затем, конечно, некоторое количество мелкого оружия.

При отъезде из Петербурга я получил от «Никитича», между прочим, поручение ознакомиться со вновь изобретенным портативным пулеметом, над которым в то время работал Л. Мартенс (нынешний председатель комитета по изобретениям). Преимущество этого пулемета состояло в его чрезвычайно легком весе, который почти не превышал веса русской винтовки. Описание пулемета и чертежи были найдены «Никитичем» вполне удовлетворительными. Мартенс просил денежной помощи для доведения дела до конца, и мне было поручено финансировать это дело по своему усмотрению.

По приезде за границу я первым делом отправился к Мартенсу в Цюрих для производства испытания. Испытание, однако, дало результаты неудовлетворительные. В отношении веса и внешнего вида пулемет не оставлял желать ничего лучшего, но единственный недостаток состоял в том, что он... не стрелял. Смущенный Мартенс объяснил это незначительным дефектом конструкции и занялся устранением его. Когда я через некоторое время вторично приезжал в Цюрих, результаты испытания оказались, однако, не более удовлетворительными. Пулемет давал через каждые несколько выстрелов осечку. Навлекши на себя подозрение местной полиции, Мартенс вынужден был перевести свою мастерскую в Лондон. Продолжая финансировать это дело, я решил, что усовершенствование этого изобретения и массовое производство мартенсовских пулеметов потребует слишком много времени и что целесообразнее для транспорта оружия искать пулеметов другой системы.

Наиболее портативными из существовавших тогда пулеметов считались датские, изготавливавшиеся на датском правительственном заводе. Я снесся с этим заводом через гамбургскую фирму Франке, и через несколько дней датский офицер привез в Гамбург образцы пулеметов для испытания. Само собой, он не должен был подозревать о действительном назначении пулеметов, и в переговорах с ним я вместе с одним товарищем-латышом¹⁾ фигурировал в качестве офицера армии республики Эквадор. Образцы были мною одобрены и дан маленький заказ.

Винтовки и патроны мною заказывались через фирму Шредер и К°. К делу мною был привлечен учившийся тогда

¹⁾ И. Г. Лютером.—С. Л.

в Льеже Б. С. Стомоняков. Значительное содействие мне оказывали тогдашний секретарь Международного социалистического бюро Камилл Гюисманс и нынешний друг и соратник российских контрреволюционеров и тогдашний революционный социалист де-Брукер, от имени которого были даны все заказы. Маузеры были заказаны заводу в Бельгии же, а патроны к ним — на правительственном заводе «Дейтше Ваффен-Фабрик» в Карлсруэ. Существенным условием успеха дела мы считали возможность скорейшей доставки оружия и отправку его, во всяком случае, не позже лета того же 1906 года. К сожалению, заводы не брались изготовить все намеченное нами количество в нужный срок. Пришлось поэтому наряду с маузерами заказать и некоторое количество винтовок другой системы, а именно Манлихера. К счастью, удалось напасть на готовую партию манлихеров, заказанную каким-то правительством, не выкупленную им и находившуюся на складах в Триесте. Партия досталась нам по сравнительно дешевой цене, хотя винтовки были совершенно новые, без всяких дефектов. Патроны к ним были заказаны на заводе Штейера (Австрия).

Так как заказы были даны через бельгийскую фирму, пользовавшуюся в оружейном мире солидной репутацией, то они никаких подозрений не вызывали. На заводах я являлся в качестве бельгийца, представителя этой же фирмы. Все заказы были выполнены к сроку, испытание и приемка были произведены мною лично вместе со специалистами.

Небезынтересный эпизод произошел при приемке патронов на заводе в Карлсруэ. Явившись к директору завода, отрекомендовавшись ему в качестве бельгийца и объяснив цель своего приезда, я получил от него малоутешительное сообщение, что в Карлсруэ находится также приемочная комиссия русского правительства. Директор предложил мне поехать с ним к этой комиссии, чтобы вместе отправиться на стрельбище для производства испытания. Пришлось принять это предложение, познакомиться с русскими офицерами и на несколько часов даже подружиться с ними. Они дали мне весьма ценные авторитетные указания при испытании патронов, благодаря чему несколько ящиков патронов были мною забракованы.

Одновременно с закупкой оружия приходилось думать о гораздо более сложной задаче — о собирании заказанного оружия с разных заводов, из разных стран в одном порту и вывозе его оттуда. Об открытой доставке оружия в Батум или какой-либо другой черноморский порт не приходилось

и думать. Мы рассчитывали произвести выгрузку в открытом море, недалеко от турецко-кавказского побережья, на небольшие фелюги — парусные лодки, на которых должны были выехать нам навстречу кавказские товарищи. Найдется ли капитан парохода для такого рискованного предприятия? Удастся ли законспирировать отправку в порту? Как укрыться от бдительного ока царских ищек в портовых городах? Каким образом усыпить бдительность таможенных властей, которые должны знать порт назначения каждого парохода?

Я объехал почти все порты Голландии, Бельгии, Франции, Италии и Австро-Венгрии, советовался там с местными партийными товарищами, с синдикалистами и профсоюзами моряков, и все они в один голос уверяли в абсолютной неосуществимости нашей затеи. Встречали они меня, впрочем, чрезвычайно радушно, выслушивали меня с громадным интересом и проявляли энтузиазм и готовность к максимальному содействию. В память врезался мне один курьез. Когда я явился к секретарю партийной организации в Роттердаме и изложил ему цель моего приезда, он мне спокойно предложил явиться на следующий день, так как «по воскресеньям он о делах не разговаривает».

Путем исключения западно-европейских портов пришлось остановиться на Болгарии, но это создавало новые затруднения. Поскольку отправка оружия из таких крупных портовых городов, как Роттердам, Антверпен или Марсель, может иметь своим назначением любую страну земного шара и, в частности, южно-американские республики и Марокко, обильно снабжавшиеся тогда оружием из Европы контрабандным путем, постольку Болгария может быть отправочным пунктом лишь для России, и наша конспирация, в таком случае, ничего не стоила бы. Я вступил в связь с македонскими революционерами и нашел весьма услужливого, хотя далеко не бескорыстного агента в лице представителя македонского комитета Наума Тюфекчиева (он был убит кем-то во время империалистической войны испытанным болгарским способом). Обсудив с ним положение, мы решили добиться разрешения болгарского правительства на доставку оружия в Варну с тем, чтобы оно было отправлено оттуда контрабандным путем якобы в Турецкую Армению. Дело должно было быть изображено болгарскому правительству в таком виде, будто македонские революционеры помогают армянам в их попытке организовать восстание против общего врага — Турции. Так как македонцы пользовались в то время поддержкой и полным содействием болгарского правительства, то Тюфекчиев в успехе не сомневался. И он не

ошибся. Не берусь, однако, утверждать, оказались ли болгарские чиновники нашими соучастниками из чистого патриотизма и ненависти к Турции, или же действовали по побуждениям менее благородного характера. Как бы то ни было, нам был обеспечен совершенно легальный пункт назначения для закупленного оружия: мы могли давать заводам и складам ордер на совершенно открытую отправку товара в Болгарию. Помнится, что мы натолкнулись на некоторые затруднения при транзитном провозе оружия из Бельгии и Германии через Австрию, но и эти затруднения, благодаря «любезности» всемирной транспортной конторы Шенкер и К^о, были устранены. Поскольку, однако, мы не могли открыто говорить о транзитном характере груза в самой Болгарии, нам пришлось заплатить болгарские ввозные пошлины. Я подозреваю, однако, что болгарское казначейство от наших операций не обогатилось и что мнимые пошлины были ценой за любезность и услужливость самого Тюфекчиева и его высокопоставленных болгарских сообщников. Это подозрение у меня возникло впоследствии, когда я увидел вагоны с оружием в Варне запломбированными таким образом, как будто груз шел открыто транзитом и болгарской таможней не вскрывался. Я нисколько, однако, не жалел об уплаченной мзде, которую Тюфекчиев полностью заслужил.

На $\frac{2}{3}$ задача была выполнена. Оставалось организовать отправку из Варны. Большим тоннажем болгары не обладают, и те немногие пароходные линии, которые там существовали, наотрез отказались взяться за отправку оружия без легального назначения и за контрабандную выгрузку в открытом море, рискуя своими пароходами и жизнью команды. Призывы к патриотизму и необходимости оказать содействие союзным по борьбе с Турцией армянам не действовали. Я решил купить собственное суденышко и вызвать для него надежную команду из России. И мне действительно удалось купить в Фиуме за сравнительно небольшую плату в 30.000 франков небольшую яхту, сделавшую переход из Америки в Европу и по своей вместимости вполне годившуюся для наших целей. Купил я ее на свое имя, прописавшись в Фиуме по болгарскому паспорту брата Наума Тюфекчиева. Отремонтировав яхту на острове Люсин Пиколо и приспособив ее для товарных перевозок, я отправил ее в Варну со старой командой, обеспечив последней обратный железнодорожный билет до Фиуме. В Варне оружие должно было быть перегружено из вагонов на яхту, для которой была выписана из России команда, и затем отправлено в заранее условленное место, где приемку должны были организовать кавказские товарищи.

В Варне все было готово для отправки в июле или августе, и я не сомневаюсь, что все сошло бы благополучно, если бы мы могли тогда же произвести отправку. Произошла, однако, заминка финансового характера.

Дело в том, что поручение я получил в начале 1906 г. от большевистского ЦК. Спустя несколько месяцев в Стокгольме имел место так называемый Объединительный съезд, на котором меньшевики выбрали в ЦК большинство своих сторонников. Узнав о перевыборах, я решил, что данное мне поручение будет аннулировано, и, как лояльный партиец, послал «прошение об отставке». Велико было мое изумление, когда новый ЦК, очевидно, под давлением кавказской организации, подтвердил мой мандат и предложил мне продолжать и закончить начатое дело. Но, якобы благословив меня на продолжение дела на словах, новый ЦК на деле прекратил всякую поддержку. Я в самом начале не был достаточно предусмотрителен, чтобы перевести за границу всю предоставленную в мое распоряжение кавказскими товарищами сумму, выписывая деньги от ЦК по мере надобности. До стокгольмского съезда мои финансовые требования удовлетворялись «Никитичем» без всяких задержек, и я, в свою очередь, имел возможность аккуратно оплачивать счета, укрепляя свое положение и доверие к себе со стороны коммерсантов, с которыми приходилось мне иметь дело. С переходом же ЦК в руки меньшевиков в пересылке денег наступили серьезные перебои. На телеграммы и письма в ЦК я подолгу не получал ответов, просьбы о денежной помощи оставались гласом вопиющего в пустыне. Я протестовал, ругался, указывая, что успех дела зависит от своевременной отправки оружия в спокойную погоду, до наступления осенних штормов в Черном море, и т. д. Деньги не присылались, не приезжала выписанная мною из России команда. Видя, что делу грозит несомненный крах и что письмами и телеграммами на меньшевистский ЦК не воздействуешь, я вынужден был отправиться в Петербург, где не без труда удалось вырвать от ЦК остаток закавказских денег, оказавшийся уже значительно урезанным. В Болгарию удалось вернуться лишь поздней осенью, и благоприятное время оказалось упущенным. Пришлось наскоро произвести погрузку, хотя присланная из Одессы команда большого доверия мне не внушала. Думать о замене малонадежного капитана другим товарищем не приходилось. Я возлагал свою надежду, главным образом, на своих собственных сотрудников по работе, посаженных мною на судно, среди которых находился такой испытанный революционер, как Камо. С облегченным сердцем я смотрел с берега на удалявшуюся яхту, и мне ме-

решилось уже полное осуществление революционного предприятия, над которым я работал десять месяцев.

Увы! — через 3 дня я узнал в Софии, что благодаря шторму, а, может быть, благодаря неопытности и трусости капитана, яхта села на мель недалеко от румынского берега, команда разбежалась, рискуя попасть в руки румынской полиции, а оружие растащено румынскими рыбаками. Я немедленно выехал в Бухарест, но спасти из оружия ничего не удалось, так как о происшествии стало известно российскому посольству, которое немедленно приняло свои меры. Я тогда же написал в ЦК энергичный протест, возложив на него ответственность за срыв предприятия.

Некоторое время спустя капитан яхты, вернувшись в Одессу, был схвачен полицией и перевезен в Петропавловскую крепость. На допросе капитан (имени его я не помню) дал «чистосердечные показания» и сообщил о моей роли в этом деле. Если не ошибаюсь, это привело к дипломатическому конфликту между Россией и Болгарией. К делу, действительно, были причастны не только второстепенные болгарские чиновники, но и члены болгарского правительства. Личная встреча была у меня в Париже с тогдашним болгарским военным министром, ген. Савовым, которому я, между прочим, предлагал купить мартенсовское изобретение.

Так кончилась вторая и последняя попытка массового ввоза оружия в царскую Россию для революционных целей. Первая попытка была сделана Гапоном, и к ней я имел следующее отношение.

Летом 1905 г. ко мне в Ригу¹⁾ приехал Буренин и сообщил, что Гапон совместно с эсерами погрузил в шотландском порту оружие на пароход («Джон Графтон»), не позаботившись об организации приемки. Эсеры обратились в ЦК

¹⁾ По вопросу о доставке оружия в переписке В. И. Ленина и Н. К. Крупской с российскими организациями за 1905 г. имеется следующее письмо «Феликса» (М. М. Литвинова) из Риги: «26/IX. Дорогие друзья! Преследует меня мысль о доставке оружия. Мог бы совершенно освободить для оружия прошлогодние пути, но где взять деньги? Готов я чорту душу продать ради презренного металла. Как счастливы м-ки: перевозка «жгучей потребности самовооружения» им ничего не стоит, а вот наши упорные рабочие не склонны удовлетвориться этим. Браунинги можно покупать в России большими количествами, но нужны ружья, в особенности маузеровские, складные. Пироксилин, взрывчатые материалы можем получать через наших солдат-артиллеристов. Минная р-та (рота) в крепости — вся наша, прямо рвется в бой. Там все люди сознательные, бывшие сормовцы...». Архив Института имени Ленина, письмо № 691. — С. П.

нашей партии за содействием, и вот Буренин привез мне от ЦК поручение взяться за это дело.

Изучив карту Прибалтики, я путем исключения открытых портов остановил свой выбор на острове Наргене (Nargø), близ Ревеля. Недолго думая, я отправился на этот остров, обошел его кругом и выяснил численность находившейся на нем пограничной стражи и условия охраны. Оказалось, что пограничники поочередно обходят остров в одиночку раз в сутки, в определенные часы, и что в то время как дежурный пограничник находится на одном конце острова, на другом конце можно беспрепятственно работать несколько часов, и что по ночам вообще никакого обхода не бывает. Я выработал следующий план: на берегу острова заранее заготавливается достаточное количество глубоких ям, способных вместить все количество привезенного оружия. Пароход с потушенными огнями прибывает к острову ночью и выгружает оружие на собственных лодках через посредство собственной же команды. На берегу люди выгружают оружие из лодок и прячут его в заготовленные ямы. Одной ночи для всей операции было бы достаточно. Постепенная перевозка оружия небольшими партиями с острова в Ревель никаких трудностей не представляла бы.

Выгисав из Петербурга и Ревеля надежную группу студентов и рабочих, мы немедленно приступили к работе. Поселились мы на острове у шведских рыбаков, которых пришлось, конечно, посвятить в нашу конспирацию. Днем мы из дому не выходили, чтобы не попадаться на глаза страже, и лишь по ночам, вооруженные заступами, мы отправлялись на берег и, вырвыши яму, покрывали ее хворостом, а сверху — землей. Работали все дружно, с огромнейшим энтузиазмом. Помнится, когда из города привезли газеты с манифестом о булыгинской думе, некоторые студенты вопросительно взглянули на меня, — стоит ли, мол, продолжать, и я должен был произнести небольшую речь о действительном значении булыгинских конституционных потуг.

Работать пришлось недолго. Через неделю пришло известие, что «Джон Графтон» разбился в финских шхерах. Каким образом пароход очутился в финских водах, успели ли эсеры снестись с Гапоном и дать направление на Нарген, выбрал ли капитан зигзагообразный курс из конспиративных соображений или же тут имело место сознательное предательство, — остается и по сию пору невыясненным.

М. Литвинов

ДОПОЛНЕНИЕ К ВОСПОМИНАНИЯМ М. М. ЛИТВИНОВА

Среди приехавших на помощь М. М. Литвинову кавказцев были, кроме Буду, еще Камо и один лысый меньшевик. М. Литвинов просил меня как-нибудь устроить им квартиры в Берлине. Камо и меньшевика я поместил на Эльзасерштрассе в меблированных комнатах, где проживало довольно много латышей, а Буду — в какой-то гостинице «Unter den Rosen Adler». Кавказцы ни слова не говорили по-немецки.

Отмечу два курьеза. С меньшевиком у нас загорелись самые отъявленные споры по аграрному вопросу. Во время одного такого спора Камо вышел из терпения и заявил мне, что готов с ним разделаться по-иному. Однако этого меньшевика уговорили войти в команду проектируемого парохода с оружием для Кавказа. С товарищем Буду была другая история: желая подешевле жить, он отправлялся завтракать в какую-то пивнушку и не пил утреннего кофе в гостинице. Когда я, пришедши к нему однажды утром, объяснил, что за это по правилам гостиницы он должен уплачивать на 50 пфенигов дорожке за номер, то он начал меня упрашивать потребовать кофе за прошедшие 6 дней сразу и помочь ему выпить. С трудом уговорил я его, что это будет неконспиративно.

М. М. Литвинов договаривался со мной, чтобы составить команду парохода из латышей и кавказцев. Проектировали поставить капитаном К. Янсона (Каптейнс), но он не согласился. В результате только один товарищ из латышей пошел механиком, фамилию его я забыл. Весною 1906 г. мы с Бурлаком (Заляйс-Грюнин) завели связи с гамбургской оружейной фирмой Адольф Франк. Купил я у Франка 500 маузеровских пистолетов и соответствующее количество патронов. Потом, выступая как атташе республики Эквадор, через эту же фирму купил на датском правительственном заводе 9 пулеметов (кавалерийских), а также от немецкого правительственного завода для той же республики 500 (или 1.000) килограммов динамита и 3 миллиона патронов, годных для пулеметов и карабинов (500 штук карабинов германского военного образца у меня были куплены в Берлине). Приемка пулеметов была устроена в Гамбурге на тире (стрельбище). Вот при этой приемке М. Литвинов и участвовал как офицер республики Эквадор и член комиссии. На память он расстрелял из пулемета свой носовой платок. Сохранил ли Максим Максимович эту память?

Своего рода интересный тип был этот А. Франк. Добровольцем он участвовал в англо-бурской войне на стороне

Вверху: М. М. Литвинов. Внизу: Б. С. Стомонаков.

буров. Впоследствии, сделавшись владельцем фирмы, он главную торговлю вел с колониями, поставляя повстанцам оружие. У него были свои весьма остроумные способы поставки оружия даже в Египет.

В августе 1906 года в Гамбурге случился небольшой провал и было арестовано три человека, с Зуте во главе.

Интересно, что немецкие с.-д., у которых упомянутые товарищи жили, особенно старательно передавали полиции все письма (которые потом прибывали по их адресам) и давали елико возможные сведения об арестованных. У А. Франкэ было произведено изъятие документов (т. е. моей переписки с ним о закупках), и он был привлечен свидетелем. К. Янсон (Каптейнс) проживал на квартире, указанной А. Франком, но не был арестован, и А. Франк мне передал всю корреспонденцию, которая приходила по этому адресу. Он был честнее немецких с.-д. Дал он такое описание Эжена Пьера (фамилия, под которой я тогда проживал), что я свободно бывал в Гамбурге, не боясь, что полиция меня откроет. Так как коносаменты, по которым оружие было отправлено, не провалились, и полиция имела данные только о покупке оружия, то при помощи К. Либкнехта арестованные товарищи были освобождены и высланы в Данию.

И. Лютер

РАБОТА В «БОЕВОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ГРУППЕ» 1905—1906 гг.

В конце 1905 г. моей квартирой стали пользоваться, как складом для оружия, через моего земляка Н. П. Сагредо («Андрей Андреевич»), замещавшего в то время организатора группы «Германа Федоровича» (Буренина). В ноябре-декабре я вошла в группу для работы по добычанию и перевозке оружия и взрывчатых веществ. Моими партнерами в работе были «Соня» (Хосудовская), «Матюшенция» (Нина, погибшая на Иматре), «Ольга» (Канина), «Илья» (Березин).

С названными товарищами встречалась, знала, что они работают, но, благодаря чрезвычайной конспирации, царившей тогда у нас, никогда не знала, что именно они выпол-

няют и где бывают. За поручениями приходила, как и другие, к «Андрею Андреевичу» в известное время. Вскоре у него встретила «Дмитрия Сергеевича» (Ю. А. Грожан). Сначала мне поручали переносить револьверы или патроны со склада на склад, когда приходилось либо менять склады, либо надо было замечать следы.

Вечерами собирались в наиболее чистых квартирах (в числе таких была на Б. Конюшенной квартира Люни Люро) и просвещались там нелегальной литературой, вслух читая об отношении большевиков к Государственной думе, к экспроприациям, о расхождении большевиков с меньшевиками, о постановлениях и резолюциях III съезда, о необходимости подготовки к вооруженному восстанию.

Всю зиму 1906 г. я провела в поездках в Финляндию за динамитом. Операция эта всегда обставлялась соответствующими предосторожностями. Чтобы быть вне подозрений, ехать приходилось в вагоне I класса. Динамит возили на себе, обматывая себя им, для чего брали компрессную вошанку и бесконечное количество бинтов. Выходило, что на обратном пути едешь значительно пополневшей.

Запах динамита был едкий и удушливый, особенно при испарении в теплом помещении; поэтому для заглушения запаха приходилось проводить большую часть времени на площадке вагона, несмотря на мороз.

В нашем обиходе динамит назывался «дядя». Говорили, например, что поехать надо за «дядей». Посредническую роль в снабжении оружием из-за границы играли финские полисмены и железнодорожники. В Выборг по этому делу я ездила к одному полицейскому (не помню сейчас фамилии). При поездках в Териоки у поезда встречал меня всегда молча «Роберт» — финский полисмен. Переглянувшись, он шел вперед, а я за ним на большом расстоянии до дачи, где в данный момент находился динамит.

Наши явки часто происходили на Владимирском проспекте, у зубного врача Немцова, куда мы приходили под видом больных, но шли в другую комнату.

В апреле 1906 г. Л. Я. Рудановский («Ордын») передал мне свою работу в окружной организации. С этого момента я начинаю ездить к рабочим Сестрорецкого оружейного завода и целиком ухажу в транспорт «стволов», «лож», т.е. ружей в разобранном виде. Эти поездки совершали еще «Адам Адамович», Лена Молчанова, «Петр» (Сулимов) — обуховец, живший тогда по нелегальному паспорту, «Ольга», «Илья», «Молекула» — Павел Студентский. Поездки совершались мною ежедневно с тем, чтобы увезти каждый раз от

двух до четырех стволов. Прodelывали это обыкновенно так: из полотенца делали помочи вокруг шеи, спускающиеся с плеч, к концам привязывали стволы ружей, сверху надевали пальто или платье. При чем при дальнейшем следовании сгибаться нельзя было. Держались прямо, точно аршин проглотив. Немало курьезов было на этой почве. Помню, как-то «Ольга», нагрузившись и обвязавшись, приехала из Сестрорецка в Питер и, идя по главной улице, увидела в зеркале магазина, как из-под юбки торчит два вершка ствола. Но все обошлось благополучно.

Сестрорецкие рабочие, выносившие оружие из завода, были: Анисимов, Емелянов, Шемякин, Корзинкин. Вынося ружья, они закапывали их в землю до нашего приезда, а мы переправляли их в город, в склады. По праздникам ездили с рабочими на лодке через озеро Разлив на пустынный берег и там пробовали наши револьверы, стреляя в цель, а после, собравшись в кружок, зачитывали имеющиеся новые прокламации, листовки, преимущественно по вопросам о бойкоте Государственной думы и о необходимости подготовки к вооруженному восстанию. Чтобы не возбудить подозрения при поездке группой на лодке, брали самовар и гитару, чтобы производить впечатление дачников.

Во второй период своей работы в Сестрорецке я сняла комнату в квартире матери «Саши Охтенского», на Верейской улице. «Саша» работал на Пороховом заводе и снабжал нас оружейными патронами. Он не жил с матерью, а помещался со своими товарищами по заводу на Малой Охте, где и оказал вооруженное сопротивление при попытке арестовать их.

В конце 1907 г. меня арестовывают по делу одного из товарищей «Саши Охтенского», за отсутствием улик выпускают, но с высылкой из пределов Петербургской губернии.

Случайно натолкнувшись на расшифрованную охранкой записную книжку Николая Сагрето и найдя там имя «Соломоныча», вспоминаю о нем небольшой эпизод. Он работал, кажется, организатором в Выборгском районе, непосредственно с нами не соприкасался. Как-то раз, возвращаясь домой, «Соломоныч» был арестован шпиком у своих ворот и посажен на извозчика, а в кармане у него были две обоймы от браунинга. Кроме этого, ничего компрометирующего у него не было. Отвязаться от этих вещей — и дело в шляпе. Но как это сделать, когда рядом сидит городовик и следит за каждым движением. Тогда «Соломоныч» решает пуститься на психологические воздействия. Поглядев пренебрежительно на городовика, «Соломоныч» резко поворачивается

к нему спиной. Городовик, видимо был оскорблен таким поступком со стороны «какого-то революционера» и, сплюнув также отворачивается спиной. «Соломонычу» только этого и надо было. Он быстро выбрасывает в снег две обоймы. По приезде в участок его обыскали и, не найдя ничего предосудительного, освободили.

М. Сулимова («Магда»)

УЧАСТИЕ СЕСТРОРЕЦКИХ РАБОЧИХ В ЗАГОТОВКЕ ОРУЖИЯ В 1905—1906 гг.

(Стенографическая запись воспоминаний сестрорецких рабочих 5/V 1925 г.¹⁾).

Поваляев Тимофей Ильич²⁾. Я хочу рассказать, как образовалась боевая организация в нашем местечке в 1905 году.

Приблизительно после 15 июля (после арестов среди рабочих) создалось такое положение, что нужно было что-то делать. И вот организовалась такая группа во главе с Емельяновым, которая взяла на себя организацию боевых дружин. Эта организация существовала приблизительно до 22 декабря 1905 г. По подсчету «Ордына»³⁾, в группе Емельянова насчитывалось несколько кружков, пожалуй, человек до 50—60.

Целью боевой организации было запастись оружием. Каждый из членов боевой организации должен был запасти хотя бы одну винтовку. Затем, в конце 1905 г., после ареста Совета рабочих депутатов произошли аресты⁴⁾. 22 декабря был арестован и Емельянов и некоторые другие участники боевой организации. После, когда мы сидели в тюрьме, там Емельянову, Анисимову и мне опять было предложено Центральным комитетом партии заняться работой. В тюрьме мы дали согласие поехать, куда нас назначит партия.

¹⁾ По предложению составителя этой книги, Истпарт поручил М. Л. Сулимовой собрать в Ленинграде данные об участии сестрорецких рабочих в деле заготовки оружия, что ею было выполнено и представлено в виде стенографического отчета вечера воспоминаний группы сестрорецких рабочих. — С. П.

²⁾ Продолжает работать на Сестрорецком заводе. — С. П.

³⁾ «Ордын» — Лавр Яковлевич Рудановский. — С. П.

⁴⁾ В материалах ленинградского отделения Центрального исторического архива имеется документ об аресте (дело ДПОО № 7235, 1905 г.). — С. П.

Просидели мы до 23 марта (1906 г.). Нам нужно было покончить со ссылкой и бежать в Финляндию, и заняться доставкой оружия. Анисимов, я и Емельянов поехали в Финляндию. Там от Центрального комитета нам было предложено перевозить оружие. Емельянов был более опытный на море и предложил нам доставку по морю. Мы на это решились. Мы имели в то время помещение в Териоках, у Савалайнена. Оружие доставлялось товарищами из интеллигенции — Игнатьевым («Гриша»), затем была «Лена»¹⁾, был Эйнерлинг («Адам Адамович»²⁾) и его жена, которая перевозила динамит. «Адам Адамович» был один из лучших советчиков в нашей организации. Он всегда говорил: «Вы не торопитесь, ребята. Лучше отмерьте семь раз, а отрежьте один раз». И мы всегда по его примеру поступали. Он был выдержанный, и его пример нас всегда сдерживал. Например, был такой случай. Мы только-что сбросили на берег оружие, когда убили Герценштейна. После его убийства был устроен митинг. У нас ящики были привезены на берег и положены в сосны. И вот валит масса народа, а какая-то девочка прыгнула на ящик и спрашивает: «Мама, что тут такое?». А у нас здесь «товар» лежит. Мы думали, что погибли. После, когда демонстрация прошла, мы успокоились, стали наваливать это оружие на лодку и поехали в Сестрорецк из Териок. По приезде в Сестрорецк нас опять ожидало маленькое несчастье. Когда мы ехали морем, пошел страшный туман, и мы путались. Вместо того, чтобы поехать от берега, мы попали к берегу и приехали к самой таможне. Чувствуем, что пропали: как раз обездчики стоят, и мы почти у таможни, потому что это была Дубковская дамба, и мы в этом районе и путались между охраной побережья и той дамбой.

Емельянов. Когда мы отправились, тумана не было, а поехали мы очень поздно ночью. Вдруг сделался туман такой, что зги не видать, и вот мы едем. Они на меня ругаются, а я правлю. Они говорят: «Ты нас завел, и мы погибли». Они гребут, им кажется, что лодка поворачивается, потому что во время движения туман завивается за корму и кажется, будто лодка поворачивается. А я, как только выехал, сразу заметил, откуда душок идет. Душок идет с берега, — значит, пружу по-своему и думаю, что верно. Вот едем, едем. Я говорю: «Не должно быть, чтобы мы в море вехали, — чувствую, что ветер». Это, если, думаю, только ветер отвернул. Потом мы уже обрадовались, слышим гудок: это паровоз гудит, — значит, у берега. Дальше едем. Едем, едем.

¹⁾ «Лена» — Елена Андреевна Молчанова. — С. П.

²⁾ «Адам Адамович» — Александр Станиславович Эйнерлинг. — С. П.

«Нет, — кричат, — ты совсем на берег едешь». — «Подождите, ребята». Весло опускаю, — дна не достать. Опять едем. Вдруг достали дно. В дамбу и в'ехали. «А, вот куда попали; значит, тут опасно, тут об'ездчики стоят». Потом выехали к берегу, вылезли, деревья громадные такие. Куда это нас завезло? К Ораниенбауму, должно быть, приехали. Не можем узнать берега. Поездили, поездили. Когда раз'яснело, мы в Тарховке сидим, на том месте, где и надо быть.

П о в а л я е в. Когда мы, поплутавши среди этих берегов, приехали к берегу и стали нащупывать, куда прибыли, — во время тумана кажется что приехали куда-то в горы, — не узнать. Потом вылезли на берег, но вода уже отбыла, и нам нужно было лодку тащить почти на себе. Мы несколько обождали, пока рассвело, так как там камыш, и лодку вытаскивать было нельзя.

Но было еще гораздо интереснее раз, когда мы боялись луны, и паруса лайбы, когда хотели топить динамит. После этого нужно было дожидаться, когда солнце пробьет этот туман. Солнце пробило туман. Нужно было нести то, что у нас было. Мы решили так: один будет сидеть на лодке, двое будут таскать. Делали это мы по очереди, как помню. Ружья надо было нести в мешках. Они выпячиваются, их видно. Мы наломали сухих сучков, вокруг мешков обвязали. Все обошлось благополучно. Но когда солнце вышло, приблизительно в 9 часов, то нам было невозможно возить, и мы ждали до вечера и по очереди караулили лодку. После этого мы свалили все в одно местечко, в погребке сложили и опять караулили, чтобы перенести потом.

Е м е л ь я н о в. И сами нелегальные и оружие несем, а тут как раз процессия похоронная, и чиновники знакомые. а мы как раз на них идем.

П о в а л я е в. Еще случай такой. Едем мы из Териок в Финляндии и везем оружие. Состояние очень напряженное тут охрана и там охрана. Там форт стоит и тут охрана по-бережная. Видит кто-то, что идут на парусе. Там как раз жандармы. Мы думали, что пропали. Мы говорим: «Давайте динамит в мешке, чтобы не погубить, опустим на поплавок». Это была, быть может, мальчишеская выходка, но мы хотели спасти динамит. И вот уже все связали, хотели опустить, и все-таки глазам не верим: что же это? Двигается, а не приближается. И когда мы ехали все вперед и версты за четыре под'ехали, видим, что просто лайба стоит на якоре и колышется. Может быть, это было уже от страха.

Е м е л ь я н о в. Ведь мы должны были проехать между фортом и дамбой. На дамбе об'ездчики, на форту жандармы,

и нам нужно проскользнуть между этими двумя опасными пунктами, а всего каких-нибудь три версты расстояния. Когда мы едем оттуда, и там форт стоит, а за фортом лодка, то она все из-за угла высовывается — нам и кажется, что из форта лодка едет: «ну, готово, ребята, попались». А это создалось потому, что когда мы оттуда отправили последний ящик, несли его с патронами, то генерал стоит и смотрит на нас из беседки, что мы делаем. Мы его не заметили. А дача на самом берегу. Мы все время носили эти ящики и не знали, что он стоит, а потом, когда последний ящик несем, глядим, а он как раз стоит и смотрит. «Ну, — думаем, — попались». Ехать или нет? Ну, решили ехать и как раз тут лодку и увидали.

П о в а л я е в. Когда мы ехали из Териок в Куоккала, везли на возу литературу, два финских конных нас догнали. Когда мы из Териок поехали, нам говорят, что если вас встретит кто, берите револьвер и говорите: «рошен революционер» [русские революционеры], вынимайте браунинг и показывайте, они удерут, но не будут вас арестовывать. И так мы все время ехали. Под'ехали к станции Оллила, вдруг у нас [что-то] развязывается. Только мы остановили воз, — слышим топ-топ: два конных едут, а у нас воз целый наложен литературой. И так благополучно прошло, нам не пришлось и пугать их: они посмотрели и проехали дальше. Мы думали, что это они маскировали [свое нападение на нас], — когда же мы поедem, они что-нибудь сделают, — но все сошло благополучно.

Е м е л ь я н о в. А потом после случая с генералом еще был случай, когда из Куоккала надо было провезти несколько верст динамит и оружие. Мы завязали воз как следует и поехали, а лошадь попалась слабая. Они отстали от меня чтобы подозрений не было, а я еду. В'езжаю в лесок, попадаются трое, и один спрашивает: «Дай спичек». Я молчу, чтобы не показать, что я русский. А там было сыщиков в это время очень много. Я думаю, что это, наверное, шпики. Они хватают за узду лошадь и останавливают. Я вижу дело плохо, и ребят наших нет. Я свистнул их, — нет, отстали далеко. А второй подходит к возу и хочет брезент вытащить из-под веревок. Я вижу, дело плохо, — что делать? Вот я остановился: как ему в ухо дам, — он в канаву. Тот опешил, а третий стоит у воза и не знает, что делать. Я его пинком и лошадь гоню вскачь. Лошадь у меня и упала на дороге. Я с лошадью не могу ничего сделать: она так замучилась, что упала. Потом уж старичок Антон Аантонович прибежал и наши: мы лошадь подняли и едва доволокли. Потом лошадь бросили.

Сулимова. Значит, это было в 1906 г., в апреле?

Повалаяев. Нет, главная работа происходила перед разгоном II думы.

После Финляндии мы выехали в Сестрорецк. Тут у нас началась работа совершенно другая. Мы стали среди сестрорецких рабочих доставать оружие,— конечно, частью за плату, за деньги, которые отпускались ЦК. И «Петр» тут был, и еще кто-то приезжал сюда. Были, конечно, случаи у нас очень неудачные, но в общем проходило неплохо. Мы много сотен ружей здесь достали. Отнимали ложа и в разобранном виде отправляли в Петербург. Потом то оружие, которое поставлялось из Финляндии, тоже здесь временно удерживалось, и вот в один несчастный день рабочие с Выборгской стороны, кажется человек одиннадцать, приехали сюда взять оружие, его неудачно связали, и один в Новой Деревне засел, а прочие десять человек прошли благополучно.

После этого началась сборка оружия в доме Емельянова и затем закупка у солдат патронов. Это все было в 1906 году. После этой операции, после всей этой работы нам с Анисимовым предложили переселиться в Петербург для выемки из порта оружия. Это, конечно, не совсем благополучно вышло. Мы имели связи. Я там нанял квартиру, сговорился с одним крючником и предполагал даже еще несколько человек поставить, так как из Франции пришел один пароход. Но здесь как раз к нашему несчастью нам прислал «Павел» двух нелегальных.

Была организована какая-то боевая дружина в Череповецком уезде: было убийство со стороны наших товарищей нескольких стражников, и с их стороны были убитые. Два человека из этой группы бежали, и их послали скрываться к нам. В то время как мы работали по доставке оружия, нам как раз навязали этот багаж. У нас имелись паспорта. Нам нужно было поехать в Петербург и выгружать с парохода оружие. Мы запаслись для этого паспортами, и когда увидели в таком положении наших товарищей, нам пришлось отдать им эти паспорта с условием, что если они запачкаются, чтобы нам сообщили. Лучше мы задержимся, но чтобы нас не замазать в нашей работе. Как раз этому товарищу Кузнецову, который у меня проживал, я дал паспорт и сказал, что если что неладно, ты лучше брось этот паспорт, но не пачкай, так как мне легче достать, чем сесть на той работе, которую мне придется исполнять.

[Потом] по слухам [оказалось, что] он был провокатор и потом он бежал из череповецкой тюрьмы. Я сидел в че-

реповецкой тюрьме 2 месяца, и там мне рассказывали про это. Потом его даже в Америке заметили и не дали ему среди [эмигрантской] публики находиться. И вот он отдал мне этот паспорт замазанным. Когда мы с Анисимовым должны были доставать оружие и должны были снять помещение и решили начать работу, приходит человек по адресу этого Кузнецова. Мы знали процесс этого Кузнецова, но не думали, что это — провокатор. Уложили его спать, а в результате, когда увидели, что дело не так просто, думали: убить его или нет? Посоветовались с Анисимовым. Он это заметил и в 11 часов ушел, а утром нас забрали, так что доставка оружия с парохода закончилась неудачей.

Этим наша деятельность по доставке оружия закончилась. Это было в 1906 году.

Анисимов, Иван Иванович. Я начну с ареста. Арестовали нас в 1905 году 22 декабря как членов Совета рабочих депутатов. Всего 17 человек: нас 4 и еще 13, всех работающих в партии. Были ли сведения у полиции или нет,— я не знаю, но факт тот, что с советом арестовали всех работников и Емельянова в том числе.

Мы вышли из тюрьмы 25 марта 1906 г. Нас выпустили в Новгороде, и в апреле мы прибыли в Сестрорецк. В Сестрорецке вечером ко мне приходят Емельянов и «Ордын» (Лавр), и тот говорит: «Вы убежали, вас арестуют, жить вам здесь нельзя. Если не хотите сидеть, отправляйтесь сейчас же в Финляндию. Идите на Белоостров к 8 часам вечера, а я из Питера приеду в 8 часов. Финская партия даст вам помещение, и вы будете в Териоках жить. Средства вам нужны будут такие же, как здесь, а помещение вам будет бесплатное. Мы все трое — Повалаяев, Емельянов и я — приехали в Териоки. «Ордын» не приехал на этот поезд, а приехал позже. Мы его дождались. Потом он зашел к таможенному чиновнику в Териоках, который нас отвел в второй день к Саволайнену, где у нас была квартира. Когда мне Повалаяев сказал, что ЦК предложил работать, я еще не был в курсе дела и не знал, что ЦК предлагает перевозку оружия, а думал, что просто «Ордын» предложил нам ехать в Финляндию, чтобы нас не арестовали. Мы там жили месяц. Ждали, ездили сюда. Потом остальные сбежали сюда, и никто их не трогал, и тогда решили и мы: раз их не трогают, уедем и мы. И мы уехали из Териок и квартиру оставили пустую. К осени 1906 года нам предложили поехать в Териоки и перевозить туда литературу.

Когда мы попали в квартиру к Саволайнену, то туда ездил целый ряд девиц и женщина с ребенком и оружие во-

зили по машине¹⁾). Но потом нам сказали, что по машине очень дорого и предложили организовать как-нибудь дешевле, и мы взялись тогда перевозить на лодке. Емельянов достал лодку с веслами парусную, сетки мы достали на всякий случай, что будто мы рыбаки, и в первый раз попробовали везти. И вот, когда все оружие привезли, мы на лодке подъезжали и все перевозили в известное место. Мы накладывали на лодку и в 10 часов отправлялись из Териок, а в час — два ночи приезжали в Сестрорецк. Они уже говорили, что проезжать приходилось самую границу, между фортом и между курортом. В курорте был пост пограничной стражи и в форту пост, — расстояние три версты. Эти три версты мы и проезжали. Поваляев говорит, что, может быть, это была мальчишеская выходка, что когда мы замечали что-нибудь, мы приготавливались связывать и пытались топить [динамит]. Я считаю, что это было вполне серьезно, потому что это было в резиновых мешках. Мы считали, что если нас капер заметит, он не увидит бы, что мы спустили, а так как у нас были сетки, то нас взяли бы только с сетками. Но мы знали бы все, где спустили, хотя, может быть, мы не нашли бы. Ночью, когда проезжаешь это место между фортами в тумане, все вещи кажутся очень большими. Выезжает лодка — она кажется пароходом. Кажется, что пароход идет прямо на нас — надо кидать. Туман рассеется — опять никого не видать: вместо парохода маленькая лодка. Временами было настроение очень плохое.

У нас были резиновые мешки с грузом, когда были динамит и патроны. Это завязано было крепко, чтобы вода не проходила. У резинового мешка была нитка, а на нитке — пробка или, вернее, маховка. На случай, если бы мы мешок утопили и оказалось бы, что нужно искать, пробка будет наверху плавать, и тогда можно найти. Найти очень просто. Когда мы отъезжаем, то можем сбиться, но когда тихая погода, эта пробка видна далеко, мы бы ее всегда нашли. Было это хорошо или плохо, но мы так думали. Возили литературу, возили динамит. Очень трудно нам приходилось вот когда. Ездить было ничего, когда ехали на лодке, но когда приезжали на берег, то надо было троим таскать оружие. Ввести другую публику мы не могли, и нужно было все перетаскать [самим]. 20—24 пуда таскать — это очень тяжело.

Емельянов. Ну, еще жены наши работали.

Анисимов. Когда едешь на лодке, идет луч прожектора, далеко шупает, но видят, что рыбаки, и нас принима-

ли за рыбаков. Никто никогда погони не делал. Правда, когда Герценштейна убили, мы думали, что попадем. Когда генерал смотрел, как мы ящики таскали, мы думали, что он по телефону сообщит полиции.

Поваляев. Мы на второй день читали в газете, что из Териок повезли в Кронштадт литературу. Это были вероятно его сведения. Но мы везли не в Кронштадт, а в Сестрорецк.

Анисимов. Это было в 1906 году. В 1907 году тоже мы возили, летом. Осенью 1907 года нам предложили поехать в Петербург. Нам было сказано, что такая перевозка дорога. Мы перевозили из Финляндии в Сестрорецк. Нам было поручено устроить так, чтобы пароход пришел в петербургский порт. Мы познакомились с матросами, с хорошими ребятами. Нам сказали: «Подумайте, нельзя ли из порта вывозить, если можно, тогда мы будем доставлять туда». С этой целью я поступил на Сельдяной Буян свердловщиком, нанял квартиру. Месяц я проработал, когда Поваляев ко мне приехал.

Достали мы паспорта, чистые бланки, заполнили их. Паспорта были крепкие. В это время «Павел»¹⁾ из провинции привез двух парней, Кузнецова и одного сапожника, который совершенно ничего не понимал в политике. Кузнецов и говорит: «Дайте мне ваш паспорт. Мне только прописаться, а потом я паспорт достану и вам верну». Он взял его паспорт и прописался на Малой Мастерской. Три дня он держал паспорт, вернул ему паспорт обратно, сам переехал на другую квартиру, и в эти три дня, вероятно, полиция заметила, что Кузнецов проживает по паспорту Степанова, но мы этого не знали, тогда Поваляев приехал ко мне в Гавань, на Опочинину улицу по этому паспорту и начинает жить. Мне хозяйка говорит, что был какой-то человек и спрашивал Степанова. Мы думали, что это матрос, которого к нам хотели прислать. Вечером я лег спать, Поваляев читал. Хозяйка говорит: «Пришел этот человек». Этот человек, как пришел, так впился глазами. Я вижу, что шпик. А потом смотрит на Поваляева и говорит: «Извиняюсь, я не туда попал. Тут жил Кузнецов, а теперь другие люди. Это мой товарищ, Кузнецов, и хотел на работу устроить». Мы говорим: «Ложись спать. Теперь вечер, куда ты пойдешь». Лег спать, но вертится, говорит: «У вас постель узкая, я лучше пойду, у меня тут кум живет». И ушел. Я говорю: «Это шпик, надо его выследить». Он говорит: «Что делать,

¹⁾ По железной дороге. — С. П.

¹⁾ «Павел», «Молекула» — Студентский, Павел Максимович. — С. П.

все равно возьмут». Утром в пять часов утра встал я на работу, кипячу чай. Вдруг звонок — «телеграмма». Открываю дверь, с ног меня сшибли, целая орава полиции. Захватили меня и его, и тем наша работа кончилась. Его отправили для опознания. Его арестовали как Кузнецова и отправили в Новгородскую губернию опознавать, а меня взяли за компанию в участок до выяснения личности, а потом я попал в группу анархистов, меня к ним причислили, и я три с половиной месяца просидел как анархист, а потом на допросе выяснилось, что я к ним отношения не имею, и меня выпустили.

Повалаяев. Как же на лодке мы с тобой ездили?

Анисимов. Я не был введен в курс дела. Я принимал участие, когда мы работали на Угольной, когда ящики делали, когда Боборыкин и Савельев отказались ложа отделять, потому что у партии не было денег. Тогда мы попросили постороннего человека. Он отделил, и остальные ложа отправили. После этого Шемякин отказался. Он предложил: «Немедленно же возьмите оружие или же я выкину его на улицу». Тогда пришел «Павел» и говорит: «Как хочешь, возьми к себе оружие». Я говорю: «Я живу нелегально, — как же я возьму?». Он говорит: «Лучше, чем на улице выкидывать, лучше к тебе привезем». И вот вечером два воза на лошадях привезли и на дворе выбросили. Но «Павел» дал слово, что привезет работников из Питера. И действительно, человек сорок приезжало и все ликвидировали.

В это время была реакция. Вот что я помню.

Теперь, какие были трудности с перевозкой динамита. Он страшно вонючий, голова от него болит страшно, семья вся угорала. Когда привезешь его, в подполье положишь, придешь домой, все дома лежат, болеют, невозможно дома сидеть. Он очень ядовитый.

Еще надо отметить, что большую роль здесь играл и мне нравился — это работник «Пчела»¹⁾. Он был очень осторожный.

Перевезли пудов 80 динамита, приблизительно, и литературы очень много. Ружей перевозили много, патронов очень много, револьверов много. Вот, приблизительно, что я помню.

Емельянов, Николай Александрович²⁾. Когда мне поручили организовать боевую организацию, я орга-

¹⁾ «Пчела» — И. Рябов. (См. «Пролетарская революция», № 3, 1922 г., стр. 215). — С. П.

²⁾ В 1917 г. скрывал Вл. Ил. Ленина в шалаше на ст. Разлив от ищеек Керенского. — С. П.

низовал ее большею частью из молодежи. Потом, впоследствии, когда нас арестовали, они сделали налет на стражников, что и прервало всю работу. В 1905 году мы разбили ее так: одна группа, которая была не проверена, работала только как революционная сила, которой дали задание вооружаться, вторая же была конспиративной и работала, возила из Финляндии литературу. Пешими ходили, литературу носили на себе в первое время. А оружие мы вытаскивали также с заводов. Я все время настаивал, чтобы не покупать оружие, а чтобы каждый носил, если есть сознание, а за деньги только можно спровоцировать. Патроны мы доставали через солдат и часто с нашего заводского стрельбища (там были у нас связи), а ружья — с заводов. Собирали у меня на дому, прятали также в доме. Часть передавали товарищам и часть передавали в Петербург. Вот все, что я могу в этом году отметить.

В 1907 году, осенью, когда мы были нелегальными, боевая молодежь потеряла руководство и стала отклоняться в анархизм. Она тут проявила некоторые выпады, устроила несколько экспроприаций, потом убийства стражников, городских и жандармов. Их была большая организация, около 60 человек. Мне пришлось только раз выехать на собрание. Я критиковал их действия, но это не помогло. Я не мог их убедить, потому что они были заражены и надеялись, что будет восстание и надо действовать, и их действие выразилось в убийстве городских и прервало всю работу.

Нам пришлось бежать в Финляндию. Потом мы опять стали собирать оружие. Собирали на дому. Была целая нелегальная мастерская, которую можно быстро ликвидировать в случае чего, побросав ненужное в воду. На этом можно закончить.

Матвеев, Александр Ильич¹⁾. Относительно оружия я могу сказать не так много. Только одно могу сказать, что когда, как Емельянов говорит, было сказано, чтобы каждый носил оружие бесплатно, тут как раз многие товарищи приносили из завода части и эти части все передавались Шемякину. Приносили бесплатно, а он за это брал. Это уж его грех. Его потом судили. Многие товарищи проделывали так: уносили с завода и несли на Госпитальную улицу к нашему дому; у нас огород был. Приносят и все в гряды суют — затворы, ложа, и в конце концов всего не вырыли — забывали; а как картошку стали выкапывать — там оказывается оружие.

¹⁾ Продолжает работать на Сестрорецком заводе. — С. П.

Вот относительно доставки литературы я могу сказать следующее. Когда товарищи сели или работали нелегально, наш подрайонный комитет завел связи уже с пограничниками, с солдатами, так что пограничники у нас были уже свои — в казарме местной команды, так и пограничники были свои. Главную роль из пограничников играли Степан Храмов и Винокуров, унтер-офицер.

Поваляев. Потом Винокуров провоцировал.

Матвеев. Доставка была такая. Я одну интересную доставку могу рассказать.

Привезли однажды, — осенью это было, в октябре месяце. Николай Емельянов, Владимир Охрпоткин и Илья Матвеев привезли в канаву сюда, к Кемперовой даче, нелегальную литературу. Прибежал брат Илья и говорит: помогай таскать литературу. Я на лодке переехал Разлив, начал эту литературу таскать. Литературу перетаскали, они зашли ко мне, закусили и разошлись. Мне надо было ее спрятать. А у нас осенью был как раз пожар у соседей, так что забор разгорожен, и от него имущество перебросано некоторое к нам, и как раз были две большие бочки. Я думаю: «Сложу в бочки на дворе и ими закрою, — никому и в голову не придет». Я эту штуку проделал, бочками эту литературу накрыл, а соседу бочки и понадобились, — он торговец был. Он послал своих молодцов бочки забрать. Те, как подняли бочки, — что-то неладно. Они приходят и говорят: «Хозяин, там у соседа что-то наложено». Я иду из двора, он стоит, хохочет, говорит: «Сосед, когда ты мне бочки отдашь?» Я вижу, дело некрасиво выходит. Говорю: сейчас поговорим. Я говорю: «В чем дело?». Он говорит: «Что у тебя под бочками?». Я говорю: «Есть маленький грешок». «Я, — говорит, — ребят послал; хорошо, что разболтать не успели, я предупредил». Я говорю: «Ты скажи, чтобы они были аккуратнее, потому что, хотя особенного нет ничего, но все-таки некрасиво может выйти, так что если я попаду за эту литературу, то есть люди, которые с ними рассчитаются». Он говорит: «Не бойся, будь спокоен». Он сам, оказывается, контрабанду из Финляндии доставал, так что сошлись.

Ну, и эту литературу в дальнейшем доставлял в Питер Фома Чухонец. Недели две пробыла эта литература. Потом его жена приехала и на возу с молоком увезла в Питер. Всей этой литературы тогда пошло пудов около 30, мне думается. Так что четверо два раза носили. Этот раз удачно сошло.

Несколько раз доставляли эту литературу тоже благодаря этим пограничникам. Доставлял ее в последнее время «Саша Безработный». Он потом попал в тюрьму и на какому-то торгу.

В это время у нас организация купила свою лошадь — «партийную», и на этой «партийной» лошади возила литературу. Несколько раз свезли благополучно, но было и неблагополучно. Приехал Антонов. Лошадь у меня на дворе стояла, в конюшне. Антонов привез воз литературы во двор и говорит: «Я сегодня утром должен выехать в Питер». А когда он еще только ко двору подъезжал, то два человека подходили, которые ему показались подозрительными, но он почему-то никому ничего не сказал. Это он говорил уже по выходе из тюрьмы. Когда он доехал до Лахты, его остановили и забрали. Говорят: «Куда везешь?». Он неграмотный был, адрес сел, успел уже уничтожить и говорит: «Меня в Новой Деревне должны встречать два человека». И вот они его лошадь оставили на Лахте, а его взяли с собой. Пришли в Новую Деревню, ходили-ходили, там, конечно, некого было встречать. И вот они говорят: «И дураки же мы: нам нужно было его с лошадью пустить, тогда подошли бы, и мы бы их арестовали, а теперь, конечно, никто не подойдет». Так его и посадили. Три месяца он отсидел, как неграмотного, его выпустили. Он говорит: «Наняли меня довести, а кто, — я не знаю». Лошадь так и погибла. Ее потом с аукциона продавали, но мы на аукцион не пошли.

Затем такое явление было. В одну ночь приходят ко мне пограничники и говорят: «Слушай, у нас несчастье случилось». А я знал, что в эту ночь должна притти литература. Я спрашиваю: «В чем дело?». «У нас, — говорят, — подвезли литературу, к самой границе, к Лебедевой даче, а весь наш пост сменили. Этот пост сняли и поставили других. Выручайте, — говорят, — нас во что бы то ни стало. Если вы нас не выручите и это останется на день, то мы должны пропасть». Никого ребят не было. Я опять обратился к этому Антонову и говорю, что вот такой случай, придется нам сейчас ехать. «Поедем», — говорит. Мы ночью выехали, а рогатка открывалась в 6 часов утра. Мы выехали часа в 4, остановились в дюнах, дождались 6 часов утра, и как только граница открылась, мы самым первым номером проехали. Проезд был свободный, пограничники нас пропустили. Я только говорю, что когда ты по мосту поедешь, сдерживай как можно лошадь тише, чтобы нам успеть хоть разглядеть. А там по одну сторону моста стоят наши пограничники, а по другую сторону финны. И там как раз у них фонарь против Лебеде-

вой дачи и освещает палисадник, а около палисадника лежат тюки. Я говорю: «Саша, как ты выедешь, так сворачивай прямо к тюкам и набрасывай назад несколько тюков, чтобы в случае, если стрелять будут, прикрыть воз, и сразу гони лошадь влево по дороге за Лебедеву дачу». Когда мы подехали, финн нас пропустил, мы сразу лошадь свернули, а пограничник пошел в свою будку. Наш солдат стоит на той стороне, смотрит. Мы побежали, сейчас же тюки набросали на воз, лошадь хлестнули и поехали. Когда мы отехали с версту, я говорю: «А куда мы поедем,— адресов у нас никаких нет?». А тогда снежная зима была. Он говорит: «давай подумаем». Мы постояли и вот что здесь произошло. По всей вероятности, когда мы доехали до этого места, фискал этот финн переехал нам дорогу на лыжах, потому что там узкий перешеек. «Давай попробуем один тюк на снег бросим: если он удачно ляжет, тогда так и оставим». Мы бросили один тюк,— зарылся хорошо. Давай остальные. Мы все тюки перебросали. Мы заровняли все, выехали за границу, нас сразу остановили: «Подождите». Ну, думаю, наверное сядем сейчас. Оказывается, выходит этот чиновник пограничный и говорит: «Довезите меня до рынка,— вам по пути». Мы его до рынка довезли. Когда приехали в Сестрорецк я нашел Павла Александрова, Леонида Егорова, членов Комитета, и рассказал, какая вещь произошла: солдаты мы выручили, а литературу, пожалуй, погубили. Ребята говорят: «Надо днем съездить посмотреть, хорошо ли сделали». Мы днем поехали и видим, что где брошена литература, незаметно совершенно и окончательно заровняли. Но через несколько дней мы увидели в финских газетах заметку, что найдена недалеко от границы русская нелегальная литература. Значит, за нами была слежка без сомнения. По всей вероятности, он боялся выйти навстречу, потому что не думал, что мы с голыми руками, а на самом деле у нас, кроме кнута, ничего не было, так как все делалось на скорую руку. И взяли они не всю литературу, а взяли только маленькую часть, несколько тюков, а остальное осталось и нам как раз не пришлось эту литературу выручить, она так и осталась,— как ни добивались, не могли ее взять. Весной появилась вторичная заметка в газетах: «Приехали дачники на дачу к финну, и, оказывается, у него вся изба прокламациями оклеена. Там пишут, что вот где крамола, а она у нас под боком распространяется — целые финские помещения оклеены». Вот это были две таких неудачи, что прямо как анекдот получился. Остальная вся литература проходила удачно. Препровождали ее в Питер; на Забалканском был газетчик, — на 6-м этаже, как сейчас помню, жил — и эту ли-

Вверху: конспиративная пристань для транспорта оружия, прибывавшего с моря для Боевой группы и дальнейшей его отправки. Берег моря (Финского залива) в Тарховке. Снято 6 мая 1925 г. Внизу, слева направо, позади: Н. А. Емельянов, И. И. Анисимов, А. И. Матвеев. Впереди: М. Л. Сулимова, Т. И. Поваляев.

тературу всегда доставляли в это единственное место к этому газетчику. А через Сестрорецк прошло литературы очень много, я полагаю, что больше сотни пудов за это время.

Теперь с местной командой нашей такой случай был. Были куплены патроны у солдат. Оказывается, что весь запас, какой у них был в складе, они нам и продали. Продать — продали, а сами не успели смениться и вот в один прекрасный день прибегают и говорят: «Ребята, выручайте. Патроны мы продали, а у нас будет смотр на-днях». Мы рассчитали: неужели солдаты нас хотят подвести, — они деньги с нас взяли? Хотя немного мы им дали, но все-таки заплатили. Пожалуй, эти патроны пропадут. Но я должен сказать, что эти патроны мы им дали, они ревизию пролежали, и все-таки ребята их обратно принесли, и они остались в Сестрорецке, а в дальнейшем были препровождены.

Емельянов. Когда оружие собиралось и доставлялось, — это все знали в своей среде и, понятно, болтали. Это было в 1905 г. Чтобы это замаскировать, я таскал черносотенную литературу, которая тогда распространялась, в свой дом и прятал по всем углам, и в комодах, и везде. И в тот день, когда было известно, что нас арестуют, у меня как раз было оружия 57 штук, — не успел распихать, — приготовленное и собранное совсем, и полный воз литературы во дворе. Что делать? Это все в снегу зарыто, — понятно, замело. Я все время приходил и таскал помаленьку на заводе. Что делать с ружьями? На-авось давай пихать в сосняк, в сучки, — распихал. Патроны, которых было тысяч 150, между заборчиков, палисадников, вниз, в снег. На мое счастье, вьюга была, снегом все замело, и все следы скрыло. Как раз часа в три является целый отряд городских, урядников и солдат. А уже я приготовился. Я лежал. Подняли меня. Начинают спрашивать. Полковник спрашивает: «Вы, говорит, распространяли». «Вы замешаны в том-то и в том-то», — начинает перечислять. «Этого не знаю, никогда этого не делал». Начинает обыск. И во дворе, и везде. Не могу себе представить, как они не наткнулись на санки, которые стояли посреди двора, — видно, что санки стоят и рогожкой прикрыты. А дома начинают разбрасывать в комоды, вытаскивают литературу. Когда жандарм литературу вытаскивает, — «вот видите, он и впрямь распространял литературу, вот сколько литературы». Вытаскивает — полковник жандармский смотрит, — еще не рассмотрел: «Ну что же правильно — вы распространяли в заводе литературу». Начинает читать. Читает, на меня смотрит и в литературу, опять на меня и опять туда. «Не могу поверить, чтобы вы распростра-

няли эту литературу. Но все-таки со мной вам придется идти». Жена спрашивает: «Надолго ли вы его возьмете?» Потом я вернулся через три месяца. Обвинений было масса. Но притворился дурачком, так и сошло. Подставляли разных провокаторов, и стучали, и в трубу говорили. Я дурачком притворился, так и на допросах: ни да, ни нет. Так все и сошло.

Штаб боевой организации в Сестроречке в 1905—1907 гг. Разлив. домик Н. А. Емельянова.

МАСТЕРСКИЕ БОМБ И ПАТРОНОВ

ПАТРОННАЯ МАСТЕРСКАЯ И ВООРУЖЕННОЕ
СОПРОТИВЛЕНИЕ 1905—1908 гг.

Работал я до 9 января на гильзовом заводе.

В начале весны 1906 г. я познакомился с Сулимовым («Петр») и получил от него, кажется, револьвер. Он спросил меня, не могу ли я достать патронов; я ответил, что могу доставать гильзы, а несколько позднее по заданию организации стал устраивать мастерскую для набивки патронов. Я поехал на Малую Охту и для того, чтобы вести работу более интенсивно, пригласил Паршенкова¹⁾ и «Ваню». Дом, в котором была наша мастерская, потом сгорел, никаких следов его не осталось, был он расположен недалеко от казармы Финляндского полка²⁾. Для набивки патронов нужен был станок. В пристрелочной мастерской завода был ручной станок для снаряжения патронов, вот мы и решили построить такой станок. Свой чертежник сделал чертеж заводского станка³⁾. Я отдал чертеж, чтобы по нему сделали отливку рамы, а мелкие части взялся приготовить сам. На эту работу ушло недели две. За это время я организовал доставку пороха, пистонов и пуль с патронного завода на Большой Охте, а патронов — с гильзового завода. Мы воспользовались тем, что обыскивали при выходе с завода только рабочих, конторщиков же не обыскивали, я свертывал штук по 50 патронов в пакеты, которые имели вид завернутых книг, — таковые передавались конторщикам, а они выносили с завода;

¹⁾ В 1907 г. в Петербурге Михаил Паршенков осенью был застигнут на улице полицией, стал отстреливаться, был ранен, его арестовали, а когда подлечили, предали военному суду, который приговорил его к повешению.

²⁾ «На углу Мало-Охтенского пр. и Суворовской ул., под № 1, против Охтенской верфи», «Петербургская газета», 31/XII 1906 г., № 358. — С. П.

³⁾ С. Сулимов по этому поводу сообщает, что станок был сделан в конспиративной мастерской Александра Ивановича Булыгина. — С. П.

я брал эти пакеты и уносил их к себе на квартиру. Порох и патроны выносили в мешочках с патронного завода.

Получился станок, принесли его на квартиру и стали набивать патроны штук до 100 в день, занимались этим делом вечерами, после работы на заводе. За этой работой проводили и воскресенья. Работа на станке началась с половины лета 1906 года. Обстановка для работы была хорошая: хозяйка — свой человек, по фамилии Сударева, и жильцы были свои люди, мы, набивая патроны, пели революционную песню: «Сами набьем мы патроны...».

Связь с технической боевой группой поддерживали через Сулимова. В организации кличка моя была «Саша Охтенский». К нам на квартиру приходили обыкновенно две девушки, одна из них Шмидт («Фаня Белая»¹), — они уносили готовые патроны; приходили раза два в неделю. Мне приходилось бегать по разным делам технической боевой группы. У нас на гильзовом заводе образовалась боевая дружина в 1906 году.

Весною официально меня выбрали от 3-й просмотровой мастерской в заводской комитет, выборы происходили открыто — революционным, явочным порядком; туда вошли еще Карелин, Васильев, Иванов и Паршенков. Комитет собирался два раза в неделю у Карелина или на Куликовском поле. Я был делегатом для переговоров рабочих с администрацией завода, ходили мы втроем: я, Паршенков и Васильев.

Собралась I дума. Стали вывозить на тачке вредный элемент с завода, начали искать подходящих для этого лиц. Решили вывезти рабочего, который выдал на заводе полиции с.-д. оратора на митинге 1 мая 1905 г. — гапоновца, и рабочего, который не посещал массовок и митингов.

Карелин, рабочий меньшевик, остался недоволен нашим намерением и назвал это хулиганством, на что я возразил, что еще наступит время, когда придется вывозить и меньшевиков. С Карелиным мы окончательно разошлись.

Приходилось вести работу в двух направлениях — чисто партийную и боевую. Личной жизни у нас совершенно не существовало. Для боевой подготовки наша организация устраивала лекции по подготовке к боевому делу. Ходили на эти конспиративные лекции²) представители дружин раз-

ных заводов; так, были представители дружин с завода Леснера, патронного, набиралось иногда в комнате человек до десяти. Какой-то артиллерист-офицер, который бывал иногда в форме, иногда в штатском платье, читал нам о взрывчатых веществах, изготовлении бомб, употреблении оружия, постройке баррикад; о том, как свести поезд с рельс, о конспирации и пр. Слушали с большим интересом, задавая вопросы, читал он нам из Виктора Гюго о баррикадах. Принес он нам однажды фосфор, разведенный, кажется, в спирту, обмакивал в него бумажку, и когда она высыхала, то загоралась; всем нам хотелось иметь этот состав. И вообще слушали этого офицера с большим вниманием, потому что знали, что он — специалист в этом деле. Он пользовался у нас полным доверием. Собирались больше всего на Петербургской стороне у курсисток.

После таких лекций приходилось собирать свой кружок и передавать им содержание лекции. Организатор боевой группы должен был структурировать свою группу по практической стрельбе, и мне приходилось регулярно по субботам водить дружинников из Петербургского и Выборгского районов на Малую Охту, садились в лодку, ехали по реке, потом шли по лесу и там на просеке, установив цель, занимались стрельбой. У меня была винтовка, маузер, браунинг и револьверы. Это было оружие для всей группы, хранилось оно у меня, при чем некоторые боевики имели постоянно при себе оружие, а лучшее оружие хранилось у меня и давалось только во время практической стрельбы; потом это оружие опять оставляли у меня на хранение. Патронов у нас было мало, могли выстреливать только по два патрона, а потом приходилось вести теоретические беседы о правилах прицела и стрельбы. Стреляли сначала холостыми патронами. Был у меня также кружок более молодых рабочих, с которыми я занимался программой с.-д. партии и политической экономией.

«...В 1906 году к Семяниковскому подрайону принадлежали следующие лица: 1) постоянный инструктор Лазарь; 2) секретарь дружины Анна Кауфман, кличка «Гая», жила она на Глазурной улице, дом 3; 3) заведующий оружием Василий Сухлеев и дружинники: 4) Василий Панфилов, 5) Владимир Шелковников, 6) Александр Зарубкин, 7) Николай Поляков, 8) Алексей Русецкий, 9) Немчинов, 10) Сергей Новиков, 11) Михаил Гребнев, 12) Цукир, 13) Михайлов, был выбран для обучения в школе инструкторов в Финляндии, проживал по Глазурной улице, 3, 14) и 15) два брата евреи Девяткины, живут на Стеклянном, 16) Людовик, живет в с. Смоленском, 17) Стряпицкий (рабочий Семяниковского завода), 18) Кривошеев, 19) Михаил Гордеев, 20) еврей Исая (живет: Царский городок, 2-й луч), 21) Калашников, 22) Николаев, 23) Яковлев, 24) Иван Панцырный, 25) Михаил Осокин». — С. П.

¹) Вторая — Нина Иов, «Матюшенция», курсистка сельскохозяйственных курсов в Петербурге. Умерла. — С. П.

²) В документах Ленинградского отделения Центрального исторического архива в делах ДПОО, № 519, 1908 г. находим следующие указания на существование районных дружин:

Познакомился я с членами боевой технической группы Грожаном, Студентским, «Адамом Адамовичем», — встречался с ними редко, встречал там раза два «Авеля» (Енукидзе), который переносил оружие, и Сулимову («Магду»), — она перевозила оружие. Познакомился я также с боевиками из за Невской заставы. Продолжал работать до конца 1906 г.

Однажды мы были на лекции о взрывчатых веществах на Петербургской стороне, было нас человек пять, шли мимо казенки против Народного дома и решили «для практики» ее экспроприировать. Зашли туда трое внутрь, двое остались снаружи; вошли в помещение, там было человек пять покупателей, скомандовали: «руки вверх», а сидельцу лавки велели отдать выручку. Он передал, что было у него в ящике, спросили, нет ли еще, он ответил, что больше нет, тогда мы стали разбивать бутылки. Увидав, что начали заходить покупатели в лавку, мы решили лучше уйти. Много любопытных заглядывало в окна, а мы без всяких препятствий, совершив первое боевое выступление, благополучно скрылись, взяли, кажется рублей 60—70. Было страшно, но этот удачный боевой опыт очень поднял наше настроение. Несмотря на удачу, мы тщательно скрывали это «дело» от нашей партийной организации, так как знали, что нас за это очень не одобряет. Деньги пошли на расходы для поездок за город на стрельбу. До того времени приходилось тратить свой скудный заработок. Оружия у нас было очень мало и очень плохое, решили достать денег на оружие, а для этого задумали экспроприировать кассу театра Тумпакова. Зашли в буфет после 2-го действия, но за нами стали следить, поставили рогатки около кассы, и нам пришлось отказаться от этого предприятия и заблаговременно уйти.

Потом задумали еще предприятие. Начали мы это дело тоже без разрешения партийной организации. Стали к нему готовиться, но узнали об этом эсеры, решили, что это их монополия, и пришлось оставить этот план. Члены боевой дружины были молодые рабочие, хоть и плохое, но все же оружие в их руках было, и было большое стремление им действовать. Надо было находить применение их боевым навыкам и стремлениям к боевым действиям. Однажды Иванов вернулся домой с другим боевиком, у них оказались револьвер и шашка. С любопытством стали мы их расспрашивать, откуда у них взялось оружие, оказалось, что они шли по улице и, увидев городского, решили его обезоружить. Потом Иванов стал пить, деньги, полученные от мелких экспроприаций, употреблял в свою пользу, и за все это был исключен из боевой организации самими боевиками, — мы перестали с ним встречаться. Были у нас знакомства с эсе-

рами и максималистами. Несмотря на все конспирации, наши боевики находили друг друга. Наши боевики были недовольны тем, что у них нет никакой боевой работы, и ставили на вид своим организаторам покушение на столыпинскую дачу и экспроприацию в Фонарном переулке

Вскоре после этой экспроприации был арестован какой-то максималист, которому его знакомая попросила меня передать в тюрьму деньги. И вот я с деньгами в одном кармане и браунингом в другом отправился в «Кресты». Ворота прошел, стало жутко¹⁾, потом прошел в приемную, провели меня к жандармскому полковнику, я передал деньги и ушел.

Когда обнаруживались наши отдельные дезорганизаторские поступки, старшие товарищи большевики оказывали на нас значительное влияние и дисциплина в нашей дружине укреплялась.

Так наступал октябрь 1906 г.; работа наша в мастерской продолжалась попрежнему почти в течение полугода.

Перед самым рождеством, 23 декабря, я был уволен с завода за разные выступления. А числа 29 декабря был в театре и пришел поздно. Дома оставались ночевать «Ваня» и другой боевик (имени его не помню), Паршенкова дома не было. У нас было приготовлено несколько тысяч патронов. Перед тем как ложиться спать, я по обыкновению осмотрел маузер, взвел курок и лег спать. В комнате у меня хранился мелинит, патроны, порох и многое другое²⁾.

Я лег и заснул очень быстро, но вдруг услышал звонок и сильный шум в коридоре. Я решил, что пришел сын хозяйки подвыпивши, и продолжал спать. Но вдруг почувствовал, что кровать моя, загораживавшая дверь, стала двигаться, открываю глаза и вижу, что дверь моя полуоткрыта:

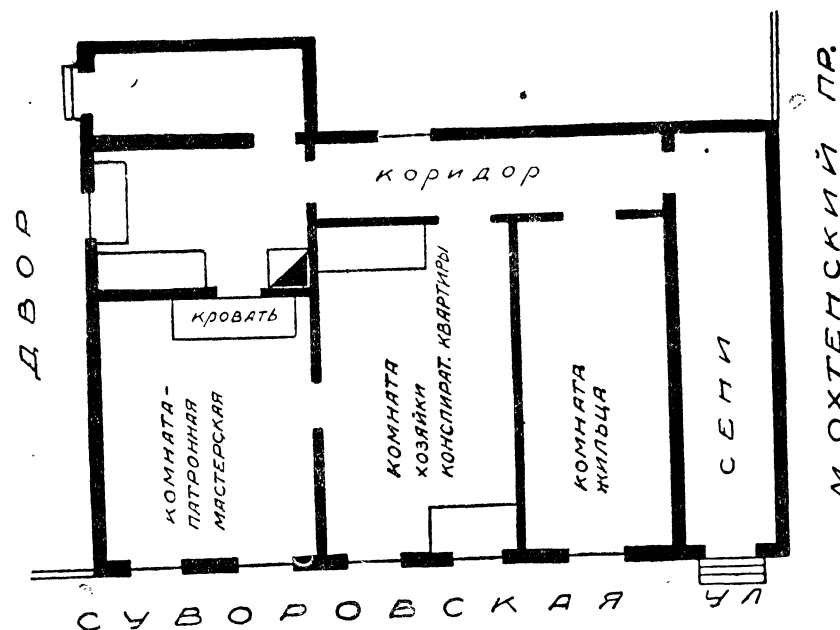
¹⁾ Я подумал о том, что не следовало бы иметь с собою браунинг, но делать было нечего.

²⁾ Отмечаем, как полиция готовилась к нападению: «...29 декабря чины охранного отделения под начальством ротмистра губернского жандармского управления предложили приставу Охтенского участка сделать совместно с ними обыск и облаву на дом, где проживают Суворкова и ее жильцы. Пристав Охтенского участка подполковник А. А. Родзеевский сообщил о предстоящем обыске полицмейстеру полковнику М. П. Шалфееву и отдал приказ об откомандировании в распоряжение чинов охранного отделения отряда городских и околоточных надзирателей. Чины полиции были вооружены винтовками и револьверами. Около 3 часов ночи было решено внезапно окружить дом и застать обитателей квартиры Суворковой врасплох». «Петербургская газета», воскресенье, 31 декабря 1906 г., № 358. — С. П.

стоят три городских с винтовками¹⁾. Я вскочил, пододвинул кровать плотно к двери, дверь закрылась и городовые очутились за дверью в соседней комнате. Я быстро стал одеваться, ко мне стали стучать и кричать: «Открывай дверь именем закона!». Я отвечал, что одеваюсь. «Потом оденетесь», — отвечали городовые. Один сапог успел одеть, второй только стал одевать, как дверь сломалась под напором городских. Одеваясь, я думал, что с рассветом меня повесят, страшно не хотелось висеть. «Вот, — думал, — если бы расстреляли, было бы лучше». Дверь сломали, вошел пристав с лампой в руке и остановился в дверях, — я решил, что «если уж повесят, то пусть за дело вешают», выхватил из-под подушки маузер, — он был уже на прикладе, — отскочил в угол и выстрелил в пристава, пристав упал, лампа упала и разбилась, наступила темнота. За ним появился околоточный, я выстрелил в него, упал и околоточный, городовые ворвались в другую дверь, — другая дверь выходила в комнату хозяйки, — я стал стрелять в них, они побежали по коридору, подняли страшный крик, я стал преследовать их и побежал за ними по коридору, все время стреляя им вслед. Выскочил на лестницу, — там уже никого не было, какой-то штатский бежал вверх по лестнице, был зажжен свет, я в него выстрелил, он упал²⁾, я выскочил на улицу, видел тени городских, бегущих по направлению к казарме. Было уже около 5 часов утра. Я начал нажимать курок, выстрелов не было, — не было патронов.

Я вернулся к себе в комнату, одел сапог, зарядил маузер, взял патронташ, посмотрел кругом, — товарищей не было. Они, расстреляв свои патроны, забрались под диван и, улу-

чив удобный момент, убежали¹⁾. «Ваня» забрался в помойную яму во дворе и просидел до вечера, в сумерках, при 25° морозе, зашел к сапожнику, тот ему дал опорки и он пошел за Невскую заставу, отморозил себе ноги и проболез шесть недель, пролежав у какого-то знакомого рабочего.

План квартиры, где помещалась конспиративная мастерская

Другой боевик, случайно пришедший в эту мастерскую, пошел, кажется, к себе на квартиру, там была засада. Он был

¹⁾ Первый момент наступления полиции цитируемая газета передает так: «Чины полиции заняли все входы и выходы и вошли во двор. Подойдя к дверям, А. А. Родзеевский постучал и потребовал, чтобы ему открыли двери, но, не получив ответа, толкнул дверь. Дверь оказалась незапертой. Пристав сделал шаг вперед, но в тот же момент получил сильный удар по руке, и бывшая в его руках лампа полетела в сторону и грохнулась об пол. Лампа не разбилась, так как была металлическая, но во время падения потухла, и наступила полная темнота...» Дальше описывается «натиск революционеров», которые якобы стреляли «залпами», на которые «полицейские стрелки не оставались в долгу», как в результате перестрелки и паники революционеры стали наступать, а полиция отступать. «Полицейские, обмерзшие благодаря сильному морозу, медленно заряжали ружья, и этим моментом умело пользовались революционеры, метко стрелявшие в осаждавших...» — так описывает газета. По описаниям же «Саши Охтенского», им все время пришлось отстреливаться втроем. — С. П.

²⁾ В результате боя, по сведениям «Петербургской газеты», наступавшая полиция потеряла убитыми: 2 околоточных, 2 городских и ранены были шпион и дворник. — С. П.

¹⁾ «Петербургская газета» от 31 декабря сообщала: «...Несмотря на самое тщательное преследование и поиски в окрестностях, следы беглецов были затеряны, и последние скрылись. Охранное отделение поставило на ноги всех своих агентов и в помощь к ним назначены чины внешней и сыскной полиции...». Газета далее сообщала: «В квартире был произведен тщательный обыск, при чем поднимались полы, сняты были обои и перерыта вся мебель. Найдены несколько револьверов, ружей, два кинжала, две шпаги, станок для набивки ружейных патронов, много патронов, недекларированная литература и разная переписка. — С. П.

арестован. Судили его военно-полевым судом, и он был повешен. Паршенков тогда разыскан не был¹⁾).

Я надел пальто, вышел из комнаты, на лестнице никого не было и на улице тоже. Сошел на Неву, на лед и пошел к Смольному монастырю. Уже на четверти пути стали в меня стрелять. Оказалось, что бежавшие городовые привели две роты солдат. Я перешел Неву, сложил маузер, нанял извозчика и поехал на угол Невского и Морской. Подъехав к этому месту, расплатился с извозчиком и направился к Пяти Углам, к Сулимову. Слежки за мной не было. Когда я подошел к дому, уже начиналось утро, дворник мел улицу. Воспользовавшись моментом, когда дворник повернулся так, что не мог меня видеть, я вошел в ворота и пошел в квартиру Сулимовых. Они еще спали, было часов 6 утра. Дверь мне открыла Мария Леонтьевна («Магда»). Она спросила меня, почему я так рано явился, я ей ответил, что вышла «маленькая неприятность». Она повела меня к себе в комнату, вызвала Сергея. Пришел Сергей — я им все рассказал. Мне надо было уходить от них. Они одели меня потеплее, — ноги мои примерзли к подошвам сапог. Дали мне 10 рублей, тужурку и адрес к сестрорецкому рабочему Емельянову. Распрощавшись с товарищами, я пошел на Сестрорецкий вокзал, сел на восьмичасовой поезд и поехал к Емельянову. Был праздничный день. Емельянов не работал, он удивился моему раннему появлению, я объяснил тем, что уволен с работы и приехал к нему немного отдохнуть. Он покормил меня, и я лег спать. На другой день Емельянов ушел на работу, но не прошло и получаса, как он прибежал домой с газетой в руках и, обращаясь ко мне, сказал: «Вот как ты отдыхал!». В

¹⁾ 3 января Паршенков Михаил, боевик по кличке «Учитель» и, кажется, боевик Вася, по кличке «Ястреб», с Обуховского завода, оказали вооруженный отпор на Васильевском острове. При аресте было убито 5 человек. «Учитель» был ранен в живот, забежал в уборную, отстреливался, там, сколько было возможно, а потом застрелился сам. Паршенков и «Ястреб» благополучно скрылись и переправились на Урал.

Паршенков Михаил — из крестьян, кажется, Вятской губ., рабочий патронного завода, гильзового отделения, с.-д. На Урале примкнул к партизану Лббву и отошел совсем от партии, назывался «Демон». В конце 1907 г. был арестован, судился военно-полевым судом. По совокупности был присужден к повешению, и, кажется, в декабре 1907 года был повешен.

«Ваня» — настоящее имя неизвестно — из крестьян, был рабочим патронного завода, с.-д. большевик, был членом боевой дружины в Петербурге 1905/1906 г. Скрываясь от преследования полиции, уехал на Урал, в 1907 г. попал в засаду солдат и был убит в числе шести боевиков социал-демократов.

«Петербургском листке» уже было описание этого события, которое, кажется, называлось «Сопrotивление»¹⁾).

Я остался у Емельянова, выжидал дальнейших распоряжений организации о том, как мне дальше действовать. 8 января приехал в Сестрорецк Сулимов с паспортом и явкой на Урал, в Пермь. Мне было дано 50 руб., эстонский паспорт.

9 января 1907 г. я выехал из Сестрорецка в Питер, зашел на Верейскую улицу к матери, пробыл у нее минут двадцать, пошел на Васильевский остров, переночевал у знакомых и через Москву уехал на Урал.

С Урала я возвратился в Петербург, а оттуда поехал в Финляндию, где вскоре появились боевики-латыши — «Мар-тын», «Карл», «Балайс». Стали мы все собираться на Урал. Как-то осенью, в конце октября, прибежал ночью содержа-тель гостиницы, где я жил, и сказал, что арестован секретарь ЦК РСДРП(б) («Валентин») и с ним забраны все явки ЦК, важные документы, паспорта и т. п., что «Боевая техническая группа» просит меня эти документы выручить.

Дали мне точные данные относительно того, где и у кого находятся захваченные финской полицией документы.

На рассвете я и еще двое боевиков вооружились револьверами и пошли по указанному адресу. Я зашел в квартиру полицейского, оставив одного боевика на улице, другого — в кухне, где была жена полицейского. Сам я вошел в комнату. Полицейский был еще в постели; увидев в моей руке маузер, он сунул руку под подушку, но я ему сказал: «Вы не успеете», он выдернул руку, тогда я поднял подушку, взял браунинг и положил его к себе в карман. Полицейскому я сказал, что трогать мы его не будем, так как финская полиция нам никакого вреда не делала, но что нам нужны документы, арестованные вчера при обыске у такого-то. Сначала он сказал, что документов у него нет, а когда я навел на него маузер и взвел курок, он быстро указал на нижнюю полку этажерки. Я взял пакет, который по внешнему виду походил на тот, что мне описали, бегло осмотрел его, в нем действительно были паспорта, русские записки. Спросил полицейского, нет ли еще пакетов, он ответил мне, что больше нет. Позвал из кухни боевика, попросил привести женщину. Вынув из браунинга патроны, вернул его финну и сказал, чтобы они оба не выходили из дому полчаса. Со страху они присидели три часа.

Документы я отдал по назначению, а сам вместе с боевиками отправился в Выборг, где пробыл до весны. Жить при-

¹⁾ Не «Сопrotивление», а «Трагедия в конспиративной квартире на Малой Охте», «Петербургский листок», 31/XII, 1906 г., № 359. — С. П

ходило на средства партии. Весною 1908 г. пришел как-то к нам Игнатъев и сказал, что арестован Л. Б. Красин, что непременно надо его выручить. Со мною было еще трое боевиков-латышей. План освобождения был выработан такой: Красин распиливает решетку (пилками, которые должны были ему передать), мы сигнализируем посредством света с башни на горе Папула, в это время наши товарищи взрывают стену — ограду тюрьмы, берем Красина и убегаем. Сигнализация должна была быть видна из окна камеры Красина. Во время взрыва Красин должен был лежать у противоположной стены, укрытый матрасом со своей постели.

Красину переданы были пилки, и мы начали свою подготовительную работу. Красин решетку перепилил, но его работу заметила полицейская стража. Этого мы еще не знали. Игнатъев пошел к стене проверить сигнализацию, а я пошел сигнализировать на гору. Часов в 9 вечера я перешел мостик и отправился к башне, но стал замечать, что около меня бродит какая-то недоброжелательная публика и вообще там довольно большое оживление, тогда как обычно в это время бывало пустынно. На самом верху, где надо было сигнализировать, я увидел человека, понял, что сигнализировать фонариком нельзя, я три раза зажег спичку и стал закуривать. После этого я стал спускаться вниз, за мною пошел какой-то человек; я почувствовал, что дело неладно, спустил предохранитель браунинга и пошел дальше. У самого выхода на дорогу вижу, стоят два человека, которые пошли за мной, третий пошел мне наперерез. На дороге меня окружили, сказали, что они полицейские и должны меня арестовать. Я выстрелил им в ноги, двое из них упали, я бросился в сторону и потом по направлению Тиллируки¹⁾ побежал по льду. Снег уже растаял, я проваливался, выкарабкивался и снова бежал. Раз пятьдесят провалился, пока дошел до Тиллируки. Пошел к знакомому рабочему-малюру, переночевал у него, утром увиделся с боевиками-латышами. Мы решили, что нас предал Игнатъев. Но при встрече с Игнатъевым выяснилось, что план освобождения был открыт полицией, почему и произошла такая неудача. Через месяц Красина должны были увезти в Петербург, мы решили его отбить в поезде, но вскоре его выпустили. Я, прожив лето в Финляндии, эмигрировал потом за границу.

Записано со слов боевика — С. Познер

¹⁾ Предместье Выборга, где живут исключительно рабочие.—С. П

9 января 1905 г. быстро и круто повернуло тактику нашей партии и повседневную революционную работу наших организаций. Выкинутый партией лозунг «вооруженное восстание» был горячо воспринят широкими рабочими массами, которые требовали от партии практических мероприятий для осуществления этого лозунга.

Партия должна была прежде всего, подобрать кадры работников, которые умели бы не только владеть оружием, но и доставать его; надо было ознакомить эти кадры с техникой уличных боев, надо было научиться не только обращению, но и изготовлению взрывчатых веществ, снарядов и бомб. Надо было повести работу так, чтобы рассосавшиеся по всем нашим партийным организациям товарищи-боевики могли дать рабочим практическую боевую подготовку и научить их ориентироваться в нужный момент.

В конце июля 1905 года я, работая в Екатеринославе, получил предложение от товарищей войти в организующуюся группу для изготовления взрывчатых веществ и ручных снарядов — бомб. Местом будущей школы-мастерской был выбран Киев. Прибыв туда в начале августа, я на явке Южного бюро ЦК партии встретился с Иннокентием (Дубровинский); он свел меня с «Костей» (Давидом Райхенштейном), химиком, с которым мы и приступили к организации мастерской.

В группу вошли, помимо меня, И. К. Михайлов («Англичанин»), Барсуков («Потапыч») и другие, фамилии которых теперь не помню. Всего нас было около 10—12 человек. Был с нами один товарищ-офицер, в чине капитана, А. Ванновский.

Наша мастерская-школа должна была быть строго законспирирована. Место для нее было найдено между Печерском и Бессарабской, среди огородов, в маленьком домике, в котором жили два студента — практиканты-сельскохозяйственники, работавшие тут же на огороде.

Во время нашего обучения мы не должны были общаться с внешним миром и сидели на запоре. Только один «Костя», наш руководитель, сносился с городом и доставлял нам нужные материалы и пищу. В маленьких двух комнатах была и наша квартира и мастерская.

Задача у нас была очень ограниченная: научиться делать динамит, пироксилин и гремучую ртуть, а также изготовить несколько экземпляров бомб, испробовав их действие.

Мастерская была крайне примитивна. Материал тоже был в очень ограниченном количестве. Из всего этого было сде-

лано около семи фунтов динамита, около фунта пироксилина и с полфунта гремучей ртути.

Нельзя сказать, что мы были похожи на ученых химиков, рассчитывающих каждую свою операцию и химическую комбинацию по установленным химическим формулам. Делали мы чаще всего «на-глаз», что приводило в бешенство нашего руководителя. От наших методов любой химик сошел бы с ума. Довольно легко и просто производили мы ответственные и рискованные реакции, когда вырабатывали нитроглицерин или гремучую ртуть и когда малейшая неосторожность — и вся наша хата вместе с нами могла бы в один момент взлететь на воздух.

Факт только тот, что в течение 10—12 дней каждый из нас знал на-зубок нужные формулы и необходимые условия для изготовления всевозможных взрывчатых комбинаций из разных материалов. Большого, собственно говоря, мы и не ставили себе целью.

Конструкция бомбы, предложенная Михайловым, была очень простая; снаружи бомба имела очень примитивный вид, но действие этого снаряда было убийственно сильно.

В конце нашего обучения, когда перед нами лежали изготовленные нами же динамит, пироксилин и несколько оболочек снарядов, было приступлено к зарядке снаряда. И вот в это время одна случайность заставила всех нас примолкнуть, взглянуть друг другу в глаза, в которых можно было прочесть «прощайте».

Когда снаряд был готов и установлен ударник, а «Англичанин», держа в руках снаряд, обматывал его проволокой, мы вдруг услышали внутри снаряда слабый треск. Мгновенье — и мысль остановилась, чувствуем: этот треск обозначает, что стеклянная трубка лопнула, кислота начинает капать на бертолетовую соль, и сейчас мы все вместе с мастерской взлетим на воздух. Спасаться поздно, да и некуда. Стояли так несколько мгновений. Ничего. Медленно начинаем разгибать проволоку, вынимаем пробки и видим, что трубка действительно треснула от сотрясения в руках, но не лопнула. Капли кислоты выступают наружу. Быстро вынув пироксилиновый запад, обезвредили адскую машину.

Исправив повреждение с большой осторожностью, мы решили через несколько дней отправиться за город и там произвести пробу.

К вечеру по одному покинули мастерскую, поручив некоторым товарищам обследовать окрестности Киева, где бы можно было произвести испытание. Через два дня поехали в глубь Голосевского леса, где в одном из небольших оврагов и испытали наш снаряд. Весил он около 8—9 фунтов,

брошен был с возвышенного места в овраг, густо поросший большими деревьями, на расстояние двадцати пяти шагов от присутствующих. Ударился в дерево. Сила взрыва была настолько велика, что всех нас свалило с ног. Примерно на две-три сажени по радиусу дерева были разворочены, некоторые из них были повалены; в этом круге не осталось не только дерева, но ни единого целого кустика.

Так закончился наш первый опыт, давший неплохие результаты, и мы уже с некоторой гордостью могли считать себя специалистами нового партийного дела.

На другой день я и «Англичанин» были на явке, видели Иннокентия, который предложил нам троим ехать в Питер и там организовать более широкую мастерскую для изготовления снарядов. Я не помню сейчас, куда делись остальные товарищи, но, кажется, часть их осталась на юге, а другие уехали на Урал. Дня через два, имея в кармане питерские явки, мы втроем отправились по назначению¹⁾.

Приехав в Питер, это было уже в сентябре 1905 года, мы застали картину всеобщего возбуждения — преддверие к всеобщей октябрьской забастовке: митинги, собрания, стачки; университет и другие учебные заведения — в руках революционных организаций; с утра до вечера в актовом зале — митинги, и рабочие целыми цехами и заводами приезжают в город и слушают свободное революционное слово.

В этот самый период две явки, имеющиеся у нас, были захвачены меньшевиками. Мы это узнали позднее, и несколько дней они нас дурачили, водили за нос, говорили, что ЦК — против, что наши затеи нужно бросить, не нужно никаких подготовок к восстанию, что свобода фактически уже завоевана, что конституция уже на носу и что нет надобности звать и готовить рабочих к восстанию, что наша работа может спровоцировать рабочих на выступление и даст самодержавию козырь устроить вторую кровавую бойню. и т. д. в этом духе.

Только через несколько дней удалось случайно, кажется, на курсах Лесгафта, встретить вернувшегося с юга Иннокентия, который и объяснил, что эти явки захвачены меньшевиками. Дальнейшее стало нам ясно.

¹⁾ Другой участник Киевской школы, Бутягин, говорит о ней следующее:

«Летом 1905 г. попал я на конференцию северо-кавказских организаций. Мы обсуждали запросы подготовки к вооруженному восстанию, и, по соглашению с представителем Юга, наше собрание выделило меня для послышки в Киевскую школу.

В июле месяце (по явке где-то на Крещатике) я попал в Киев, имел несколько ночевков на Подоле, около Днепра, а затем на третий или

Иннокентий свел нас с Н. Е. Бурениным, который и взял нас устраивать и знакомить с товарищами, работавшими в Боевой группе.

Первое требование — прекратить всякое хождение по митингам и собраниям и не показываться на улицах. Условились об адресах, о времени свидания, и мы отошли совершенно от бурной революционной жизни Питера, замкнулись в маленький круг тех товарищей, которые давали нам директивы и указания.

Задача, поставленная перед нами, была — организовать где-либо на окраине, в ремесленном районе, лабораторию по выделке динамита, пироксилина и гремучей ртути. Место было вскоре найдено на Малой Охте, в одном из переулков,

четвертый день вечером с явки меня и двух товарищей отвели за город, на огороды, в маленький стоящий среди огородных гряд домик. Нас было сначала трое, потом привели еще пять человек, — все с разных концов России, из областных социал-демократических организаций. Все крайне конспирировали и не называли своих имен и фамилий, даже клички переменили.

Нас замуровали в этом домишке из двух комнат; мы не могли показывать носа из дверей и окон, пока не стемнеет; ночью разрешалось выйти подышать свежим воздухом, но выйти из огорода или подойти к забору считалось преступлением против конспирации. Еще через день появились киевские товарищи; одного из них я видел на явках, его звали «Костя», а двое других мне были незнакомы. Один начал знакомить нас с нитратами, кислотами и их реакциями. Сначала объяснял теоретически и все очень популярно, но и с формулами химическими все же нас знакомил. Я сразу понял, что имею дело с опытным человеком и знатоком химии взрывчатых веществ. Действительно, как я через несколько дней узнал, это был ассистент-лаборант политехникума. Другой товарищ в свободное время читал нам лекции, обучая военной технике, тактике и стратегии уличного боя, баррикадной борьбе, постройке баррикад, а главное — правильному пониманию вооруженного восстания и подготовки для него военно-технических средств. Мне было нетрудно охватить приготовление взрывчатых веществ, — химию я знал, а механика в деле изготовления и заряджения бомб несложна. Но некоторые товарищи плохо охватывали значение доз, значение температуры, охлаждения кислот, значение кислотной насыщенности, ее градусов, крепости, особенно сильно дымящейся азотной или серной кислоты. Им трудно было привыкнуть к крайней осторожности и четкости в работе; поэтому здесь, в школе, и потом в лабораториях — армавирской, екатеринодарской, новороссийской, ростовской — приходилось часто висеть на волосок от смерти.

Нам лаборант часто говорил, что так как мы работаем при 90% за то, что все через полгода уйдем в потусторонний мир, то и не успеем раскинуть сети большевистских лабораторий. Его пророчества были довольно верны: тифлисская лаборатория взорвалась очень скоро, затем я слышал о взрыве одесской лаборатории. У меня в екатеринодарской лаборатории тоже только случай и беззаветное самопожертвование моего «помощника» спасли положение, хотя этот товарищ все-таки сжег свою левую руку раствором металлической ртути в сильно дымящейся азотной кислоте.

сплошь заселенном кустарями-ремесленниками — столярами, мебельщиками, гробовщиками, сапожниками и пр.

Было решено организовать нашу лабораторию под видом мастерской фотографических аппаратов, тем более, что по данному производству требуется тонкая слесарная работа.

«Потапыч» — столяр-«хозяин»; «жену» — Люцию — ему дала организация. Это была пожилая женщина, старая подпольщица-конспираторша, давно работавшая по нашим подпольным типографиям. Я и Михайлов изображали подмастерьев, работавших у «хозяина» по найму.

Все оборудование было довольно быстро приобретено, снято помещение, паспорта мы получили новые, чистые. Для связи с организацией и с внешним партийным миром был привлечен д-р Гельфер (умер в 1927 г.), наш старый большевик, который имел на Охте недалеко от нас врачебный кабинет. У него на квартире мы встречались с товарищами; сестра доктора посещала нас, приносила газеты и пр. Имени ее я не помню.

Для хранения сырых материалов — кислот, глицерина и прочих химических продуктов — нами была использована гробовая мастерская одного финна, Людвиг, который работал вдвоем с женой дорогие полированные дубовые гробы; на эти гробы шло очень много лаку, политуры, которые заготавливались в большом количестве. Нам это было очень удобно, и мы держали у Людвиг под видом политуры запасы кислот, глицерина и пр.

Для приобретения азотной и серной кислот был тоже установлен один пункт. Это — городская лаборатория на Садовой улице, на Сенной площади. Заведующий лабораторией был И. Г. Веракса, который приобретал нужные нам материалы под маркой своей лаборатории, и от него уже в законспирированном виде эти материалы переправляли в гробовую мастерскую Людвиг. Для перевозки материалов и готового товара пользовались партийными извозчиками, которые были в нашей организации для разных надобностей.

Начали работу. Наш мир был ограничен. Что делается на улицах Питера, знали только из газет. Имели «дружбу» только с дворником нашего дома, с которым ходили по воскресеньям в ближайший трактир, да иногда его принимали у себя и угощали чаем. Выезжали довольно редко в город или сдавать наши «фотографические камеры» в магазин на продажу или же за материалом, а чаще всего ездили на Са-

Благополучно закончив занятия в лаборатории и военной техникой, обучившись еще метанию бомб, мы поодиночке раз'ехались по разным организациям ставить партийные лаборатории». — С. П

довую за бутылками с кислотой. Правда, были случаи, когда, надышавшись газами так, что голова идет кругом, не утерпишь, нарушишь дисциплину, вечером проберешься в город, в университет или в Технологический институт. Там в актовых залах, в отдельных аудиториях, во дворе — митинги, народу тысячи; отдышишься и снова за работу.

Первое время изготавливали только динамит и гремучую ртуть и небольшими партиями сдавали их по назначению.

Примерно в октябре познакомились мы с нашим организатором, Ю. А. Грожаном, по кличке «Дмитрий Сергеевич», с которым до конца существования нашей группы и вели работу.

Скоро мы расширили нашу работу, и помимо изготовления взрывчатых веществ, Грожан поручил нам изготовление оболочек для фитильных бомб. Форма этих оболочек была более простой, чем киевский образец. Работа наша начинала носить характер массового производства таких оболочек: в день мы изготавливали до тридцати штук.

В это время Грожан связал нас с другой нашей партийной мастерской, находившейся в местечке Коломяги, верстах в 12 по Приморской железной дороге от Петербурга. Мастерская существовала под видом мастерской детских игрушек: оловянных солдатиков, пожарных машин, паровозов и пр.

Хозяин мастерской был Шмидт («Кузнецов»), многолетний рабочий-немец, уволенный за забастовку с одного питерского завода. Кто-нибудь из нас ездил время-от-времени в мастерскую Шмидта, забирал ящики с крышками и на нашем партийном извозчике (Владимир, латыш-боевик) доставлял к себе.

Динамит, гремучая ртуть и пироксилин изготавливались нами в том же масштабе, но нужно сказать, что мы все-таки кустарничали и, конечно, не могли давать нужного количества продукта. Построить наше химическое производство строго по научным методам мы не могли, работали чаще всего «на-глазок». Однажды чуть не произошел несчастный случай, и лишь благодаря случайности мы остались живы, и дело не погубило.

Работы было очень много, и мы решили не останавливать нашего производства и во время сна. Для этого мы при изготовлении нитроглицерина начали и в смесь азотной и серной кислот автоматически на ночь открывать кран банки с глицерином; последний в течение ночи постепенно смешивался с большим количеством азотной и серной кислоты.

Все шло хорошо. Однажды ночью мы проснулись от страшной головной боли. Во всем помещении стоял темно-

коричневый дым. Дышать трудно, форточку открыть нельзя, — это значило провалиться, — а дым черными клубами вырывался из помещения лаборатории. Беспомощность наша увеличивалась тем, что мы не знали причины происшедшего. Кое-как добрались ползком до водопроводного крана, стали ведрами обливаться водой комнату и себя; дым усиливался, что-то шипело, но огня не было видно. Бросились к банке с кислотой, в которую капал глицерин; в ней все кипело, било ключом; едкий дым и газ вырывались клубами; кое-как вытащили эту банку и все содержимое вылили в уборную, заливая водой. Открыли душники, трубы в печах, — дым понемногу рассеялся. Стены и пол лаборатории — все обуглилось. Оказалось, что глицерин поступал в смесь в большем количестве, чем требовалось по правилу, и, кроме того, в смесь кислот попала маленькая древесная стружка, что и послужило причиной бурной реакции. Пожар был на носу, и, следовательно, до взрыва было очень близко, так как у нас хранилось много взрывчатого материала и большие бутылки с нитром. Все сошло. Работа продолжалась.

Несколько позднее, в декабре, мы начали выполнять новую работу. Кажется, по проекту «Никитича», Л. Б. Красина, на одном из литейных заводов была изготовлена большая партия новых чугунных цельных оболочек. Эти оболочки были очень хороши по своей массивности и простоте, и в то же время толщина стенок была около 5—6 мм, что значительно увеличивало силу действия такого снаряда.

С завода эти оболочки поступали в мастерскую Шмидта («Кузнецова»), который растачивал отверстия, делал специальные алюминиевые пробки на резьбе и в них высверливал отверстия для капсюля, если бомба предполагалась фитильная. Если оболочка предназначалась для ударной бомбы, то вместо пробки на эту же резьбу устанавливался особый ударный механизм.

От Шмидта ящики с оболочками привозились к нам, где их начинали. Готовые бомбы переправлялись нами на передаточные конспиративные квартиры.

В конце ноября или в начале декабря заметили, что домом, где мы работали, начинают интересоваться какие-то личности, которые усиленно стали появляться в нашем переулке. Начали присматриваться и установили, что охранка пронюхала что-то и установила за нами наблюдение. Дворник наш как-то по секрету передал «Потапычу», что из полиции приходили узнавать, что мы делаем. В это время в один из вечеров «Англичанин» должен был доставить большую партию оболочек из Коломяг. Так как наша лошадь была занята на другой работе, то он несколько ящиков с оболочка-

ми повез на ручных санках. Эти санки под тяжестью груза где-то по пути в Новой деревне развалились, и ящики рассыпались на людной улице. Положение критическое, бросить груз на дороге и самому скрыться — это значит дать охранке нити и материал для поисков. «Англичанин» подрядил случайного ломовика и поздно вечером доставил в мастерскую весь груз, но то обстоятельство, что наш дом уже находился под надзором и что извозчик может дать филерам сведения, вынудило нас известить о положении дел Грожана, для чего «Англичанин» и поехал в город на одну из явок. Мы же в это время начали помаленьку приводить наши дела в порядок: придавать нашей мастерской обыкновенный, мирный вид. Кое-что из оборудования нами замаскировалось, насыпали на пол древесных стружек, придали вид самой обыкновенной столярной мастерской. Динамит и пироксилин сложили в ящики и небрежно поставили в мастерской среди прочего мусора, банки и бутылки с нитроглицерином в кухню, на полки.

Не проходит и получаса, как вбегает взволнованный «Англичанин» и сообщает нам, что около Ириновского вокзала жандарм его арестовал, он вырвался и ушел от преследования, отстреливаясь от погони, что на улице паника. Дело принимало серьезный оборот. Было решено спешно свернуть мастерскую¹⁾ и, пользуясь темнотой, перенести ценное имущество — ящики с оболочками, готовые снаряды и запасы взрывчатого материала — в мастерскую гробов Людвигу, а остальные оставить и самим уйти. Работа закипела. Установили разведку и начали готовиться к уходу. Полиция не помешала нам, иначе один выстрел в ящик с гремучей ртутью или в банку с нитром мог снести полквартира.

Поздно ночью наши женщины ходили по улицам и наблюдали, как полиция носилась в районе и шарила по дворам. Михайлова мы ушли в город. Сами еще продолжали оставаться на Охте несколько дней. Весь наш скудный инвентарь остался в квартире, и мы не делали попыток его выручить. Через три дня, как нам передавали, полиция посетила нашу пустую мастерскую и тщательно все осмотрела.

События развивались, назревало вооруженное восстание в Москве. На Урале все бурлило, начались вооруженные схватки с полицией.

«Англичанина» спешно командировали в Москву, в распоряжение Московского комитета партии, вести нашу работу, но в скором времени он провалился, кажется, на одной

¹⁾ Тот же факт у И. Михайлова описан иначе, согласовать его не удалось. — С. П.

из явок, сидел и был выслан в Архангельскую губернию. «Потапыч» вслед за ним был послан на Урал, на Мотовилихинский завод. Люция, его «жена», уехала с «Потапычем»; ее мы потеряли из виду и до сих пор не можем найти ее следов.

Я остался один из нашего первого отряда группы и начал вести работу с другими товарищами. Нужда в мастерской была большая. Мастерская Шмидта в Коломьях была временно ликвидирована. Мы должны были остановить нашу работу, так как полиция и охранка взяли ее под наблюдение. Начали думать о новой мастерской здесь, в городе, чтобы была под рукой. Нужен был соответствующий товарищ, таковой скоро нашелся: А. И. Булыгин — обуховский токарь, старый партиз, член питерского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», высококвалифицированный мастер.

Начали вместе с ним создавать мастерскую; помещение сняли на Петербургской стороне, на Разночинной улице, № 14, в полуподвале, и открыли слесарную мастерскую — починку примусов, самоваров, замков и прочей домашней утвари. В деньгах наша группа была уже меньше стеснена. Купили хороший токарный станок и прочее оборудование, выправили право. Булыгин с семьей переехал в мастерскую. Жена его «Настя», тоже наш товарищ, работала в столовой Народного дома уборщицей. С внешней стороны все было организовано хорошо и законспирировано.

Наша мастерская должна была изготавливать только оболочки для бомб и ударные механизмы.

К этому времени была широко организована доставка готового динамита из Финляндии. Имелась очень большая специальная группа товарищей, преимущественно женщин, для перевозки на себе через финскую границу динамита. Кроме того, среди сестрорецких рабочих были установлены постоянные связи по регулярной доставке нужного материала на лодках по Финскому заливу из Финляндии через Сестрорецк. Кроме того, на Пороховом и Патронном заводах тоже удалось образовать небольшие группы товарищей, которые и начали доставлять нашей организации высококачественный динамит, мелинит, пикрин и гремучую ртуть. Из инженерных воинских частей начал поступать в достаточном количестве подрывной материал.

Не останавливаясь более подробно на этой деятельности нашей группы. Думаю, что товарищи, непосредственные участники в этой работе, дадут исчерпывающее описание.

Необходимости в собственном изготовлении взрывчатых веществ не ощущалось; Грожаном был сконструирован очень удобный, простой ударный механизм для бомб, дающий гарантию безопасности на 95 %, в то время как наш киевский образец мог в любую минуту от малейшей неосторожности взорвать всю мастерскую. Мастерская Булыгина делала только новые ударники и изготавливала оболочки для бомб, тоже более компактные и прочные. Работа была чистая, солидная. Мастерская работала и никаким вниманием со стороны охраны не пользовалась. Просуществовала, она, кажется, до 1908 года и закрылась вследствие прекращения деятельности всей нашей Боевой группы при ЦК.

Кроме меня и Булыгина, в мастерской работал еще С. П. Медведев. Лично я в мастерской работал мало и был связующим звеном между Булыгиным и остальной организацией.

Снаряды нашей конструкции стали пользоваться большим вниманием даже со стороны боевиков-эсеров, которые вообще считали себя монополистами по части изготовления взрывчатых снарядов. Наши снаряды попали каким-то путем к эсерам-максималистам, которые использовали их при взрыве столыпинской дачи. Снаряды эти были очень большие, кажется, каждый в готовом виде весил около 15—16 фунтов, имел вид большой плоской коробки, удобной для переноски; чтобы предохранить себя от возможных осечек в момент взрыва, на каждом снаряде было сделано по два ударника; один из них, во всяком случае, достиг бы своей цели. Эсеры имели только три таких снаряда. Как потом оказалось, было пушено в ход только два, один остался неиспользованным. И тем не менее дача Столыпина взлетела на воздух.

Теперь можно заявить спецартиллеристам, производившим экспертизу взрыва столыпинской дачи: экспертиза по поводу взрыва, опубликованная в «Правительственном вестнике», дала объяснение, что снаряды, взорвавшие дачу, потому сильно действовали, что они были начинены мелинитом; на самом деле эти бомбы были начинены динамитом нашей марки «Экстра».

Каковы были наши взаимоотношения с боевиками эсерами, я не знаю, но кое-какие точки соприкосновения с ними были.

Приблизительно в конце июня 1906 года мне было предложено взять на себя организацию доставки винтовок с Сестрорецкого оружейного завода, находящегося верстах в 35 от Питера. Там была уже довольно большая группа рабочих,

человек 10—12, работавших в разных сборочных цехах и на складах завода.

Активным ядром, помню, были Николай Емельянов, Владимир Шемякин, Иван Анисимов, Николай Романов и др. Все они живы и теперь. Дело было организовано так: многие рабочие на себе выносили винтовки с завода, но только железные части, без деревянных лож. Всего участвовало около 40 рабочих; доставлялись эти винтовки на особые квартиры рабочих, расположенные в дачном поселке; конспиративные условия были хорошие, так как Сестрорецк был дачной местностью, и летом там жило много дачников. Из города приезжали товарищи и навязывали на себе винтовки; некоторые наши девицы доходили до совершенства, навязывая на себе до 8 винтовок.

Были рекордные дни, когда удавалось увозить из Сестрорецка до 80—90 штук в день, в то время как сам завод производил около двухсот винтовок в день.

Деревянные ложа к винтовкам в виду их громоздкости выносили с завода по ночам и на лодках в законспирированном виде доставляли на Васильевский остров, в гавань, а оттуда уже в ящик в провинцию.

Осенью работа наша немного затихла. Кронштадтское восстание сильно помешало нашей работе, так как охранка наводнила всю Приморскую линию своими агентами, которые рыскали по всем поселкам и особенно следили за рабочими завода: в конце осени была обнаружена незначительная и регулярная пропаша винтовок, и полиция приняла меры к усиленной охране завода и его складов.

Несколько позднее в нашей группе я познакомился с Александром («Саша Охтенский»), рабочим Патронного завода, с которым и приступил к организации своей патронной мастерской. Запасы сырья были у нас достаточные; связи на заводах, вырабатывавших все нужное для патронов, были прочные. Бездымный порох, гильзы и капсюли доставлялись в каком угодно количестве.

Для своей мастерской нужны были небольшие станочки с матрицами. Над этими станочками возились мы довольно долго. Сконструировали их по существовавшему на заводе типу: требовалась чугунная отливка и довольно точная обработка. В конспиративных целях нужно было сконструировать модель станка так, чтобы никто не мог определить его назначение. Кое-как с отливкой устроились на маленьком чугунном заводе. Обработывали, растачивали и фрезеровали станочки в мастерской Булыгина.

Эта мастерская была на М. Охте, там жили «Саша» и Михаил Паршенков и, не помню фамилии, старушка — квартирная хозяйка. В конце декабря, кажется, накануне нового года, мастерская провалилась. Ночью большой отряд конной и пешей полиции окружил дом, где помещалась мастерская. «Саша» и другие боевики спали, но не были захвачены врасплох, с необычайным героизмом встретили они противников, открыли огонь из маузеров. Перестрелка продолжалась около часа. Полиция и жандармы потеряли четырех человек убитыми и несколько ранеными. Наши товарищи ушли невредимыми. Хозяйку взяли, и потом, как я слышал, она была повешена, но впоследствии оказалось, что слух был неверен. С этой схватки, часов около четырех утра, «Саша» пришел ко мне в легком пальто, в одном нижнем белье, в сапогах на босу ногу, с повешенным через плечо маузером. Он рассказал мне все происшедшее. Мороз был в эту ночь необычайный. Маузер от стрельбы настолько раскалился, что при остывании обледенел и примерз к нижнему белью. Кое-как отогрев «Сашу» и переодев в теплое платье, какое было под рукой, начали думать, как его устроить. Оставаться в Питере было нельзя. Решили переждать до вечера, отправить его в Сестрорецк к нашим товарищам, чтобы через 2—3 недели, когда все уляжется, переотправить в более безопасное место в Финляндию.

Это вооруженное выступление, окончившееся полным разгромом полицейского отряда, целую неделю занимало всех питерцев и положило начало дальнейшим схваткам с полицией. Я точно не помню, сколько было вооруженных сопротивлений при обысках, но этих случаев было очень много, и в большинстве они оканчивались поражением полиции; товарищи благополучно уходили.

В конце 1907 года, в декабре, охранники захватили Паршенкова на улице. Несколько шпионов он убил при перестрелке и последней пулей хотел покончить с собой, но неудачно, его захватили живым и, кое-как подлечив в тюрьме, повесили.

Вскоре я был арестован по подозрению в участии в организации последних вооруженных столкновений. Никаких данных и документов полиция не собрала, и я вышел сухим, получив административную высылку.

В таком кратком описании трудно охватить все моменты этой сложной конспиративной работы организации и сказать обо всех участниках технической работы по подготовке восстания. Я только постарался восстановить в своей памяти ту маленькую полосу этой работы, по которой мне лично при-

шлось пройти. Товарищи, участники работы, восполнят своими воспоминаниями пробелы и внесут исправления в описанную мною хронику нашей работы.

Сергей Суломов. («Петр»).

ПОДГОТОВКА К ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЕ

Отклики на восстание матросов на броненосце «Потемкин» в Севастополе в 1905 году прокатились широкой волной по всему югу. Не было почти ни одного промышленного города, которого не коснулась бы эта волна. Революционное выступление моряков окрылило всех, напичкало энтузиазмом, объединило, спаяло революционные ряды рабочих. Фундамент самодержавия — армия и флот — начал распадаться. Мысль рабочих слилась в одно огненное желание разрушить скорей всю постройку — самодержавие.

Екатеринослав, как один из промышленных центров юга, отозвался быстро и мощно на события, развернувшиеся в Севастополе. Как только дошли вести о восстании, немедленно организовался объединенный стачечный комитет. На время были забыты принципиальные споры о «стихийности и сознательности», о «пятках»-«десятках» и т. п.

Для поддержки движения была объявлена с.-д. комитетом всеобщая забастовка. С утра бастовали почти все заводы — Шодуар, Гантке, Брянский, Константин и др., к 11 часам были сняты с работы рабочие всех лесопильных заводов. Оставались железнодорожные мастерские, где рабочие еще на открытом митинге, на территории мастерских, под оглушительный заунывно-тревожный свист паровозов, роптали о присоединении к забастовке. К концу митинга рота солдат-пехотинцев нерешительно подходила к мастерским. Несколько тысяч рабочих, с решением бастовать, с криками «братья-солдаты», окружают роту пехотинцев. Солдаты — в кольце рабочих, не слушают команды растерявшегося офицера. На штыках уже висят прокламации, красное знамя из рабочего платка. Офицер умоляюще просит рабочих освободить солдат, клянется офицерским честным словом, что он уведет их в казармы и вместе с ними будет нейтральным. Рабочие с пением «Марсельезы» провожают роту в казарму, берут с них клятву. Величественная картина — впервые самодержавные штыки оказались в кольце рабочих.

Восторженные лица рабочих. У всех блещет радостной слезой глаза, — победа видна.

Всеобщая забастовка. На всех углах и перекрестках стоят группами рабочие. Директив нет. На Воскресенской площади в городе митинг. Там дается кем-то распоряжение идти на Брянскую площадь. Группами рабочие переходят с одного места на другое. На Брянской площади митинг в несколько тысяч человек. По Первой Чечелевке несется взвод казаков. Боевая дружина — «пятки»-«десятки» — с револьверами (смитвессон и велодог) выстрелами останавливает казаков. Последние спешиваются, прячутся за положенных на землю лошадей и открывают стрельбу по бегущей публике. Многих ранят. Рядом стоящий и стреляющий из револьвера Фирсов закачался, снова хочет стрелять, но револьвер не действует: казачья пуля попала в барабан и испортила оружие. Оставшиеся становятся под защиту столбов, продолжая стрелять, чем отводят от себя казачий оружейный огонь. Небольшое затишье. Казаки на лошадях преследуют безоружных бегущих, уходя одновременно от стреляющих дружинников. На подмогу двигается с музыкой по Чечелевке пехота. Все скрываются за заборы, пробираясь дворами в другую часть поселка.

Все убеждаются, что против винтовок не годятся револьверы. Нужны бомбы. Я и Барсуков («Потапыч») отправляемся на поиски шахтеров, в надежде найти у них фунт-два динамита. Кажется, у «Вани-Мужичка» находим несколько пачек «гремучего студня», капсули и кусок бикфордова шнура. Как сделать бомбы? Приспосабливаем какой-то металлический предмет для этого, вставляем капсули со шнуром — две бомбы готовы. Но надо запаять крышки, — где? Идем в маленькую мастерскую лудильщика. Хозяинчик запаивает. Даем деньги за работу. Не берет: «Бомбы паяю бесплатно», — отвечает хозяйчик-работник.

С утра вдвоем гоняемся за казаками, выбирая удачный момент для «угощения» их. Казаки, точно зная об этом, раз'езжают вереницей.

Бомбы летят в казарму полицейских. Пока шипит горящий шнур, полицейские удирают через окно. Остается только трескучий эффе́кт.

Через неделю кончается забастовка — нет поражения, нет и победы. «Пятки»-«десятки», бомбы входят в жизнь организации. У всех одна мысль — получше вооружиться и начинать снова штурмовать власть.

Случайно знакомлюсь с «Костей» (меньшевик, прибывший в Екатеринослав, только-что вернувшийся из-за границы, где получил химическое образование). С ним изучаю изго-

товление динамита, гремучей ртути, пироксилина и пр. Работаем в комнатухе «Захара», на Петербургской улице. Перед хозяевами квартиры прикрываемся тем, что организуем лабораторию «по исследованию вод артезианских колодцев».

Аптечными дозами, по очереди через товарищей, покупаем азотную и серную кислоты, глицерин, ртуть, вату и пр.

Наконец, изготовили несколько грамм магнезиального динамита, пироксилиновой ваты и гремучей ртути. Идем пробовать в Нижне-Днепровский парк. Отчаянный ветер. Фитиль — намоченная спиртом вата. Зарываем в землю пузырек с динамитом. Зажигаем вату. Отбегаем и прячемся за овраг. Ветер задувает огонь. Снова смачиваем спиртом, зажигаем и прячемся. Так делаем неоднократно.

В парке проходит рабочий, читая газету; заметив наши операции, он приближается и ложится вдалеке за овраг, тщательно наблюдая за нами. Наконец, раздается резкий, сильный взрыв, мы идем смотреть. Рабочий бежит к месту взрыва опрометью и тут же задает нам быстро вопрос: «Что, товарищи, бомбу пробуете?». Я отвечаю: «Нет, пробуем петарду для фейерверков». Рабочий, понуря голову, отходит, говоря: «Фейерверками занимаетесь, а кто же будет делать бомбы?..».

Чувствовалось всеми, что без бомб не обойтись, — но таких, от которых нельзя было бы убежать. В комнатухе «Захара» было изготовлено около пуда динамита, производился ряд опытов над ним. Мною была выработана бомба, которую легко можно было изготовлять, она была удобна для переноски в кармане и верно действовала. Вопрос об опасности при толчках нас меньше всего беспокоил.

Как только узнали, что есть возможность изготовлять бомбы, многие товарищи предлагали свои услуги по изготовлению. Выработка динамита шла успешно, но помещение было мало, условия конспирации заставляли работать при закрытых окнах. После нескольких часов работы в комнате, где воздух был насыщен парами кислот, работающие почти валились с ног. Приходилось отлеживаться от адских головных болей на берегу Днепра.

Интерес к бомбам возрастал. Мною была организована школа по изготовлению взрывчатых веществ, через которую прошло 5—6 товарищей; свой опыт они использовали в октябре.

Выработанным мною типом бомбы в октябре удачно отбивались атаки казаков и пехоты на баррикадах на Первой Чечелевке. Эти же бомбы отсылались из Екатеринослава в Ростов. Ученики изготовляли их в Казани (Жеребин П.).

В августе 1905 г. была организована школа в Киеве, где обучалось несколько товарищей с Кавказа. В Киев я приехал с Барсуковым. В первую очередь нами самими была изготовлена обстановка для школьной лаборатории. В эту работу были привлечены некоторые товарищи — Сулимов и др. Там производились крупные опыты при участии А. А. Ванновского¹⁾.

Активное участие в Киевской школе принимал «Костя». В дальнейшем эта Киевская школа осталась для юга. Меня, «Потапыча» и Сулимова в конце сентября отправил уполномоченный ЦК «Алексей Рыбак» в Петербург, а одного товарища в Москву (фамилии и псевдонима его не помню).

К сожалению, явки нам были даны к меньшевикам, и притом они оказались ненадежными. Мы трое болтались около недели, не находя товарищей. Случайно встретили на Литейном Медведева Сергея Павловича²⁾, через него посредством С. Малышева удалось связаться с Военкой³⁾ ЦК, где я встретил знакомого по Лондону «Василия Петровича».

Утром 17 октября, в день выхода октябрьского манифеста, нами был получен приказ от «Военки» ЦК — немедленно приступить к организации крупной бомбистской мастерской-лаборатории.

Проходя через Невский, где все верящие в манифест огромной массой манифестировали, мне и «Потапычу» было трудно удержать Сулимова от соблазна участвовать в манифестации.

Через знакомых «Потапыча» (Барсуков) и по его инициативе в тот же день было снято помещение на Малой Охте под мастерскую для изготовления «фотографических аппаратов».

Получены были фальшивые паспорта, от ЦК была направлена Васильева для работы с нами. Через несколько дней ра-

¹⁾ Ванновский, Александр Алексеевич, был командирован «Московским союзом борьбы» с подробными инструкциями (вместо брата Виктора Ванновского) на I сезд с.-д. организаций, состоявшийся в марте 1898 г. в Минске.

В. принимал участие в работе военно-технической группы в Москве как военный специалист техники уличного боя. Написал брошюру «Тактика уличного боя», принимал участие в киевском военном восстании, и носил кличку «Вычегодский меньшевик». — С. П.

²⁾ По воспоминаниям Сулимова, не Медведев, а «Иннокентий» связал их с «Боевой технической группой». — С. П.

³⁾ И. Михайлов называет «Боевую техническую группу» «Военка», видимо, сокращая ее название военно-техническая группа. — С. П.

бота закипела. Добыто было через охтенскую аптеку¹⁾ достаточное количество серной и азотной кислоты. Оборудована была лаборатория для изготовления динамита и сравнительно большого количества гремучей ртути.

Работа в лаборатории протекала дружно, с каким-то особым подъемом. Каждый новый фунт или бутылка нитроглицерина вызывали восторг. Когда же у Васильевой в комнате накопилось тридцать бутылок нитроглицерина — целый ящик из-под пивных бутылок, и когда городская лаборатория дала лучший отзыв о его качестве через «Сергеича», — это для нас было большим торжеством.

Работа была распределена между нами следующим порядком.

Михайлов ведал лабораторией и технической частью, Сулимов держал связь с «Военкой» (явки, снабжение кислотами и размещение готовых бомб), Барсуков ведал столлярной мастерской, сборкой и упаковкой бомб в ящики, Васильева — домашним хозяйством.

Постоянную помощь в нашей работе оказывали С. П. Медведев, А. Булыгин и В. Щедрович; Медведев организовал на заводах изготовление оболочек моего типа — штук 15—20 были доставлены, снаряжены и переданы на испытание.

Мой тип ударной бомбы был признан очень опасным и заменен фитильным; оболочки изготовлялись на маленьком заводике²⁾ в Коломьях у Шмидта («Кузнецова»); заказ для конспирации назывался: «грузы³⁾ для подводного кабеля».

Однажды я и «Потапыч» должны были с этого заводика перевезти на Охту 140 оболочек. Купили простые санки, так называемые «дровешки». На санки положили разобранный стол; сами подпоясались зелеными крестьянскими кушаками и отправились в Коломьяги. Нагрузили там ящики, поверх ящиков положили ножками вверх стол и потянули на Охту.

На углу Каменноостровского и Архиерейской наши санки с грузом покатались боком по наезженной на угловом повороте плоскости и ударились о возвышение панели. Санки сломались, ящики полетели, стол также. Мы немного растерялись... «Потапыч» даже предложил все бросить и уйти. Я вспомнил рассказ одного товарища, перевозившего нелегальную литературу через границу: когда за ним на вокзале следили, то он чемодан с нелегальной литературой поставил у ног ж.-д. жандарма и попросил его покараулить,

¹⁾ Сулимов местом, откуда получились кислоты, называет не охтенскую аптеку, а городскую лабораторию на Садовой; возможно, что

²⁾ Игрушечная мастерская. — С. П.
случайные полочки были и из аптеки. — С. П.

³⁾ «Концевые кабельные муфты». — С. П.

чем отвлек подозрение. Мы прибегли к такому же способу. Я позвал постового городского и попросил его покараулить наши вещи, а сами отправились искать новые санки. Безупречно бегали с полчаса. Взять извозца опасно — может оказаться шпик, да и видимость будет плохая: по-бедняцки везли сами, а тут вдруг перегрузили на извозчика!..

Поймали ломовика. Номер на дуге. Шпик заметит номер, узнает, куда возил. Может быть провал. Все-таки едем на Выборгскую сторону. Начинаем заезжать во все трактиры с целью напоить допьяна извозчика. Это удастся. В наших руках вожжи, кучер спит. Привозим на Охту к лаборатории. Товарищи ожидают у дома. Быстро выгружаем. Спящего кучера и лошадь сдаем под расписку в другом районе города на постоянный двор ¹⁾.

Идет работа по зарядке и отправке по явкам. «Военка» предлагает новый тип бомб, с зарядкой бертолетовой солью, смоченной керосином. Заказываю за Московской заставой на заводе «колпачки для решеток на могильные ограды» и «шайбы под стойки», покупаю болты. Заказ долго не исполняется. Взамен покупаю чугунные трубы. В своей столярной разрезаем их на цилиндры, используем две шайбы. Масовое производство — один режет, другой зашлифовывает, третий начиняет, завертывает болт. Готовятся ящики на 5 бомб.

Идет систематически отправка по местам. «Военка» не успевает находить квартиры для хранения.

Удавалось иногда спрятать бомбы в квартире либеральных буржуа, часто без ведома самих хозяев. Имелись и свои крупные склады — в парниках Ботанического сада и других местах.

Нитроглицерин вырабатывается несколько примитивными аппаратами. Производится тщательная промывка нитроглицерина, который затем смешивается с углекислой магнезией, — динамит готов. Работа опасная, тяжелая. При малейшем упущении может получиться большой взрыв.

Какое-либо общение с массами или партийными работниками нам всем было строго воспрещено. Круг знакомства помимо «Военки» был в 7—8 человек.

Однажды в какой-то праздник к нам на квартиру собрались все участники нашего дела. Три аппарата работали полностью на нитро в дальней комнате (их было 4, пятая кухня).

¹⁾ По поводу этого факта у товарищей, вспоминающих о нем, сохранились в памяти разные впечатления. — С. П.

В комнате, где мы сидели и беседовали (через одну от лаборатории), воздух неожиданно стал желтеть, запахло азотом. Плохое предзнаменование: в лаборатории неблагополучно. Иду туда. В коридоре воздух темнее, в соседней комнате — светло-коричневый, едкий. Беру бутылку с нашатырным спиртом — предохранитель от едких газов азота.

Быстро вхожу в лабораторию, где почти не видно огня, газ темно-коричневый, опрыскиваю нашатырным спиртом вокруг, пробираюсь, не дыша, к аппаратам, закрываю краны на воронках с глицерином, усиливаю охлаждение и удираю. Газ коричневый от нашатырного спирта окрасился в зеленый цвет и медленно стал опускаться вниз. Благополучный исход. В банках поднялась высокая температура — пошла обратная реакция, — нитроглицерин разлагался на составные части. Мебель, обои, пол от кислот обуглились. Опоздай мы на минуту, — от пятиэтажного дома остались бы развалины, ибо запас нитроглицерина был в несколько пудов.

В Москве восстание. Питер на военном положении. Прсыт бомб. Семеновский полк отправляют в Москву. Рабочие за Колпиным делают попытку испортить путь, развернув болты. Их отгоняют, часть арестовывают. В январе, казалось, удачно отправили большую партию бомб. Возвращаюсь домой, — за мною и «Потапычем» «хвост» (шпик). От него хотим уйти через Неву по льду. При выходе с Ириновского вокзала шпик хватает меня сзади за руки. В кармане в руке браунинг снят с предохранителя. Сжатие мускулов руки, произведенное шпиком, невольно передается на собачку браунинга, происходит выстрел в кармане, похожий на то, что стреляют другие. От неожиданности шпик меня отпускает, я, стреляя, ухожу на улицу и скрываюсь. «Потапыч» арестован. Через день-два ликвидируем лабораторию.

ЦК меня отправляет в Москву на боевую работу. Отправляюсь с фальшивым паспортом, фамилия — Кулебякин. В Москве дымится Пресня; стрельбы днем не слышно. Останавливаюсь на Домниковской, в гостинице. На явку не попасть. С утра до вечера шпик ходит за мной, не отступая. В течение недели ежедневно выхожу с утра, делаю за день два круга по Садовому и Бульварному кольцам и невольно возвращаюсь домой, оставляя у подъезда шпика; убедились «в моей чистоте». Я, наконец, попадаю к «Алексею» (Рыкову). Встречаюсь с Ванновским. «Алексей» пору-

чает мне скорей приняться за бомбистскую работу. Знакомлюсь с «Чортом» (Богомолов).

С «Алексеем» идем в какой-то зубоначебный кабинет. Получаем там сведения, что на заводе, если не ошибаюсь, Пирвиц много отлитых оболочек бомб. У «Чорта» на квартире хранятся инструменты снаряжения. «Чорт» «замаран», через 2—3 дня уезжает и передает свою комнату нам. В условленный день, 11 февраля вечером, иду на Арбат забрать инструмент «Чорта». У ворот почтительно встречается дворник. «Вы куда?». «В квартиру 9». «Идемте, провожу». Звонок. Вхожу. Квартира присяжного поверенного, кажется, Лурье. Справа и слева два полицейских со «свечами» (с винтовками). Комната «Чорта» первая по коридору слева. Прохожу мимо. Встречаю присяжного поверенного. Здравуюсь. «А, — тянет присяжный, — почему вы один, где тот высокий?» (должно быть, спрашивал о Ванновском). Из комнаты «Чорта» выходят околоточные, довольно радостно говоря: «Пожалуйста сюда, вы шли в эту комнату».

После тюрьмы, ссылки в Архангельск и побега снова с «Сергеичем» (Грожан) приступаю к боевой работе. За год характер работы немного изменился. В дополнение к бомбам идет работа по добыче нарезного огнестрельного оружия. Работа принимает широкие размеры.

Организована школа по боевой подготовке партийных товарищей. Занятия идут в аудиториях Горного института и других высших учебных заведениях. Выработан новый тип бомб — совершенно безопасный в хранении и переноске. В Финляндии (Куоккала) организована бомбистская лаборатория-школа, там работает ряд новых товарищей.

Реакция усиливается. Те из весьма немногих либералов, которые представляли свои гардеробы для хранения бомб и оружия настоятельно требуют, чтобы очистили их квартиры. Приходится забирать бомбы и переносить в новые хранилища.

Работа по транспорту была не легка. Тяжесть ее характеризуется хотя бы только двумя приводимыми ниже фактами. Переноска винтовок могла быть только на себе. Подвешивали полотенцами четыре разобранных винтовки под пальто на плечи. Вес солидный — более пуда. С ним можно только стоять или идти. Помню, будучи навьючен, я должен был пройти по городу расстояние в несколько верст, в теплую погоду. От долгой ходьбы ляжки-полотенца после каждого шага все сильнее и сильнее давят плечи и шею. Начи-

нает кружиться голова... Идешь — качаешься, с одной мыслью не упасть, не погубить груза. Помню момент, когда силы окончательно пали, и я принужден был ухватиться за забор и стоять почти без сознания. Случайно «Молекула» нашел меня в таком положении и под руки отвел в ближайший двор, где можно было передохнуть и перекачать груз. Другой случай таков: четыре или пять тысяч маузеровских патронов называются полотенцами вокруг живота и груди. Предстоит путь с Лесного на Воскресенский — удобный путь, частью на пароходике по Фонтанке. Вхожу на пароход, сажусь на низкую скамейку, подняться же после не могу, жду выхода всех, и, лишь ухватившись за что-то, удается подняться и уползти благополучно.

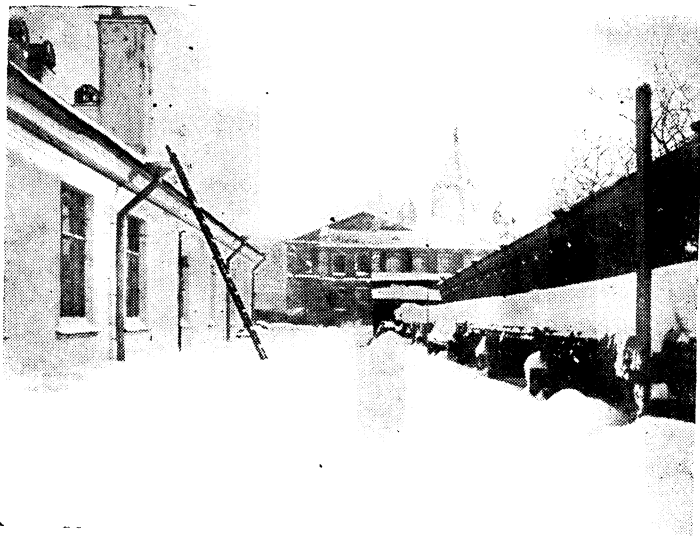
Систематически с Сестрорецкого завода утягиваются через товарищей винтовки. Из-за границы через Финляндию перевозятся большими партиями немецкие винтовки «манлихеровские».

В работе принимают участие: «Молекула» (Студентский), Ольга Константиновна Канина, Нина, «Петр» (Сулимов), я и моя жена. На Малой Охте организована механическая мастерская — «хозяин» Булыгин; в Новой деревне оставалась все та же механическая мастерская — «хозяин» Шмидт («Кузнецов»). В первой мастерской изготавливаются ударники и приспособления для оболочек бомб; во второй переделываются приклады винтовок на складные (и развертка или разборка стволов) и, главное, производится снаряжение ружейных 3-линейных патронов. Гильзы, пули и порох в больших количествах добывались с Петербургского снаряжательного завода через Румянцев, С. С.

С апреля принимают участие боевик-латыш, Рябков («Пчела»), остаются «Молекула», я под кличкой «Ваня-англичанин» и моя жена А. Н. Фризе (кличка «Полянская»), латыш, Сулимов («Петр») переходят на другую конспиративную работу. Упорядочивается транспорт револьверов, патронов и пр. из Финляндии. В этой области особенно удачно работал Рябков, привозя по Финляндской ж. д. несколько пудов контрабанды в специальных чемоданах одновременно. Первый привалочный пункт была Военно-медицинская академия — у товарища фельдшера академии, другой — в Лесном. Работа шла успешно. Все то, что доставалось с заводов Сестрорецкого, Тульского, Ижевского и контрабандою, едва успевало быть размещенным по квартирам-хранилищам; часто квартир не хватало. Многие были еще раньше насыщены бомбами. Общее руководство по «Военке» находилось у «Никитича», Л. Б. Красина. Снабжался не только Питер, но и другие города,

В конце лета 1907 года на мою работу вступает Медвед, С. П. Я освобождаюсь и через рабочих-партийцев поступаю на завод Парвиайнен, где только-что был арестован Попов, руководитель заводского партийного комитета и выбранный представитель от всех рабочих завода.

И. Михайлов

Правительственная научно-техническая лаборатория в Петербурге, которую члены боевой группы использовали для своих целей.

КОНСПИРАТИВНЫЕ КВАРТИРЫ И СКЛАДЫ

КОНСПИРАТИВНАЯ КВАРТИРА В АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ В 1903—1905 ГГ.

С приближением революционного под'ема 1905 г. наряду с рабочими массами особенно деятельное участие в движении принимало наше студенчество.

Авангардом студенческого движения был университет и большинство высших технических учебных заведений. Общий энтузиазм захватил также сравнительно отсталые в политическом отношении высшие художественные учебные заведения — Консерваторию и Академию художеств.

В Академии художеств того времени нашлось все-таки два-три преданных революции товарища, которые организовали вокруг себя не только местных работников из учащейся молодежи, но и сами принимали участие в подготовке восстания 1905 г. в более широком масштабе, будучи членами революционных комитетов и пр.

В конце 1904 г. или немного раньше кто-то из моих товарищей-революционеров прислал ко мне двух товарищей из Академии художеств — Буренина и Э. Эссена¹⁾ — для переговоров об организации у меня конспиративной квартиры.

К какой организации они принадлежали, мне не было известно, я же работал в Латышской СДРП.

Для Российской с.-д. партии я использовался как гравер. Бывали экстренные «заказы». Однажды прибегает ко мне запыхавшись товарищ и заявляет: «Вчера во время обыска взяли печать нашего «Красного креста», необходимо срочно сделать новую, чтобы утереть нос жандармам». На следующий день нарочно отправляют свежие бланки с новой печатью, и жандармам «утерли нос».

Иногда требовалось срочно снабдить товарища подложным паспортом. Бланки имеются, а печатей нет. Приходи-

¹⁾ Партийная кличка «Барон». — С. П.

лось из пальмового дерева вырезать печать какого-нибудь волостного правления.

Вернусь к упомянутому выше Н. Буренину. Как-то явился ко мне Буренин и заявил, что необходимо товарищам собраться у меня для обсуждения очень важного дела — организации перевозки из-за границы большого транспорта оружия.

Он считал своим долгом предупредить меня о важности совещания и спросил, соглашусь ли я предоставить свою квартиру. Я ответил, что я вполне сознательно готов к услугам и предоставляю для этой цели свою испытанную квартиру.

Что и как решалось, мне осталось неизвестным, так как все происходило при строжайшей конспирации.

Необходимо заметить, что мое помещение было удобно для конспиративной работы. Я жил в казенной квартире в старинном екатерининском здании Академии художеств над граверной студией, в которой я заведывал печатной мастерской. Чтобы пройти в мастерскую и тут же в мою квартиру, необходимо было пройти ворота и затем по длинным коридорам, частью освещенным и частью темным.

Кроме того, моя дверь была, к счастью, в темной части коридора, куда можно было войти и выйти в восьми отдельных пунктах, что сбивало с толку шпииков. Квартира была совершенно изолирована, с толстыми, почти двухсантиметровыми стенами. Внизу — мастерская, в которой я работал, с постоянно громящей машиной, сбоку — коридор, а сверху — домовая церковь.

Одно неудобство было то, что Академию иногда посещали тогдашние «высочайшие особы» (при мне даже мастерскую посетила тогдашний шеф Академии, бывшая великая кн. Мария Павловна), был даже раз сам Николай II, почему охрана здания шпииками была очень бдительной, но, с другой стороны, постоянное движение студентов по коридорам и проход с разных концов сбивало с толку назойливых охранников, тем более, что все мои посетители, предупрежденные о всех деталях расположения квартиры, спокойно проходили мимо дверей, если кто-нибудь подозрительный следовал по коридору, а после конспиративного совещания выходили в противоположную сторону. Таким образом удавалось долго замечать следы. Зайдет ко мне Эссен в мастерскую, ответит в сторону и сообщит: «Завтра в 11 часов у вас будут гости. Пароль: «Разрешите посмотреть вашу новую картину». Утром следующего дня около 11 часов звонок. Открывает дверь мой помощник-рабочий (мною обработанный — свой товарищ): «Тов. Зиварт, вас просят». В передней

встречаюсь с незнакомым, обычно молодым, энергичным лицом.

— Вы Эрнест Францевич Зиварт?

— Да.

— Разрешите посмотреть вашу новую картину.

— Прошу вас наверх.

Таким образом собиралось товарищей 8—10—12, которые, пробыв 2—3 часа и более, расходились поодиночке в разные стороны.

Это повторялось довольно часто, при чем, конечно, менялся пароль.

Вскоре появились неблагоприятные признаки, и совещания пришлось для пользы дела прервать.

Как-то раз под вечер зимой один из товарищей во время совещания прибегает ко мне вниз и говорит, что какая-то подозрительная фигура прохаживается по снегу внизу около окон. Я оделся и направился на разведки, но «фигура» уже успела улизнуть. Сейчас же все товарищи благополучно разошлись поодиночке. Но после следующего совещания ко мне зашел, если не ошибаюсь, Эссен с сообщением, что одного товарища, после ухода, на улице арестовали. Было ясно, что охранники устроили облаву, и совещания пришлось прекратить. Но, очевидно, место им не удалось открыть и, чтобы поймать нас наверняка, они прибегли к довольно аляповатой штуке.

На следующий день я заметил новость: все двери, кроме одних ворот с 4-й линии, оказались вокруг запертыми. Спрашиваю дворников, в чем дело, — «такое получили распоряжение».

До описанного случая еще одна из организаций под строгой конспирацией прислала в мою кухню двух товарищей, оставшихся мне неизвестными, которые «варили» на примусе состав для бомб. Для какой цели и были ли они использованы, не знаю¹⁾.

В разное время приносили еще ко мне революционную литературу, которую у меня брошировали и разносили товарищи-женщины в особых карманах.

После ликвидации моей квартиры, как конспиративной, накануне известного манифеста, произошел один оригинальный случай.

После некоторого промежутка времени как будто все успокоилось, и какой-то организации потребовалось сложить в одно место чистую бумагу, чтобы потом, по мере надобности, разносить ее для печатания воззваний, прокламаций и пр.

¹⁾ См. выше воспоминания «Альфы», Л. Песковой.—С. П.

Обратились ко мне,— «везите».

Был момент, когда полиция растерялась от большой нахлынувшей революционной волны, и по всем высшим учебным заведениям устраивались свободно митинги. Но тут вдруг спохватились, и у всех дверей поставили часовых с винтовками, в том числе поставили часовых и у дверей Академии художеств.

Как раз накануне дня опубликования известного манифеста о «свободах» ко мне прибегает дворник с сообщением, что привезли какую-то бумагу для меня... Отказаться от нее было неудобно, и пришлось пройти на улицу, посмотреть привезенное, чтобы обдумать по дороге положение. На улице у ворот стоит ломовик с целым возом бумаги.

— Ах, да, это для печатной мастерской,— пропустите.

Открыли ворота, солдаты с винтовками посторонились, и ломовик с помощью крюка перетаскал одну кипу за другой в мою квартиру.

К счастью, никто из администрации, кто мог бы обратить внимание на странные кипы бумаги, какой для нашей мастерской никогда не требовалось, не встретился.

Возможно, что после манифеста бумагу можно было достать открыто и более подходящую.

Года 3—4 я рисовал затем на этой знаменитой бумаге. Один из набросков я сохраняю на память еще до сих пор.

Э. Зиварт

ПОВСЕДНЕВНАЯ КОНСПИРАТИВНАЯ РАБОТА В 1905 Г.

Мое вхождение в военно-техническую группу произошло как-то само собой. Под влиянием всех событий девяностых и начала девятисотых годов я был настроен очень революционно и легко пошел на подготовку вооруженной борьбы с самодержавием.

Связь с с.-д. партией существовала у меня уже ранее, со студенческих лет, но не выражалась в какой-либо непосредственной работе. Я, правда, участвовал в демонстрации по случаю самосожжения курсистки Ветровой и просидел свои три дня в «Крестах».

Я бывал на всех студенческих сходках, под профессорским судом, потерял учебный год и т. д., но организационно с партийными кружками не был связан.

В 1901 году так называемая «группа радикалов», т. е. студенческая социал-демократическая организация, привлекла меня к работе в подпольной типографии. Типография эта

(ротатор) была устроена в одной квартире на Кронверкском проспекте, а сам я случайно оказался живущим на том же Кронверкском проспекте, в нескольких домах от подпольной типографии. Я носил в типографию необходимые принадлежности для печатания, но, помнится, из-за каких-то технических дефектов множительного аппарата результаты получались неважные. В то же время близкое мое проживание от типографии делало сохранение конспирации крайне затруднительным. К этому присоединилось и то обстоятельство, что хозяином моей комнаты, как оказалось впоследствии, был агент охраны, пьяница и бездельник, который, чтобы меня спровоцировать, за стеной громко и бесцеремонно ругал царя и т. п.

Заподозрили меня наружные агенты или сделал донос квартирохозяин (это вернее), но ко мне явились ночью с обыском и, хотя ничего не нашли, отвезли в охранку и потом в дом предварительного заключения («предварилку»). Мне пришлось просидеть в тюрьме 3½ месяца. Меня несколько раз допрашивали о связи с группой радикалов, но так как связь моя была очень конспиративная и техническая, то мне нетрудно было отвечать на все незнанием. Меня выпустили без всяких последствий.

Дальнейший период проходил у меня в содействии партии путем предоставления явок, ночлега и оказания других услуг. На этой почве я познакомился с Землячкой (она же «Валерия Ивановна»), с «Абсолютом» (Елена Дмитриевна Стасова) и другими членами партии. Как-то мне предложили прочесть доклад по партийной аграрной программе перед группой слушателей учительского института. Я эту задачу выполнил добросовестно, но в ту пору и сам не мог понять, почему партия в своей рассчитанной на многие годы и на миллионные народные массы программе пишет, между прочим, о каких-то «отрезках». Считая себя недостаточно подготовленным, я в дальнейшем от чтения докладов отказался.

Попутно благодаря работе в так называемых «окраинных юридических консультациях», я приобрел некоторые знакомства с рабочими разных районов Петербурга, главным образом, Выборгской и Петербургской стороны. Поскольку в числе обращающихся в консультацию преобладали текстильные рабочие, у меня стали завязываться с ними более широкие связи, которые впоследствии вылились в форму работы моей в профессиональном союзе текстильщиков. В тот период работы мы пытались использовать консультацию на Выборгской стороне для заседаний профсоюза, для культурно-просветительных бесед с рабочими фаб-

рики Лютш и Чешера, Лебедева (джутовая фабрика), Воронина и др., и кое-что нам в этом отношении удавалось.

Январские дни 1905 года я был на улицах города, где собирались рабочие, но, не будучи припаян в каком-нибудь смысле к гапоновщине, чувствовал себя совершенно одиноким среди движения масс. У меня было ощущение, что зреет какая-то грандиозная провокация, я даже бегал по двум-трем клубам, организованным Гапоном, чтобы найти нити, двигавшие массы к Зимнему дворцу, но толку не добился. В день 9 января я сквозь кордон верховых городских вместе с наиболее настойчивыми пробрался до самой Дворцовой площади, со стороны Невского и Александровского сада. Я увидел перед собой выстроенную у ближайшего края площади, спиной к Александровской колонне, шеренгу солдат с ружьями... Толпа понемногу сгущалась и перебиралась к ограде Александровского сада. Мальчики, как любопытные воробьи, уселись на ветвях деревьев и на ограде Александровского сада...

Вдруг я увидел, как солдаты стали на одно колено, взяли ружья на прицел... Я ждал рожка или барабана, как предупредительного сигнала. Вместо этого раздался залп, около меня повалились; мальчики, как зрелые плоды, попадали с деревьев, с ограды... Толпа рассеялась и шархнулась назад и вправо к тротуару. Я помню, как я с каким-то звериным криком вместе с другими отбежал в сторону и, полный негодования и ужаса, видел, как солдаты пристреливали всех оставшихся в полосе выстрелов.

Потом я побежал помогать. Я схватил какую-то старуху в поддевке и платке, которая грузно лежала на тротуаре возле Александровского сада, положил ее на подехавшего извозчика и повез в Мариинскую больницу. Туда тянулось много таких извозчиков, и привозимых людей складывали где-то. Я даже не знал, привез ли я раненого человека или труп...

Негодование кипело во мне, я был готов на любую действительную месть. И тут вскоре — я не помню как — естественно вошел в активную работу «Военно-технической группы». Кто именно ввел меня туда, уже не припомню, но это был либо «Герман Федорович» (Николай Евгеньевич Буренин), либо «Татьяна Николаевна» (Софья Марковна Познер), либо Землячка.

На меня было возложено выполнение отдельных поручений. Среди них вспоминаю: получение корзины или ящика с нелегальным грузом с багажной станции Николаевской жел. дор.; провоз оболочек для бомб и сдача их на хранение; переноска коробки с гремучей ртутью; подыскивание

помещения для хранения оружия (главным образом револьверов), получаемого через финляндско-русскую границу; подготовительные работы для приемки оружия с парохода «Джон Графтон» и мн. др. В этой работе мне пришлось сотрудничать, помимо уже названных выше «Германа Федоровича» и «Татьяны Николаевны», также с «Наташей» (Федосья Ильинична Дробкина), с присяжным поверенным Томилиным и мн. др. На одной из явок «Военно-технической группы», протекавших очень конспиративно, к нам пришли члены ЦК партии «Никитич» и «Вадим». Мимолетно видел я также Грожана и некоторых других. Потом в тюрьме или после революции приходилось встречаться и, к своему изумлению, узнавать прежних товарищей по работе: А. М. Игнатьева («Григорий Иванович» или «Гриша»), Павла П. Майкова, Н. К. Четверикова и др. У меня была кличка «Михаил Григорьевич», но главные деятели «Военно-технической группы» знали мое легальное имя.

Из отдельных эпизодов работы в «Военно-технической группе» вспоминаю следующее.

Однажды мне с «Наташей» было поручено перенести на склад партию оболочек бомб, очень тяжелых чугунных отливок. Для работы в группе, которая требовала передвижения по Финляндской жел. дор. через границу и обратно, мною были приобретены франтоватые желтые башмаки и красивый ручной саквояж из коричневой кожи. Нарядившись в лучший костюм, соломенную шляпу и эти башмаки, я с «Наташей», тоже разряженной, проехали в одну из дачных местностей по сю сторону границы (помнится, в Озерки), положили в свой саквояж груз и отправились по Финляндской ж. д. обратно. Изображая беззаботную пару, спокойно идя и свободно размахивая чрезвычайно тяжелым саквояжем, чтобы удостовериться, что за нами нет слежки, мы вылезли на ст. Ланской, прошли по шоссе до одной из остановок паровика и на нем проехали до конечной станции у клиники Виллье. Здесь, на Б. Сампсониевском проспекте, находился аптекарский магазин Третьякова, у которого был склад оболочек. Я с некоторой робостью зашел в магазин, так как владелец его, Михаил Третьяков, был моим клиентом (я был тогда помощником присяжного поверенного). Но как-то все обошлось хорошо: вместо владельца к нам вышел кто-то другой, а я, оставив «Наташу» с саквояжем, вышел из магазина и подождал ее возвращения.

В другой раз я поехал на вокзал Николаевской ж. д. получить из багажа корзину с оружием. По условию, я должен был предварительно подойти с квитанцией к багажному окошечку, где в определенные часы дежурства находился

сочувствующий нам служащий. На мой условный вопрос он ответил, что все благополучно, и тогда я пошел получать корзину, погрузил ее на извозчика и свез на квартиру, где-то на 1-й или 2-й роте Измайловского полка, куда сейчас же после моего ухода должны были притти несколько товарищей, чтобы, разобрав содержимое корзины, до наступления ночи разнести его по другим местам хранения.

«Герман Федорович» (Н. Е. Буренин) подготовлял меня также к предстоящему приходу груза оружия на пароходе «Джон Графтон», но я, по совести говоря, плохо верил в возможность справиться с таким большим транспортом, не обратив на себя внимания полиции. От Буренина я знал, что дело это до русской границы предложено устроить путем целого каравана финских возчиков, которые должны были подвезти оружие в имение «Гриши»¹⁾, где готовились соответствующие хранилища. Весть о крушении «Джона Графтона» была встречена нами с большим огорчением.

Летом 1905 года «Герман Федорович» просил меня помочь ему в сопровождении М. Горького для одной очень важной поездки в глубь Финляндии. Впоследствии я узнал, что цель поездки — было свидание М. Горького с Гапоном. К предупрежденному обо всем Горькому, жившему тогда в м. Оллила (по Финляндской ж. д.), я явился в назначенное время на финской таратайке, которую я нанял без возницы на часы. М. Горький был как раз у себя в комнате, одеваясь к поездке. По намеченному плану, Горький, чтобы его не могли узнать, должен был надеть крахмальное белье, мягкую шляпу и т. п. «Как это надевается?» — спрашивал меня Алексей Максимович, трудясь над крахмальным воротником и запонками. Я ему помог, и мы поехали. Я был за кучера, Горький сидел позади. По шоссе мы проехали до Териок, до дачи, где жили мои родители и вся семья. Там мои две сестры в нарядных платьях и с раскрытыми белыми зонтиками присоединились к нам; одна села рядом с Горьким, закрывая его зонтом от взглядов прохожих, другая — визави, спиной к лошадям, и мы двинулись в путь, как будто на прогулку. Мы проехали до станции Тюрсева, и там мы с Горьким сели в подошедший как раз поезд, а сестры вернулись домой. В поезде мы доехали до станции Сайнио (не доезжая Выборга), где поджидал один из содействовавших работе нашей группы, Яков Михайлович Шефтель. У него была приготовлена лошадь, и Горький, распрощавшись со

мною, сел в таратайку, я же поехал прямо на Выборг¹⁾. Шефтель должен был провезти Горького вокруг Выборга, очень опасного пункта в смысле слежки, посадить его вновь в поезд на одной из маленьких станций за Выборгом и сопровождать его дальше. Я из Выборга вернулся в Петербург.

Из конспиративных квартир помню квартиру сестер Малоземовых на Екатерингофском пр., там, где он подходит к Екатерининскому каналу; далее — одну квартиру на Покровской площади (в конце Садовой). Помню затем, что по хранению оружия и т. п. мне пришлось быть на Волковом кладбище (лютеранском). Среди персонала сторожей этого кладбища был один наш человек, и я по поручению организации ходил туда и удостоверился путем личного осмотра в пригодности избранного места хранения. Это был склеп с подвижной надгробной плитой, и к нему, как было намечено, надо было подвезти оружие через брешь задней ограды, выходящей на мало посещаемую проезжую дорогу. Сторож был латыш или эстонец, фамилии его не помню. Это хранилище предполагалось использовать для ожидавшейся большой партии оружия с парохода «Джон Графтон».

Мне приходилось также несколько раз бывать в доме на площади Финляндского вокзала, принадлежавшего Финляндскому железнодорожному управлению. Там жил один финн, который оказывал нам услуги и к которому я ходил также на службу в товарную контору. Фамилии его не помню, но припоминаю, что услуги его заключались в провозе отдельных штук револьверов и пр., а также в предупреждениях насчет возможной опасности на Финляндской линии.

Летом 1906 г. я отошел от работы в «Военно-технической группе» и ушел, главным образом, в работу среди профессиональных союзов и политико-экономическую пропаганду (у текстильщиков я был фактическим секретарем профсоюза, где впоследствии меня сменила «Серафима» — М. Н. Смит-Фалькнер). В подготовительный период к созыву Второй Государственной думы я участвовал в социал-демократической партии (б-ков) в предвыборной кампании и принял предложение партии о выставлении моей кандидатуры в выборщики от с.-д. партии. Результатом этого был (после разгона второй думы в июне 1907 г.) мой арест, отсидка в течение 5½ месяцев в тюрьме, ссылка в Вологодскую губ. и затем высылка на 2 года за границу. К работе «Военно-технической группы» я уже больше не возвращался.

В. Е. Ландсберг

¹⁾ А. М. Игнатьев широко использовывал имение своего отца.—С. П.

¹⁾ В книге В. А. Поссе «Воспоминания» тоже описывается факт подготовки свидания в Финляндии Гапона с Горьким, относящийся к самому концу лета, вскоре после катастрофы «Джона Графтона». Свидание это вследствие неявки Гапона не состоялось.—С. П.

СКЛАДЫ ОРУЖИЯ

От работы в литературной и пропагандистской группах в 1905 году¹⁾, я перешел на работу в «Военно-техническую группу» при ЦК. В этой группе работали Н. Е. Буренин, «Григорий Иванович» (А. М. Игнатьев), «Илья» (И. И. Березин), И. В. Ротарь, «Аким» (инженер-путеец Тавлинов), Рудановский Ю. А., Грожан («Дмитрий Сергеевич»), София Борисовна Сагредо («Соня»), Николай Петрович Сагредо и др.

Первоначально мне пришлось ходить по всяким оппозиционно настроенным либералам и собирать жертвуемое ими оружие, при чем иногда попадались очень ценные, с точки зрения коллекционера, наборы револьверов, но с боевой стороны годного было очень мало. Разнообразие типов, большею частью без патронов, делало их часто совершенно непригодными. А при пробе стрельбой таких систем, как бульдоги, мне не раз приходилось, не найдя следа пули в цели, куда я стрелял, находить ее застрявшею в дуле револьвера.

Таким образом, хотя либералы и давали охотно оружие, убивая двух зайцев этим,—обезопасив себя на случай обысков и завоевывая симпатии революционеров на случай будущих событий,—все же этот метод вооружения был никуда не годной игрой.

Более серьезно пошло дело, когда удалось связаться с Сестрорецким оружейным заводом и получать оттуда винтовки. Однако развить дело вооружения в массовом масштабе при помощи этих источников было невозможно, и лишь с начала организации провоза оружия из Финляндии дело было поставлено в достаточно широком масштабе и планомерно.

Вначале мне приходилось, живя в Петербурге, регулярно ездить в Териоки, Куоккала и т. п. пограничные местности, нагружаться там оружием, бикфордовым шнуром, капсюлями и т. п. и привозить в Петербург по данным мне адресам.

Во время одной из наших экспедиций произошло следующее происшествие. Привезши из Финляндии партию оружия—револьверов и патронов, я вместе с И. И. Березиным отнес ее по указанному мне адресу на склад на Алексеевской улице, близ Офицерской. В указанной квартире нас ждали Яков Михайлович Шефтель и Евгения Осиповна Биншток, которые должны были принесенное оружие отнести дальше. Однако оказалось, что в силу обстоятельств, кото-

рых сейчас не помню, отнести оружие невозможно, и надо было искать новый адрес, в квартире же на Алексеевской улице оставлять его было нельзя. Тогда я с Березиным взяли наиболее громоздкое оружие, бывшее на квартире,—трехмиллиметровые винтовки и патроны к ним, а револьверы забрали Шефтель и Биншток и тоже куда-то унесли. Винтовки же мы с Березиным отнесли ко мне, с намерением оставить до следующего дня, когда будет дан новый адрес. В это время я жил со своей сестрой, работавшей в пропагандистской организации Нарвского и Московского районов. Часов в 7 вечера, вернувшись домой из столовой Технологического института, я застаю у себя в комнате на столе записку следующего содержания: «Людмила (сестра моя) сегодня арестована». Записку оставила Ольга Бельтенева, которая должна была встретиться с сестрой в этот день на пропагандистском собрании, но, опоздав на него, заметила, что у дома шпики, а на лестнице городовые. Сообразив, что собрание арестовано и оставлена засада, она успела незаметно уйти из ворот дома и сейчас же пошла предупреждать, кого надо. Пришлось немедленно отыскать место, куда отнести оружие, и в 10 часов вечера от меня была унесена последняя винтовка, а в 11 явилась с обыском полиция. Не найдя ничего, полицейские ограничились лишь подробнейшим моим допросом относительно сестры, но не арестовали меня, и моя работа не прерывалась.

Однако с этого времени мне пришлось поселиться отдельно, а в скором времени и переехать в Финляндию, где в это время налаживалась организация складов и транспорта всякого оружия и взрывчатых веществ.

Хочу упомянуть здесь еще товарищей, с которыми приходилось работать в это время. Во время работы моей в пропагандистской организации Шлиссельбургского района я познакомился с рабочим Диановым—раньше он работал на фабрике в Иваново-Вознесенске, а затем переехал на Шлиссельбургскую мануфактуру. Дианов погиб, сражаясь против белых, на одном из фронтов гражданской войны. Мне хотелось здесь отметить, что редко приходилось встречать такого самоотверженного и преданного делу товарища, такого хорошего человека и сознательного борца. Он никогда не падал духом и с удивительной неослабевающей бодростью выполнял всю поручаемую ему работу. Помню, как раз он приехал из Шлиссельбурга в Питер, нагрузился данной ему литературой и должен был отнести ее по указанному адресу. Адрес оказался, повидимому, неверным—указанные лица там не жили, и его пароля не понимали. После долгих попыток отыскать нужный адрес, он вынужден был

¹⁾ Н. К. Четвериков начал работать в РСДРП с 1900 года.—С. И.

уже поздно вечером возвращаться на квартиру, откуда получил литературу. На его несчастье в этой квартире происходила как раз явка другой группы, и лица, передавшего ему литературу, не было. На его уверения, что он был уже раз здесь, — он называл фамилии лиц живущих на этой квартире (их тоже не было дома), — ему не хотели верить и его даже приняли за шпика (Ю. А. Грожан). Так он и ушел с квартиры, не сдав литературы. Ехать в Шлиссельбург было невозможно за поздним временем; итти к кому-нибудь из нас он не решался, так как было уж слишком поздно, притом он знал, что у себя на квартирах мы на ночь ничего не оставляем. И вот, обмотанный со всех сторон литературой, он пробуждал всю ночь по городу, стараясь не заснуть на скамейках и не попадаться на глаза городскому, а дело было зимой. Когда на следующее утро он зашел, наконец, ко мне и рассказал обо всем этом, ни капли возмущения не было в его тоне, а лишь радость, что все благополучно окончилось. Между прочим, он сказал, что в свою очередь, принял Ю. А. Грожана за шпика, и поэтому побоялся оставлять литературу на той квартире, откуда ее получил. В это же время с нами работал Тимофей Сафронович Федоров — рабочий Франко-Русского завода, а раньше матрос Балтийского флота. Помогая нашей работе в литературной группе, он постепенно перешел с нами к работе в «Военно-технической группе». Особенно ценна была его помощь при переезде моем в Финляндию, где, он благодаря своей внешности типичного рабочего и огромной силе был незаменим при взятии со станции тяжелых ящиков с оружием и т. п., когда мы не хотели пользоваться в целях конспирации помощью финских носильщиков.

Осенью 1905 г. в Териоках была нанята дача Комулайнена, где намечено было организовать передаточный склад оружия и взрывчатых веществ. В ноябре 1905 г. я переселился на эту дачу, и с первых же дней начали прибывать на станцию Териоки грузы оружия, которые надо было немедленно же доставлять на дачу. Эту работу мы проделывали с Тимофеем Федоровым. Вставая обычно часов в 6 утра, мы брали финскую вейку без кучера, подъезжали к товарной станции и вдвоем с ним, уложив грузы на сани, везли на дачу, а затем Федоров отвозил сани с лошадью хозяину их. Однако таким путем грузы шли лишь вначале. Этот способ скоро мог бы вызвать подозрения и провалить дело. Поэтому впоследствии был организован следующий порядок. Основной склад, куда грузы оружия и всевозможных взрывчатых веществ доставлялись прямо со ст. Райвола, Финляндской ж. д. был устроен в имении А. М. Игнатьева («Григорий

Иванович») в Ахи-Ярви. Из этого склада Игнатьев привозил нам на своей лошади, по мере необходимости, грузы в Териоки, на дачу Комулайнен, здесь грузы распаковывались, приезжала публика из Петербурга, нагружалась всякими способами и ехала обратно в Петербург. Иногда часть груза отвозилась отсюда в Куоккала, в лавку «Наво», владелец которой был свой человек, и бралась уж в розницу отсюда в Петербург.

Работа шла таким образом с ноября 1905 г. по апрель 1906 г. Провезены были через Териоки винтовки системы Маузера, Манлихера, Винчестера, револьверы с парохода «Джон Графтон», потерпевшего крушение у берегов Финляндии, динамит, пикриновая кислота, капсулы гремучей ртути, посылаемые из Швейцарии в вате; бикфордов шнур, маузеры, другие револьверы и т. д. Конспиративное название динамита было «дядя», а пикриновой кислоты — «Полина Карловна». На даче жили я, «Зина» (В. И. Сорокина) и временами «Илья» (И. И. Березин). За грузом приезжало много разного народу из Питера, но чаще всего товарищи женщины для большей конспирации. Помню, чаще других приезды О. К. Каниной, Е. О. Биншток, «Нины», «Гали». В это время мне дали связь с одним финном говорившим по-русски, Робертом Ткрнросом, и он нам был очень полезен. Он же первый заметил, что за дачей нашей начали уже следить.

Мы, жившие на даче, использовали также каждую свою поездку в Петербург, чтобы нагрузиться оружием или «дядей». Приехав в Белоостров, мы обычно сразу из вагона шли в буфет, еще до осмотра вагонов жандармами, а садились в вагон уже после 2—3 звонка, когда осмотр был закончен. Однако не всегда дело проходило так благополучно: один раз, помню, когда я ехал, как раз нагруженный динамитом, из Териок в Петербург, не успел поезд подойти к Белоострову, как в тот вагон, где был я, вошли жандармы с пограничной стражей, заперли двери и начали осмотр пасапортов. После осмотра часть пассажиров выпустили, а мне и еще несколькими предложили итти в жандармскую комнату для подробного осмотра. Когда мы вышли на перрон, я, заметив, что жандармы опередили нас, отстал от других и, когда мы подошли к дверям жандармской комнаты, прошел мимо и обошел вокруг того здания, где находилось жандармское отделение. В этот момент я еще не знал, что предпринять: садиться в вагон еще нельзя было, там шел осмотр, кроме того, в ближайшую минуту могли заметить мое отсутствие и снова искать по вагонам. В это время я заметил стоявшего у вокзала извозчика-финна, вейку, сейчас же по-

дошел к нему и предложил отвезти меня на станцию Курорт. Мы немедленно уехали, через полчаса были на Курорте, а через час я—в Питере. Приехал, правда, с опозданием на два часа—во втором часу ночи, но зато невредимым и с нетронутой «начинкой».

Работа на даче продолжалась беспрепятственно до марта 1906 года, когда начали замечаться признаки слежки за дачей. Она была расположена на безлюдной улице, где лишь изредка проходили дачники, но с некоторого времени мы заметили часто стоявших по двум концам улицы двух штатских, которые временами подходили ближе и внимательно оглядывали дачу, думая, что мы не наблюдаем за ними из окон. Когда же мы выходили из дачи, шпик устремлял свой взор в небо. Было предпринято нарочно несколько фальшивых поездок с нагруженными санями, и эти же типы на почтительном расстоянии следовали за нами. Наконец, слежка стала бесперерывной, и шпики кружились около дачи целый день. Ясно, стало, что приезжать к нам нагружаться и перевозить оружие на себе опасно и могут в Белоострове арестовать. И. И. Березин, поехавший раз с оружием в Питер, заметил, что за ним упорно следит шпик. Для проверки Березин выскочил из вагона, когда поезд стал отъезжать от ст. Куоккала, немедленно же за ним с поезда соскочил шпик и бросился вдогонку за Березиным, но тому в сумерках удалось скрыться в одной из улиц. Когда подошел следующий поезд, шпик упорно бродил по перрону, но Березин, зайдя по другую сторону поезда, незаметно сел в вагон и наблюдал, как шпик остался на перроне ст. Куоккала, ожидая, по видимому, следующего поезда. При перевозке в последний раз партии оружия из Териок в Куоккала в «Наво» два шпики на лыжах с видом спортсменов ехали следом за нами. Чтобы избавиться от них, мы остановили сани и решили не ехать дальше, пока шпики не уйдут. Некоторое время они развлекались в некотором отдалении от нас на лыжах, но когда мы сошли с саней и, делая вид, что учимся стрелять в цель—в Финляндии это обычное явление,—дали им понять, что им лучше убраться подальше, они поняли это и скоро исчезли в направлении Териок. Отвезя груз благополучно в Куоккала, мы увидели их уже не на лыжах, а снова около нашей дачи в Териоках.

После этого стало ясно, что склад в Териоках надо ликвидировать, что и было сделано. Ночью, когда шпики кончили свое дежурство у нашей дачи, из Райвола приехал с санями Игнатьев, мы нагрузили все имевшиеся у нас запасы в сани, и они были отвезены в имение Игнатьева, в Ахи-Ярви. Мы же сами, заперев дачу, уехали ночным по-

ездом в Выборг, откуда через сутки вернулись в Петербург. Еще одна занятная деталь: домашние вещи, оставшиеся на даче, были отосланы со ст. Райвола в Питер. Когда Березин пришел на Финляндский вокзал их получать, жандармы предложили их вскрыть и осмотреть. Однако после осмотра первого чемодана, они выдали остальные вещи без осмотра. По приезде домой оказалось, что во втором чемодане, который случайно не был осмотрен, осталась коробка пикриновой кислоты и несколько пачек динамита, которые были туда в спешке уложены при ночном отъезде с дачи.

Таким образом склад в Териоках был ликвидирован благополучно, и моя работа вновь была перенесена в Петербург.

Однако работа «Военно-технической группы» продолжалась, и наряду с регулярным подвозом из-за границы оружия, которым мы снабжали даже наших кавказских товарищей, шла теоретическая подготовка рабочих групп к тактике вооруженной борьбы на случай восстания в Петербурге. Некий Северцев читал лекции о тактике уличной борьбы, постройке баррикад и т. д., часть рабочих обучали обращаться с оружием. К этому же времени относится увоз небольшой медной пушки из двора гвардейского флотского экипажа на Крюковом канале,—предполагалось, что она пригодится в момент восстания. Ее закопали на Васильевском острове, и так как она была похищена без снарядов, то намечалось устроить похищение снарядов для нее.

Избегая удачно ареста во все время работы, я был арестован совершенно неожиданно во время организации партией эсеров покушения на министра юстиции Щегловитова. В квартире, где жила моя сестра, бывали явки эсеров. И однажды, придя на эту квартиру, я попал в засаду и угодил на месяц в Коломенскую часть, пока не разобрались в этом деле. Я даже при аресте не знал, в чем дело, и лишь по характеру производившегося у меня обыска решил, что дело, по видимому, серьезное.

Последовавшая за краткой эрой неудавшегося «парламентаризма», свирепая реакция изменила характер работы РСДРП, сняв с порядка дня вопрос о подготовке вооруженного восстания.

Н. К. Четвериков («Михаил Львович»).

МОЕ ЗАВЕДЫВАНИЕ СКЛАДАМИ БОМБ

Осенью 1905 года я работала в ПК РСДРП (большевиков) и лишь в декабре 1905 года вступила в «Боевую техническую группу» при ЦК.

Мне было поручено заведывание «складами» бомб в Петербурге; для выполнения этой работы мне приходилось пользоваться техническим аппаратом ПК.

Прежде чем излагать мои воспоминания об этой работе, я скажу несколько слов о нашей подпольной технике.

Так как настоящие воспоминания я пишу, ознакомившись с записками Буренина, то чтобы не повторяться, сошлюсь на его описания подпольной технической работы, которая у него подробно и очень точно обрисована.

В 1902 и в начале 1903 года я выполняла большую часть работы в технической организации ЦК и была непосредственно связана с членом ПК, заведывавшим технической работой, Николаем Львовичем Лавровым (псевдоним «Алексей Алексеевич», инженер-путеец, впоследствии отошедший к меньшевикам), который являлся ответственным руководителем. Моя роль заключалась в выполнении работы по двум линиям: 1) склады литературы, т. е. прием транспорта, хранение, распределение литературы и распространение ее по районам, и 2) по линии типографии, т. е. доставка в типографию материалов, приемка обратно готовых изданий и распространение их по фабрикам и заводам.

Все приемы работы, характер ее, правила конспирации, описанные Н. Бурениным, совершенно тождественны с теми, которые применялись и нами. Те же методы и приемы мы перенесли и дальше, когда объектом нашей работы оказалось не печатное слово, а оружие.

Склады бомб находились в моем ведении. Мастерская, в которой они изготовлялись, и промежуточные склады между мастерской, находившейся за городом, кажется, по Финляндской ж. д., и городскими складами, были в ведении других товарищей, с которыми я совсем не приходила к соприкосновению. Вся работа по доставке материалов для бомб из-за границы и обработке их в мастерской была мне совершенно неизвестна, подробности о ней я узнала только теперь. Транспорт оружия и его хранением занималась уже третья группа работников.

За десятки лет, прошедших после первой революции, многие подробности ускользают из памяти, в особенности в вопросах оценки размеров работы, поэтому существуют весьма разноречивые показания о количестве оружия, бомб и размерах транспорта. Я отмечу несколько моментов, оставшихся у меня в памяти и могущих служить ориентировкой в определении размеров транспорта литературы и оружия за те годы.

В 1903 году мне пришлось получить в Каменец-Подольске заграничный транспорт литературы, переданный через

контрабандистов. Это был ящик почти кубической формы, аршина в $1\frac{1}{2}$ высотой. До половины он был наполнен партийным органом «Искра» на тонкой бумаге, остальное пространство — различными брошюрами и с.-д. изданиями. В Каменец-Подольске мы его вскрыли и рассортировали все содержимое на 3—4 меньших груза — один в Питер, один в Москву и еще в Харьков или Екатеринослав, не помню. Всю эту литературу мы перепаковали в меньшие ящики и отослали большой скоростью на предъявителя. В Каменец-Подольске вся эта операция производилась довольно свободно и сходила гладко, ничего подобного нельзя было предсказать в столицах. Не скажу, чтобы такой транспорт доставлялся часто и регулярно. Иногда проходили долгие месяцы в ожидании транспорта, если же случался провал, то и совсем голодали без литературы.

В 1905 г. в Питере я присутствовала случайно при вскрытии только что полученного транспорта с револьверами. Получено было одних револьверов 2 ящика, высотой и шириной $\frac{1}{2}$ аршина и длиной в $1\frac{1}{2}$. Большинство системы Смита и Вессона, очень немного наганов и браунингов. Часть их товарищи тут же разобрали по рукам.

Что касается количества бомб, то, как я уже сказала раньше, в поле моего зрения были только городские склады, на которых находилось почти постоянно, с некоторыми колебаниями, в общей сложности около 200 штук бомб. В городе было от 10 до 15, а может быть и больше складов. В большинстве случаев на складе лежало по 10 штук, но бывало и больше, хотя только в исключительных случаях больше 20. По словам товарищей, на промежуточных складах между мастерской и городом хранилось более 100 штук бомб. Были и ударные бомбы, но их было очень мало, большинство были запальные, каждая около 8 фунтов весом.

Однажды при переброске склада, кроме бомб, нагруженных на меня под одеждой в разных специальных приспособлениях, я положила две бомбы в ручной ридикюль, в который они едва-едва поместились. Дело было рано утром на Охте, в рабочем квартале, и прохожих было мало. Ручка ридикюля не выдержала такого тяжелого груза, сорвалась с обеих петель сразу, и мой ридикюль упал на мостовую. Если бы это были ударные бомбы, я не писала бы теперь своих воспоминаний; если бы это было в центре города, то вся моя жизнь тоже сложилась бы иначе; но на Охте был все изряд простой, и никто не обратил внимания на необычайный стук маленького предмета, а я, с трудом нагнувшись, чтобы его поднять, пошла дальше своей дорогой.

Долго на одном и том же складе бомбы не хранились. Помимо разных случайных обстоятельств, склады еще приходилось перемещать по причинам конспиративного характера или по требованию «Боевой технической группы», у которой в них являлась какая-либо надобность.

Круг лиц, работавших по переноске бомб, был небольшой. В противоположность моей работе в 1902 году, когда я имела дело со многими десятками учащейся молодежи, в данном случае число лиц ограничивалось 15—20, преимущественно студентами.

В период моей работы во главе «Боевой технической группы» стояли Ю. А. Грожан и Сагрето (партийная кличка «Андрей Андреевич»). Кстати о кличках. Товарищи придумали себе клички наспех, какую попало,— в результате получился однажды такой курьез: еще в период моей легальной жизни со мною жила 10-летняя девочка, которая часто видела у меня товарищей. Не имея никакого представления о роде нашей деятельности, она однажды с большим лукавством заявила мне: «У твоих гостей имена подставные, не настоящие». «Почему»? — спросила я с большим изумлением. «А потому, что таких имен не бывает: «Андрей Андреевич, Степан Степанович, Николай Николаевич, Алексей Алексеевич...» Такая мелочь в конспирации являлась большою погрешностью.

Сагрето был в апреле 1906 г. арестован. При нем оказалась записная книжка, в которой зашифрованными были многие имена, адреса как иногородние, так и питерские, и адрес небольшой дачки в Выборге, где я жила ряд лет и которая, начиная с 1901 года, служила нам во многих случаях надежным убежищем. Она служила нам порою и временным складом литературы, а в 1905 году—оружия, а также являлась убежищем для нелегальных товарищей, часто тот или иной жил в ней 2—3 месяца, чтобы отдохнуть и поправиться, в ней мы однажды укрылись от преследования с М. М. Эсен («Зверь»). Весной 1906 года на этой даче проживал Владимир Ильич в течение 4—5 дней вместе с тремя товарищами, имен которых я не помню. У них было совещание, они заседали с утра до обеда и с обеда до вечера и только поздно вечером выходили погулять в садик. Я изображала хозяйку, готовила им обед, варила кофе и т. п.

Летом 1906 года, в такое время, когда там никто не жил, эту дачку окружила полиция и, видимо, с опаской и осторожностью произвела тщательный обыск, ничего и никого не найдя. В то время причины этого обыска остались невы-

ясненными, и только теперь узнаешь, что адрес Пикируки. № 5 стал известен полиции из записной книжки Сагрето¹⁾.

Память сохранила мне мало имен. Помню по боевой организации Л. Б. Красина, «Никитича», Грожана, Игнатьева, Эссена, А. М., правда, этого последнего лишь в конце 1905 года, и «Зверь» (оба последние были членами ПК), но по роду своей работы я встречалась с ними в этот период очень редко.

Памятен мне в моей работе тяжелый день 9 января 1906 года. В этот день первой годовщины 9 января предполагалась возможность черносотенного погрома и боевых выступлений, ввиду чего от «Боевой технической группы» пришло ко мне распоряжение стянуть склады к определенным районам. Распоряжение это дошло до меня с большим опозданием. ЦК находился тогда не в Питере, а где-то по Финляндской ж. д., и для того, чтобы координировать действия ПК с «Боевой технической группой» и Центральным комитетом, оставалось слишком мало времени. Вопрос о переброске складов обсуждался в ПК лишь 7 января. Однодневный срок был, очевидно, слишком мал, чтобы организовать и выполнить переброску. Многие из членов ПК, учитывая невозможность выступлений, стояли за то, чтоб этот план не выполнять, но все же решено было осуществить это постановление в ударном порядке. На подготовку переброски, предупреждение и распределение переносчиков ушло еще полдня, и в результате эта операция совершалась вечером 8-го и в течение всего почти дня 9 января.

Я отчетливо помню мои переговоры с каждым товарищем в отдельности, которому пришлось участвовать в этом деле. Я рисовала им картину весьма тяжелых последствий в случае какой-либо неудачи и помню, что от помощи некоторых молодых людей, которые не проявили твердой готовности и революционного энтузиазма, я отказалась.

Когда я рано утром 9 января вышла в первый очередной рейс этого дня, нагруженная под шубой своеобразной ношей (на мне было больше пуда груза), я с первых же шагов поняла, что обстановка наших путешествий, которую я рисовала себе накануне только теоретически, была в действительности много тяжелее, чем это можно было ожидать. Улицы были пусты, точно вымерли. Не прошла я и двух кварталов, как навстречу мне показался вдоль панели отряд казаков с пиками наперевес, человек 10. Много еще других

¹⁾ Ленинградское отделение Центрального исторического архива (ЛДПОО, № 700, 1906 года, о выяснении адресов, обнаруженных при обыске у студента Петербургской военно-медицинской академии Николая Петровича Сагрето).—С. П.

таких же отрядов проскакало мимо меня за этот день. Город был на осадном положении.

В этот день казаки остановили какого-то студента и нашли у него в кармане нелегальную книжку; говорили, что его на месте убили. Кто видел казаков, науськанных и натравленных перед днями демонстраций, тот знает, что они прежде всего бывали сильно пьяны и имели вид совершенно озверелых людей, а потому подобная расправа была вполне возможна. Легко можно себе представить ту жуткую картину, которая могла разыгаться, если бы слепой случай выдал кого-либо из моих товарищей.

Я и до сих пор удивляюсь, как этот день сошел благополучно и ни один из товарищей не провалился.

При каких обстоятельствах я оставила работу в «Боевой технической группе», я уже не помню, знаю, что бомбы массового применения не получили и в конце концов были зарыты в землю, где лежат, может быть, и до сих пор.

«Боевая техническая группа» сделала все, чтобы быть наготове к выступлению. Как ни малы были ее запасы оружия, их, несомненно, было бы достаточно, чтобы совершать первый натиск, взять арсенал, завладеть в дальнейшем более значительным количеством вооружения. Но революция 1905 года не развилась до конца, в Петербурге восстания не было, и оружием, заготовленным «Боевой технической группой», не пришлось воспользоваться в той мере, в какой рассчитывали на него.

Л. Х. Гоби («Ирина»).

СВЯЗЬ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ С МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Павел Августович Грожан был убит черносотенцами¹⁾ после объявления манифеста 17 октября. Через несколько дней после убийства в Москву приехал из Питера Юлий Августович Грожан («Дмитрий Сергеевич»), чтобы разыскать его тело и наладить работу «Военно-технической группы», которую вел в Москве Павел Грожан. Тело было разыскано, и Павел похоронен через несколько дней после похорон Баумана. Юлий Грожан предложил мне от имени «Военно-технической группы» принять на себя работу, которую вел его брат. Я согласился, сдал типографию на Лесной Е. Д. Соколовой и вместе с Юлием Грожаном начал работу по восста-

¹⁾ П. А. Грожан был членом московской организации РСДРП большевиков, принимал активное участие в подготовке к вооруженному восстанию. — С. П.

новлению связей П. Грожана, по добыче пикриновой кислоты, бикфордова шнура и гремуче-ртутных запалов. Всех связей восстановить не удалось, так же, как не удалось установить адресов мест хранения оружия и снарядов, если таковые были в распоряжении Павла Грожана.

Во всяком случае я вступил в работу после 20 октября 1905 г. при исключительно тяжелых условиях, так как П. Грожан вел работу чрезвычайно конспиративно, и после него не осталось ни одного товарища, который мог бы преемственно продолжать ее. Кое-что, но очень мало, знал Юлий Грожан, и мы с ним по обрывкам ниточек восстановили связи, и то не полностью, с рядом фирм и лиц, через которых заготавливалась для Питера пикриновая кислота (в Питере производился в довольно больших количествах мелинит). Предполагалось, что из Питера к нам будут поступать партии уже готовых мелинитных бомб.

В восстановлении связей, закупке и отправке в Питер партий пикриновой кислоты прошел конец октября и добрая половина ноября, тем более, что работал я один и немного помогали мне сначала Ольга Александровна Дилевская (Авдеева), а затем одна из сестер Н. П. Шмидт (ныне Таратута), неся секретарскую работу. В ноябре «Марат» (Шанцер) свел меня с Кропотовым¹⁾, который заведывал лабораторией бомб МК (там изготовлялся динамит и динамитные ударные бомбы) и просил от имени МК²⁾ принять меня на денежное и сырьевое довольствие.

Мы условились с Шанцером и Кропотовым, что о лаборатории я буду сноситься только с Кропотовым, а продукция будет поступать непосредственно в распоряжение и по нарядам МК. Если мне не изменяет память, наряды должны были исходить от «Лешего» (Доссера) и через него передаваться уже по боевым ячейкам районов. На этом же совещании было решено у Кропотова производить и фитильные бомбы, для которых я должен был заготовить чугунные оболочки, о типе которых должен был столкнуться в Питере с «Военно-технической группой». В Москве мне удалось заказать и получить партию в сто пар гантелей (гири для физических упражнений), которые были уже готовыми прекрасными шаровыми оболочками, вмещавшими каждая около килограмма взрывчатого вещества. Эта партия хранилась на

¹⁾ Кропотов погиб при взрыве в Леонтьевском переулке в 1918 г. в Москве.

²⁾ Кроме «Марата», связь с МК я держал еще через Алексея Николаевича Васильева и М. А. Михайлова—«Дядю Мишу». Связь с Питером, кроме личной путем поездок, держал через М. Ф. Андрееву, от которой получал и деньги для моей работы. — В. Б.

складе Кокоревского подворья (Софийская набережная), и по мере требований Кропотова со склада гантели перевозились в лабораторию. К моменту ликвидации декабрьского восстания на складе в Кокоревке у меня осталось около десятка гантелей. На том же складе хранилось с десяток мешков риса (совершенно почерневших от типографской краски), в которых ранее перевозилась литература из типографии на Лесной, и туда доставлялись бумага и краска.

Гантели эти были особенно удобны, так как в собранном виде они представляли собой ультра-легальный гимнастический прибор, который было безопасно и хранить и перевозить куда угодно. «Военно-технической группой» тип оболочки в виде концевой кабельной чугунной муфты был заказан через меня на каком-то маленьком чугунолитейном заводе в Бутырках (кажется, завод Устрицова), но к моменту восстания заказ выполнен не был из-за забастовки на заводе. Таким образом мною был изготовлен в Москве только один тип оболочки для динамитных фитильных бомб — гантели, и эти оболочки использовались по условию товарищем «Маратом» для кропотовской лаборатории МК. В дальнейшем 6 гантельных оболочек я сам начинил: две — панкластитом и четыре — мелинитом.

Во второй половине ноября в Москву из Питера приехал и явился ко мне на явку профессор-химик М. М. («Эллипс»), который доставил мне партию бикфордова шнура и около 2 килограммов гремуче-ртутных детонаторов от ВТГ и по поручению ВТГ сообщил мне рецепт приготовления взрывчатого вещества, изобретенного им — «панкластита» (смесь бертолетовой соли с керосином), которое в дальнейшем именовалось в нашей практике «панкластит марки дубль М», по начальным буквам имени и отчества «Эллипса». Вся эта партия детонаторов была передана мною Кропотому, как и партия в 3 килограмма, доставленная в дальнейшем «Наташей» (Ф. И. Драбкиной). Вскоре после приезда «Эллипса» я выехал в Питер, так как он передал мне распоряжение Л. Б. Красина, «Никитича», приехать в Питер для получения руководящих указаний в работе. Я встретился там с Л. Б. Красиным, Н. Е. Бурениным и Ю. А. Грожаном. Мне был дан чертеж концевой кабельной чугунной муфты, — то была легализованная форма для фитильных бомб, которую можно было бы передать на любой чугунолитейный завод, как вполне легальный заказ. На совещании было установлено, что в случае острой необходимости я сам приступаю к фабрикации панкластитных бомб облегченного образца, для которых в случае крайней необходимости в качестве оболочки должна была служить бутылка

из-под шампанского или из-под сельтерской воды с песочной пробкой. Получив специально для этих облегченных бомб около 5 килограммов гремуче-ртутных детонаторов и десяти метров бикфордова шнура, я вернулся в Москву и принялся закупать всеми возможными способами необходимую для панкластита бертолетовую соль. На Самотеке, в квартире Дилевских, в комнате Ольги и «Наташи», перед самым восстанием (в первых числах декабря) было начато приготовление панкластитных бомб в стеклянных оболочках. Было снаряжено еще четыре бомбы в чугунных шаровых оболочках мелинитом, приготовленном мною, и две были снаряжены панкластитом. Кроме того, имелись две шаровых оболочки с пробками, в которые вставлялись кончики бикфордова шнура для обучения зажиганию и метанию бомб. В работе помогали мне сестры Дилевские и Дзержановский.

Если мне не изменяет память, две или три чугунных бомбы были мною переданы Генкиной, вскоре после этого погибшей. МК направлял мне ряд товарищей, из которых я вспоминаю двух жузоновцев, — кажется, Хренов и Горелов или Хренов и Сенцов. Этих товарищей я обучал обращению с бомбами и снабжал ими. Всего по паролям МК перед самым восстанием и отчасти в первые дни его мною было выдано около двух десятков почти исключительно стеклянных панкластитных бомб. Какое количество бомб было выпущено лабораторией Кропотова, — я не знаю, так как он непосредственно передавал их в МК. Кропотков говорил мне, что партию чугунных динамитных бомб он передал боевой дружине Фидлеровского училища, и во время осады его эти бомбы применялись. Несколько стеклянных бомб, главным образом, в целях экспериментальных, были брошены мною лично с баррикад в районе Цветного бульвара, Екатерининского парка и Домниковской во время восстания. Это было мною сделано для проверки правильности бикфордова шнура. Из Питера через мои руки готовых бомб не проходило, а как я уже отметил, получил от Петербургской ВТГ следующее: около десяти килограммов гремуче-ртутных запалов и соответствующее к ним количество бикфордова шнура, чертежи оболочек в виде концевых кабельных чугунных муфт и, кроме того, «Эллипс» во время одного из своих приездов в Москву привез штуки три образцов различных оболочек и ударников, которые хранились у М. Ф. Андреевой¹⁾. В это же посещение он прочел нечто вроде лекции

¹⁾ По сведениям Марии Федоровны Андреевой, у нее на квартире, на Воздвиженке, 4, в 1905 году, где она жила с А. М. Горьким, оболоч-

на тему о взрывчатых веществах нескольким товарищам, собравшимся на квартире М. Ф. Андреевой. Это все, что было получено из Питера мною; никакого оружия я оттуда не получал, кроме одного маузера, переданного для меня лично не то Бурениным, не то Грожаном. «Марат» говорил мне, что небольшие запасы оружия — маузеров и браунингов — у МК имеются, и они распределены по районам. Небольшие партии оружия я покупал через прапорщика запаса Мейера, который работал в то время в статистике земской управы, и эти партии были переданы мной целиком дружине фабрики Шмидта, как и небольшое количество оружия, полученного мною из разгромленного оружейного магазина. Эти партии оружия по несколько дней хранились в квартире Дилевских, в частности, в спальне Дилевской-матери, безропотно спавшей на маузерах и браунингах. Оружие оставлялось там на два-три дня и затем забиралось обыкновенно Карасевым со шмидтовской фабрики. Других мест, где бы хранилось оружие, не было, если не считать неудачной попытки сдать на хранение несколько бомб одной приятельнице «Дяди Миши»; попытка была парализована им, так как приятельница эта была использована Михайловым для каких-то других конспиративных целей.

В конце декабря я переехал из квартиры в Екатерининском парке на Поварскую, в Трубниковский пер., в дом графа Игнатьевой, где снял комнату в квартире присяжного поверенного Герцензона. Туда я перевез только крохотную лабораторию, в которой производил анализы партий пикриновой кислоты, закупленной для ВТГ в Питере, и щипцов для обжимания детонаторов на бикфордовом шнуре. Ничего другого я дома не держал, так как для снаряжения чугунных гантельных бомб панкластитом ничего, кроме ножек для обрезания пробок и американского бриля для сверления их, не было нужно. Для снаряжения стеклянных бомб и эти инструменты не были нужны, тем более, что после ликвидации восстания требования МК на продукты моего производства прекратились совершенно, а впрок я бомб не заготавливал. Только из Питера продолжали поступать требования на пикриновую кислоту, которую я отправлял туда. Всего было отправлено мной в Питер пикриновой кислоты до полутора килограммов в жестянках по 5 килограммов и около 5 килограммов переработано в мелинит мною са-

ми находилась в ее комнате и в ее друга Олимпиады Дмитриевны Чирковой. Шкафы в отдаленной комнате квартиры М. Ф. были набиты всяким оружием, оболочками бомб, бикфордовым шнуром, капсюлями гремучей ртути и т. п., но она сама без надлежащего разрешения не могла распорядиться ими. — С. П.

мом в Москве. Это пошло на снаряжение четырех шаровых килограммовых бомб, о которых я уже говорил, и около килограмма ушло на угар и лабораторные эксперименты. Работа по существу замерла, но моя кличка «Чорт» и имя «Алексей Алексеевич» были провалены. Я жил в то время по паспорту смоленского дворянина Алексея Алексеевича Малеванова¹⁾, и за мной началась усиленная слежка. Я просил ВТГ снять меня с московской работы и перебросить в другое место, так как было ясно, что провала мне не миновать в самое ближайшее время²⁾. Мне было предложено обождать «Алексея» (А. И. Рыкова), который должен был приехать через несколько дней, сдать ему связи и материалы и потом выехать в Питер, в распоряжение Л. Б. Красина («Никитича»).

В первых числах февраля 1906 года приехал «Алексей», принял от меня адреса, связи, общий доклад и подтвердил, чтобы я ехал в Питер к «Никитичу». Было у нас с «Алексеем» два свидания: одно у меня в Трубниковском и другое, не помню на чьей квартире, утром. В день второго свидания, вечером, я выехал в Питер и на другой день по прибытии прочел в «Новом времени», а затем в «Руси», что в ночь после моего отъезда в Трубниковском переулке, в доме графини Игнатьевой, в квартире присяжного поверенного Герцензона, обнаружена лаборатория бомб. Хозяин-еврей скрылся. Я бросил паспорт Малеванова в печку и в тот же день превратился в Виктора Андреевича Руденко, паспорт которого мне был дан Бурениным, а еще через пару дней я уехал в Гельсингфорс, куда меня командировал «Никитич» для работы в помощь «Зельме» (Е. Д. Стасовой) по технической подготовке и организации Стокгольмского съезда партии.

В. Богомолов («Чорт»).

ИЗ ШИФРОВАННОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ Н. П. САГРЕДО

Николай Петрович Сагредо родился в 1881 г. В 1905 г. был активным участником революционного движения, сначала работая под руководством организатора Боевой технической группы, а с осени стал помощником организатора этой группы и вел большую конспиративную работу по под-

¹⁾ Настоящая фамилия Николай Николаевич Карлов. — В. Б.

²⁾ Провален был провокаторшей Путятю (Русиновской), в квартире которой скрывался непосредственно после восстания: явка к ней мне была дана МК с указанием, как на вполне надежную квартиру (жила она тогда на Тихвинской улице, в Бутырьках). — С. П.

готовке к вооруженному восстанию. В апреле 1906 года был арестован по доносу бывшего матроса (см. воспоминания Салнынь). При аресте у него была отобрана шифрованная деловая записная книжка, которую он тщательно прятал, так как в ней были занесены многочисленные адреса и намечены дела для выполнения боевой организации. Но она все же во время его ареста попала в руки полиции и послужила единственной уликой для предания его суду. Присяжные нашли недоказанным обвинение в том, что записная книжка принадлежала ему и применили к нему статью, карающую за содействие революционному движению, присудив его к 3 годам заключения в крепости. Вскоре он был выпущен под залог на поруки, после чего эмигрировал в Женеву. После Октябрьской революции Н. Сагрёдо в качестве профессора паталогической анатомии стал преподавателем в вузах. В 1923 году он умер в Екатеринославе.

Приводим некоторые выдержки из его записной книжки, в которой отразилась вся сложная работа Н. П. Сагрёдо, как организатора Боевой группы и связи ее с Финляндией (Гельсингфорс, Выборг и более близкие местности к Петербургу, находящиеся на линии Ф. ж. д.), Москвой, Киевом, Харьковом, Екатеринославом, Ростовом-на-Дону, Подольском, Смоленском, Брест-Литовском, Суwalkами, Кавказом, Уралом, Сибирью, Швейцарией, Берлином, Швецией. «Бруно, Нейман¹⁾, Сибиряк²⁾»; Бр. и 6 сот п.³⁾ . . . 500 На поездку И. Ан. . . 5 р., Мих. Льв.⁴⁾ . . . 25 р. Отправил шифр и привоз Конст. . . 15; Патр.⁵⁾ (27¹⁾—500 м.) . . . 5 ; Гриши⁶⁾ . . . 35 Дура . . . 105 р.; Любич⁷⁾ . . . 15; Поездка в Ярославль 33 р.; На [сани⁸⁾ . . . 10

Перевоз дяд.⁹⁾ . . . 5 р.
848 р.

¹⁾ Альфред Нейман был членом с.-д. Б. О., см. «Школа в Куоккала».

²⁾ «Сибиряк» была партийная кличка студента, с.-д. начальника боевой дружины за Нарвской заставой.

³⁾ Браунинги и 600 патронов.

⁴⁾ «Михаил Львович» партийная кличка Н. Четверикова.

⁵⁾ Патроны.

⁶⁾ «Гриша» — партийная кличка Александра Михайловича Игнатьева.

⁷⁾ «Любич» — партийная кличка Саммера, член ЦК.

⁸⁾ На саях часто перевозились необходимые предметы для работы в конспиративных мастерских.

⁹⁾ «Дядей» назывался динамит.

Леонид¹⁾ . . . 5 р.; Грише 10 р.; Лошад.²⁾ . . . 29 р.; Две винт.
[. . . 37 р.
Поездка в Т.; . . . 5 р. Лине . . . 25 р.; Наташе³⁾ . . . 40 р.;
[Леониду 41 р.
За дядю . . . 100 р.; Сене . . . 10 р.; 2 мауз. и 500 п. 108 р.
[Гельсин⁴⁾—10.

420 р.
200
Остат. . . 360
Викт⁵⁾ . . . 500
Леон. . . . 220
1.280

«Никитич»; О явках для делег.; бездым. порох для Москвы; 5 р. . . . За дачу для беглых; 5 р. 50 к.—перевоз дяди 40 р.—за браун., 6 р. 50 к.—за перевоз дяди Перев. и доставка пикр⁶⁾ и дяди 47,45 105 47 45

остал. 57 55

На имя Смирнова⁷⁾ прислать 1000 р. у Кости; Д. . . Через Алане устроить явку в Тюоми⁸⁾, стр. Виктор÷⁹⁾ Яков. Як.;

23 марта 1906 года. Дорогой друг. Ваше письмо я получил. Человеку, который вручил Вам это письмо, передайте товар и помогите таковой отправить. — Литературу и рев.¹⁰⁾ пусть он берет с собою в вагон. Произведите также с ним полный расчет.

Денег Моисей оставил вам 190 рублей. Вы должны уступить дешевле 20 рублей с пуда, так как нам дорого обошлась транспортировка. — Относительно следуемых вам с Ивана денег я вам через пару дней напишу окончательный ответ.

¹⁾ «Леонид» (партийная кличка) — студент-техник, работавший в БТГ.

²⁾ «Лошад» — у «Боевой технической группы» были свои две лошади для различных конспиративных дел.

³⁾ «Наташа» — партийная кличка Ф. И. Драбкиной, которая входила в состав членов «Боевой технической группы».

⁴⁾ Гельсингфорс.

⁵⁾ «Викт», «Виктор» — кличка Н. Е. Буренина в Финляндии.

⁶⁾ Пикриновая кислота.

⁷⁾ Смирнов Владимир Мартынович жил в Финляндии и с ним БТГ поддерживала самые тесные сношения.

⁸⁾ Приводим этот адрес для указания на использование Финляндии в целях конспиративной работы.

⁹⁾ Знак обозначал в записи «от».

¹⁰⁾ Револьверы.

Будьте здоровы. Ваш друг Мирон^{*)} [Письмо было написано на еврейском жаргоне].
 2 руб. Адам¹⁾; 1 руб. Ан. Ник.¹⁾ Сто(к)гольм²⁾, Боокхандели Хамнагатам 33 а.
 Кусочки на завд. Д. Сер.³⁾; Соломон⁴⁾ Б.—Ор. О Никол.;
 Проба для Егор. Егор.⁵⁾ 4 курс.; Провер. 18 Салерн.
 Преобр. ул. Павел Рыж ÷ Лавр. Яковл.⁶⁾;
 2 бр[аунинга] 1 ма[узер] у Гриши через Ман. 2 Бр[аунинга]
 Фом Уг. Мат и Б. Пушк.; Прутья для патронов и один
 1/2 12. 7 рота, 33,7 проба Влад. Петр. ÷ Ан.;
 Как повидать кого-нибудь из Воен. орг.;
 Пусты гильз. для Дрожака.⁷⁾; Невский, 106, 14. народ.,
 Екатор. Дмитр. ÷ Ирина⁸⁾ из Бюро. 1—2;
 Проба для Е. Е.⁹⁾; Винт., Винчес.; Парабел.;
 Тор. трубки без вин. нарез. с дерев. пробк.¹⁰⁾;
 Федору¹¹⁾ 10 рублей на сапоги для пирокс.
 Для закупки патрон 5 рублей.; За пирокс. 5 руб.;
 Дядя 6 рублей 50 коп.; Взял у Д. С.¹²⁾ 5 рублей;
 Анатол. 50 р.; Федор 7 р.;
 Гришка¹³⁾ 3 р.; Ольгу Конст.¹⁴⁾
 «Наташа»¹⁵⁾ где она; [Написано по-немецки] Берн,
 Фишермэттеливег, 19.1 фр. Иос. Блюм, Цур юберг. Карл
 Швейц.; Волковск.; Любич¹⁶⁾ Железн. Юхан. Веколаинен
 Сибирская, 49,6 Григ. Ива¹⁷⁾.; Понедел. явка Ц. К.;

*) «Мирон» — партийная кличка В. Н. Соколова.

1) Приводим эти записи для указания на то, как аккуратно велась денежная отчетность.

2) Стокгольм.

3) «Д. Сер.» — «Дмитрий Сергеевич», Ю. А. Грожан.

4) «Соломоныч» — С. П. Каган, студент-техник, принимал участие в Питерской боевой организации.

5) «Егор Егорович» — Скосаревский. См. воспоминания «Альфы».

6) Лавр Яковлевич Рудановский, партийная кличка «Ордын», работал в БТГ.

7) «Дрожака» — «дрошакисты», революционная армянская партия, которую БТГ снабжала иногда оружием.

8) «Ирина» — Лидия Христофоровна Гоби.

9) «Е. Е.» — Скосаревский.

10) Такие трубки служили оболочками для бомб.

11) Федор — матрос.

12) «Д. С.» — Ю. А. Грожан.

13) «Гришка» — Салнынь.

14) Ольга Константиновна Канина, работала в БТГ.

15) «Наташа» — партийная кличка Федосьи Ильиничны Драбкиной, работавшей в БТГ.

16) «Любич», Саммер, Иван Адамович, член ЦК в 1906 г.

17) «Григ. Ив.», «Григорий Иванович» — Александр Михайлович Игнатьев.

Фельдшера у Д.—С.¹⁾ унесли ли; Д. Сер.¹⁾ Васил. Вас. Субботин 7 рот. 18,9 ÷ Киева 6 1/2—8 ежед.; Что с Уральцем²⁾.
 возьмем ли.; Ев. Иосиф 48 руб. деньги за перевозку на са.; Явки для с'езда; Прос Блиох что за человек;
 Мих. Сер. о шрифте и литературе;
 Москва, Трубная к Театр. проезда, возле апт(еки)
 3[убной] вр[ач] Яковбсон. 10—4. «дайте Демьян[овой] ухи»;
 Рост., контор. Луи Дрей гр. Б. Садовая, против магаз.
 наук. и.. Григ. Исаев. 9—1/47. Гурев. нужн. Севаст.³⁾
 Ост. Гол[одай] железн[ая], 7,5. Романовск ÷ Семен⁴⁾
 от 7 вечера.; Киев, Крещатик, 36, 3 [уб.] врач. Жука. Брото
 Штатенштейн, Ник. Ник. 10—1; Подольск; II—9,8 двор прав.
 Стеф. Иос.⁵⁾ ÷ Б. И.; Уг. Нев. и М. Конюш. ход по лест.
 самый верх.⁶⁾; Прошу устроить на лечен. моего знакомого
 Соню⁷⁾. Загор, 13,9. парад., Делу ÷ А. А.⁸⁾ II—I ут.
 Сообщить о случившемся в Гельсин. —;
 Получено с концерта 342 руб. 89 коп. для передачи в, Явку
 для Д. С.⁹⁾; Для лавр.¹⁰⁾ 32 коп.;
 Явка, Гельсин. Гора Эксплана Гор. 31. Америк. имитац,
 высок. блонд. где отель Патриа, не знаете свобод. № сороков
 Ольги Михайло Смирнов. Цветочн. 25, Сам. верх. высок.
 дом Борис. Ник.¹¹⁾ 6 веч. ÷ Л. В.;
 Прислать литер. больш. скор. и взять послед. обратно
 через Грод. без перес. в Вильн. Манлихер¹²⁾ 6 рота,
 33,7 парад. двери без права.;
 Адам. Адам.¹³⁾,
 У Федор. 81 р. у Солом. 40.—долги нуж. взыскать 150 у
 М. С.;

1) «Д. С.» «Д. Сер.» — «Дмитрий Сергеевич» — Грожан, организатор БТГ, работал вместе с Н. П. Сагредо, который был его помощником.

2) С Уральской боевой организацией у БТГ была самая тесная связь.

3) Расшифровывая этот адрес, ростовская охранка отказала питерской в произведении обыска.

4) «Семен», «Семен Семенович» — партийная кличка студента-техника Николая Александровича Корякина, работал в БТГ.

5) «Стеф. Иос.» — Малькевич, Стефания Иосифовна, давала свою квартиру и исполняла различные поручения БТГ. Умерла.

6) Эта квартира была Люро, Елены Иосифовны, которая тоже исполняла всякие поручения БТГ. Умерла.

7) «Соня» — Софья Борисовна Хосудовская, работала в БТГ.

8) «А. А.», «Андрей Андреевич» — партийная кличка Н. П. Сагредо.

9) «Д. С.», «Дмитрий Сергеевич» — Грожан.

10) «Лавр» — Рудановский.

11) Ольга Михайловна и Борис Николаевич Смирновы. Были членами Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

12) Манлихер — название системы револьверов.

13) «Адам Адамович» — партийная кличка Эйнерлинга.

О Смоленске, о концерте, о перевозке ор. на сани.; О приезде из Вятк.; О лошадях говор. нельзя.; Зельмы. Або. Рускоцерк. ул. 30 квт.; Петерсон. для Зельмы («Зельма» — партийная кличка Е. Д. Стасовой). 1 Чертеж. I. С 98. Раз'езд 92 Ан. Ник. 47 р. 80 к. 3 сунд. 2 ч. 31 р. 2 корз. Уральск. на па(троны) и упак. 54.

322 80 к.

2 паспорт.; Раз'езд по оруж 2 руб. Пет. Ком. 110 р. Вперед за дачу 10.; За патр. 20 р.; Дядя 53 кил. 89 р. Сибир («Сибиряк») за брау. 25 р.; За винтовки 29 р.; Москва; Северная Яиз Туркестана, — из какого город., Хочу видеть Зельму. кв. Эленберг. для опытов через скульпто Михаил 2 Алпо Сайло (Алпо Сайло — активист, оказавший услуги с.-д. большевикам) от Виктор. («Виктор» — Н. Е. Буренин) он готов прият. в Вогельбу лук для шашк можно ночев. Среда. Никола[евская] 18. Моздрин. ÷ Бобис.; («Бобис» — Генрих Иванович Лютер, был членом латышской с.-д.). Гельсин. 2 книги для Смирн.; Берлин. Вест. Уланд. Штрас, 145. Иван Ладыжник. Вас. Остр., Акад. Худож. В. у Зиверт.

С. Познер.

Дом в Ахи-Ярви (им. Игнатьевых) бывший в распоряжении Центрального комитета партии большевиков.

РАБОТА БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В 1906—1907 гг.

АРЕСТ «АНДРЕЯ АНДРЕЕВИЧА» (САГРЕДО)

Это было летом 1906 г., не помню точно когда. В нашей организации работал сапер-дезертир Федор, малый смелый и расторопный, но легкомысленный. Не знаю точно, какие функции он исполнял, — про то ведал «Андрей Андреевич», — но ко мне он раза два приносил пироксилиновые шашки. Я жил тогда на Финляндском проспекте, в маленькой узенькой комнатке, но с отдельным ходом, прямо с лестницы, с площадки 2 этажа. Был я студентом Военно-медицинской академии, но носил штатское верхнее платье и был прописан по старой паспортной книжке, как человек в отставке. Это обстоятельство спасло меня от ареста.

Однажды «Андрей Андреевич» сообщил нам, что товарищ Федор, посланный с опасным поручением, не вернулся. Прошло два-три дня. Утром прибегает «Соня» (Хосудовская) и сообщает, что арестован «Андрей Андреевич». Тотчас приняты были меры к очищению моей комнаты от всего опасного и подозрительного. От квартирной хозяйки я узнал, что в ту же ночь на квартире был обыск в комнатах двух студентов-медиков, ко мне же не пришли, так как хозяйка скрывает, что я студент, а на вопрос, кто живет в моей комнате, ответила: «Какой-то отставной чиновник; человек смирный и тихий». Отмечу, что и дворник дома подтвердил ее слова, хотя он, несомненно, знал, что я — студент. Естественно, мы связали арест «Андрея Андреевича» и обыск в моей квартире с исчезновением Федора. Через несколько дней к нам пришел студент-технолог «Соломоныч» и сообщил следующее: к нему явился Федор и признался, что был арестован, уличен в дезертирстве, и ему было предложено выбирать между военным судом и провокаторством. Застигнутый врасплох, он мало-душно сообщил адрес «Андрея Андреевича» и мой, при чем, не зная моей фамилии, сообщил, что я — студент-медик, так как видел меня дома в медицинской тужурке. В первую ми-

нуту охранка распорядилась об аресте, но затем, видимо, одумалась и решила захватить всю организацию сразу. Поэтому, ограничившись арестом «Андрея Андреевича», предложила Федору продолжать свою работу у нас, но информировать ее обо всем, что ему удастся узнать, при чем назначила ему жалование в 60 рублей. К тому времени Федор одумался и, почувствовав угрызение совести, решил согласиться на эти условия притворно, а сам явился к «Соломонычу», который к нему всегда очень тепло относился, и во всем покаялся. Конечно, он прекрасно понимал, что двойной игры ему вести не удастся, так как мы все были уже настороже. Так как Федору было известно очень мало, мы, не торопясь, ликвидировали все те дела, которые имели отношение ко мне лично и «Соломонычу», и на совещании у сестер Менжинских, где присутствовал Л. Б. Красин, «Никитич», было решено одновременно всем раз'ехаться, при чем решили захватить с собой и Федора. Сопровождать и присматривать за ним взялся очень энергичный товарищ «Гриша»-Салынь — латыш. Замечательно, что все это время слежки за нами не наблюдалось. Очевидно, охранка хотела усыпить все наши подозрения и надеялась на информацию Федора. Наиболее опасное положение было мое, так как мы не могли все-таки слишком полагаться на раскаяние Федора. Накануне моего от'езда «Шаша» (студент-юрист) взял к себе мой чемодан, а в день от'езда отвез его на Николаевский вокзал, взяв для меня билет и заняв место. Чтобы убедиться, что за мной никто не следит, я воспользовался местоположением Гинекологического института проф. Отта, который находится между двумя обширными площадями: за Биржей и против Университета. Перейдя первую, я пошел в здание ворот института и, оглянувшись, убедился, что никого нет за мной. Пройдя затем через здание и посетив знакомую мне больницу, я для осторожности заменил свою шляпу с полями небольшой легкой шапочкой и, соблюдая все предосторожности, вышел через парадный под'езд и через Университетскую площадь. Тем не менее уже в поезде я заметил, что за мною следят два подозрительных субъекта. Это наблюдение сделали совершенно самостоятельно также мои случайные попутчики — знакомый студент и фельдшерица. Оба подозрительные субъекта следили довольно неумело, поочередно сменяя друг друга. Теперь мне стало очевидно, что охранка, не следившая за мною по пятам в Петербурге, ознакомила с моей физиономией своих агентов и расставила их на вокзалах, на случай, если я уеду из Питера, с целью ли скрыться или по поручениям, в провинцию. Необходимо было сбить с толку шпики, и ночью у меня созрел план. Ко-

гда утром мы приехали в Москву, я попросил знакомого студента взять мой черный чемодан, я же взял его серый, и в сопровождении его спутницы мы втроем перешли площадь к Московско-Казанскому вокзалу, куда им нужно было ехать. Поезд их отходил в 6 часов вечера. Я попросил студента сдать багаж на хранение под отдельные расписки, а сам отошел к буфету с его спутницей, оживленно разговаривая. Затем, когда студент вернулся, мы все втроем вышли как бы на прогулку. Пройдя две-три улицы, я выбрал такое место, где на огромном пространстве был только один извозчик, быстро сел в экипаж и велел ехать на Арбат. Тут я опять убедился, что никому не удалось за мной следовать. Очевидно, шпики решили ждать меня на вокзале. На Арбате я разыскал знакомую курсистку, которая с'ездила за моим багажом (черный чемодан) и перевезла его на Курский вокзал, куда я приехал к 4 часам и благополучно выехал в Курскую губернию, где прожил около месяца у товарища в городе Короче.

Остальные члены нашей группы, технолог «Соломоныч» и другие (не помню, кто еще), тоже добрались благополучно в более безопасные места. Латыш «Гриша» тоже благополучно исполнил свою миссию и сдал Федора где-то на Кавказе.

Пробыв месяц в Короче, я вернулся и через Питер проехал прямо в Териоки, где у нас была небольшая квартира, собственно говоря, одна комната, во втором этаже маленького дома, принадлежавшего финну, железнодорожному служащему, который нам сочувствовал и помогал в перевозке оружия и «дяди» (конспиративное название динамита).

Ружья, револьверы, браунинги, патроны и т. п. мы получали, главным образом, через «Григория Ивановича», который привозил их ко мне, а у меня забирали их сестрорецкие рабочие, товарищи Владимир, Николай, Григорий и еще один крайне симпатичный и дельный, имя которого, я к сожалению, не могу вспомнить. Они приезжали на рабочей лодке, прятали ее на берегу и приходили ко мне отдохнуть. Останавливались обыкновенно, не доезжая Териок, так как тут было слишкомлюдно. Затем, когда темнело, они уходили, снаряжали лодку и ждали меня. На моей обязанности лежало найти повозку, но без кучера, и самому везти оружие к лодке, иногда версты за три. Дорога была очень тяжелая, песчаная.

Один раз в очень жаркий вечер попалась очень усталая лошадь, которая посреди дороги стала. Пришлось дать ей отдохнуть, что было довольно рискованно, так как встречаемые прохожие удивлялись, что такой, повидимому, легкий—

а в действительности очень тяжелый из-за оружия — экипаж лошадь не могла везти. Обеспокоенные долгим моим отсутствием, товарищи-рабочие выслали двух человек на разведки, и с их помощью, подталкивая сзади экипаж и ведя лошадь за повод, удалось нам кое-как добраться до лодки. В другой раз у экипажа сломалось переднее колесо, но, к счастью, это было уже в конце пути, и оружие (в мешках) мы перетаскали на собственных спинах.

Но самый жуткий случай был в день убийства Герценштейна. Ничего не зная о случившемся, занятые сборами в дорогу, мы попали в самую толпу, устроившую демонстрацию по поводу убийства. Дорога была запружена демонстрантами: студенты, рабочие, дачники, финны и полицейские. С величайшим трудом, после многократных остановок, удалось мне пробраться с драгоценным грузом в более свободное место и продолжать свой путь. Было тем более жутко, что вся публика была в очень приподнятом настроении, мой внешний вид мало соответствовал внешности моего экипажа и груза. К тому же и возникшая у меня была довольно неопытная. Под массой любопытных взглядов, отмахиваясь или уклоняясь от вопросов, иногда задавая встречный вопрос, я кое-как пробрался, опасаясь, что какая-нибудь неудача с лошадью или экипажем поставит меня в безвыходное положение. И действительно, в случае обнаружения свойств моего груза, его назначение могло быть истолковано в совершенно противоположном смысле, и мне грозила непосредственная опасность от крайне возбужденной публики. Вскоре затем мне пришлось переехать в Питер, и все свои связи по боевой работе передать другому товарищу.

С. Эйнерлинг.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛАТЫШСКОГО БОЕВИКА В ПЕТЕРБУРГЕ ¹⁾.

В середине января 1906 г. в Петербург приехала довольно большая группа рижских боевиков — «лесных братьев» Прибалтийского края, которым удалось избежать преследо-

¹⁾ Примечания к этим воспоминаниям составили Ф. Булле и И. Г. Лютер.

Салньин («Гришка») и Булле (воспоминания которого помещаются ниже) были членами Латышской СДРП, одновременно с ними в партии работал Иван Генрихович Лютер («Бобис»), ныне член партии ВКП(б), которому удавалось быть в непрерывной работе вплоть до 1912 года. (В январе 1906 г. Л. был арестован под фамилией Карлсон, подвергся жестокому пыткам, рижского застенка, стойко их выдержал, через несколько недель был освобожден товари-

вания карательного отряда генерала Орлова. Часть из них поехала в Финляндию — Гельсингфорс, а часть осталась в Петербурге, в надежде на то, что весной можно будет вернуться в Прибалтийский край.

Среди оставшихся в Питере были: Делин ¹⁾ («Чомс»), Педриксон («Чиргата»), Салньин ²⁾ («Гришка»), Озол ³⁾ («Джон»), Граубин ⁴⁾ («Саша»), Лацкий ⁵⁾ («Альфонс») и др. Все эти товарищи через «Мартынь» ⁶⁾ очень быстро установили связи с Петербургской «Боевой технической группой» и принялись снова за боевую работу.

Работой группы ведали «Никитич», Л. Б. Красин, Саммер («Любич»), непосредственным организатором ее в тот период был Грожан Ю. А. («Дмитрий Сергеевич»), студенты: «Леонид» ⁷⁾ и Волховский («Саша») ⁸⁾.

Собирались члены боевой группы в Лесном, в Политехническом институте, в столовой университета и Технологического института, среди студентов которого были «Соломоныч» и Корякин ⁹⁾.

Помню, что только в Выборгском районе было организовано около 25 боевиков. Одним из первых боевых дел, правда, неудачных, в которых, помимо петербургских боевиков, принимали участие и приехавшие латыши, была попытка освобождения арестованных боевиков в то время, когда их из дома предварительного заключения должны были вести по Шпалерной улице. «Леонид» был организатором этого

шаман из тюрьмы и продолжал работу). Потому его осведомление в делах латышской партии того времени происходило без значительных пробелов, как то было с товарищами, которых выхаживала полиция и надолго отрывала от жизни партии. Вот почему мы считаем необходимым воспоминания Салньина и Булле подвергнуть не только взаимной проверке, но и снабдить примечаниями И. Г. Лютера. — С. П.

¹⁾ Делин и Педриксон убиты в годы царизма. — Ав.

²⁾ Салньин. — С. П.

³⁾ Озол отошел от партии. — Ав.

⁴⁾ Граубин весной 1906 г. был приговорен в Риге к смертной казни, подвергся жесточайшим пыткам, производившимся известным Грекусом в рижской охранке. На допросе выдал некоторых товарищей, думая этим избежать казни, но был расстрелян. — Ав.

⁵⁾ Лацкий принимал участие в восстании моряков в Ревеле в 1906 году и был ранен. В 1907 г. его арестовали в Юрьеве по делу Северной боевой организации. — Ав.

⁶⁾ «Мартынь» — студент. Был членом Рижского комитета с-д. боевиков 1905—1906 гг. — Ав.

⁷⁾ «Леонид» был организатором районной боевой дружины. — Ав.

⁸⁾ Волховский жил на Васильевском острове и тоже кажется был районным организатором. — Ав.

⁹⁾ Самая оживленная явка весной 1907 г. была в столовой Технологического института. Другие высшие учебные заведения, как-то: университет, Лесной институт, курсы Лесгафта и Женский медицинский институт, использовались меньше. Кроме того, были и конспи-

предприятия. По плану освобождения латыши открывают огонь по конвойным, а арестованные тем временем садятся на лихача¹⁾ и скрываются. Я предварительно осмотрел улицу, все товарищи были на своих местах, но освобождение не удалось, так как арестованных не повели по Шпалерной.

В январе 1906 г. латыши-боевики (одного из них звали «Илья») бросили бомбу в чайную «Союза русского народа» «Тверь», за Невской заставой; во время взрыва двое были убиты и пятеро ранены²⁾. Был еще ряд боевых выступлений наших товарищей, в них принимали участие начальники боевой дружины «Сибиряк» и Завалишин.

Несмотря на аресты, наша боевая работа продолжалась. Помню, в марте 1906 г. мы таскали мелинит из правительственных складов в Сестрорецке при посредстве связей с солдатами³⁾.

Однажды, во время такой операции, произошел следующий случай: матрос, помогавший боевикам таскать мелинит, нечаянно растоптал его. Так как он обладает свой-

ративные квартиры. Одна, если не ошибаюсь, была на Петербургской стороне, на Церковной ул., № 2, там жили некоторые товарищи-женщины, фамилии и клички которых не помню.—И. Лютер.

¹⁾ В конце Васильевского острова, кажется, на 27-й линии, жили легковые извозчики, у которых имелся конь-лихач, приобретенный «Боевой технической группой» для своих нужд. Двое из извозчиков были членами боевой организации, принимали участие в этом предприятии и в маневрах боевой дружины.—Ф. Б.

²⁾ Я лично участвовал в бросании бутылки с зловонной жидкостью в столовую «Союза русского народа» на Б. Дворянской ул., недалеко от дворца Кшесинской, в то время как там читал лекцию черносотенец д-р Дубровин. Там поднялась ужасная паника, и лекция была сорвана. Это было в августе или сентябре 1906 г.—Ф. Б.

Из боевых планов, кроме описанных «Гришкою», помню попытку организации экспроприации денег на Сестрорецком оружейном заводе. План взялись выработать мы с «Елис» (Яков Дубельштейн — расстрелян в Латвии в 1907 г.); при разработке плана мы останавливались в каком-то поселке на Приморской ж. д., недалеко от Сестрорецка, у одного из рабочих Сестрорецкого завода. Одна из причин неприведения плана в исполнение была та, что мы в конечном счете не смогли собрать достаточного числа совершенно надежных боевиков.—И. Л.

³⁾ Мелинит, гремучий студень, бикфордов шнур и прочие боевые предметы мы получали от артиллеристов, стоявших в лагерях на полигоне за Охтой (надо было ехать по узкоколейной ж. д.). Однажды в июле 1906 г. оцепили там собрание юнкеров пиротехнического кружка, где я и «Семен» выступали как агитаторы; нам удалось благополучно удрать от полиции, но она нашла на месте собрания пять пироксилиновых шашек, кусок мелинита и корзину с кизельгур-динамитом, принесенным для меня пиротехниками. Арестован тогда никто не был. Зимой 1906—1907 г. мы получали взрывчатые вещества из Сестрорецкого оружейного завода.—Ф. Б.

ством сильно окрашивать в желтый цвет, то на снегу матрос оставил желтые следы своих ног, не заметив этого, и полиция нашла его по этим следам. В связи с арестом матроса Федора было арестовано еще несколько товарищей¹⁾, в том числе студент «Соломоныч».

Вскоре все арестованные товарищи вместе с матросом были освобождены. Мы заметили, что у матроса появились средства. Вся эта история показалась нам очень подозрительной. Надо было это дело выяснить и не оставаться только в области догадок. Я пошел на квартиру к матросу и сказал ему, что у нас имеются факты, убеждающие нас в том, что он служит в охранке. Он, видимо, не ожидал такого прямого обвинения и сказал, что это верно, но объяснил это следующим образом. При допросе в охранке было установлено, что он — один из четырех бежавших матросов, приговоренных к смертной казни военным судом за участие в неудачном восстании в 1905 г. в Усть-Двинском районе. Жандармы пригрозили ему возвращением в Усть-Двинск, где он будет расстрелян, но во избежание такого исхода предложили ему оставаться в боевой организации, сотрудничать в питерской охранке на жалованье в 75 руб. в месяц. Не видя другого выхода, матрос согласился, поставив охранке условием освобождение арестованных товарищей, чтобы на него не падало подозрение со стороны организации. При этом он мне сказал, что все это он устроил для того, чтобы провести охранку, и что он остается верен организации²⁾. Но доверия к нему не было никакого. Обо всем я сообщил в «Боевую техническую группу». После обсуждения этого случая решено было увести матроса из Питера, и так, чтобы он не мог выдать никого из тех товарищей, которых знал. Знал же он много адресов, где хранился и куда передавался мелинит и другие принадлежности боевой организации. Мы предполагали, что адреса он уже сообщил в охранку, хотя еще никто не был по ним арестован, и решили поскорее увести его в Баку. В виду того, что я уже был на подозрении у охранки, решено было выполнение этого дела поручить мне.

Я сказал матросу, что меня посылают организатором в военную организацию в Баку и что я приглашаю его туда в качестве своего помощника. Матрос сначала отказался, но потом, дня через два, видимо, побывав в охранке, согласил-

¹⁾ Организатор группы — Сагredo. «Андрей Андреевич», был арестован в связи с выдачей матроса Федора.—С. П.

²⁾ Несколько иная версия этого факта приводится в воспоминаниях С. Эйнерлинга, стр. 161.—С. П.

ся на мое предложение, и мы с ним поехали. На вокзале я заметил, как несколько шпииков следили за нами.

Поехали мы до Рыбинска по железной дороге, потом пароходом до Астрахани и морем до Баку. Несколько раз в пути матрос писал открытки, но я делал вид, что не замечаю этого. По приезде в Баку я оставил матроса в гостинице, а сам отправился по адресу, данному мне боевой организацией. Там я получил адрес непосредственно к членам бакинской организации, им-то и поручил матроса. О дальнейшей его судьбе мне не известно.

В Питер я возвратился с новым паспортом, полученным в Баку, кажется, в союзе ресторанных служащих. Значительно позже я узнал от товарищей, что охранка, видимо, не получая от матроса никаких сведений, стала устраивать обыски по всем адресам, известным матросу, но склады были очищены нами, и охранка ничего не нашла, и никто не был арестован.

Повседневная работа боевиков была направлена на добывание оружия, его распространение, завязывание связей с окрайными организациями для тех же целей. Так, членам «Боевой технической группы» посчастливилось приобрести вагон с винтовками.

История этого вагона была следующая. В 1905 г., еще во время русско-японской войны, вагон с винтовками, который должен был быть отправлен на Дальний Восток, каким-то образом попал среди старых вагонов на запасной путь около Петербурга. При разборе старых вагонов он был найден нашими товарищами, разгружен, а потом эти ружья были проданы весной 1907 г. партии дашнакцуютю.

Летом 1906 г. из юнкерской школы были украдены два пулемета системы Луиса, один из этих пулеметов хранился у какой-то курстистки, другой должен был быть отправлен в Ригу, но туда не был доставлен.

Как упоминалось выше, «Боевая техническая группа» посылала оружие и на окраины. Так, в августе 1906 г. в рижскую организацию было передано два пуда динамита и тридцать гранат¹⁾ японского образца для метания при помощи винтовки.

Добывалось оружие и за границей. Так, летом 1907 г. по поручению «Боевой технической группы», с мандатом от ЦК,

¹⁾ За этими бомбами был к нам прислан латышский боевик «Мернекс». По просьбе «Еписы» и Скарре («Музыканта») мы выдали ему тридцать японских гранат (бомб), два пуда мелинита и целый пояс капсулей для взрыва снарядов. В Риге происходила забастовка трамваев в августе 1906 г., снаряды нужны были для штрейкбрехеров в этой забастовке.—Ф. Б.

что я являюсь представителем этой группы, и за подписью Владимира Ильича Ленина, я должен был отправиться в Англию и Бельгию за оружием. В Англии мы должны были получить оружие от латышских соц.-дем. через их представителя в Англии Ковалевского («Кундзынь»)¹⁾.

В Лондоне мне удалось собрать несколько десятков маузеров и браунингов, которые потом были пересланы через наших моряков. Первая партия револьверов была отправлена прямо в Питер, а вторая была послана в Ригу по адресу моих родителей (Салнынь). В Ригу повезла оружие «Лена», а оттуда — она и «Катя»²⁾. Оружие было отправлено на пароходе «Великий князь Михаил Александрович», на котором штурманом был Страутман.

В Бельгии пришлось иметь дело с представителем Латышской с.-д. партии. В Брюсселе, в Бюро II Интернационала, — с «Альфредом» Нагель³⁾, партийная кличка «Гарри».

Оружие, которое я должен был получить в Бельгии, находилась у фабриканта оружейных мастерских в Льеже⁴⁾. В это время в питерской организации были аресты, временно были нарушены связи с «Боевой технической группой», и по совету ее организатора, «Дмитрия Сергеевича», я это оружие продал тому же фабриканту, а полученные деньги, несколько тысяч франков, пошли на освобождение «Камо», Петросяна. Отчет об этих деньгах был передан «Никитичу», Красину, в августе 1908 г.

С Прибалтийским краем «Боевая техническая группа», имела сношения при посредстве товарищей «Гришки», «Бобиса», «Еписы».

С Эстонской с.-д. организацией наша группа вела сно-

¹⁾ Ковалевский ныне член О-ва старых большевиков. — Ав.

²⁾ — «Лена» — Елена Андреевна Молчанова; «Катя» — Екатерина Салнынь-Журавская. — Ав.

³⁾ Впоследствии Нагель был в иностранной контрразведке — Ав.

⁴⁾ У этого же фабриканта в Льеже питерская «Боевая техническая группа» купила 6 ящиков никелированных браунингов с патронами. Эти револьверы были получены в Питере через Финляндию пароходом, привез их «Макс» в июле или августе 1906 г.

Добывалось оружие не только за границей, но и домашним способом: наши боевики, рабочие Сестрорецкого оружейного завода, попросту таскали оттуда винтовки.

Винтовки с Сестрорецкого завода прятались на даче в Озерках (Финляндская ж. д.), на которой жили эстонцы. Зимой оружие и взрывчатые вещества мы перевозили на Выборгскую сторону и хранили у рабочего завода Лесснера Смишкалина (у которого я временно жил), у «Петрова», рабочего телефонной фабрики на Выборгской стороне по дороге в Лесное, на острове Голодай и в одном доме неподалеку от Летнего сада у какой-то старушки, сын которой работал на трубочном заводе. — Ф. Б.

шения через ученика реального училища Зоммер («Пойкр»); оружие получалось через одного студента.

Весною 1907 г. питерские боевики решили организовать школу по изготовлению взрывчатых веществ. Инструктором и лектором этой школы был студент Петербургского университета Александр Нейман — «Альфред». Первое время лекции и опыты производились в Горном институте, но скоро их должны были прекратить, так как за институтом началась слежка. Курсы по изготовлению взрывчатых веществ были перенесены в Куоккала, но помещение для этих целей было неудовлетворительное: была нанята дача близ русской границы, верстах в 6—7 от Коломяг. Лектором и инструктором был тот же «Альфред». Среди слушателей этих курсов были следующие боевики: «Булле», «Фриц», «Гриша», «Студис», Кульпе¹⁾, Педриксон, и другие боевики. «Курсанты» ходили в лес обучаться стрельбе и как-то раз перешли русскую границу, а на обратном пути были задержаны русским пограничным солдатом, который их арестовал и, несмотря на предлагаемые пять рублей, которые обещали арестованные за свое освобождение, он отказался их освободить. Тогда боевик Кульпе маузером наповал убил солдата, и они благополучно скрылись.

Очень скоро дача, где помещалась наша школа, была окружена финской полицией. В школе ночевало несколько боевиков, которые вступили с полицейскими в переговоры. Так как отношение полицейских к боевикам было довольно благожелательное, с одной стороны, не желая компрометировать Финляндию, которою мы часто пользовались, — с другой, и в то же время не допуская возможности, что финские власти выдадут политических русских, арестованные боевики, уничтожив все приготовленные ими вещества, сдались полиции. Несколько боевиков, находившихся на даче, все же успели благополучно уйти, но большинство осталось. В дальнейшем они судились в Выборге и были присуждены к каторжной финской тюрьме. Впоследствии выяснилось, что всех их выдал провокатор Бродский.

Арестованные были отправлены в Выборг и помещены в выборгскую тюрьму. Когда выяснилось, что в это дело вмешалось русское правительство и арестованным грозит выдача этому последнему, решено было освободить их из тюрьмы. При помощи финских товарищей была установлена связь с начальником выборгской тюрьмы фон-Герихом, при посредстве которого хотели устроить побег арестованным

¹⁾ Кульпе — член ВКП(б) — Ав.

боевикам. За содействие фон-Герих потребовал некоторое вознаграждение (700 руб.), что ему и было обещано.

Для устройства побега Педриксоном была нанята дача около ст. Сайнио, и с арестованными была установлена регулярная переписка через Гериха. В руководство этим побегом пролез Бродский (провокатор). Вести переговоры с Герихом и переписку пришлось мне. По приезде Бродского, ему был сделан подробный отчет, и его связали с Герихом. Вскоре с приездом Бродского около дачи, снятой Педриксоном, стали появляться какие-то темные личности, и не было никаких сомнений в том, что за дачей и ее обитателями ведется самая усиленная слежка. В то же время в Питере должно было состояться собрание боевиков в Лесном¹⁾, на которое уехали почти все обитатели дачи. Собрание в Лесном было арестовано, в том числе и те, кто жил на даче в Финляндии.

Так как не было больше сомнений, что все эти провалы — дело рук провокации, то оставшимся на финской даче боевикам пришлось ее покинуть, и тем самым рухнуло дело освобождения боевиков, сидевших в выборгской тюрьме. Все арестованные были потом выданы русскому правительству.

Школа просуществовала в общей сложности около двух месяцев.

После провала боевиков в Финляндии было решено созвать конференцию²⁾ из питерских, латышских и эстонских с.-д. большевиков. На конференцию прибыли представители из Либавы, Риги, Питера, Ревеля и Юрьева. От питерской боевой организации были делегированы «Гришка», «Фриц», от Эстонии — Зоммер («Пойкр»), Нейланд, Рудыс, «Кревинь»,

¹⁾ Поздно вечером, перед тем как боевики должны были собраться на дачу в Лесном, неожиданно на дачу приехал на извозчике с двумя чемоданами Бродский и упросил оставить чемоданы часа на два. Рано утром, когда все боевики были в сборе, полиция и масса шпиков окружили дачу. Несколько товарищей, запоздавших на собрание, заметили полицейских и скрылись. Среди арестованных на этой даче был Оскар Кантер. (В 1921 г. был предчека в Петрозаводске, потом предчека в Самарканде в 1922 г.).

В привезенных Бродским чемоданах оказались литература, прокламации и всякие записки и письма, написанные якобы боевиками друг другу и вложенные в чемоданы с явно провокационной целью. Эти чемоданы и были главной уликой на суде против арестованных боевиков. — Ф. Б.

²⁾ Я помню разговоры и идею конференции, но, поскольку мне помнится, ЦК ЛСДРП относился отрицательно к такой конференции. Во всяком случае, «Бурлак-Залаяс» (Ф. Грюнин) там не был. Бурлак был арестован в октябре 1906 г. в Риге и расстрелян 4 января 1907 г. Я помню еще планы попыток освобождения его из застенка или рижской центральной тюрьмы по переписке, которую я имел по этому вопросу с «Епис». — И. Лютер.

от латышей — братья Цыруль, «Персис» (убит) и «Бурлак», Кульпе, «Кнагис», «Студис», Лацкий. Конференция не состоялась, так как в полицию было донесено, что в городе появилось много чужих элементов, и ночью был устроен повальный обыск. Две квартиры, на которых находились боевики, также были обысканы, несколько боевиков было арестовано, в том числе Булле, братья Цыруль, Нейман (латыш) и эстонец Зоммер, остальным удалось уйти¹⁾.

Салнынь («Гришка»).

ИЗ ПРИБАЛТИКИ НА РАБОТУ В ПБО²⁾.

Первое мое знакомство с социал-демократической организацией относится к 1898 году в Митаве, когда, будучи учеником городского училища, я сошелся с группой интеллигенции, возглавлявшей тогда курляндскую группу с.-д.: «Мамаша», Чиксте, Куршевиц, Анскеневиц-Дамбит, Эрнст Розу, Мускат, Озол, Гейшрек, «Натре», «Спекис» и др. Одновременно со мной приобщались к с.-д. организации мои товарищи-подростки: Эндруп, Ленцман, Юргис, Штейнберг, Кревень и др.

В 1903 году я примкнул к образовавшейся тогда в Риге Российской социал-демократической рабочей партии и встретился с Салнынь («Гришка»), Гринштейном («Залаяйс»), Делином («Чомс»), Меднисом («Янка»), Боровским («Пан»), Штромом («Давид»), Лацким («Альфонс»), Граубин («Сашка»), «Спрогис» и др.

К осени 1905 года у нашей группы уже имелось несколько револьверов, и мы, параллельно с латышскими боевиками участвовали в разгромах казенных винных лавок³⁾ и пр. Летом 1905 г. наш кружок уже превратился в оформленную боевую дружину, вооруженную, главным образом, револьверами, отобранными у городских и при разгроме одного оружейного магазина в Риге. Несколько винтовок (кажется,

¹⁾ Арестованные латыши подверглись в рижском застенке, где действовал Грегус, жестоким пыткам.—С. П.

²⁾ Примечания к настоящей работе составил И. Г. Лютер.

³⁾ Случай разгрома «монополек» начались только зимою 1905 г. во время карательных экспедиций. Массовое разоружение полиции началось с январских дней 1905 г. Потом никогда не существовала отдельная организация латышских боевиков.

По мере добывания и доставки оружия, члены ЛСДРП вооружались поголовно, и единственным ограничением вооружения служило отсутствие оружия. Для отдельных боевых выступлений (как, например, освобождение из рижской центральной тюрьмы «Крюгера»-Лациса) по распоряжению партийного комитета подбирались вооруженные боеспособные члены партии в необходимом числе.—И. Л.

16) мы похитили из военных лагерных палаток в Зассенгофе (около Риги).

Помимо разгрома «монополек» (казенных винных лавок) мы убирали самых активных шпииков и охраняли партийные нелегальные массовки, заседания комитета и пр. Участвовали в нападении на рижскую центральную тюрьму (освободили Лациса¹⁾ («Крюгер») и еще одного товарища) и т. д.

В августе 1905 года часть нашей дружины («Гришка», «Пан», «Янка», «Залаяйс», я и др.) выехала в Салац для разгрома свирепствовавшей там баронской «самообороны» (из шпииков и баронов). Там я был ранен, и вскоре после этого мы втроем: Салнынь («Гришка»), Гринштейн²⁾ («Залаяйс») и я уехали в Женеву для организации там издательства литературы на латышском языке и для привоза этой литературы и оружия в Ригу.

В конце сентября Салнынь уехал обратно в Россию, по дороге захватив транспорт револьверов и патронов. Наступило 17 октября 1905 г., и мы с Гринштейном рвались тоже домой. В конце октября 1905 года я и Гринштейн выехали в Россию, захватив грузный транспорт литературы и получив через профессора Райхесберга в Берне порядочную порцию револьверов и патронов.

На русской границе мы чуть было не попали в руки жандармов. Выручило какое-то слепое счастье. Почему-то я тогда вспомнил и запомнил на всю жизнь такой курьез: при нашем прощании в Женеве Машицкий снял свою теплую рубашку и надел на меня, чтобы я не простудился, сказав, что «рубашка с чужого плеча приносит счастье». Действительно, по дороге рубашка Машицкого выручила — не иначе! Минувя прямо сказочно опасные приключения, мы с Гринштейном прибыли в Ригу. Наша боевая организация успела разрастись в большую солидную организацию. Руководили ею «Захаров» (кажется Семенников), а потом недолго «Наполеон» (Рубинштейн³⁾). Вскоре на одном из собраний

¹⁾ В освобождении «Крюгера»-Лациса принимали участие и бундовцы, так как одна организация ЛСДРП не в силах была выставить 45—50 человек надлежало вооруженных членов партии. Между прочим, необходимо отметить, что арест «Крюгера»-Лациса был единственным, который задел в Риге центральные органы ЛСДРП в 1905 г.—И. Л.

²⁾ Осенью 1905 года (в августе или сентябре) «Залаяйс-Бурлак», «Грюн» эмигрировал, так как он был достаточно скомпрометирован в Риге и Либаве, но не для организации и издательства литературы на латышском языке в Женеве.—И. Л.

³⁾ «Захаров» (Марк) был арестован в декабре 1905 г. Николай Рубинштейн был арестован 13 января 1906 г. вместе со мною на Мельничной улице в столовой; там было при облаве арестовано всего около 23 человек.—И. Л.

боевиков эти товарищи были арестованы, и я был выбран представителем боевиков в комитет РСДРП, работавший в Объединенном федеративном комитете с латышами и «Бундом»¹⁾.

В половине января меня, Гринштейна, Медниса и др. арестовали на ночлеге у «Берты», хозяйки нашей конспиративной квартиры, и привлекли вместе с прежде арестованными товарищами «по делу 36-ти». В момент возвращения из суда, при помощи нашего защитника Н. Д. Соколова, мне удалось бежать из тюремной конторы, куда вызвали на допрос по новому делу — по участию в восстании в Усть-Двинской крепости. Немедленно уехав в Питер, я повел работу в качестве агитатора-пропагандиста на Охтенском артиллерийском полигоне и тут же связался с питерской боевой организацией. Это было в июне 1906 года.

В Питере меня свели с боевой организацией Елена Дмитриевна Стасова, «Землячка» и латыш «Иван Петрович», он же «Музыкант» (фамилия Скарре). Летом 1906 года из Питера были командированы несколько боевиков, кажется, в Брест-Литовскую крепость и в Вильну, с тем, чтобы оттуда похитить два пулемета. Один из этих боевиков, латыш «Карл», был арестован в поезде около Риги, но один пулемет в Ригу был доставлен.

Питерские боевики («ударная группа»²⁾) сначала (июнь — август 1906 года) собирались преимущественно в лесу в Лесном, а иногда в Лигове. В Петербурге для этого служили столовые университета, Политехнического института, Лесного института, а в особенности Технологического.

Ближайшим образом я был связан со следующими боевиками: «Макс» — «Виктор», Сермус, «Роланд» и «Петя» (братя-эстонцы), «Коля» (Берзин), «Ваня», «Музыкант» (Скарре), «Карл» (Ликумс), «Леонид» (фамилия Вакулин³⁾), «Серый» и др. Из женщин участвовали в нашей боевой дружине «Берта», «Мурка», «Эри», «Мильда», «Соня», «Фаня», «Зина Маленькая»⁴⁾ и «Лиза» — русские курсистки.

¹⁾ Хотя Рижский комитет РСДРП после Объединительного съезда свою работу согласовал с федеративным комитетом, но в федеративный комитет не входил. Федеративный комитет состоял из Рижского комитета, Бунда и ЛСДРП. — И. Л.

²⁾ Название «ударная группа» встречается только в воспоминаниях Булле — С. П.

³⁾ Умер в Сибири от туберкулеза в 1919 г.

⁴⁾ «Зина Маленькая» — Вакулина в настоящее время состоит членом О-ва политкаторжан. — С. П.

Немного позже, в августе 1906 г., я познакомился с рижанином-бомбистом «Кибальчицем», он же «Альфред»¹⁾. Нашими ближайшими руководителями и старшими товарищами были «Петр» (он же «Павел Уральский» — Э. С. Кадомцев) и «Лазарь» Шкляев. Встречались мы в работе боевой организации с «Сашей Охтенским», «Григорием», Игнатьевым «Яшей» (Васильевский остров), «Дмитрием Сергеевичем» (Грожаном), «Никитичем» (Л. Б. Красиным), «Соломоном», также с Землячкой (всегда помогавшей нам), «Леной» и «Виктором» (Урысон), «Григорием Ивановичем» (А. М. Игнатьевым).

Одним из идейных руководителей и вдохновителей нашей боевой группы был «Петр» (Кадомцев). Работая с ним в теснейшей связи, мы постепенно наладили организованную связь с рабочими боевыми группами на заводах, в особенности, в районах Выборгском, Петербургской стороны, за Невской заставой и отчасти на Васильевском острове.

К ноябрю — декабрю 1906 г. мы располагали организованным вооруженным кадром товарищей около 250 человек, при чем членами боевых организаций по районам (по нашим связям) состояло около 600 человек. Все это были члены нашей партии — большевики, обслуживаемые специальной агитацией и пропагандой в порядке боевого инструктирования и связанные в особые кружки наиболее тесной конспирацией и боевой дисциплиной.

При таком росте боевой организации потребовался специальный кадр теоретических и технических руководителей. Этот кадр руководителей был подобран и оформлен «Петром» (Кадомцевым) в виде Центральной инструкторской школы²⁾ и центральной группы агитаторов, с районными ин-

¹⁾ Булле полагает, что кличка «Альфред» и «Кабальчик» носило одно и то же лицо, но, по данным архива, устанавливаем, что кличку «Альфред» имел студент Альфред Нейман, руководитель школы-лаборатории в Финляндии (дер. Хаапала). Есть некоторые данные (еще не вполне установленные), что Александр Чесский руководитель той же школы в Финляндии (Куоккала), работая в Московской боевой организации в 1905—1906 гг., назывался «Кибальчик». Булле в личной беседе упоминал о смерти «Кибальчика» в тюрьме. Чесский действительно погиб в тюрьме, а Альфред Нейман здравствует и поныне. Если сопоставить все эти данные и то, что Чесский считался специалистом по химии взрывчатых веществ, то кличку «Кибальчик» можно приписать ему, а не Нейману. — С. П.

²⁾ В материалах Московского архива Революции и Внешней политики есть указания на то, что при обыске квартиры двух членов Петербургской боевой организации. Дреймана и Озолина (арестованных 2 июня 1907 года на собрании в Лесном), была отобрана рукопись «Доклад работникам ПБО», в которой излагалась резолюция, принятая единогласно на собрании работников ПБО 16 января 1907 г. В

структорскими и агитаторскими группами. Я числился ответственным инструктором центральной группы и членом центральной группы агитаторов. В эти группы входили: «Кибальчич» — химик, «Василий» (брат «Петра» — Кадомцева), «Дмитрий», «Карл», «Серый», «Коля», «Ваня», «Роланд», «Зина», Вакулин («Овод»), «Чиргата» и др. В Центральной инструкторской школе числилось 18—20 чел.; в Центральной группе агитаторов — 12—14 товарищей. Занятия у нас происходили сначала в аудиториях факультета восточных языков университета, два раза в Электротехническом институте, два или три раза в Лесном институте, несколько раз в Политехническом институте и, главным образом, в чертежной Горного института. В Военно-медицинской академии были раза четыре собрания только группы агитаторов, а технические совещания происходили также на курсах Лесгафта. Центральной явочной квартирой был преимущественно Технологический институт, отчасти польская столовая (недалеко от цирка), а иногда редакция журнала, кажется, «Театр и искусство» на Гороховой — через один дом от охранного отделения (последней явкой мы особенно дорожили: она, в виду непосредственной близости к охране, была более надежной).

Обучение происходило следующим образом: по химии читал лекции и демонстрировал разные системы метательных снарядов и их приспособлений «Кибальчич». Он учил нас также минно-подрывному делу и изготовлению и применению взрывчатых веществ. По огнестрельному оружию читали лекции «Петр», а иногда — я, с демонстрацией сборки, разборки оружия, наводки, прицелки и пр. По разведке и тактике уличного боя читали лекции «Петр» и «Лазарь».

По конспирации — системам шифров, анализу водопроводных планов, системе подземных электрических кабелей

резолуции говорится, что собрание работников ПБО предлагает принять в основу БО принципы, проведенные в одной из уральских БО, указанные докладчиком, т.е. создать инструкторские практические школы вместе с массовым обучением боевому делу, и потому, считаясь с конкретным положением сил в ПБО, рекомендует объединять все наличные силы ПБО (как инструкторов, так и организаторов боевых районов) в одну Центральную петербургскую инструкторскую практическую школу... «Дело с-петербургского военно-окружного суда 1908 года, № 282, т. I (арх. № 760, 1910 г.) о мещанине Эле Бернштейне, сыне подполковника Борисе Богоявленском и других». Так как в этой резолюции есть указания на уральскую боевую организацию, в строении которой участвовал «Петр» — Эразм Самуилович Кадомцев, то можно предполагать, что указания, делаемые Булле об оформлении «Петром» работников в Центральную инструкторскую школу, есть то самое оформление, о котором говорится в документе, тем более, что и по времени оно также совпадает с документом.—С. П.

и пр.—читали лекции «Кибальчич», «Петр», «Лазарь», «Василий», я и другие товарищи, навещавшие нас нерегулярно (один из них великолепный лектор — студент Военно-медицинской академии, кажется, член Петербургского комитета — клички не помню).

Химию мы изучали частью по военным учебникам, частью по немецким специальным учебникам и лекциям, доставленным нам «Кибальчичем». Изучали книгу «Роль» — «Тактика уличного боя» и другие статьи вроде «Об англо-бурской войне» и т. п. «Петр» написал и я вместе с ним проредактировал «Памятку боевика», изданную (кажется, в Вильне) особой брошюрой. Из оружия главными системами изучения у нас были «Маузер», «Винчестер», «Парабеллум», «Браунинг» и винтовки разных образцов.

Из метательных снарядов мы особое внимание уделяли «японским» яйцевидным гранатам, трубковидным петардам и снарядам, а особенно снарядам «македонского» типа с усовершенствованным ударником системы «Кибальчича». Деревянный образец этой системы снарядов при одной облаве на нас в политехникуме был выброшен в снег, и охранники нашли его во дворе. Тогда мы с «Петром», оба притворившись пьяными, благополучно проскользнули через оцепление. Впоследствии повешенный руководитель «Северного летучего отряда» эсеров «Карл» — Трауберг — мне говорил, что охранка ужасно была встревожена этой моделью бомбы, ибо такого типа она еще не знавала. Трауберг предложил мне просить большевиков ознакомить также эсеров с этой моделью бомб, обещая за это нашей организации две бочки патронов к винтовкам австрийского образца. Я эту «сделку» отклонил, и мы, рассорившись, разошлись.

Маневры мы производили в окрестностях Лигова, в лесу за Лесным и на льду Финского залива, между Сестрорецком и Лисьим носом. Опытные занятия устраивали также в центре города. Раз мы решили устроить маневр в здании Правительствующего сената. В маневре участвовало 26 человек — почти вся Центральная инструкторская школа — и несколько товарищей из районных центров. В полном вооружении мы заняли все входы и выходы сената, площадки лестниц, оба входа в зал заседаний и кассу III отделения. Это было осенью 1906 года. В помещении сената шли обычные занятия — бегали чиновники, важно проходили сенаторы. Втроем мы — «Леонид», «Макс» и я — тайком от других решили, что если удастся все хорошо, то мы «потехи ради» заберем с собой все деньги из дневной кассы сената. Я тогда был избран командиром маневра. Все пошло настолько быстро и великолепно, что я уже решил было «брать кассу».

Но, проходя через площадку лестницы, выглянул в окно и заметил, как из казармы Гвардейского экипажа (рядом с манежем) приближалась караульная смена солдат. На часах было без десяти минут час. Было досадно, что мы могли забыть, что в этот час меняется караул. Я дал сигнал: прошел дальше, вытирая лоб платком, — и мигом все снялись с постов и разошлись. Только два старика-сторожа, в обшитых галунами ливреях, вышли за нами и подозрительно и недоумевающе поглядели нам вслед.

Из других маневров следует отметить: захват почтового отделения на Офицерской, захват имения князя Голицына в Новгородской губернии, удержание на полчаса под стражей чайной «Союза русского народа» на Дворянской улице, на Петербургской стороне. Если попадалось оружие, мы отбирали, — и только.

Так проходила работа по подготовке боевиков до февраля 1907 г. Пришлось задуматься о развитии и углублении работы. В Прибалтийском крае наши товарищи продолжали вести борьбу в организациях «лесных братьев», на Урале тоже окрепли боевые организации, во всей остроте выявился столыпинский террор, и мы решили, что время организовать солидные технические средства для дальнейшей борьбы. Тогда возникла идея открыть уже настоящую школу боевиков с лабораторией в Куоккала. И вместе с тем в Выборге открыть также свою нелегальную типографию. Средства у нас были от уральских и отчасти от прибалтийских товарищей. Однако в партийных кругах назревал вопрос о ликвидации боевых организаций. В связи с этим «Мартын» передал значительное количество патронов и пистолетов «Марс» дашнакам (патроны из старых финских запасов, часть оружия, извлеченного из моря с гапоновской отправки).

Насколько мне известно, дело обстояло так. Оружие и патроны, которые к октябрю 1905 года были собраны для российской революции, были направлены через Кенигсберг, частью через Виндаву в Ригу, а частью были направлены в Финляндию через Стокгольм. Часть транспорта в Финляндию прибыла и через финскую красную гвардию была передана в Россию. Большая часть попала на пароход, который взорвался и с грузом пошел ко дну недалеко от Выборга. Впоследствии финскими товарищами-рыбаками несколько ящиков этого оружия было извлечено из моря и передано через Боевую группу нам. Кроме того в Стокгольме оставалось несколько бочек патронов, винтовки старого швейцарского и австрийского образца и пистолеты. Это оружие тоже было перевезено в Финляндию (через один из север-

ных портов Финляндии) весной 1907 года, но куда оно делось, — не знаю.

Неоднократно мы пытались поставить вопрос о боевой работе на городской партконференции, так как на нескольких районных конференциях работа боевиков вызывала резкие споры у большевиков с меньшевиками. Наконец в 1906 г. на очередной городской конференции под председательством Владимира Ильича (в Териоках) мне удалось выторговать (при содействии Ильича) 15 минут для доклада. Меньшевики подняли неистовый шум и свист. И только после строгого вмешательства Ильича мне удалось минут в десять поставить вопрос перед конференцией. При всей злобности меньшевиков, большинством голосов было постановлено вопрос о боевой организации передать в комиссию для выяснения его к ближайшему (V) съезду партии. Мы, боевики, духом не пали, а еще энергичнее принялись за организацию нашей лаборатории в Куоккала и типографии в Выборге. Вакулин и «Кибальчич»¹⁾ выехали туда для окончательного оборудования ее.

К этому времени к нам в Питер прибывали боевики из разгромленных в Прибалтийском крае боевых организаций, с Урала, Поволжья и пр. Техническую и материальную помощь они получали преимущественно от нас, боевиков, и по большей части направлялись в Финляндию.

Весьма характерно, что за все время работы нашей боевой группы не было никаких провалов, никаких арестов, несмотря на то, что столыпинская охранка носилась по пятам за каждым из нас, знала о существовании боевой организации, имела даже некоторые фотографические снимки отдельных ее членов. Характерно также, что немедленно после конференции в Териоках, где я сделал доклад о боевой организации, к нам явился Бродский — студент, работавший в технике ПК, и всякими способами пытался втереться в более близкое знакомство со мною. Я навел справки о Бродском и получил от Землячки предупреждение, чтобы Бродского близко к боевой работе не допускать. Я об этом предупредил всех наших товарищей, но как втерся Бродский в нашу группу после моего ареста в Юрьеве, я не знаю.

Приближался V съезд партии (1907 года), и мы решили также отправить на съезд двух своих делегатов. На предва-

¹⁾ Вакулин был арестован 19 декабря 1907 г. (1 января 1908 г.) в г. Выборге и привлечен военно-окружным судом по делу Петербургской с.-д. боевой организации. В делах в.-о. с. есть указания на то, что Вакулин в 1906 г. имел кличку «Овод».

Для оборудования лаборатории ездил в Гельсингфорс А. Чесский, как он сам впоследствии говорил на допросах.—С. П.

рительном собрании Центральной инструкторской школы и агитаторов с представителями районов были выдвинуты три кандидата: Леонид, я и один товарищ, кажется, из Нарвского района, кличку которого не помню. Кроме того на съезд должны были поехать «Петр», «Лазарь», «Дмитрий» и «Василий» с Урала. Мы считали, что на съезде будет группа боевиков не менее чем в 20 человек, так как среди районных кандидатов по общепартийным выборам тоже проходили многие товарищи, состоявшие в боевой организации.

К этому времени в Питер из Прибалтийского края прибыли боевики «Епис», «Гришка» и «Чиргата» и сообщили нам следующее. Близ Ревеля эстонские боевики убили предводителя эстляндского дворянства барона Будберга, одного из жесточайших палачей эстонских крестьян. При убийстве барона боевики отобрали у него оружие и 18.000 руб. денег. Барон Будберг был в прежние годы фаворитом старой царицы Марии Федоровны, и, по приказу из Питера, жандармерия и шпики сбились с ног, чтобы изловить убийц. В то же время прибывшие товарищи сообщили нам, что в эстонскую боевую организацию затесались анархисты, разлагающие организацию и толкающие молодых горячих товарищей на акты и террористические акты и что в г. Юрьеве созывается по этому поводу конференция, на которую необходимо послать представителя от центра. Многие балтийские боевики знали меня, и поэтому я был срочно делегирован на эту конференцию. Явку я получил к «Александрю», он же «Киви». Вместе со мной из Питера в Юрьев выехал и «Гришка». В Юрьеве я встретил группу боевиков — «Ваньку», «Альфонса», «Кнагита», «Мазайса», «Асю-Птичку», «Зоммера», «Бурлака», «Персис», «Лаувас», «Дубша» «Елену», «Матса», Нилендера и еще нескольких, имена которых забыл. Совещание мы устроили с участием «Александра», как представителя Юрьевского комитета.

Совещание боевиков прошло вполне согласованно, никакой особой анархичности не оказалось, и по моему докладу был принят целый ряд положений о полном подчинении директивам ЦК и будущему съезду партии, о передаче всех технических и финансовых средств в ведение Боевой группы при ЦК партии и т. д. После совещания мы с «Гришкой» пошли в одну из квартир на ночевку, но оказалось, что там уже собралось человек 10 боевиков на ночлег. Мы с «Гришкой» собрались уже уйти оттуда, как внизу при выходе во двор заметили, что дом оцеплен полицией. «Гришка» кинулся немедленно назад, прыгнул в окно и убежал, выстрелив из револьвера. Все товарищи, находившиеся в квартире, тоже выпрыгнули в окна и скрылись. Я уже был схвачен во дворе

и вместе с другими арестованными студентами из других квартир этого дома отправлен в тюрьму.

Оказалось, что в эту ночь были произведены облавы в 20—30 домах по всему городу. Всех мало-мальски подозрительных связали в одно дело, и жандармерия состряпала дело «Северо-Лифляндской боевой организации». За выделением отдельных боевиков, которых привлекли по разным другим делам, по этому «делу» в конце-концов нас осталось 6 человек, и судебная палата осудила нас всех на каторгу, дав мне по этому делу максимальный срок.

Булле («Фриц»).

БОЕВЫЕ ДРУЖИНЫ И БОРЬБА С ЧЕРНОЙ СОТНЕЙ

К созданию боевых дружин петербургская организация большевиков приступила вскоре после январских событий.

Возникли они также по инициативе заводских рабочих, создававших отдельные группы и кружки с тем, чтобы вооруженной рукой дать отпор врагам рабочего класса. Они изготовляли себе самодельное оружие на станках своих заводов, добывали где кто мог всяческое вооружение, вкладывая во все это дело огромный революционный энтузиазм.

В боевые партийные организации входили и беспартийные рабочие. Дело снабжения дружин оружием было поручено Петербургским комитетом специально созданной им Боевой группе. Вооружение было самое разнообразное, т.-е. такое, которое удавалось добыть. Инструкторами по овладению оружием вначале были те, кто умел обращаться с оружием и только позднее были созданы партийные боевые школы, где подготавливались специалисты боевого дела. В круг обязанностей боевых дружин входила охрана рабочих массовок, собраний, забастовок, борьба с шпионами, провокаторами, «черной сотней», которая особенно ярко проявилась в начале 1906 года.

Для руководства всеми районными боевыми дружинами, а также боевыми выступлениями¹⁾ Петербургский комитет создал боевую организацию²⁾.

1905 год был годом, когда боевые дружины в Петербурге возникали, оформлялись, впервые выступали и только в шестом году они получают свое наибольшее развитие.

¹⁾ Отдельные факты боевых действий дружинников описываются в различных воспоминаниях этой книги.

²⁾ Боевой комитет возник позже Боевой группы и был с нею тесно связан.

В мае 1906 года собирается конференция с.-д. боевых дружин и выносит резолюцию о необходимости создания школ по подготовке опытных инструкторов¹⁾. Осенью 1906 года на большевистской первой конференции военных и боевых организаций делегатам петербургской боевой организации был сделан доклад о постановке дела организации боевых дружин, из которого видно, что имелись сформированные боевые дружины при крупных фабрично-заводских предприятиях в районах Выборгском, Петербургском, Василеостровском, Нарвском, Московском, Невском²⁾. Число дружинников доходило до нескольких сот человек. По своему составу все это были фабрично-заводские рабочие в возрасте от 16 до 35 лет, социал-демократы большевики, за исключением незначительной части революционно настроенных беспартийных рабочих, отличавшихся своими боевыми качествами. Боевая организация работала конспиративно, строилась она по образцу военных частей с соответствующей дисциплиной. Основной ячейкой боевой части являлись «пятки». Следующий объединенный в составе десяти «пятков» был отряд. Отряд или отряды, если их было более одного при заводе, составляли боевую дружину завода. Все же заводские боевые дружины каждого района объединялись общим руководством и командованием и назывались по имени своего района.

Руководство управлением частями и всей боевой организацией исходило из централистического принципа и осуществлялось старшими по «пятку» или десятником по отряду; в заводской дружине — начальником отряда заводской дружины. Они назначались из среды своих же частей районным боевым организатором, которому непосредственно и безоговорочно подчинялись и с которым держали живую связь. Районные боевые организаторы назначались «боевым центром», этот последний имел живую связь с большевистской частью ЦК. Боевому центру организаторы непосредственно подчинялись и перед ним отчитывались во всей своей рабо-

¹⁾ В одном из пунктов этой резолюции говорится: «Присоединяясь к постановлению ПК, центр деятельности по организации боевых дружин перенести в низшие партийные ячейки, конференция предлагает районным, подрайонным и заводским комитетам возможно скорее наметить будущих инструкторов и озаботиться доставкой средств, необходимых для осуществления школы». (Московский архив революции Внешней политики, фонд деп. пол., д. 5, ч. 1, 1906 г. Документ этот опубликован в книге «Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП». Ноябрь, 1906 г., изд. ИМЭЛ. 1932 г.).

²⁾ Делегатом был Шкляев Азарий Сергеевич, «Лазарь», на конференции выступал под кличкой «Азаров». Шкляев был членом Всесоюзного О-ва старых большевиков. Умер. в 1933 г.

те. Районными боевыми организаторами в то время были: по Городскому — «Константин Матвеевич» (К. М. Шведчиков); Выборгскому — «Фома» (Гробовский), студент военной медицинской академии; Петербургскому — «Николай Сергеевич» (С. Скроботов); Василеостровскому — «Виктор» (Урысон); Нарвскому — «Альфред» (Нейман); Московскому и Невскому — «Лазарь» (А. С. Шкляев).

В каждом районе для боевых дружин на конспиративных складах имелось оружие, боевые патроны, взрывчатые вещества, бомбы, которые доставлялись «Боевой технической группой при ЦК».

С. Познер.

НАПАДЕНИЕ БОЕВОЙ ДРУЖИНЫ НА ЧАЙНУЮ «ТВЕРЬ»¹⁾

Организованное нападение боевой дружины петербургской организации большевиков на чайную «Тверь», судя по хронике буржуазных газет²⁾ и по архивным материалам, обстояло так: за Невской заставой, в чайной, называвшейся «Тверь», находилась штаб-квартира черной сотни — «Союза русского народа», откуда черносотенцы производили свою рекогносцировку для выслеживания революционных рабочих и шпионства за жителями Невской заставы.

Боевой организацией ПК решено было разделиться с этим гнездом черносотенцев. Непосредственно участие в этом деле принимали члены боевой дружины Невского района. 27 января, в 9 часов вечера, когда в чайной собралось около тридцати членов «Союза русского народа», в окно был брошен камень. Черносотенцы бросились к двери, желая задержать виновника, в это время в них была брошена бомба. Когда они отшатнулись назад, в них была брошена вторая бомба; тогда черносотенцы ринулись к заднему выходу; брошенная в них третья бомба не взорвалась. Черносотенцы выскочили на улицу, дружинники встретили их револьверными выстрелами. Когда прискакали казаки и явились солдаты и полиция, все уже было окончено. Никто аресто-

¹⁾ «...Террористическое нападение 27 января 1906 г. на посетителей, собравшихся в трактире «Тверь», в д. № 15 по Прогонному пер., в котором имели обыкновение собираться по вечерам рабочие Невского судостроительного завода, состоящие членами «Союза русского народа», было организовано «Боевым центром Невского района» по поручению ПК РСДРП» (Ленинградское отделение Центрального исторического архива. ДДПОО. № 514, 1908 г. О нападении на трактир «Тверь» в г. С.-Петербурге 27 января 1906 г. по постановлению комитета РСДРП).

²⁾ «Право», № 5 от 5 февраля 1906 г., стр. 464.

ван не был. В результате этого нападения было двое убитых и до 15 черносотенцев ранено.

По этому делу в материалах архивов имеется большой список лиц, из которого делаем некоторую выборку.

Список лиц, выясненных по делу взрыва в трактире «Тверь», в 1906 г.¹⁾

1. Сухлеев, Василий Дмитриевич, крестьянин. Был арестован за воссуженное сопротивление 1 января 1907 года чинами полиции при производстве обыска в д. № 40, кв. 27, по 5-й линии Васильевского острова. Дальнейшая участь Сухлеева отделению не известна, и на жительстве в С.-Петербурге он не значится.

2. Величко, Иосиф Людвигов, крестьянин. В 1906 г. спб. градоначальником за насильственные действия его над рабочими, принадлежащими к «Союзу русского народа», ему воспрещено было жительство в С.-Петербурге. Величко в 1905 и 1906 гг. состоял сотским боевой дружины и членом боевого центра Невского района, принадлежал к фракции большевиков и хранил у себя винтовку.

3. Петров, Иван Васильевич, крестьянин. По имеющимся в отделении сведениям, принадлежит с 1905 г. к фракции «большинства» РСДРП. Передан судебному следователю Обух-Вощатынскому 20 ноября 1908 г., за № 21528.

4. «Исай» в действительности есть Закштейн, Исай Нахимов, мещанин. По сведениям отделения, в 1906 г. принадлежал к фракции большевиков, состоял дружинником и имел два револьвера «Жан Крафта».

5. Кауфман, Ханна, кличка «Галя», акушерка. Состояла секретарем Невского района, принимала самое энергичное участие в деятельности боевых дружин. Предоставляла свою квартиру для собраний дружинников и ночлега лиц, совершивших убийства полицейских чинов.

6. Козлов, Михаил, сын с.-петербургского ремесленника, рабочий на Невском судостроительном заводе. В начале 1906 года стоял членом боевой дружины Невского района.

7. Кирсанов, Петр Николаевич, крестьянин. 30 сентября 1907 г. был обыскан и арестован вследствие обнаружения его адреса по обыску у секретаря Петербургского Комитета СДП Попова. По имевшимся сведениям, в 1906 г. состоял членом коллегии агитаторов и боевой дружины Семянниковского подрайона.

8. «Юрий», студент или инженер, который был арестован вместе с депутатом Алексинским на Рождественской улице. Из дел отделения 1906 г. усматривается, что 2 февраля 1906 г. было переписано происшедшее собрание 35 человек в д. № 25, кв. 18, по 5-й Рождественской ул., на котором присутствовали упомянутые здесь Алексинский, Шехтер, Леонид Прохоров, Алексей Русецкий, Эраст Смирнов, Емельян Нефедов, рабочий Михаил Козлов, а также присужденный впоследствии к смертной казни, замененной каторжными работами, Василий Калашников и Иван Немчинов, участвовавший впоследствии, именно 13 сентября 1906 г., в ограблении артельщика Невского судостроительного завода Глушенко, и др. Так как в числе лиц, застигнутых на вышеозначенном собрании, никто не носил имени «Юрий», то очевидно,

¹⁾ Ленинградское отделение Центрального исторического архива, Дело ДДПОО, № 514, 1908 г. О нападении на трактир «Тверь» 27 января 1906 г. по постановлению комитета РСДРП.

наименование «Юрий» относится к Евгению Шехтеру, сотрудничавшему в газетах «Русь» и «Речь» под псевдонимом «Юрьев».

9. Гржибовская, Ольга Антоновна, повивальная бабка. В начале 1906 г. состояла в боевом центре Невского района и весьма часто предоставляла свою квартиру для совещания членам боевых дружин. 16 февраля 1907 г. была обыскана и арестована, как организаторница шайки грабителей, пытавшихся ограбить содержателя ломового извоза кр. Дедова, и как лицо, хранившее у себя на квартире оружие и другие принадлежности вооружения. Дело о ней 14 апреля того же года, за № 9214, передано в распоряжение прокурора спб. судебной палаты.

10. Смирнов, Кузьма Александров, крестьянин. В начале 1906 г. состоял членом боевой дружины Семянниковского подрайона, имел револьвер-браунинг. Передан судебному следователю Обух-Вощатынскому 20 ноября 1908 г., за № 21528.

11. Молодая женщина по кличке «Софья Сергеевна» По сведениям отделения, в 1905 г. состояла в боевом центре Невского района.

12. Витин, Герман Яноз, зап. писарь Брест-Литовской крепости, из крестьян Лифляндской губернии. По имеющимся в отделении сведениям, принадлежит с 1905 года к фракции «большинства» РСДРП.

13. Кохан, Лука Иванов, крестьянин. В январе 1907 года был подвергнут обыску, по распоряжению отделения, но по безрезультатности такового оставлен на свободе. Состоял в 1905 и 1906 гг. членом боевой дружины Семянниковского подрайона, имел револьвер-браунинг и принадлежал к фракции большевиков РСДРП. Освобожден распоряжением судебного следователя Обух-Вощатынского 30 ноября 1908 г., № 545.

14. Григорьев, Николай Александров, кронштадтский мещанин. По имеющимся сведениям, Григорьев в 1906 г. принадлежал к фракции большевиков РСДРП, лично бросил бомбу в дверь трактира «Тверь», хранил винтовку и бомбы под потолком дровяного сарая.

15. Смирнов, Эраст Фомин, крестьянин. Состоял членом боевой дружины, хранил у себя револьвер-браунинг.

16. Божинский, Андрей Гаврилов, сын надворного советника. По сведениям отделения, в 1906 году стоял в центре Невского района и руководил нападением на трактир «Тверь», принадлежит к фракции большевиков РСДРП.

17. Сидоров, Савелий Сидоров, крестьянин. По имеющимся сведениям, Сидоров в 1905 и 1906 гг. принадлежал к фракции большевиков РСДРП и состоял членом коллегии агитаторов. В его же квартире, но при его отсутствии, происходило обсуждение плана нападения на трактир «Тверь». 15 октября 1907 года был арестован на неразрешенном собрании членов союза безработных Васильевостровского района в д. № 63, по 20 линии Васильевского острова, как уполномоченный от безработных Невского района; министр внутренних дел постановил: выслать Сидорова под гласный надзор полиции в избранное им местожительство за исключением столиц и столичных губерний на два года, считая срок с 18 февраля 1908 г.

18. Матвеев, Василий Матвеевич, крестьянин. По сведениям отделения Матвеев в 1906 г. принадлежал к фракции большевиков, состоял десятским в боевой дружине, хранил бомбы и оружие в помещении сарая. Впоследствии, за принадлежность к нелегальному союзу печатников, г. министр внутренних дел воспретил Матвееву жительство в столицах и столичных губерниях, сроком на два года, считая таковой с 30 сентября 1907 года.

19. Михайлов, Андрей Михайлов, крестьянин. Привлекался в 1900 году по обвинению в государственном преступлении при спб. губернском жандармском управлении к дознанию, и с разрешения такового по высочайшему повелению, последовавшему 20 февраля 1902 года, ему вменено в наказание время, проведенное им под стражей и отбывтием тюремного заключения в течение двух месяцев. Последовало распоряжение департамента полиции о воспрещении Михайлову жительства в С.-Петербурге впредь до особого распоряжения. Состоя в 1905 и 1906 гг. членом боевой дружины, Михайлов хранил у себя револьвер «Жан Крафта» («Джон Графтон». — С. П.). В мае 1907 года был арестован в числе других лиц в деревне Куоккала финляндскими властями за участие в изготовлении взрывчатых веществ и с приговором выборгского гофгерихта передан на распоряжение начальника спб. губернского жандармского управления.

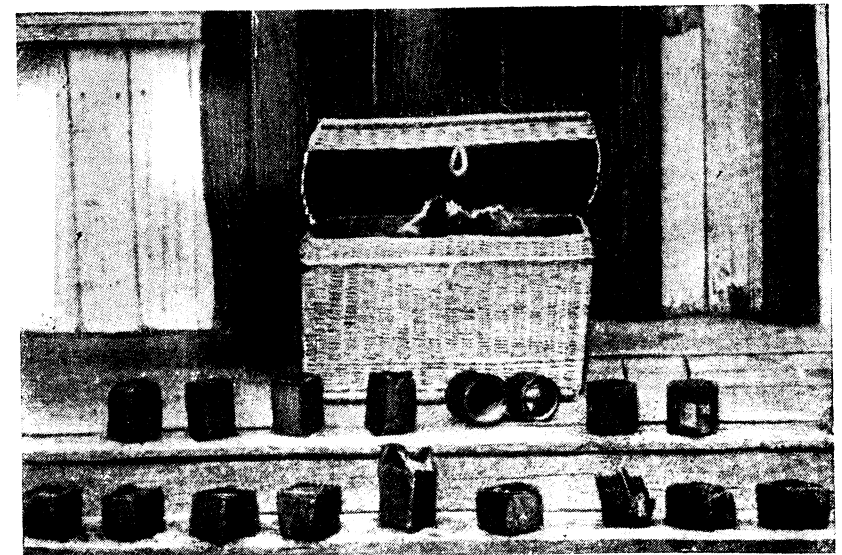
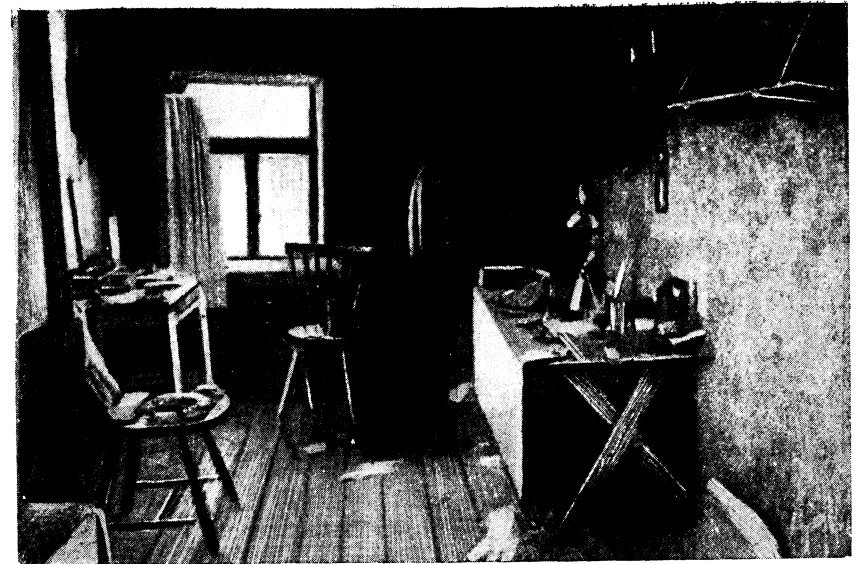
20. Ерм о л а е в, Михаил Ермолаев, крестьянин, В декабре 1905 года был арестован в мастерской изготовления взрывчатых снарядов, но 25 марта 1906 года бежал из пересыльной тюрьмы. До ареста состоял сотским в боевой дружине, проживал по подложному паспорту на имя Генриха Битнера. В революционной организации известен был под кличками «Степана Иванова», «Гарде», «Гордеева» и «Гордого», участвовал в нападении на трактир «Тверь».

С. Познер

КАК ВОЗНИКЛА ПЕРВАЯ БОЕВАЯ ДРУЖИНА ЗА НЕВСКОЙ ЗАСТАВОЙ В 1905 ГОДУ.

Тяжелые впечатления кровавого воскресенья 1905 года вызвали у меня страстное желание мести врагам рабочего класса. Это состояние переживали многие рабочие завода и оно привело нас к сознанию необходимости действовать и только действовать. В такой обстановке возникла первая рабочая боевая дружина — это было приблизительно в феврале-марте 1905 года. На бывшем Семянниковском заводе (теперь завод им. Ленина) революционно настроенные рабочие начали сами готовить себе оружие. В мастерских завода ковали мечи, пики, топоры, брали резиновые шланги от пневматических сверл, шланги эти резали на куски наливали в них вершка два свинца — и действовали ими как хорошей дубинкой. Мы раздобыли себе три револьвера системы Смит, один браунинг и велодог, а также по несколько к ним патронов. Нами были сделаны четыре самодельных мелкокалиберных пушки, названные «самопалами»: сделаны они были из концов паровозных труб с некоторыми приспособлениями, заряжались порохом и железной «выдрой» (осколками), зажигался такой снаряд папироской, приложенной к отверстию.

Употреблять их не пришлось, но по такому типу мы стали изготовлять себе pistols. Так вооружалась первая «рабочая охрана». Собирались мы открыто в новой проходной завода по Прогонному переулку, сами еще хорошо не

Вверху: школа-лаборатория в дер. Хаапала (из приложения к газете „Новое время“ за май 1907 г.). Внизу: корзина с бомбами, находившаяся в лаборатории. Две крайние бомбы с фителями уже готовы. (Из приложения к газете „Новое время“ за май 1907 г.).

представляли, как мы будем действовать. Рабочие завода стали приходить в нашу сторожку с жалобами на растущее хулиганство «черной сотни», от которого страдали семьи и жилища рабочих. Наши дружинники взялись за этих хулиганов. В результате борьбы с ними мы приобрели большую симпатию среди широкой заводской массы рабочих. Рабочие стали смотреть на нашу дружину, как на настоящую охрану их жизни и к нам стали поступать различные сведения о том, что делается на заводе, какие меры предпринимаются администрацией против рабочих, где полиция собирается сделать обыск и т. п. Многие рабочие приносили к нам свои охотничьи ружья. В дальнейшем у нас явилась мысль вооружаться бомбами. Первые бомбы были изготовлены в медницкой мастерской завода и начинялись самодельным порохом, состоящим из серы, угля и селитры, запалом служила смесь бертолетовой соли с сахаром (македонская смесь). Испытания этих бомб производились в Черновском лесу, около Ивановских порогов реки Невы. Результаты опытов были вполне удовлетворительны. Престиж наш среди заводских рабочих очень вырос, и даже стали ходить слухи, что наша дружина численностью доходит до нескольких сот человек. Рабочие начали делать сборы на покупку оружия, первые 10 браунингов мы купили в Финляндии в Териоках у хозяина кафе «Товарищ», где в то время собирались русские революционеры.

Летом 1905 года на одном из собраний на Черной речке дружинники Антон Величко и Павлуша Цабо сообщили нам, что Центральный комитет партии большевиков постановил организовывать рабочие дружины и что оружие будет получаться якобы из-за границы. В августе 1905 года наша дружина получила от организации пять винтовок в разобранном виде и пять цинковых ящиков с патронами.

Осенью 1905 года у нас в районе сильно стали расти черносотенные банды. По улицам гарцовали казаки. Наряду с нашей большевистской рабочей дружиной, эсеры организовывали свои боевые группы, прятались, как они выражались, в «глубоком подполье», иногда выскакивали из него, делали никому не нужные выстрелы в сторону удалявшихся казаков, что весьма раздражало их. Нам же они этим очень мешали в работе.

Эсеровские дружинники придумали себе особую форму, которая состояла из черной сатиновой рубахи и широкого кожаного ремня. Щеголяя в таком наряде, они обращали на себя внимание шпиков и полиции, и несмотря на свое «глубокое подполье» к ним в организацию очень легко пробирались провокаторы и тому подобные элементы. Наши

большевистские дружинники внешне ровно ничем не отличались от общей массы рабочих и организация дружин была построена конспиративно.

Мы уже не собирались в проходной завода, полиция почувствовала снова себя сильной, городских вооружили маузерами, но мы задались целью отобрать их у городских.

В сентябре разоружили трех городовиков, отняли у них новенькие с кобурами маузеры. Склад оружия находился в моей квартире по Б. Смоленскому пр., д. № 2. Черная сотня начала наступать на рабочих, избивала при каждом удобном случае, делала обыски в квартирах рабочих и не гнушалась при этом обворовывать их. Мы разделились на группы по охране улиц и на каждый шум сбегались с разных дворов, выручая от налетов черносотенцев наших рабочих.

В мастерских завода на угрозы черносотенцев рабочие говорили: «вот вам покажут наши боевики, разгромят ваши черносотенные гнезда, вместе с вашим штабом». Такой штаб, действительно, имелся у них по Прогонному переулку в доме № 15, в чайной «Тверь». Эти угрозы рабочих были предвестником организованного нападения наших боевых дружин на черносотенные банды.

Черносотенцы бесчинствовали, арестовывали рабочих на самом заводе, их предводитель доктор Дубровин приезжал в район и инструктировал черносотенцев. Наши склады к этому времени обогатились несколькими десятками револьверов и до 50 бомб.

Часть из них доставлялась нам Боевой группой при ЦК, нам для конспирации говорили, что они получены из Финляндии. Были у нас бомбы и своего мастерства, которые имели форму обточенных цилиндров. К этим цилиндрам в медничкой мастерской мы паяли крышки. Начиняли же бомбы в квартирах дружинников — у Павлуши Цабо, у меня и др.

Не все гладко проходило у нас в «лаборатории», однажды, вставляя стеклянный змеевичек, наполненный соляной кислотой, в оболочку бомбы, начиненной мелинитом, один из наших техников почувствовал, что при завертывании трубочка треснула, он сильно побледнел, попросил всех нас из квартиры уйти, но мы только посторонились от него. Сам же он, не теряя самообладания, с большой осторожностью стал отвертывать и вынимать ударник, едва он успел вынуть из оболочки бомбы трубочку, как она развалилась, и кислота благополучно вылилась на пол. Счастливого тогда мы миновали взрыва.

В декабре 1905 года у нас появилось 15 винтовок и к ним 1.000 патронов, а также один винчестер с 120 патронами.

Все это передавалось нам Боевой группой. Нашей боевой работе очень мешали меньшевики, они выступали на заводских собраниях с критикой действий наших дружинников, мотивируя ее тем, что наши выступления мешают делу революции.

В феврале 1906 года Петербургским комитетом в наш район был направлен в качестве организатора боевой подготовки товарищ «Лазарь» (Шкляев). Под его руководством дружины перестроились по военному образцу. У нас с ним происходили практические занятия за Невой в Киновиевском лесу. Они состояли из стрельбы в цель дробью, изредка боевыми патронами, которые дружинники очень берегли; изучали тактику уличного боя, производили упражнения развернутым фронтом, выполняли стрелковые саперные приемы и мн. др. Наши склады при содействии «Лазаря» пополнились трехлинейными винтовками. К концу 1906 года мы имели 236 винтовок, 125 бомб разных систем, 67 револьверов и 5 винчестеров, а также 4 самопала собственного производства. «Лазарь» доставил нам пулемет «Рота». У эсеров пошли большие провалы, не помогало им «глубокое подполье», после их провалов часть оружия досталась нам. Эсерам очень хотелось объединиться с нами на боевой работе, приходили даже к нам их парламентареры, но не нравились они нам, очень уж напыщенно и высокопарно говорили о своих больших планах, о том, как надо расстреливать полицию и пр. На деле же у них ровно ничего не выходило: некоторые из наших рабочих-дружинников, как Вася Сухлеев и Владимир Шелковников, хотели быть примирителями с меньшевиками и эсерами, но успеха не имели. Приезжали к нам большевики-дружинники из других районов — Путиловского, Васильеостровского. От первого был Орлов, от второго — Паршенков Илларион.

После поражения декабрьского московского восстания, у нас были большие принципиальные споры с меньшевиками и эсерами, они пошли на попятную. Стали говорить, что не надо было начинать такой борьбы. Мы же горячо отстаивали необходимость организованно и вооруженной рукой бороться с самодержавием, причем доказывали, что необходимо рабочим еще больше спланироваться и строить сильные организации. Заводские рабочие верили нам, они с первых же дней революции видели, как дружинники, не щадя себя, выступали на защиту их семей, их жилищ и дела всего рабочего класса. Во время забастовок дружинники всегда были в передовых рядах на массовках, по охране собраний, по борьбе с черной сотней и т. п.

Большевики в Невском районе завоевали большинство

рабочих на свою сторону. Наша агитация на заводе среди рабочих масс велась в смысле разъяснения позиции меньшевиков, которая клонилась к тому, чтобы не обострять отношений с буржуазией и делать вместе с нею буржуазную революцию, в которой первое место они отводили либеральной буржуазии.

Но мы рассуждали по своему, например, наш рабочий медницкой мастерской, Григорий Соловьев, попросту говорил: «а что же нам даст богач? Он постарается в революции взять все, что ему выгоднее, воспользуется силами рабочих, а потом отшвырнет их и будет эксплуатировать еще больше. Мы же, рабочие, должны сами добиться лучшей доли, а за нами вместе пойдут бедняки деревень, сел и будут бороться за землю».

Появилась у нас в районе черносотенная литература — листки под редакцией доктора Дубровина, в которых говорилось о борьбе за «веру, царя и отечество», и восхвалялись верные преданные царю люди черных сотен. Распространялась и книженка под названием «Черные миллионы», но рабочие эту литературу не читали. Увидав ее у рабочего Григория Соловьева, которого по-дружески звали «батька Гриша», а жену его «мать Аксинья», у которых мы постоянно находили самый радушный приют, я спросил, зачем он держит у себя эту дрянь. Тот усмехнулся и ответил, что с часу на час ждет разгрома своей квартиры черной сотней и думает, что эта литература заставит их быть немножко потише.

В декабре 1905 года было собрание дружинников, на квартире у О. А. Гржибовской по Палевскому проспекту, решено было разбить штаб черной сотни, находившийся в трактире «Тверь». Поручили мы товарищам Гржибовской и Антону Величко согласовать этот вопрос с районным и Петербургским комитетами и вскоре получили разрешение на разгром черных банд.

Помню после этого все как-то сразу стали более серьезны, вдумчивы и осторожны. Стали все конспиративнее, думали о том, как бы не провалилось задуманное дело. О дне разгрома знали немногие товарищи — Гржибовская, Величко, Метлин, Сухлеев, Галя Кауфман.

В квартире Павлуши Цабо точно договорились о том, как организовать нападение на чайную. Насколько я помню, бросить бомбы в черносотенный штаб должны были дружинники Смирнов и Григорьев, остальным было поручено прикрыть отступление и после взрыва бить черную банду нещадно.

Я должен был проверить все окружные дворы, нет ли там

засады черной сотни или полиции. Каково же было мое удивление, когда я во время этой проверки находил наших дружинников, которые сами пришли на помощь организаторам.

Как после оказалось, каждый, кто знал о дне разгрома, сказал самым ближайшим своим товарищам дружинникам-рабочим, и те, попрятавшись во дворах, решили в нужный момент оказать помощь главным организаторам этого выступления. Таким образом оказалось, что весь Прогонный переулок был как бы начинен нашими дружинниками. Не дали бы они в обиду в случае, если бы дело сорвалось и с нами началась расправа. Ровно в 9 часов Сухлеев, идя мне навстречу по переулку, тихо спросил: «все ли готово?» Я ответил, что все сделано, но необходимо спешить, так как одна большая группа черносотенцев уже вышла из чайной «Тверь».

Имея при себе револьвер, я встал неподалеку от чайной и смотрел за всем происходящим. Решено было, в случае необходимости, отступать по проходному двору дома Буса, который вел на Озерный пер. Послышались взрывы, взорвались две бомбы, брошенные в окно «Твери». Потухли огни, лишь освещал фонарь, находящийся против чайной. Вскоре стали оттуда с криком выбегать черносотенцы, но навстречу им затрещали выстрелы наших дружинников. Не прошло и нескольких минут, как наши дружинники по своим намеченным путям скрылись после нападения. Как мне помнится, в результате этого нападения было двое убитых и 15 раненых черносотенцев. С нашей стороны совершенно не было пострадавших. Но в отместку нам за это нападение, несколько оправившись, черносотенцы избивали всех рабочих, попадавших на улице.

Наши рабочие, услышав о взрыве, приняли все меры предосторожности, многие из них не ночевали дома. На другой день, когда я рано утром пришел домой, мать мне рассказала, что поздно ночью ворвалась к нам в квартиру пьяная черная банда и с криком требовала у матери, чтобы она указала, где я нахожусь. А на заводе в мастерской среди революционно настроенных рабочих было ликование. Весело говорили о разгроме черных банд и строили планы, как надо окончательно добить ненавистных погромщиков, так как оказалось, что в вечер нападения на «Тверь» главарей там не было.

Похороны черносотенцев сопровождалась охраной полиции. За гробом шла администрация завода и представители военных чинов, во главе с доктором Дубровиным. Рабочие, попадавшие навстречу этой черносотенной процессии,

спешили удалиться в улицы и переулки. В тот же день вечером по всей заставе раз'езжали патрули казаков, полицейей видимо, что-то подготавливалось. Наши же дружинники группировались по несколько человек в квартирах товарищей, но в своих собственных они не показывались, таких конспиративных квартир было у нас вполне достаточно, потому что тысячи рабочих были с нами и за нас и оказывали нам всяческую помощь. Наши дружинники решили проучить казаков: по вечерам дружинники перегораживали темные переулки толстой проволокой и дождавшись момента, когда поблизости появлялись казаки, производили выстрелы, или кидали небольшую бертолетовую бомбу, казаки карьером неслись на выстрелы, лошади спотыкались о проволоку, падали, сваливая и казаков. Нам это блестяще удалось проделывать несколько раз, после чего у казаков видимо стала пропадать охота гоняться за нами.

Нам нужно было спешить с окончательным разгромом черной сотни. В конце апреля 1906 года был убит дружинниками на заводе главарь черной сотни, а 1 мая был также убит нашим дружинником его помощник.

Значительно позднее один из этих дружинников Павлуша Шульман был арестован, заключен в тюрьму «Кресты» и умер в тюремной больнице осенью 1907 года.

В то же время наши дружинники отобрали фотографию, на которой были изображены 150 черносотенцев с револьверами в руках. По этой карточке дружинники на заводах и фабриках стали опознавать черносотенцев, избивали их основательно, отбирали у них револьверы и их значки с Георгием победоносцем. Видимо допекли их изрядно, так как погромы стали утихать и даже начались на заводе раскаяния черносотенцев.

Так боевая дружина большевиков к концу 1906 года окончательно ликвидировала в районе Невской заставы черносотенные банды.

Победа наших дружинников произвела большое впечатление и в других районах Питера¹). К нам пришли из района

¹ Состав боевой дружины района Невской заставы 1905—1906 годов:

1. Шкляев А. С., «Лазарь», инструктор боевой дружины. (Был член Всесоюзного О-ва старых большевиков, умер в августе 1933 г.).
2. Кауфман Галя, секретарь подрайона
3. Русецкий Алеша — рабочий.
4. В. Сухлеев — рабочий. Освобожден был в 1917 г. из каторжной владимирской тюрьмы, умер в 1919 г. от туберкулеза.
5. Панфилов Вася, «Ястреб», был убит на Урале в отряде Лбоза.
6. Шелковников В. — рабочий.

Васильевского острова Паршенков, Лудников Михаил и др. и стали с нами советоваться, как повести борьбу с черной сотней в других районах. Иногда предлагались такие планы, которые «Лазарь» решительно отклонял, потому что они не имели прямого отношения к нашим боевым задачам.

Проникала в наши ряды и провокация, были такие случаи, что после первого ареста под давлением жандармов кое-кто стал выдавать. Вот по такому-то доносу в январе 1907 года ко мне явилась полиция. У меня тогда хранилось оружие и бомбы, запрятано все было очень хорошо, да и моя мать так ловко держалась при обыске, что полиция ушла ни с чем. А рано утром мы очистили всю нашу квартиру, после чего через несколько часов явилась снова полиция и стала искать именно в тех местах, где незадолго до того было спрятано оружие, ломали полы, шарили повсюду, конечно, ничего не нашли. Я был арестован и вскоре выслан из Питера.

В январе 1908 г. я снова попался в лапы жандармов, тут они мне напомнили мои боевые дела, основательно избив меня. Я просидел в Выборгской тюрьме «Крестах» около года и был сослан в Туруханский край на 4 года.

А. Зарубкин («Шуранька»)

7. Поляков Н. — рабочий, в настоящее время заведует ФЗУ на заводе им. Ленина в Ленинграде.
8. Немчинов — рабочий, в конце 1906 г. эмигрировал в Америку.
9. Гребнев Н. — рабочий.
10. Цуккер — рабочий.
11. Острейко Людвиг — рабочий.
12. Калашников Вася — рабочий, член О-ва политкаторжан.
13. Гордеев Н. — рабочий.
14. Яковлев Андрей — рабочий, погиб в Сибири.
15. Панцерный Ваня — рабочий, расстрелян чехо-словаками.
16. Успенский Г. — рабочий.
17. Александров Иван, «Сивка-Бурка», — рабочий, умер в «Крестах» 1908 г.
18. Шульман Павлуша — рабочий, умер в «Крестах».
19. Гржибовская Ольга Антоновна — умерла в Петербурге в тюрьме предварительного заключения в 1908 г.
20. Зарубкин А. — рабочий, член ВОСБ.
21. Антон Величко — рабочий.
22. Ваня «Охтенский» — убит стражниками на Урале в 1907 г.
23. Николаев Андрей, «Сынок», — рабочий, член ВКП(б).
24. Митрофанов М. — рабочий завода им. Ленина, член ВКП(б).
25. Паршенков Илларион — рабочий, в 1908 г. был арестован и казнен.
26. Смирнов — рабочий.
27. Григорьев Н. — рабочий.
28. Данилов М. Г. — член ВОСБ, работает в Ленинграде.
29. Стальфот — рабочий, казнен в 1906 г. за хранение бомб в Петербурге.
30. «Софья Сергеевна».
31. Михайлов — рабочий.

ИЗ ИСТОРИИ БОЕВОЙ ТЕХНИКИ. ШКОЛА В КУОККАЛА ¹⁾

Петербургская организация с.-д. большевиков в начале 1907 года постановила создать инструкторскую школу, вопрос о чем поднимался и обсуждался на таммерфорсской конференции военных и боевых организаций в ноябре 1906 года ²⁾. Хотя в Петербурге еще до конференции существовала Центральная инструкторская школа ³⁾, но конспиративные условия занятий, проводимых в стенах различных высших учебных заведений, их теоретичность не могли удовлетворить углубленным запросам революционных рабочих, и являлась настоятельная потребность изучить всесторонне искусство борьбы с самодержавием. Постановлено было устроить школу-лабораторию, которая помогла бы и практической подготовке к разрешению этой задачи ⁴⁾. Полной истории этой школы написать еще нельзя, так как еще нет исчерпывающих материалов, имеются лишь краткие воспоминания, сообщения буржуазных газет и архивные документы — след судопроизводства.

¹⁾ При составлении этого очерка были использованы устные воспоминания участников, газеты и материалы Ленинградского отделения Центрального исторического архива (бывш. д. п. при спб. ГЖУ, дело № 699 «О группе лиц: Чесском, Неймане и др.») 1909 г. и дело бывш. спб. военно-окружного суда «О сыне пастора, б. студенте Альфреде-Неймане, ремесленнике Якове Линде и др. в числе 12 чел. 1909 г.» (3 тома).

²⁾ «Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП 1906 г.». Изд. ИМЭЛ. 1932 г. Под ред. Ем. Ярославского. Подготовила к печати С. Познер.

³⁾ См. воспоминания Булле.

⁴⁾ В материалах Выборгского суда над боевиками инструкторской школы имеются следующие данные:

«... Программа практических занятий в лаборатории петербургской боевой организации по теории взрывчатых веществ и разрывных метательных снарядов» и «резолуция руководящей технической коллегии при петербургской боевой организации», из которых в первой, принадлежащей Альфреду Нейману, развивалась идея применения взрывчатых веществ в революционной борьбе, а в принадлежащей Александру Чесскому «резолуции руководящей технической коллегии при петербургской боевой организации» указывалось, на то, что задачи технической коллегии заключаются в ознакомлении революционных дружин с основами взрывчатой техники, в создании кадров специалистов по различным отраслям революционно-технических знаний и в своевременном заготовлении и разработке технического материала для надвигающегося вооруженного восстания. И делался вывод, что для осуществления этих задач следует организовать лекции, практические занятия по различным отделам революционной техники, устраивать специальные лаборатории, а также своевременно заготавливать и

К этому последнему материалу приходится подходить с большой критикой, так как все газетные сообщения делались в расчете на царскую цензуру, показания обвиняемых давались в обстановке царской охранки, царского судопроизводства, военный суд происходил при закрытых дверях.

Однако, принимая во внимание все отрицательные стороны этого материала, все же из него до некоторой степени выявляется облик партийной боевой школы.

В феврале 1907 года петербургские с.-д. боевики приступили к организации инструкторской школы-лаборатории. Организация лаборатории, по сведениям одного из участников школы, была поручена Чесскому. За непосредственное оборудование этого сложного и опасного дела взялись студенты-химики Александр Чесский («Шурка») и Альфред Нейман («Альфред»). Первый, несмотря на свои 22 года, имел уже опыт революционной боевой работы: в Москве в 1905 году он обучал дружинников снаряжению бомб и обращению с разрывными снарядами, сам принимал участие в московском восстании, бежал из московской пересыльной тюрьмы летом 1906 года и, перейдя на нелегальное положение, продолжал свою работу в петербургской боевой организации ¹⁾.

В революционной среде Чесский был известен как специалист по химии взрывчатых веществ. Альфред Нейман, хотя и числился студентом юридического факультета Петербургского университета, тоже специально изучал химию.

Местом действия нелегальной школы-лаборатории была избрана Финляндия, исходя из тех соображений, что вся обстановка в ней будет более благоприятная: вдали от бдительности петербургской охранки, дворников и пр., тем более, что финские социал-демократы, среди которых были и местные полицейские, относились сочувственно к предприятиям русских с.-д. У организаторов был расчет вообще на более свободные политические условия в Финляндии для такого предприятия.

Нанята была дача в Куоккала, первыми на даче поселились Чесский и Парамонова ²⁾, прописались они как муж и жена по какому-то фальшивому паспорту. В середине марта

целесообразно распределять взрывчатые материалы по наиболее важным в революционно-техническом отношении пунктам.

(Московский архив Революции и Внешней политики, из дела № 699, 1913 г.).

¹⁾ См. книгу «Первая конференция боевых организаций РСДРП, ноябрь, 1906 г.» под ред. Ем. Ярославского. Подготовила к печати С. Познер. Издание ИМЭЛ. 1932 г., стр. 337.

²⁾ Состоит членом О-ва старых большевиков.

переехал к ним и Нейман, чтобы быстрее двинуть дело оборудования лаборатории. Привезены необходимые материалы из Гельсингфорса и Выборга для устройства лаборатории, и школа для подготовки инструкторов боевого дела начинает функционировать в марте 1907 года. «Перед началом занятий в Куоккала, — сообщает один из участников, — школу посетил «Артем» и, так сказать, инструктировал ее. Другим лицом, навестившим школу и также принимавшим участие в ее делах, был болгарский офицер».

Руководителями и преподавателями школы являются те же А. Чесский и А. Нейман, слушатели — питерские рабочие, боевики, латыши с.-д., бежавшие от преследований карательных экспедиций в Прибалтийском крае. Состав слушателей меняется; одни приезжают, другие уезжают¹⁾.

«Первая группа дружинников в составе 15 человек, — по словам одного из участников школы — приехала в первой половине апреля. Занятия начались со дня их приезда и пошли усиленным темпом».

Из показаний рабочего-слушателя на допросе узнаем, что школа, перебравшаяся вскоре из Куоккала в деревню Хаапала, занимала дачу из четырех комнат, кухни, балкона и сада. Две комнаты были спальни, одна — столовая и одна — лаборатория. Обстановка лаборатории незатейливая: небольшая угловая комната в два окна, с дверью, выходящей в спальню; в одном углу печь, вытяжной стеклянный шкаф, труба которого соединена с дымоходом, две корзины, стул, два стола, на одном из которых стояли весы, две полочки.

¹⁾ Руководители и организаторы: Чесский, Александр Федорович, бывш. студент Московского университета, род. в 1885 г.; Нейман, Альфред Адольфович, бывш. студент Петербургского университета, род. в 1881 г.; слушатели школы: Андреев, Александр Сергеевич, рабочий, род. в 1883 г.; Иост Иван Андреевич, из крестьян Курляндской губ., род. в 1889 г. (принимал участие в революционном движении Прибалтийского края); Линд, Яков Яковлевич, рабочий, род. в 1886 г.; Лодин, Карл Александрович, рабочий, род. в 1887 г., привлекался в Риге, был приговорен к смертной казни. Михайлов, Андрей Михайлович, рабочий, род. в 1886 г.; Масленников, Михаил Дмитриевич, рабочий, род. в 1883 г.; Самейт, Мартин Андреевич из крестьян Курляндской губ., род. в 1887 г.; Суворов, Александр Прокофьевич, рабочий; Курочкин, Григорий Павлович, рабочий, род. в 1888 г.; Простаков, Алексей Александрович, рабочий, род. в 1887 г.; Мекси, Александр Янович, из крестьян, землемер, род. в 1888 г.; Иванов, Константин, из крестьян, род. в 1889 г.; Парамонова, Анна Никитична, из мещан, род. в 1875 г.; Ансберг, Александр Адамович, крестьянин (не был привлечен, ему удалось скрыться).

В список вошли только те, кто привлекался по этому делу, из основных участников выяснена фамилия Бублеева Мих. Ив.

В дальнейших показаниях рабочего имеется такое описание: «На столах и шкафчиках и также на полочках находились разные скляночки с какими-то жидкостями, трубочки стеклянные и резиновые, бумажные картузы с разными порошками и взрывчатыми смесями и тому подобное. Что лежало в корзинах, неизвестно. На столике лежал лист бумаги, на котором чернилами написано: «В лаборатории ни до чего не дотрагиваться». На этом же столике я видел одну резиновую перчатку, но для какой цели она предназначалась, не знаю. В столовой видел оболочки для бомб, лежали на полу; сколько было, я не помню, но, кажется, около пяти штук. В других комнатах ничего не заметил, кроме мебели. На террасе, вход в которую был из кухни (балкон), были поставлены в углу снаряженные при нас Александром бомбы...».

Была и программа занятий, она была выработана Чесским. По словам ее участника, «еще до приезда дружинников была произведена практическая проработка ее, и вся лаборатория приспособлена для групповых занятий». Даже по той ее «общей части», что сохранилась в архивных делах, видно, как продуманно брались за это дело ее устроители. Программа рассчитана для «практических занятий по теории взрывчатых веществ и разрывных метательных снарядов», — изучалось то оружие, которым масса успешнее всего могла вести борьбу при вооруженном восстании¹⁾.

По материалам архива нельзя проследить того, как проводилась эта программа, но некоторые показания слушателей дают возможность судить о характере бесед на занятиях в школе. Вот, например, молодой рабочий Константин Иванов говорит: «На другой день по приезде в школу нам объявил «Александр» (Чесский), что время терять нечего, нужно заниматься, и что мы должны быть подготовлены к руководству другими во время вооруженного восстания, и что поэтому нам необходимо уметь хорошо владеть оружием, делать бомбы и готовить взрывчатые вещества. Благодаря этому знанию мы можем послужить народу тем, что можем в случае необходимости уничтожить тех лиц, которые мешают революции во время вооруженного восстания, успешно бороться с войсками. Он, «Александр», нам также объяснял, что убийством отдельных лиц не во время вооруженного восстания занимаются анархисты, а что боевая организация предназначена исключительно для действий вооруженного восстания».

Обилие заметок, чертежей и записей по теории и практи-

¹⁾ См. программу в приложении.

ке применения взрывчатых веществ, большое разнообразие состава взрывчатых веществ, изготавливаемых в школе-лаборатории, характер литературы, взятой при обыске («Протоколы первой конференции военных и боевых организаций РСДРП, состоявшейся в ноябре 1906 г.», «Минное дело», «Минные работы и минная война», «Основы техники взрывчатых веществ», «Лабораторная техника» Е. А. Гоппиуса¹⁾ и др.) свидетельствуют о серьезности подхода к делу, где каждую минуту надо было ждать перехода от опытов в лаборатории, лекций по теории борьбы к самой непосредственной вооруженной схватке с полицией. Но эта сложность обстановки не смущала молодых борцов революцией и только побуждала, не теряя времени, напряженно работать.

Из показаний мы узнаем, что лекции начинались в 9—10 часов утра и с небольшим перерывом на обед и отдых продолжались часов до 11 вечера. Незатейливая обстановка и питание: чай и обед из супа и каши, сон на полу на соломе (хозяйственная сторона организации также упрощена, одна женщина занималась этим делом). Таков был обиход слушателей нелегальной школы. Все время отдавалось занятиям. Число слушателей доходило до 30 человек.

Они старательно вели записи лекций, и перечень «вещественных доказательств» подсудимых пестрит заметками о свойствах различных взрывчатых веществ, их действии и пр.

Вот какие заметки имеются в записной книжке одного слушателя-рабочего: «...При настоящей системе бомб следует отмечать следующий факт, что в момент вооруженного восстания они сыграют громадную роль, ибо своей несложностью, дроблением, т.е. разрушительностью,—и далее идет запись.—Для успешного проведения революции до конца, т.е. вооруженного восстания так, чтобы нанести серьезные

¹⁾ Гоппиус, Евгений Александрович, по образованию инженер-механик (Московского высшего технического училища), практиковал как инженер, потом перешел на научную работу в качестве лаборанта физического института Московского университета к профессору Лебедеву. По предложению московского с.-д. военно-технического бюро работал по технике взрывчатых веществ, главным образом вел исследовательскую работу по механизму ударных бомб. Той же организацией ему было предложено написать руководство по взрывчатой технике. Этой книгой пользовались конспиративные лаборатории. Е. Гоппиус ни к какой партии не принадлежал, считая себя анархистом-индивидуалистом, но работал с большевиками. В 1917 году вошел в ряды ВКП(б), вел работу по группе силикатной промышленности в союзе химиков, затем работал в отделе снабжения Московского совета, который потом превратился в Областной совет народного хозяйства. В период гражданской войны работал в качестве комиссара технической обороны. Умер в 1919 году, заразившись на фронте сыпным тифом.

поражения врагу, не следует забывать того факта, что при большой энергии сопротивления моральное действие можно нанести в армию фугасами и взрывчатыми веществами, т.е. бомбами. Безоружный народ и не подготовленный к изучению технически владеть оружием, метать снаряды, начинать соответствующим материалом, (то) положение безоружного народа будет самое плачевное, ибо переход армии на сторону народа не может быть обеспечен, потому что сознательность армии не такова, чтобы взять на себя инициативу вести народ за собой. Руководящую роль в революции должна взять партия, как таковая, и приготовить кадры партийных дружинников, которые, взяв на себя роль дезорганизации правительственной армии, могли бы выполнить ее с успехом».)

Часть занятий этой школы, где не требовалось специальной лабораторной подготовки, происходила попрежнему в Петербурге. Такие занятия практиковались в здании «Вольной высшей школы» П. Ф. Лесгафта, где молодежь чувствовала себя огражденной от полицейских наблюдений. Там в одной из аудиторий читались лекции по сборке и разборке револьверов, давались инструкции по обращению с огнестрельным оружием. Там Нейман и Чесский знакомились и привлекали новых людей. Число таких слушателей в аудитории достигало 25 человек. Эти же слушатели приезжали в Куоккала, где происходили практические упражнения в стрельбе и где, видимо, многие из них слушали лекции о взрывчатых веществах. Как ни широка была программа высшей школы известного профессора Петра Францевича Лесгафта, но все же в нее не входил курс лекций по огнестрельному оружию и соц.-дем. программе. Члены БО примостились в ней потому, что там революционные организации находили себе широкий и верный приют. Такие же лекции, по словам арестованных рабочих, велись и в Горном институте. У революционной молодежи того времени были излюбленные высшие учебные заведения, где ее не тревожили, где она могла налаживать свои конспиративные дела; лучшим пристанищем для этих целей всегда были курсы Лесгафта²⁾.

¹⁾ Ленинградское отделение Центрального исторического архива. Дело 699. «Дознание, произведенное при с.-петербургском губернском жандармском управлении. Том. I. О группе лиц: Чесском, Неймане и др.»).

²⁾ Основатель и директор «Высшей вольной школы» профессор П. Ф. Лесгафт, относившийся с большим сочувствием к революционной учащейся молодежи, не препятствовал ей широко использовать помещение школы для нужд революции. В налаживании конспиративных дел большое участие принимала Селима Марковна Познер, бывшая в то время помощником директора «Высшей вольной школы».

Надежды организаторов лаборатории на благоприятную обстановку в Финляндии не оправдались. Вскоре злосчастный случай с пролитой азотной кислотой¹⁾ и поранением Ансберга и еще одного участника школы при разряжении револьвера заставил Чесского и Неймана искать другое помещение, тем более, что рекомендованный им финскими с.-д. хозяин дачи просил их покинуть ее. Чесский ездил в Питер для согласования этого вопроса с питерской организацией. Пришлось временно прекратить работу в лаборатории, спрятать все имущество и искать нового помещения.

Оно было найдено в деревне Хаапала, у русской границы, в 6 километрах к северу от станции Куоккала. Руководство лабораторией перешло к Альфреду Нейману, характер занятий несколько изменился; «занятия велись, — по показаниям Чесского, — исключительно по химии взрывчатых веществ, и приезжало туда большое число желавших получить сведения в этой области». Сам Чесский не прекращал занятий со слушателями. Дело опять наладилось. Но стали появляться дурные симптомы, окрестные жители подозрительно поглядывали на таинственную дачу и ее обитателей.

Второго мая пять человек из числа обучавшихся: Кульпе (Остель), Андреев, Лодин, Самейт — «Ульпе» и еще один, которому потом удалось скрыться, отправились за реку Сестру для практической стрельбы. По оплошности перейдя пограничную линию, они натолкнулись на стражника-солдата, тот велел им идти на пост, они просили солдата их отпустить, предлагая за это пять рублей, но он настаивал на своем и взялся за оружие; тогда все отправились за солдатом. Шли гуськом по узкой тропинке, и, быстро сговорившись по-латышски, Остель-Кульпе, обернувшись, выстрелил и ранил солдата; началась перестрелка, и солдат был убит. Когда они вернулись на дачу в Хаапала и рассказали о происшедшем, решено было покинуть ее тем, у кого не было оружия, остальные одиннадцать человек, как передают документы, «по настоянию Чесского и Неймана, решили остаться и защищать лабораторию, на случай появления русской полиции».

О мотивах, руководивших ими в таких тяжелых обстоятельствах, один из участников говорит следующее: «Жуткий, тревожный вечер провели мы в эти последние моменты нашего пребывания на даче. Уйти всем, оставить следы нашей лаборатории было бы позорным провалом. Для нас психологически было невозможно, бросив все дело, разбе-

¹⁾ Который теперь приписывается махинациям провокатора Бродского, пробравшегося в школу как инструктор Нарвского района.

жаться. Казалось, что есть еще возможность спасти лабораторию».

Русскую полицию решают встретить боем. «Если бы русские власти появились в эту ночь, — говорит тот же участник, — она была бы кровавой, так как мы решили пробиться через окружение с боем. Намечалось, кто и куда может вынести с собой с наступлением дня оборудование лаборатории и все могущее скомпрометировать квартиру. Предполагалось также запакованные ящики закопать в лесу». При появлении финской полиции Чесский отдает приказание не оказывать вооруженного сопротивления, считая политически необходимым проявить лояльность по отношению к финским властям. «Мы понимали, — передает участник школы, — что в Финляндии проживает нелегально много русских товарищей и не рашались обострять отношения с нею. Уже после ареста нами было установлено, что попытка предупредить нас со стороны наших людей в финской полиции о предстоящем аресте была сделана, но недостаточно настойчиво».

Не одна только финская полиция и хозяин дачи участвовали в выдаче русских с.-д., как это рисуют архивные документы. Русская охранка давно уже ходила вокруг да около конспиративной школы, и провокатор Бродский¹⁾ всячески старался проникнуть в нее. Когда же ему удалось это сделать, он выбрал наиболее благоприятный момент и выдал всех.

Арестованных 16 мая (нового стиля) в деревне Хаапала членов боевой организации отвозят в Выборг. В июле 1907 года начинается слушание дела в финском суде. Суд предъявил обвинение в том, что под руководством Неймана и Чес-

¹⁾ Вот что сам о себе по этому поводу пишет Бродский: «В конце 1906 г., по совету Л. Меньшикова, я переехал в С.-Петербург и поступил на жалованье сотрудником с.-петербургского охранного отделения. Я жил в столице, несмотря на то, что мне жительство в ней, как состоящему под надзором полиции, было воспрещено. Мне было поручено ротм. Лукьяновым и ротм. Еленским войти в боевую организацию Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и даны соответствующие указания. Во время моего сотрудничества, по поручению охранного отделения, я предложил революционерам свою квартиру, как склад для их печатных изданий и оружия. Я переписывал номера и марки приносимого ко мне оружия и раньше, чем возвратить его революционерам, я сообщал эти списки охранному отделению через ротм. Еленского, с которым был в прямых сношениях. Исполняя приказание генерала Герасимова, я ездил в качестве слушателя в школу для изготовления разрывных снарядов в Куоккала и принимал участие в некоторых собраниях революционных организаций». Ленинградское отделение Центрального исторического архива. Дело д. п., № 702, т. III, 1906 г., № 1—18. «Будущее» (выписка из газеты, № 1, 1911 г.).

ского все подсудимые занимались исследованием свойств взрывчатых веществ, изучали приготовление этих веществ и разрывных снарядов, в некотором количестве изготовлялись эти вещества для того, чтобы подготовиться «к изменению существующего в империи государственного строя». Суд велся под большим давлением русских властей, которые, боясь упустить из своих рук столь «важных преступников», и якобы на законном основании требовали их выдачи России. Но в 1907 году в Финляндии еще царил либеральное настроение, финская буржуазия и судьи, видимо, сами ничего не имевшие против «изменения государственного строя в империи», оттягивали и затягивали всю процедуру суда. Подсудимые, члены боевой организации, на финском суде все еще верили, что из рук финских властей им удастся так или иначе вырваться на волю. Все они на суде отрицали свою принадлежность к боевой организации и существование лаборатории объясняли желанием заниматься «научной химией» в более свободной стране, чем Россия, где не мешали бы их работам. Во всем процессе, длившемся полгода, активнейшую роль играл Александр Чесский. Он доказывал суду неправильность оценки и непонимание казенным экспертом всей той химии и тех опытов, какими занимались в лаборатории. Доказывал он научность постановки всего дела с такой убедительностью, с таким знанием вопроса, так блестяще обнаруживал свои познания в области химии, наизусть цитируя Менделеева, Вагнера, Бертело, энциклопедию Брокгауза и других авторов, что смутил своих судей, и прокурор, усомнившись в познаниях казенного эксперта, спросил последнего, где он учился сам химии, на что тот пригрозил ответить на этот вопрос в отсутствии подсудимых. После прерыва заседания прокурор больше «не сомневался» в познаниях эксперта. Длинные заявления Чесского, которые он писал по поводу каждого возражения эксперта, переводились на финский язык и затягивали судопроизводство. Все петербургские буржуазные газеты давали отчеты о заседаниях, — в одних проскальзывало слабое сочувствие «бомбистам», в других выражалось нетерпение по поводу затяжки процесса. «Новое время» злобно высказывало предположение, что процесс будет продолжаться до тех пор, пока в Финляндии останется хоть одна писчебумажная фабрика, а следовательно процесс будет длиться «ad infinitum»¹⁾ (до бесконечности).

Русское правительство тоже в нетерпении со всех сторон напирало на финский суд, настоятельно требуя выдачи подсудимых.

¹⁾ «Новое время», 22/IX 1907 г.

Вверху слева направо: рабочий Андреев и финские тюремщики (фотографический снимок сделан в Выборгской тюрьме). Справа: А. Ф. Чесский. Внизу слева направо: рабочий Маслянников, Карл Лодии и Яков Линд.

Петербургская охранка не упускала из виду своих жертв, и когда петербургская боевая организация стала готовить побег обвиняемых, когда значительная часть организации этого дела была выполнена, в руководство делом освобождения от Петербургской с.-д. организации пролез провокатор Бродский ¹⁾).

Все дело было провалено. Процесс подходил к концу. Чесский и Нейман выгораживали друг друга и всех остальных товарищей, беря всю вину на себя. Под давлением охранки финский суд отягчает положение подсудимых, их доставляют в помещение суда в тесных фурах-ящиках, окрашенных в черный цвет, со скованными руками ²⁾). Уверенность подсудимых в благоприятном исходе процесса, видимо, падает. Александр Чесский заявляет суду, что он — революционер и просит передать его русским властям, а остальных освободить ³⁾). Финский суд приговаривает Альфреда Неймана к заключению в смирительном доме на три года и три месяца, Суворова, Михайлова, Иоста, Остеля, Самейт, Андреева, Масленникова, Линда, Лодина — первых двух на один год девять месяцев, остальных — на два года, а также к лишению «доверия сограждан на три года» и «уплате судебных и за ведение дела издержек». Чесского суд постановил выдать имперским властям, как ранее привлекавшегося московским окружным судом, в выдаче остальных отказал. Но этот жест финских либеральных судей был так короток, что в результате и Чесский и все остальные были переданы русскому правительству и отправлены в Петербург. Первый под предлогом того, что дело о нем в «империи» было возбуждено раньше, чем в Финляндии, а остальные — для дальнейшего следствия над ними с тем условием, чтобы после окончания его они были возвращены в Финляндию. Выдав всех России, финский либеральный суд разными оговорками старался показать свою якобы независимость. 14 июня 1908 г. был привезен из Выборга в Петербург Чесский

¹⁾ См. воспоминания «Гришки» (Салнынь) и ленинградское отделение Центрального исторического архива (дело д. п., № 3021, 1907 г.), в котором имеется следующая телеграмма:

«Гельсингфорс, генерал-губернатору.

По имеющимся сведениям, Центральный комитет социал-демократической партии озабочен освобождением из выборгской тюрьмы арестованных по делу лаборатории в Хаапала лиц, главным образом, Неймана и Чесского. Прошу не отказать в принятии мер предупреждения.

За министра внутренних дел Макаров.

№ 729, 8 марта 1908 г. По уполномочию Виссарионов».

²⁾ «Новое время», 1/XII 1907 г.

³⁾ См. «Речь», 1/XII 1907 г.

и заключен в Петропавловскую крепость. 26 июня того же года Нейман и другие тоже были привезены и посажены в тюрьму.

Для возвращенных в Россию слушателей и преподавателей с.-д. боевой школы начались новые долгие и тяжелые мытарства по тюрьмам, судам и допросам.

После долгих ожиданий, добравшись, наконец, до важных «преступников», петербургские власти, несмотря на следственный и судебный материал, полученный от финского суда, повели дело заново и широко. Начались новые аресты, обыски, преследования. Привлекали по этому делу новых лиц, вызывали свидетелей, пересматривали метрические записи о каждом обвиняемом, начались долгие затяжные допросы. В процессе жандармских «дознаний» возникали попутно и новые дела и обнаруживались старые. Дело об Александре Чесском, к которому так устремлялись петербургские и московские полицейские и судебные власти, было выделено, и он был отделен от своих товарищей, которых так мужественно защищал во все время Выборгского процесса. Он остался один. Пока петербургские и московские жандармы переписывались по его делу, Чесский, сидя в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, заболел психическим расстройством. Он отказывался от пищи, потом совсем перестал ее принимать, силы его падали. Тюремные врачи уже в середине июля 1908 года извещали свое начальство о тяжелом состоянии заключенного, а судебные власти продолжали вести дело своим порядком. 9 октября 1908 года Чесскому был прислан московской судебной палатой обвинительный акт (по 51 и 2 ч. 102 ст. уг. ул.), а в тех же числах тюремный врач сообщал о прогрессирующем развитии болезни Чесского. В декабре 1908 года судебные власти требуют его перевода в московскую тюрьму, а в июле 1909 г. прокурор петербургской судебной палаты извещал петербургское жандармское управление о прекращении дела Александра Чесского за его смертью.

Мытарства по русским судам и тюрьмам для Чесского были окончены.

В Петербурге к делу об инструкторской школе и лаборатории было привлечено еще девять человек, и в результате жандармского судебного разбирательства, длившегося больше года, создалось еще несколько дел.

Также было выделено дело Карла Лодина, арестованного вместе со всеми в деревне Хаапала и выданного финским судом русскому правительству. В результате пересмотра и расследования его дела (сам он отказался давать показания),

вошел в силу приговор рижского временного военного суда о смертной казни через повешение¹⁾.

Ян Кульпе (Адам Остель) вместе с Мартином Самейтом судились петербургским военно-окружным судом за убийство стражника 2 мая 1907 г., при чем Самейт вследствие недоказанности его участия в убийстве был оправдан, а Ян Кульпе приговорен к смертной казни через повешение, которая была ему заменена, вследствие несовершеннолетия, бессрочной ссылкой в каторжные работы²⁾.

Рабочие Григорий Курочкин³⁾ и Алексей Простаков приговором спб. судебной палаты (от 4 апреля 1908 г.) за хранение взрывчатых веществ были приговорены к трем годам тюремного заключения, при чем первый вторично привлекался по делу петербургской боевой организации РСДРП.

Обвиняемый Мекси был также дважды судим петербургским окружным судом (8 мая 1909 г.) и приговорен к каторжным работам на 4 года, и, наконец, группа из одиннадцати человек — Нейман, Линд, Константин Иванов, Иост, Курочкин, Михайлов, Масленников, Мекси, Самейт, Андреев и Парамонова, обвинявшиеся в принадлежности к «Боевой организации при СПб Комитете РСДРП», поставившей «целью своих деяний» путем вооруженного восстания и террористических актов «изменить существующий в России образ правления, заменив его демократической республикой», 16 июня (3/VI) 1909 г. были приговорены: Нейман — к ссылке в каторжные работы на 6 лет, Иост — на 4 года. Михайлов, Масленников, Самейт, Линд, Андреев — к ссылке на поселение на 4 года; Курочкин — к 4 годам каторжных работ (при этом было постановлено считать приговор Выборгского гофгерихта не поглощенным приговором военно-окружного суда); обвиняемые Иванов Константин — к ссылке на поселение и Парамонова — к 3 годам тюрьмы, с зачетом предварительного заключения⁴⁾.

¹⁾ Ленинградское отделение Центрального исторического архива. (Дело спб. военного окружного суда «О сыне пастора, б. студенте Альфреде Неймане, ремесленнике Якове Линде и др. в числе 12 чел.». № 93, 1909 г.).

²⁾ См. то же дело.

³⁾ У Курочкина при обыске была найдена маленькая химическая лаборатория взрывчатых веществ, и связь его с инструкторской школой в Куоккала была установлена.

⁴⁾ Первоначальный приговор был еще более суров: так, Нейман и Иост были присуждены к 9 годам каторги, Мекси и Курочкин — к 6 годам каторги; остальные — к 4 годам, затем сроки тем из них, которые имели к моменту ареста меньше 21 года, были несколько сокращены и после конфирмации приговора 13 июня 1909 г. были даны те сроки, о которых говорится выше. (Ленинградское отделение Центрального исторического архива. Дело спб. военно-окружного суда. Приговор № 99, 1909 г.).

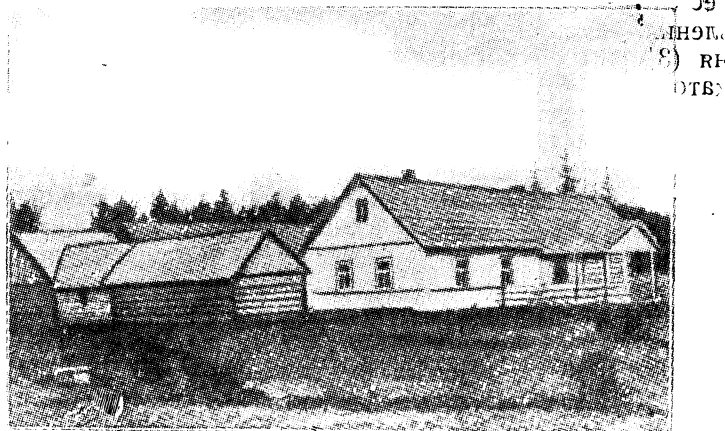
Несмотря на тяжкий приговор и предварительно двух-летнее заключение в тюрьмах, на психические заболевания (Суворов, Иванов), только двое из обвиняемых были сломлены в этой долгой борьбе и подали прошение о смягчении своей участи, но один из этих нестойких оказался психически больным.

Царское правительство судило их при закрытых дверях; большинство отказывалось давать дальнейшие показания русским жандармам. Суду не удалось обнаружить всей боевой организации Петербургского с.-д. комитета в целом. Суд не услышал ни от Чесского, ни от Неймана, судимого дважды, кто стоял за ними, из кого состояла вся боевая организация.

Царизм торжествовал свою победу над революцией. Был 1909 год. Глубокая реакция охватила Россию.

О

С. Познер

Домик в Финляндии, где помещалась школа-лаборатория (дер. Хаапола)
(Из приложения „Нов. Вр.“ за май 1907 г.).

ЛИКВИДАЦИЯ БОЕВОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

ЛИКВИДАЦИЯ СКЛАДОВ ОРУЖИЯ В 1908 г.

Первое мое знакомство с «Военно-технической группой» относится к концу 1907 года. Возвратившись перед тем в Питер с русско-японской войны, я почти целый год искал революционной работы. Существовавшие у меня еще до войны студенческие связи с партийными кругами были утрачены. Большинство товарищей-студентов под влиянием неудач 1905—1907 г.г. отошли от работы. Повсюду, особенно в интеллигентских кругах, царили усталость, разочарование в революции, увлечение гнилыми литературными течениями.

Через с.-д. литератора Неведемского и присяжного поверенного Н. Д. Соколова мне удалось пристроиться к чисто культурной работе в воскресной школе для рабочих за Невской заставой. Здесь я, сколько помнится, читал лекции по географии. Меня не удовлетворяла эта работа. Хотелось большей активности, большей революционности; все еще верилось, что спадающая волна революции снова подымется.

В это время я жил на окраине Петербурга — в Лесном, у одного товарища по институту. Как марксисту, мне были чужды народнические настроения моего квартирохозяина, и мы с ним, помню, вечно спорили на тему о движущих силах революции, дальнейших ее перспективах и пр.

Квартира З. служила временами для конспиративных целей: там назначались явки, неоднократно происходили совещания видных эсеров. Через З., который знал о моих поисках революционной работы, мне удалось познакомиться с двумя членами «Военно-технической группы» РСДРП (большевиков): Александром Михайловичем Игнатьевым и Студентским — «Молекулой». Эти два товарища, основательно прощупавши меня, быстро ввели в курс работы.

Время было тяжелое — после разгрома кронштадтского восстания. Нужно было спасти существовавшие тогда скла-

ды оружия, разбросанные по Питеру и его окрестностям. По словам Игнатьева, который был, повидимому, главным организатором в «Военно-технической группе» и держал связь с ЦК партии, нам было дано задание свезти имевшиеся запасы оружия и взрывчатых веществ в какое-нибудь надежное место, которое в дальнейшем, в период революционного подъема, могло бы сыграть роль базисного склада. Не помню уж почему, но именно на меня была возложена роль главного, фактического исполнителя этого дела.

Опираясь на свой «чистый» паспорт (я еще в 1904 г. окончил Лесной институт и носил почтенное звание «ученого-лесоведа»), я снял в глухой части Лесного небольшой домик-особняк и поселился в нем с «Ольгой»¹⁾, которая должна была изображать мою гражданскую жену. В домике предполагалось поднять полы и, вырывши достаточного размера яму, закопать наши «ценности», приняв, конечно, меры против порчи их от сырости.

Домик попался удачный: в глубине двора особнячок из двух комнат и кухни. Особенную ценность представляло отхожее место, в виде пристройки, связанной непосредственно с домом и имевшей большой глубины колодец; в него я рассчитывал сбрасывать излишек выкопанной земли.

В этом домике мы поселились весной 1908 года. В целях оправдания своего уединенного образа жизни, мы умышленно разыгрывали роль влюбленных, проводящих свой медовый месяц.

Теперь предстояла трудная и опасная работа по собиранию оружия, хранившегося в разных местах Питера и его окрестностях. Помню первую нашу поездку за «материалом» в Финляндию. Нас выехало 4 человека: «Молекула», «Соня» (жена Сагредо), я и еще один товарищ под кличкой «Алмаз»²⁾. Сам я работал под кличкой «Петр». Переехав в поезде через границу, мы к вечеру собрались на квартире одного рабочего в Териоках. Стали «нагружаться». Под руководством опытной «Сони» мы все обвязали себя полотенцами, в которые предварительно зашили соответствующее содержимое. Моя худощавая фигура приятно округлилась после нагрузки 400 винтовочных патронов, пары револьверов и нескольких пачек динамита. Последний, несмотря на укупор-

¹⁾ Фамилия «Ольги» — Дурова. — С. П.

²⁾ «Алмаз» — настоящая фамилия Садыков — был студентом Петербургского политехнического института. — С. П.

ку, все же издавал тяжелый, приторный запах, от которого болела голова.

Ехали обратно в поезде, разбившись, конечно, по разным вагонам. Помню, маленький «Молекула» ехал в форме гимназиста, а я, обладавший почтенной внешностью, был одет в чью-то шубу с бобровым воротником, сидел в купе II класса и с солидным видом читал «Новое время». «Соня» производила впечатление молодой мещаночки, а «Алмаз» изображал из себя хлыщеватого англазированного дэнди.

До сих пор не могу забыть внутреннего волнения за судьбу товарищей (о себе я как-то меньше тревожился), которое я испытывал на ст. Белоостров. Здесь происходил таможенный и жандармский осмотр. Порядок осмотра обычно был таков: по вагонам проходил таможенный чиновник, а за ним жандарм и «некто в штатском». Первый осматривал ручной багаж, а двое последних опытными взорами щупали пассажиров и подозрительных вели в «контору» для детального обыска.

Нам поразительно везло: все поездки сходили благополучно. И, как бы в насмешку над жандармской бдительностью, я подвергался в Белоострове обыску только однажды, и именно в одну из поездок, когда почему-то ехал «чистым». Помню, в тот раз поезд подозрительно долго стоял на станции. Прошел обычный досмотр. Потом в вагон еще раз заглянул «некто в штатском» с жандармом; он сделал последнему знак в мою сторону, и минуту спустя я уже следовал в «контору», в сопровождении бравого унтера. Я не успел еще переступить порога в нее, как на меня в буквальном смысле слова набросились двое субъектов и с изумительной ловкостью, почти мгновенно, обшарили с головы до ног.

— У вас нет с собой оружия? — строго обратился ко мне сидевший за столом жандармский офицер.

Я принял негодующий вид:

— Вы смеетесь, ротмистр? К чему этот вопрос? Ваши люди, только что обыскавшие меня, могут на него ответить вам с большей убедительностью.

На каменном лице жандарма мелькнуло что-то вроде смущения: он, видимо, торопясь, задал мне вежливым тоном несколько вопросов и, предложив подписать протокол, отпустил меня. Воображаю, каким выразительным стало бы его лицо, если бы я попался ему с динамитом и патронами.

Потом оказалось, что обыск в поезде был особенно тщателен в тот раз потому, что охранка ожидала приезда тер-

рористов из Финляндии по случаю похорон какого-то великого князя.

Винтовки, русские и австрийские, системы Манлихера, мы свозили в разобранном виде — отдельно ложа и отдельно стволы. На этот раз возили только трое: «Молекула», я и «Алмаз», а позже только я и «Молекула».

Материал находился в разных местах: под Сестрорецком в домике рыбака, в одном из фамильных буржуазных склепов Волкова кладбища, у какого-то швейцара и т. п. Винтовочные стволы доставляли нам особенно много хлопот: их длина и сравнительная тяжесть делали рискованным провоз в пакетах. Приходилось применять иной способ. Мы соединяли стволы по 2—3 штуки и за мушки притягивали к концам полотенца, которое затем вешали себе на шею под длинное пальто. Таким образом каждый из нас, смотря по силе, нес на себе 4—6 винтовочных стволов, придерживая их через карманы руками. Конечно, сесть с таким неудобным грузом нельзя было, приходилось в поезде стоять на площадке и ходить пешком. При этом сильно болела и затекала шея вследствие продолжительного давления на затылочные мышцы.

Помню, еду раз с таким грузом в паровом трамвае в Лесной, мы с «Молекулой», измученные долгим путешествием, сели на скамейку, пользуясь отсутствием публики в этот момент. Только мы вздохнули свободно, вдруг в вагон вскакивают 2 городских. Мгновенно мне пришла в голову мысль притвориться слегка пьяным. «Молекула» сразу понял, и мы завели с ним пьяную болтовню, приняв позы развалившихся на скамейке. Такое полулежание позволило нам, не вставая, скрыть концы винтовок под полами пальто.

Этот веселый трюк я применил с успехом еще раз, когда однажды среди людной улицы у «Молекулы» сорвались стволы у одного конца полотенца. Он инстинктивно присел к земле, а я, притворно ругая его, якобы за пьянство, успел поправить дело, под видом починки оборвавшихся подтяжек.

Таким образом мы работали днем, снося материал в мой домик, а ночью нас ждала другая работа.

Еще в первые дни после переселения в домик я, предварительно изучив устройство полов, поднял пол в большой комнате и обследовал грунт. Оказался подходящий. Когда набралось в домике достаточно материала, мы в одну из

ночей стали рыть яму. Часть земли выбрасывали в отхожее место, часть ссыпали в мешки, которые складывали под кровати, закрывая ковром. Копали трое: я, «Молекула» и «Алмаз». «Ольга» помогала. Работали часов до 2 ночи, а затем над ямой снова настилался пол и покрывался ковром. Товарищи уходили, а я с «Ольгой» оставались в домике до утра. Работа велась с потайным фонарем. Окна были защищены густыми темными занавесками. Бочку для патронов и корзины для винтовок и револьверов я заранее привез под видом своего имущества.

Когда яма была готова, мы складывали материалы в тару, обильно смазывая все специальным густым маслом. Бочки и корзины опускались в яму и засыпались землей.

Работали бодро и весело. Но временами нервное напряжение давало себя чувствовать. Помню один случай, который чуть не провалил все дело. Как-то поздно ночью мы только стали опускать в яму бочку с патронами, вдруг послышался громкий властный стук в ворота. Мгновенно у всех мелькнула одна мысль — «полиция»! Мы без слов схватились за револьверы. Рассчитывать на пощаду в эти годы массовых казней не приходилось, и нам оставалось лишь по дороге продать свою жизнь. Стук настойчиво продолжался. Потушив фонарь и осторожно отвернув уголки занавески, мы прильнули к окнам. К воротам шел дворник. Открылась калитка, и во двор ввалилось человек 10. Сомнения все исчезли: обыск. Но каково же было наше удивление, когда вошедшие направились не к нам, а пошли вправо, к стоящему во дворе флигелю, в котором помещалась небольшая, кустарного типа, слесарная мастерская. Пробыв в ней с полчаса, вся компания удалась.

Наутро оказалось, что полиция искала там майских прокламаций: дело было перед 1 мая.

Через несколько дней работа наша была закончена: яму засыпали и пол тщательно заделали. Для полного спокойствия я хотел полы закрасить, вел даже об этом переговоры с хозяином дома, но почему-то дело не состоялось.

Спустя неделю под благовидным предлогом я съехал с квартиры, официально выписавшись и расставшись со своей фиктивной супругой.

Динамит и часть винтовок и револьверов были по специальному заданию переправлены на Кавказ, через одного товарища под кличкой «Михо». Опять-таки мне пришлось этот «товар» уложить в большой чемодан и к отходу мо-

сковского поезда свезти на вокзал, сдав на руки товарищу, ехавшему на Кавказ. Помнится, что, благодаря мелкой досадной случайности — падению извозчицкой лошади на Невском проспекте — я чуть не опоздал к этому поезду. Приехал к третьему звонку. «Михо», встревоженный, ждал меня на площадке вагона. Мы с ним удачно разыграли сцену прощающихся дяди и племянника.

Итак, к лету 1908 г. задание «Военно-технической группы» было выполнено. Группа разбрелась. Игнатьев и «Молекула» уехали в Париж; я занялся лесными работами — это был мой источник заработка. «Соня» с Николаем уехали в Женеvu еще раньше. Остальные тоже рассыпались кто куда.

С Игнатьевым и «Молекулой» я не терял связи, по мере возможности поддерживая переписку. Зимой в начале 1908 года я вернулся в Питер, и тут подоспела новая работа. Через «Молекулу» из Парижа я получил задание организовать транспорт литературы из Стокгольма через Финляндию в Петербург.

Мне скоро удалось получить нужные связи и адреса финляндских железнодорожников. План был готов, и в феврале 1909 года я выехал в Гельсингфорс и Або для налаживания дела там. Со мной было рекомендательное письмо из Парижа (писаное, кажется, Надеждой Константиновной Крупской) к Боргу в Або. Борг был испытанным звеном связи с границей, через которого наша партия переправляла людей и материалы. С ним и с Нуортевым (с.-д., депутат финляндского сейма) мы договорились, с железнодорожниками у меня тоже было все согласовано, и я возвратился в Питер ожидать условленного сигнала из Парижа. Ждал я долго и без результата. Наконец, к лету получилось краткое сообщение от «Молекулы», что намеченный план надо ликвидировать.

На этом окончилась моя работа в «Военно-технической группе», да и сама она к этому времени перестала существовать.

Договорившись с С. М. Познер о необходимости для данной книги снять несколько фотографий с тех мест, где мы работали, 3 апреля 1925 года я отправился по поручению Истпарта ЦК в Ленинград в Лесной, чтобы выяснить, уцелел ли домик на Платоновской ул. и какова судьба зарытого под ним склада оружия.

С первых же шагов я увидел, что задача будет не из легких. Лесной за 18 лет сильно изменился — местами до неузнаваемости: целые кварталы снесены, и вместо бывших дачных построек раскинулись пустыри и огороды. То место по

Платоновской ул., где, по моим воспоминаниям, должен был находиться домик, оказалось пустырем со слабыми следами фундамента. Некоторые детали явно не соответствовали тому, что подсказывала мне память.

Делать было нечего, пришлось обратиться к системе распросов местных жителей. Игравшие поблизости дети указали мне дом, в котором я могу найти «старого дядю». «Старый дядя» оказался сапожником-финном. Я разговорился с ним; сказал, что ищу своего приятеля, который жил здесь 18 лет тому назад, но не нахожу даже дома, в котором он жил. Старик подтвердил, что много здешних домов были разобраны на топливо, но подробностей не знает, так как в период 1917—1922 гг. он отсутствовал. Посоветовал мне спроситься у одной женщины, по фамилии, кажется, Ольвийинен, которая живет по соседству и никуда не уезжала из этих мест. Пошел к ней, но не застал дома. Сказали, что она работает в Политехническом институте и возвращается поздно. Я решил приехать на следующий день, в воскресенье. В назначенный день приехал, захватив с собой Н. Е. Буренина, который очень интересовался этим делом. Увы! — женщины опять не было: сказали, что уехала в город. Тогда я через старика-финна назначил ей точный час в понедельник, прося непременно быть.

Невольно поражало, что никто из опрашиваемых не ставил мне прямо вопросов, кто я. Потом я понял, что они принимают меня или за вернувшегося владельца одной из дач или за близкого родственника такового.

На следующий день мы, наконец, встретились с этой женщиной. Она с радостным любопытством смотрела на меня и, судя по вопросам, принимала за какого-то «Володю», который, повидимому, считался пропавшим. Я отвечал уклончиво и этим еще более укрепил в ее сознании, что я — кто-то из «бывших».

Мне важно было найти владельца домика. Я помнил его фамилию (Павлов), но не знал ни имени, ни отчества, поэтому не мог обратиться в адресный стол. Молчал, выжидая, когда она выскажется. В дальнейшем, рассказывая о бедствиях, которые перенесли здешние хозяева, она упоминала и фамилию Павлова. Я сразу уцепился:

— Скажите, а как звать этого Павлова?

— Тимофей Павлович.

— Вот-вот, — обрадовался я, — его-то мне и надо: он хороший знакомый моего приятеля... Где же он?

— Он здесь живет, — я только не помню адреса. Да вот моя дочка проводит вас, это недалеко...

Девушка быстро собралась, и мы пошли. Павлова не оказалась дома. Предложили зайти поздно вечером, когда он возвращается с работы. Я пришел часов в 9. Хозяин, в рабочем костюме, встретил меня с недоверчиво-угрюмым видом.

— Не узнаете меня? — начал я. — Помните, в 1908 году я у вас снимал дачу по Платоновской ул.?

Он внимательно стал всматриваться.

— Да припоминаю, вы, кажется, с молодой супругой жили?

Понемногу разговор завязался. Перешли в комнату. Посетителей не было. Я решил перейти к делу. Я сказал, как был удивлен, что нашел вместо домика один пустырь.

— Да вы спутали, видно, с другим, — воскликнул он. — Домик, как стоял, так и стоит. Да вы по какой улице шли?

— По Беклешовской.

— А надо было идти по Зубчаниновой; вот тут на углу он и стоит.

Я понял, что смешал две параллельно идущие улицы и поэтому не нашел домика.

— А почему вас интересует этот домик? — спросил вдруг хозяин и подозрительно покосился на меня.

Я перестал играть в прятки.

— Дело прошлое, — говорю, — давайте на чистоту... Скажите, поднимали полы в этом домике?

Хозяин отвел глаза в сторону и нехотя протянул:

— Поднимали.

— Кто и когда? Говорите прямо, потому что я тот самый, который закопал.

— Да, я понимаю теперь... Ну, а дело-то это вот как произошло... Пришли ко мне двое студентов Политехнического института и от имени «Боевой организации» заявили, что у меня под одним из домиков зарыто оружие. Потребовали, чтобы разрешили им поднять полы и поискать. А время-то было такое, что отказать нельзя. Искали сначала в задней комнате, — ничего не нашли. Потом в передней, и тут откопали.

— Что же нашли?

— Много... Патронов много было... две бочки... Потом винтовок — штук 50. Деревянные части подгнили, а ство-

лы — ничего, мало были повреждены... Револьверов несколько штук... Их тут же и разобрали те товарищи, что копали... Большой груз был — пудов 50. Сложили все на площадку и увезли.

— А куда увезли, не знаете?

— Говорили потом, что на Сестрорецкий завод перевезли¹⁾. Там их и привели в порядок и приделали новые ложа — березовые. А потом в дело пустили... Говорили только, что некоторые из патронов осечку давали...

Фамилий боевиков он не знал и потом не встречал их.

Мне хотелось установить точную дату события, но не удалось. Павлов помнит только, что это было в конце февраля, когда началось «восстание против царя».

Больше мне ничего не удалось у него узнать.

На следующий день мы с Н. Бурениным приехали в Лесной, и я без труда нашел свой домик. По Платоновской улице он числился под № 6.

Действительно, все почти сохранилось в прежнем виде. Я невольно взволновался, когда увидел комнату, с которой у меня связано столько воспоминаний. Она имеет тот же вид, если не считать новой двери. Я узнал даже срединную половицу, над которой, помню, мы много провозились в свое время.

Н. Буренин сделал несколько снимков снаружи домика. Внутренность снять не позволило слабое освещение.

Сейчас в домике живет какая-то молочница. Она тоже подтвердила, что здесь в 1917 году откопали оружие.

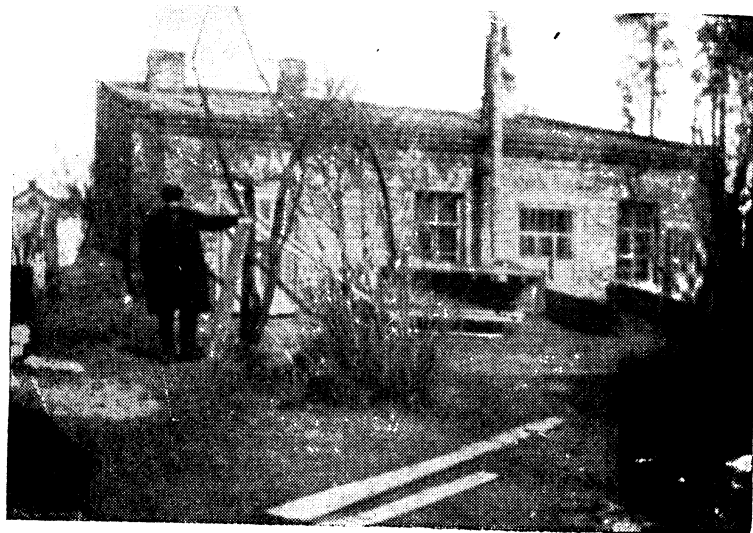
Миссия моя была закончена. Я был несказанно рад сознанию, что клад мой, так счастливо и удачно спрятанный от царских жандармов, пригодился и был использован в самый нужный момент. Это лучше, чем церемония археологических раскопок для обогащения исторических музеев революции.

Остается вопрос, как узнала боевая организация Политехнического института о нашем складе, когда ни меня, ни «Молекулы» не было в это время в Ленинграде. Самое естественное — предположить, что это стало известным через «Алмаза» — студента-политехника, который лично принимал участие в нашей работе. Судя по описанию внешности боевиков, явившихся к Павлову, среди них не было «Алмаза».

¹⁾ Истпарт ЦК наводил соответствующие справки на Сестрорецком заводе, но факт этот не подтвердился. — С. П.

Кроме того, будь он с ними, им не пришлось бы разыскивать в других местах. Остается предположить, что еще до 1917 года «Алмаз» сообщил об этом кому-то в Политехническом институте, не дав по понятным причинам, исчерпывающих данных.

Г. Томашевский

Домик где было спрятано оружие в 1908 г. Боевой группы.

„ДЖОН ГРАФТОН“

ВЕРСИИ О ПАРОХОДЕ «ДЖОН ГРАФТОН»

В начале осени 1905 года в революционных кругах много говорилось о гибели в финляндских шхерах 26 августа парохода «Джон Графтон», который вез оружие для нужд русской революции¹⁾. Организация этого предприятия, окруженная большой таинственностью, связывалась в то время с именем Гапона. Теперь, когда у нас явилась возможность собрать различные материалы по этому вопросу, мы можем осветить его иначе, чем оно представлялось в 1905 году. Ниже помещаемые данные и позволяют сделать эту попытку.

ПЕРВАЯ ВЕРСИЯ

История с экспедицией парохода «Джон Графтон» передается по финским источникам в таком виде:

Действующими лицами с финляндской стороны были Конни Циллиакус, «активист», с русской — эсеры Азеф (provokator) и Рутенберг. Финансировал предприятие (негласно, конечно) японский военный представитель в Швеции по фамилии Акаши. С этим Акаши Циллиакус во время японской войны поддерживал тесные отношения втайне от своих русских друзей. На средства, полученные от Акаши, но якобы собранные в Америке, Циллиакус при посредстве с.-р. Чайковского²⁾ закупил в Англии 15.000 ружей, 3.000 револьверов да несколько тонн динамита и зафрахтовал пароход «Джон Графтон». Груз предназначался главным образом для Пе-

¹⁾ Николай II на докладе о найденном оружии с парохода «Джон Графтон» (27 августа 1905 г.) написал: «Скверное дело». «Право», 1905 год, 4/IX, № 35.

²⁾ Чайковский Н. В. после Октябрьской революции — активный враг советской власти, в 1918 г. — глава белого правительства в Северной области (в Архангельске). В 1920 г. — член денкинского южнорусского правительства. Умер в эмиграции.

тербурга, и только небольшая часть — для Финляндии¹⁾. Дело происходило в августе 1905 г. По плану «Джон Графтон» должен был подойти к необитаемому острову на Финском заливе, недалеко от Выборга. Здесь груз хотели сложить в трюм дровяной баржи, доставить которую в Петербург взялся Азеф. «Джон Графтон», выгрузив назначенное для Финляндии оружие, прибыл в условное место. Азеф и Рутенберг исчезли. Продав пару дней, посланные возвратились в Финляндию. Между тем жандармы в Выборге получили какие-то сведения и забили тревогу. Чтобы спасти драгоценный груз, «Джон Графтон» отправили в Копенгаген и оттуда, выждав некоторое время, направили обратно в Финляндию. По дороге пароход вблизи Финляндского берега сел на камень. Пришлось его взорвать, чтобы оружие не досталось жандармам. А то оружие, которое было ранее выгружено в Остерботнии, пролежало до 1918 г., когда им во время гражданской войны воспользовались белые.

Так кончился этот эпизод, плод авантюризма Циллиакуса и ловких рук Азефа.

ВТОРАЯ ВЕРСИЯ

По сведениям Салнынъ («Гришки»), бывавшего в Лондоне в 1906—1907 г.г. и знавшего близко капитана парохода «Джон Графтон», дело это происходило так: организация дела началась весной 1905 г. Средства были японского происхождения. Штаб организации был в Лондоне, в клубе профессионального союза моряков, на Maritimi Hall Westindian Dock Road, London East (заведующий клубом был немец Кортман). В организации участвовал председатель союза моряков Wilson. Среди участников этого дела были латыши: Вагнер (работавший на стеклянном заводе в Вулз-

¹⁾ Судя по сообщению, появившемуся в гельсингфорсской газете о праздновании памяти «Джона Графтона», финны считают его делом своих рук.

Вот что по этому поводу пишет «Столичная газета» («Хувудстадс-бладет» от 22 сентября 1925 г., Гельсингфорс): «5-го сего месяца истекло 20 лет с того времени, когда пресловутый пароход «Джон Графтон» сдавал предназначенный для активистов груз оружия в местности Мёюли [«Мёюли» в документах называется «Мэлли». — С. П.] близ Кемпи. В деле участвовало около 80 финляндцев, между ними более 20 жителей гор. Кемпи. В воскресенье 13 сентября 20-летие праздновалось торжеством, на которое явилось 21 из «мёюлевских людей»... Из людей Мёюли умерли до сего времени майор И. Г. Снельман, портной И. Мерилайнен, сапожник А. Пельтониemi, Илька Ронтту и И. Кемппайнен...» (Газетную выдержку сообщил В. Е. Ландсберг. — С. П.).

виче), Минк (бывший одним из главных организаторов, живший лет 20 среди эмигрантов в Лондоне на Commercial Road) и Штраус (весной 1906 г. он уехал в Либаву с транспортом оружия для Прибалтийского края, был арестован и повешен царским правительством).

Все организаторы дела были членами латышского союза, примыкавшего к с.-р. Склад оружия находился у Willy Strosh (который жил на Church Road, London East). Из этого склада оружие, упакованное в ящики, было доставлено в Милвокский док, откуда было нагружено на большие баржи и доставлено в море, где ждал пароход, у выхода из Темзы¹⁾.

Со стороны русских в организации принимали участие с.-р. Чайковский, Теплов²⁾, Волховский и Черкезов.

По плану с.-р. и участников этого дела, финнов, с которыми эсеры имели тесную связь, решено было при посредстве гапоновских организаций в октябре 1905 года поднять восстание в Петербурге и Москве. Расчет был также на то, что и в других городах России вспыхнет восстание. К этому времени эсеровские организации при помощи гапоновских рабочих должны были принять оружие с парохода, прибывшего из Финляндии. Во всем этом деле принимал видное участие от эсеров провокатор Азеф.

На пароходе, снаряженном для этих целей, имелось около 30 тысяч штук оружия разного типа и калибра, в большом количестве винтовки системы Ross³⁾, приобретенные в Канаде, имелись также взрывчатые вещества — динамит и пироксилин.

Капитан парохода «Джон Графтон» был родом из Виндавы, политический эмигрант, член Латышской СДРП, Лондонской группы, Ян Страутман, партийная кличка «Каптэс»⁴⁾.

По плану организаторов, пароход должен был пойти в Финляндию, связаться там с Минком, но последний не прибыл во время, и пароход, продав напрасно 24 часа, отправился в Копенгаген.

Около Копенгагена пароход простоял 3 дня, за это время удалось установить связь с Минком, и пароход вторично вышел к берегам Финляндии. В Финляндии часть ору-

¹⁾ Часть оружия, которое в 1906 и 1907 гг. было продано Минком частным лицам, осталась в Лондоне.

²⁾ Теплов тогда жил на Commercial Road, 106. Там находилась пароходная контора Кан и К^о.

³⁾ «Ross R. Co». Canada («Росс Рейфель Компани», Канада).

⁴⁾ По данным, которые не удалось окончательно проверить, Ян Страутман умер в 1909 или 1910 году.

жия выгрузили при помощи рыбацких лодок и людей капитана Кока. Но их заметили пограничники и начали обезжечь пароход. На пароходе угля было мало, уйти было трудно, вскоре пароход сел на мель, и решено было его взорвать. Команда благополучно съехала на берег. Взрыв был неудачный, погрузилась в воду только часть парохода, и упакованные ящики с оружием, амуницией и патронами были выброшены в море, откуда потом их извлекали рыбаки и прибрежные жители. Н. Е. Буренин с другими товарищами собирали это оружие, частью скупали и отправляли в Россию.

Капитан уехал обратно в Англию (через Гельсингфорс), а команда, состоявшая из латышей, за исключением 4—5 русских, возвратилась в Лондон, а часть осталась в России. В провале всего предприятия замешан был Азеф.

В дело доставки оружия в Россию были затянуты наиболее революционно настроенные финские рабочие, которых не удовлетворяла легальная деятельность финских с.-д. Несколько таких рабочих приняли участие в доставке оружия из-за границы. Один из них И. К. Лехтинен (ныне член ВКП(б)) попал в команду парохода «Джон Графтон», перетерпел все мытарства, связанные с этой экспедицией, и покинул пароход только тогда, когда решено было его взорвать.

ТРЕТЬЯ ВЕРСИЯ

История этого злополучного парохода, по материалам архива¹⁾, приблизительно такова.

Судно «Джон Графтон» («John Grafton») принадлежало Стевенсон, Клерк и К^о. Оно было куплено в Лондоне 28 июля 1905 г. мелким негодяном Робертом Ричардом Диккенсоном (Dickenson), который в качестве судовладельца был неизвестен. Из лондонского реестра пароход был исключен 16 сентября 1905 г. на том основании, что был продан голландским подданным. Скоро после продажи «Джон Графтон» ушел из Темзы в Тайн.

Второй пароход, помогавший «Джону Графтону», назывался «Фульхам» («Fulham»). В регистрах Ллойда отмечена была его продажа одной японской фирме, и «Фульхам» стал называться «Ункай Мару» («Unkai Maru»).

Когда к Диккенсону обратились за разъяснением относительно парохода «Джон Графтон», он отказался дать какие-либо сведения о нем.

¹⁾ Ленинградское отделение Центрального исторического архива. Дело департамента полиции 1905 г. Особый отдел, № 450, том II, лит. А. Пароход «Джон Графтон».

Около 2 августа 1905 г. два парохода, из которых один был значительно больше другого, стали на якорь в Большом Рёселе, между Херм и Сарк, за 3-мильной зоной. Один из пароходов назывался «Фульхам», другой — «Джон Графтон» из Лондона, который имел вместимость 315 тонн, но зарегистрирован был в 630 тонн полного груза.

«Фульхам» перевозил груз на «Джон Графтон» в продолжение 24 часов, затем ушел, кажется, на юг, не становясь на якорь. Три лица сошли с парохода и покинули остров.

Те же архивные документы отмечают, что в июне 1905 г. в Копенгаген прибыла из Гамбурга на пароходе «Элла» большая партия револьверов и патронов, которая была выгружена под наблюдением одной экспортной фирмы.

Через некоторое время после этого в Копенгаген приехал человек, говорящий по-английски, назвавшийся главой фирмы «Бакке и Вильгельмсен».

Он представил документы, свидетельствующие о том, что выгруженная партия оружия куплена им и оплачена сполна. Потом он сделал Гамбургской фирме заказ на поставку 35.000 ружей за 280.000 марок и 7.500.000 патронов за 218.275 марок.

Оружие из Копенгагена «Бакке» отправил в Стокгольм на пароходе «Эллен», и в открытом море, по рассказам продавца, оружие и боевые припасы были погружены на «Джон Графтон». Поверенный этого продавца сообщал, что разыскивает фирму «Бакке и Вильгельмсен», которая заплатила наличными деньгами за первую партию оружия, но не платила за следующие и не принимала его.

Пароход «Джон Графтон» вышел из Англии под английским флагом, но в Северном море поднял американский флаг.

При ввозе оружия в Финляндию, 26 августа (8 сентября) 1905 года, рано утром, в 22 километрах к северу от Якобстада, в шхерах Ларсмо пароход «Джон Графтон», направляющийся к берегам Финляндии, сел на мель. Прибывшие на судно лоцманы встретили там вооруженный экипаж в 20 человек, говоривших по-английски; они отказались от услуг лоцманов и предложили им оставить судно, а сами, сев на парусную шлюпку, взяли курс в море. Около 4 часов дня на пароходе произошел взрыв, после чего корма и средняя часть судна скрылись под водой. Прибывшие рыбаки на уцелевшей части парохода нашли 36 винтовок системы Веттерлей и три ящика с шестизарядными револьверами. В средней части парохода водолазы обнаружили много ящиков с оружием. Название парохода было тщательно

закрашено, но удалось установить его имя — «Джон Графтон».

Окрестное население вылавливало из воды оружие. Район взрыва охранялся ротой солдат. Документы отмечали также, что «население спокойно».

25 августа (7 сентября) водолаз близ г. Кеми обнаружил на отмели острова Лилла-Мэллио 98 ящиков, 659 винтовок той же системы Веттерлей швейцарской выделки 10-миллиметрового калибра.

Устанавливая имя капитана «Джона Графтона», охранка нашла на след Яна Крууслана, считая его англичанином, известным в морских кругах за очень решительного и опытного моряка, неоднократно бравшего на себя прорыв блокады в военное время. В состав команды, по этим данным, входили латыши.

В тех же архивных документах имеются сведения, что в феврале 1905 года Циллиакус намеревался купить собственную яхту для ввоза оружия в Россию через Финляндию¹⁾.

ЧЕТВЕРТАЯ ВЕРСИЯ²⁾

Эту версию о снаряжении парохода «Джон-Графтон» передаем в изложении инициатора этого дела финского «активиста» К. Циллиакуса.

«Представители революционных партий (мелкобуржуазных — С. П.), которые в продолжение 1905 г. несколько раз собирались на совещания³⁾ и были хорошо осведомлены о ходе событий в различных частях империи, вскоре пришли к тому заключению, что все надежды на общее и по возмож-

ности одновременное восстание в различных частях страны зависели главным образом от первого взрыва, который должен был быть сильным и внушительным, и что было бы наиболее целесообразно, если бы этот взрыв произошел в Петербурге. Не было никакого сомнения, что такой пример нашел бы подражание во многих местах, везде, где недовольство назрело, где нужен был лишь сигнал, чтобы разжечь пламя восстания. Поэтому совещания были посвящены исключительно вопросу об организации такого восстания и о снабжении оружием, военным снаряжением, взрывчатыми веществами и всем необходимым, чтобы восстание могло вспыхнуть с надлежащей силой и внести растерянность в среду правительства.

Во всех этих совещаниях, понятно, участвовал Азеф, который был посвящен не только во все подробности вырабатывавшихся планов, но и в задачи каждого отдельного участника. Сам он большей частью удовлетворялся ролью слушателя, но если он иногда высказывался, к его мнению прислушивались с величайшим вниманием. Ведь всякий знал, что Азеф в качестве революционера, в качестве главы боевых организаций сделал многое, и так как никто не мог предположить, что все это происходило с ведома чиновников охранки или даже по их инициативе, то на него смотрели как на подлинное воплощение конспиративной отваги и ловкости. Все знали, что он, несмотря на личное участие в последних крупных покушениях, несколько раз снова посетил Россию. Уважение к нему достигло апогея, когда он в феврале 1905 года привел в исполнение московское покушение на вел. князя Сергея, в котором лишь единственный участник, а именно сам бомбометатель попал в руки полиции, а все другие счастливо от нее ускользнули. Поэтому легко понять, какое значение приписывалось тому, чтобы он участвовал в подготовке и проведении восстания, и сам он должен был, в качестве агента охранки, использовать возможность контроля над этими планами.

Первая из подлежащих решению проблем в связи с серьезным планом восстания сводилась к снабжению оружием, военным снаряжением и т. д. Второй важный вопрос — организация достаточно значительных и надежных кадров, способных к употреблению оружия. Первый вопрос был решен следующим образом: один из участников взял на себя доставку оружия и всего необходимого материала в столицу, как только там будет достаточно подготовлена почва для восстания, но вторая проблема была гораздо труднее и вначале натолкнулась на целый ряд помех. Социалисты-революционеры долго не имели в своем распоряжении достаточно

¹⁾ «По полученным от действительного статского советника Ратаева в феврале с. г. агентурным указаниям, известный финляндский революционер Циллиакус приобрел в Гамбурге 6 000 маузеровских ружей и намеревался через месяц купить собственную яхту для доставления оружия в Россию через Финляндию». (Ленинградское отделение Центрального исторического архива. Дело Д. П. 1905 г. О. О., № 456, том II, лит. А. Пароход «Джон Графтон».)

²⁾ Взята из книги „Die Vorbereitungen zur Russischen Revolution“ (Aus dem Buche: Revolution und Gegenrevolution in Russland und Finnland von Konni Zilliacus. Autorisierte Uebersetzung aus dem Manuskripte von Carl Marburger 1912. München, bei Georg Müller). „Подготовка к русской революции“ (Из книги „Революция и контр-революция в России и Финляндии“ Конни Циллиакуса. Авторизованный перевод с рукописи Карла Марбургера. 1912. Мюнхен, изд. Георга Мюллера. Стр. 91—107. Русский перевод наш).

³⁾ В апреле 1905 года в Женеве состоялась конференция революционных организаций, в том числе и финских активистов, на которой обсуждался вопрос о подготовке к вооруженному восстанию. С.-д. на конференции не было. См. Ленин, собр. соч., т. VII, стр. 288—291; «Рев. Россия», № 65 за 1905 г.

людей, сторонники их не были сосредоточены в одном месте и еще менее были организованы; они были рассеяны по городам и весям огромной империи, и возможность в относительно короткое время сплотить их в достаточно многочисленные организации казалась невероятной. И вот Азеф спас положение: он свел пресловутого попа Гапона с теми, которые взяли на себя снабжение оружием. Гапон имел за собой петербургские рабочие организации, в которых он сам принимал участие, которые слепо ему доверялись и были готовы повиноваться всякому его жесту.

Он встретил план с восхищением, и вскоре по его настоянию представитель петербургских рабочих был отправлен в Лондон, где последний, будучи посвящен в детали предприятия, заявил о готовности к выполнению. По мнению этого представителя, вся трудность состояла не в том, чтобы иметь достаточное число готовых к борьбе людей, а лишь в том, можно ли будет снабдить их достаточным количеством оружия. По полученным из России единоголосным сведениям, не только городские рабочие, но и крестьяне по всей империи были настроены так, что достаточно лишь сигнала, и восстание вспыхнет и разольется по всей стране. Скоро оказалось, что Гапон способен лишь предлагать все новые и все более фантастические планы. Все его предложения имели ту особенность, что они ни в какой степени не считались с практической выполнимостью и все без исключения клонились к тому, чтобы выдвигать на первый план собственную персону Гапона, — никаких шансов на более плодотворные результаты они не представляли.

Поэтому необходимо было возможно скорее отстранить его от практической подготовки восстания и сообщить ему лишь самое необходимое, дабы он мог служить некоторым связующим звеном с рабочими организациями. Слава, которую он так внезапно приобрел своим выступлением во главе петербургских рабочих, и влияние, которое он получил, благодаря своим страстным, хотя и бессодержательным речам, так сильно ударили ему в голову, что он не способен был сотрудничать с другими или самостоятельно выработать какой-нибудь план, не выдвигая себя при этом на первое место. Его участие в подготовительной к революции работе было поэтому равно нулю.

Для подготовки восстания в Петербурге был организован комитет, в который, само собою разумеется, вошел Азеф, — ведь он был главою боевых организаций с.р. Азеф стал руководителем комитета, на который была возложена задача созвать всех членов комитета в момент, который покажется ему наиболее целесообразным. Определение дня

восстания и необходимых мероприятий, с ним связанных, находилось, таким образом, в его руках. План восстания в общих чертах был следующий: оружие, снаряжение и т. д. должны были быть доставлены на грузовом судне в заранее условленный пункт у северного побережья Финского залива. Там груз должен был быть перегружен на два других судна, и все три судна должны были отправиться в Петербург и пристать в заранее определенный день и в точно установленных пунктах различных рукавов Невы.

С этой целью предполагалось прибегнуть к рабочим организациям. Они должны были выделить достаточное число надежных людей для приемки оружия — в таком количестве, чтобы можно было вооружить им 12.000 человек: эти люди в заранее назначенные сроки должны были находиться в пунктах разгрузки в виде больших или меньших групп портовых рабочих. Тотчас после разгрузки судна они должны были вооружиться оружием и военными припасами и немедленно занять несколько заранее определенных важных стратегических пунктов в городе, чтобы во время разгрузки удалить полицию, несколько сот рабочих, снабженных заранее привезенными автоматическими маузерами, должны были быть распределены на прилегающих площадях в качестве охраны. Чтобы ввести в заблуждение власти и заставить их рассеять гарнизонные войска в различных отдаленных от Невы пунктах, небольшие отряды, снабженные взрывчатыми веществами, привезенными контрабандным путем, должны были поджечь несколько необитаемых в то время дач, а также взорвать несколько императорских дворцов в окрестностях города.

План, который теперь может показаться нелепым или фантастичным, но при тогдашних условиях осуществление его не было невозможным. Цель его, разумеется, заключалась не в завоевании Петербурга, — такие фантазии мог изобретать только Гапон, — а в том, чтобы в течение нескольких дней поддерживать восстание, служа таким образом, по возможности, сигналом для одновременного взрыва в других местах.

Но этот план никогда не был доведен до конца, и этим самодержавное правительство обязано в первую очередь, если не исключительно, агенту охраны Азефу. Когда парокход с оружием был уже в пути, как и те суда, которые должны были взять у него часть груза в финляндских водах, руководители предприятия получили известие, что в самом Петербурге меры к приемке оружия не приняты. Тамошний комитет не был даже созван, так что меры эти и не могли быть приняты. Но созыв этого комитета лежал на обязанности ру-

ководителя этого местного комитета — того же Азефа, и он один имел возможность сделать это, так как никто другой не знал адресов всех членов комитета. Где в эти дни находился Азеф, — никому не было известно, так что невозможно было с ним связаться. Зато в Финляндии удалось узнать, что соответствующие власти получили телеграфное предупреждение о необходимости следить за нагруженным оружием пароходом, который направляется к одному пункту в восточной части Финского залива.

Более точных сведений, по всей вероятности, не имел сам автор телеграммы, но именно этих деталей не знал и Азеф, так как он был посвящен исключительно в те подробности, которые касались организации восстания в самой России и в Петербурге, в то время как разгрузка оружия должна была происходить вне финляндского побережья, к востоку от Гельсингфорса. Он должен был иметь дело с оружием лишь с момента прибытия его в Петербург. Но даже и теперь никому не пришло в голову его заподозрить. Было предположено, что общее смятение в России, со дня на день возрастающее, парализовало согласованную подготовку восстания, что какое-нибудь неосторожное слово дошло до слуха тех, которые не должны были об этом знать. Все считалось возможным, кроме предательства со стороны того, кто пользовался величайшим доверием. Никто из посвященных в план не встретился с Азефом в ближайшее время, и лишь много позднее, после всеобщей стачки в России, он показался в Финляндии и объяснил свое исчезновение тем, что в это время его по пятам преследовала полиция, и он должен был все время скрываться вне Петербурга. Таким образом он, мол, не имел возможности показаться в Петербурге и принять участие в каких-нибудь работах.

Нам кажется теперь целесообразным сообщить подробности о так называемом деле «Джона Графтона», — те подробности, которые могут быть опубликованы, не компрометируя пока еще неизвестных русскому правительству участников его.

Оружие и припасы были собраны в Англии, но с формальной точки зрения, совершенно законным путем, так что властям не могло и в голову прийти какое-нибудь подозрение относительно назначения этого оружия. Точно так же английские власти не подозревали, что закупленный в Англии пароход «Джон Графтон» будет служить каким-нибудь революционным целям. Он был куплен по правилам закона, и с тем же командованием, с тем же экипажем, которые были на нем в момент покупки, он отправился в Голландию, во Флиссинген.

Было совершенно ясно, что ни английское командование, ни английский экипаж, находившийся на пароходе в момент покупки, не годились для замысливаемой экспедиции. И точно так же было ясно, что новый экипаж не может быть набран в Англии обычным способом, так как это неминуемо бы вызвало слежку. Поэтому офицеры и экипаж набирались в различных местах и к точно установленному сроку были посланы во Флиссинген, так что экипаж прибыл во Флиссинген именно в тот день, когда «Джон Графтон» бросил якорь вне гавани. Флиссинген был избран потому, что суда там должны бросать якорь далеко от берега, настолько далеко, что никто, даже вооружившись сильными стеклами, не может следить за тем, что происходит на борту. При наступлении сумерек самая большая весельная лодка судна отправилась на берег и через полчаса вернулась обратно на судно, но с другими гребцами. После нескольких таких поездок, за которыми, повидимому, в городе никто еще не следил, экипаж был обменен, и «Джон Графтон» был готов к отплытию, в то время как весь прежний экипаж в ту же ночь вернулся в Англию регулярным почтовым пароходом, так что никто и не мог подозревать о каком-либо отступлении от закона. Новый экипаж парохода явился на судно так, что никто из уволенных не видел руководителей экспедиции.

Между тем оружие было погружено на пароход, не делавший регулярных рейсов, так наз. Ocean tramp (океанский бродяга), нанятый случайно, чтобы отвезти в Китай разные товары. В виде маленького добавочного заработка он взял на себя поручение свезти запрещенный груз в какой-нибудь пункт вдаль от северо-западного берега Франции, где, согласно условию, ждал его «Джон Графтон». Последний взял у него груз в открытом море, так что если бы даже французские власти находились по соседству, то у них все равно не было бы повода вмешаться в дело. Единственным свидетелем этого маневра был экипаж французского рыболовного судна, случайно проходившего мимо, но даже если что-нибудь из виденного ими стало известным, это не могло никому повредить, так как французские рыбаки не знали ведь, что это были за пароходы, и куда они направлялись после перегрузки. Дальнейшая слежка также не могла привести ни к каким результатам, так как вся экспедиция была закончена.

Нагрузив оружие, пароход пошел на северо-восток через Северное море, через Скаген, отправился в Орезунд, где он должен был получить последние распоряжения, и куда должно было прибыть другое участвовавшее в экспедиции судно, моторная яхта. Яхта эта не имела никакого «революци-

онного» груза, а на ней были пассажиры, которые должны были покинуть судно, не доезжая до места его последнего назначения, придавая ей, однако, до тех пор характер увеселительной яхты. Из датских вод она направилась в финляндскую гавань, где должна была получить последние инструкции. Несколько времени спустя везущий оружие пароход должен был отправиться в назначенное место, лежащее недалеко от финляндского побережья, но ранее чем он успел туда прибыть, руководитель экспедиции получил известие, что подготовка в Петербурге не проведена, и что там никто не готов ни к приемке оружия, ни к применению его.

Вследствие этого «Джону Графтону» удалось, несмотря на вышеупомянутое телеграфное предупреждение властям, прибыть на место встречи, затем отправиться к северу от Ботнического залива, чтобы разгрузиться в различных местах. Предполагалось, что оружие во всяком случае понадобится в близком будущем, и поэтому было решено небольшими количествами скрыть его в различных пунктах побережья, где оно впоследствии могло быть снова собрано без труда, если в Петербурге будут готовы пустить его в ход. Но эти тайные склады, конечно, не могли быть устроены поблизости регулярных водных путей, и необходимо было провести «Джона Графтона» вне их зоны между бесчисленных рифов и шхер финляндского побережья. Там он наскочил на мель и не в состоянии был сойти с нее собственными силами, так что на общем совете было решено снять экипаж в лодки и взорвать пароход.

Менее чем через 14 дней после крушения «Джона Графтона» весь его экипаж путешествовал по всевозможным портам мира, и для русских властей было совершенно невозможно притти с ним в соприкосновение и подвергнуть допросу кого-либо из участников этой полной приключений экспедиции. Такова в кратких чертах история экспедиции «Джона Графтона» и его неудачной попытки снабдить оружием часть русских революционеров».

**

Если сопоставить все вышеприведенные версии с теми данными, которые имеются в русской печати и наших архивах по этому вопросу, то вырисовывается картина несомненного участия в экспедиции «Джона Графтона» русского царского правительства, в лице его воротил из департамента полиции, японского военного атташе, финских «активистов», русской эсеровской партии под руководством ее вождей и священника Гапона.

Инициатива и роль каждого из этих участников далеко не

равноценна, и для выяснения таинственной завязки и драматической развязки этого предприятия необходимо несколько остановиться на каждом из действующих персонажей, этого авантюрного альянса.

Чтобы осветить роль департамента полиции в этом деле, приходится заглянуть в историю взаимоотношений известного провокатора с.-р. партии — Азефа — и его непосредственных руководителей «полицейских самодержцев» — охранников Рачковского и Ратаева.

В 1885 году Рачковский выступает в качестве заведующего «заграничной агентурой», организованной царским правительством еще в 1883 году для наблюдения за политическими эмигрантами. Рачковский развивает большую деятельность в смысле выслеживания и вылавливания в Европе всех, кто только был причастен к русскому революционному движению, привлекая к этому гнусному делу ловких и злостных провокаторов, как Гекельман-Ландезен, переименованный царским правительством для нужд охраны в Гартинга, и мн. др.

Рачковский в борьбе с русской революцией делает за границей блестящую карьеру, пользуется почетом и уважением не только в петербургских высших сферах, но и в парижских правительственных кругах. Он пытается придать сыску даже «международный характер»¹⁾.

За время своего 17-летнего управления «заграничной агентурой» Рачковский особенно выдвигает бывшего провокатора Ландезена, но карьера Рачковского внезапно обрывается²⁾, министр Плеве отстраняет его от этого дела. Удар по честолюбивым замыслам и карману получается огромный³⁾. На «доходное» место Рачковского в 1902 году назначается Ратаев. Он начинает с критики деятельности поверженного предшественника. Заново переплетает хитрую сеть, придуманную Рачковским для улавливания революционеров, сме-

¹⁾ В документе (из бумаг Плеве), рисующем карьеру Рачковского, по этому поводу имеется следующее место: «Благодаря своему положению в Париже Рачковскому посчастливилось сыграть известную роль в деле укрепления дружественных отношений России с Францией». «Былое», № 2 (30), февраль, 1913 г., стр. 79.

²⁾ В 1902 г. во время пребывания Николая II и царицы Ал. Фед. в Париже через Рачковского был доставлен для лечения царицы гипнотизер и спирт Филипп, «лечение» пошло так успешно, что царская чета вывезла его с собою в Петербург, где он стал пользоваться большим влиянием. Рачковский почему-то начал чинить козни Филиппу, тогда разгневанный Николай II пожаловался Плеве на «подлеца Рачковского». См. В. К. Агафонов, «Заграничная охранка».

³⁾ Рачковский, служа в Париже, получал до 12.000 р. в год жалованья и значительные суммы на секретные расходы; в последние годы на эти расходы отпускалось около 90.000 р. в год. «Былое», № 2 (30), февраль, 1918 г., стр. 79.

щает старые и набирает новые штаты провокаторов, среди которых одно из главных мест занимает уже не Ландезен, а Азеф и другие. При этом Ратаев очень зорко следит за тем, чтобы суммы, отпускаемые царским правительством на все эти махинации, не уменьшались, а увеличивались. Опорой Ратаева в Петербурге является Плеве и директор д. п. Лопухин. После убийства Плеве в июле 1904 года соотношение сил меняется: Ратаев в немилости; первого августа 1905 года он удаляется с своего поста. В департаменте полиции возвышается снова Рачковский, и на лакомое место заведующего «заграничной агентурой» Рачковский назначает Ландезена, который, в свою очередь, в докладах к началству критикует своего предшественника¹⁾.

Подходя к завязке интересующей нас экспедиции «Джона Графтона», отмечаем, что в систематических доносах Азефа Ратаеву Азеф писал о Циллиакусе еще в 1904 году, как об инициаторе организации съезда революционных и оппозиционных партий²⁾. И действительно, роль «активистов» и главным образом их вождя Конни Циллиакуса с этого времени в делах русских с.-р. делается значительной. Циллиакус передает с.-р. миллион франков, якобы пожертвованных американскими миллиардерами³⁾.

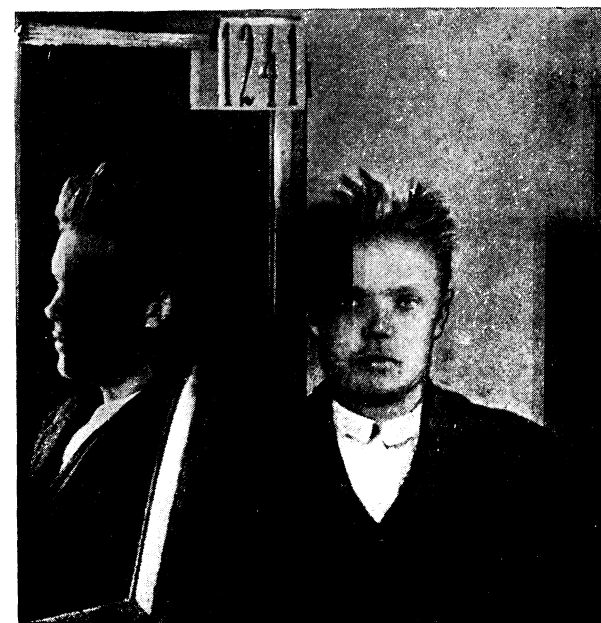
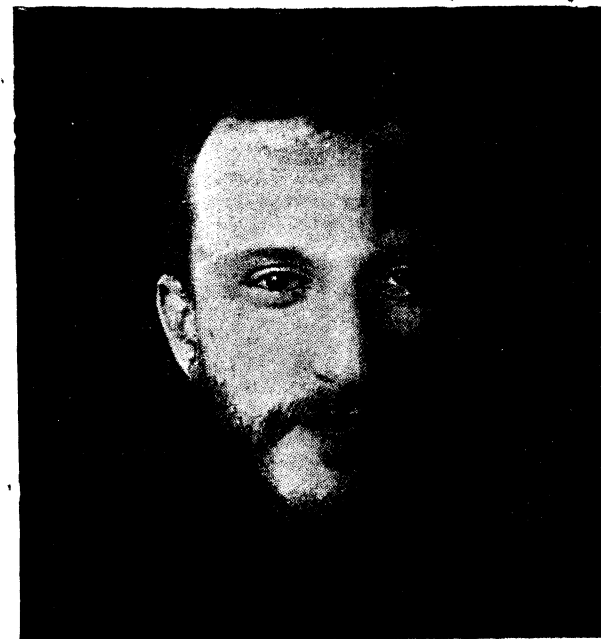
Дальнейшее их сближение продолжается и закрепляется на следующей междупартийной конференции, происходившей в апреле 1905 года.

К какому времени надо отнести начало знакомства Циллиакуса с японским военным агентом Акаши, бывшим до русско-японской войны атташе в России, — мы не устанавливаем, для нас важно установить лишь то обстоятельство, что день-

¹⁾ Гартинг, критикуя заведывание Ратаева и останавливаясь на его финансовой системе, сетует на расточительность своего предшественника: «...Г. Ратаев, — докладывает он, — до сентября минувшего года платил ныне умершему Милевскому жалованье в 1.250 франков в месяц, не считая 1.000 франков наградных, и по смерти Милевского продолжал платить его вдове по 1.000 фр. в месяц». Дальнейшая критика в том же духе имела целью получить новые ассигнования. «Рачковский пошел навстречу желаниям Гартинга, — пишет Агафонов, — и ассигновка на «заграничную агентуру» была увеличена почти до 100.000 фр., в том числе 12.000 фр. было ассигновано на содержание нового сотрудника Девернина и 40.800 фр. на приобретение секретных сотрудников». В. К. Агафонов, «Заграничная охранка», стр. 72—74.

²⁾ См. «Былое», № 1 (23), июль, 1917 г. Донесение Евно Азефа. (Переписка Азефа с Ратаевым в 1903—1905 гг.)

³⁾ В книге А. В. Лучинской «Великий провокатор Евно Азеф», стр. 38 по поводу этих денег имеется следующее утверждение: «Деньги на это предприятие («Д. Г.») были взяты из специального пожертвования на вооружение народа от американских миллиардеров в сумме миллиона франков, переданных через финского революционера Конни Циллиакуса. Азеф принимает ближайшее участие во всем этом». Такова была версия о деньгах в эсеровских кругах.

Вверху: Скосаревский. Внизу: И. К. Лехтинен (фотография снята в финляндской охранке в 1905 г.).

ги, переданные с.-р. и собранные Циллиакусом, якобы в Америке, были получены им от Акаши.

Что японское правительство в то время могло искать окольных путей для ослабления сил русского самодержавия, и если подвернулся для этого дела надежный посредник вроде Циллиакуса для сношений с русскими эсерами, которые по предложенному им «плану» смогли бы провести восстание в России, то вполне допустимо, что на осуществление такого «плана» были даны японским правительством через Акаши значительные суммы денег. Вышеприведенные версии Салнынь и особенно финского источника утверждают, что средства на экспедицию «Джона Графтона», которая в сущности являлась только частью «плана», были даны Акаши.

Любопытно отметить, что Циллиакус, как вождь мелкобуржуазной партии, мыслил участие русских рабочих в восстании в качестве душечного мяса, годного для достижения целей своей партии, и цинично высказывал свое отношение к рабочим¹⁾.

Эти две фигуры — Циллиакус и Акаши — по своей социальной природе несомненно близко подходили друг к другу, а что они были тесно связаны между собой этим предприятием, свидетельствуют вышеприведенные версии и доносы Азефа Ратаеву. В них он, указывая на свою «близость» к Циллиакусу²⁾, сообщает, что последний занимается доставкой оружия с.-р. и другим партиям³⁾ и обращает внимание Ратаева на связь Циллиакуса с японским посольством⁴⁾. Но

¹⁾ Поссе, отличавшийся отсутствием определенных политических взглядов, сопровождавший Гапона в его странствиях, в своей книге передает характерный разговор Циллиакуса при прощании с Гапоном: «Циллиакус расцеловался с ним и, обращаясь к Гапону, внушительно сказал: «Смотрите, зажигайте там, в Питере, скорее, — нужна хорошая искра. Жертв не бойтесь. Вставай, подымайся, рабочий народ. Не убыток, если повалится сотен пять пролетариев — свободу добудут. Всем свободу». «Воспоминания» В. А. Поссе. (1905—1917 гг.).

²⁾ В своем донесении Ратаеву от 23/IX 1904 г. Азеф пишет: «...Конференция Циллиакуса состоится в Париже 30 сентября нов. стиля. Представителем от П.С.Р. будет Чернов. Я думаю тоже к тому времени приехать в Париж: ввиду моей близости с Цил. и Черн., может удастся узнать интересное, если вы, конечно, против этого ничего не имеете...». «Былое», № 1, июль, 1917 г. Донесения Евно Азефа, стр. 213.

³⁾ Из донесений Азефа за 1905 г.: «...Здесь Циллиакус. Он теперь занимается доставкой оружия различным революционным организациям». И в донесении от 8/III: «Я ездил по вызову Zilliacus'a в Лондон... Он затевает еще одну конференцию... Вам надо очень внимательно взяться за Zilliacus'a, он бывает часто в Гамбурге, где им покупается оружие. Уже закуплено 6.000 штук маузеровских пистолетов и через месяц будет куплена яхта и отправится». Там же, стр. 220—222.

⁴⁾ Из тех же донесений: «Zilliacus имеет сношения с японским посольством и доставил большие суммы финляндцам и полякам...». Там же, стр. 221.

еще более разительным фактом этой связи служит переписка Акаши, Циллиакуса и грузинского с.-р. Деканози¹⁾. Правда, к этому источнику — брошюре «Изнанка революции» — нужно подходить с большой критикой, но, принимая во внимание, что все корреспонденты были хорошо известны охранке, а два первых подвергались тщательной слежке, возможно, что письма их, приведенные в этой брошюре, есть копии с подлинников, тем более, что и по своему содержанию они соответствуют версии финского источника, который в утвердительной форме говорит о том, что Акаши снабжал предприятие деньгами. Эта конспиративная переписка²⁾ — телеграммами, письмами и записками — носит характер большой заинтересованности ее корреспондентов в общем деле закупки оружия в Гамбурге, Женеве и др. местах и его своевременной отправке. Не ограничиваясь одной перепиской, Циллиакус, Акаши и Деканози назначают друг другу свидания, местом которых служит Париж, Лондон, Гамбург, Берлин, Копенгаген, Женева. Повидимому, они очень спешат с этим делом, и в конце переписки появляется сообщение, что в середине июля пароход куда-то отходит. Ясно также, что источником средств для этого таинственного предприятия является Акаши. Все эти факты не только не противоречат, но и подтверждают вышеприведенные нами версии. В этих последних есть указания на то, что от с.-р. этим делом ведал Чайковский и др. Еще нельзя сделать заключения о степени их участия, но если факт участия с.-р. Деканози в этом предприятии верен, то едва ли и другие видные с.-р., близко стоящие к этому делу, не знали о настоящем источнике средств и довольствовались версией Циллиакуса о сборах в Америке.

Из приведенных выше фактов, наводящих на сопоставления, является также и тот, что не был ли Деканози, принимавший самое активное участие в закупке оружия, тем самым лицом, на имя которого был куплен в Лондоне пароход «Джон Графтон» и который в материалах архива называется Диккенсон.

Делая выводы из всех этих данных, приходится отметить, что если Азефу и не принадлежала инициатива в этой хитро-сплетенной аванюре, то, несомненно, приняв в ней самое близкое участие, о чем много говорит Циллиакус, он сообщал с Ратаевым подготавливая грандиозную провокацию, которая в случае ее хотя бы частичной удачи повела бы к массовым жертвам. Видимо, размах провокаторской деятельно-

сти Азефа вместе с началом революции делается шире, и, не довольствуясь провоцированием индивидуального террора, руководители охранки хотели подойти через посредство эсеровской партии к провоцированию рабочих масс на выступления, что дало бы им возможность пожать обильную жатву во всех смыслах¹⁾. Видимо, хорошо зная о весьма слабой связи эсеровской организации с питерскими рабочими, Азеф для этой цели и привлек Гапона к делу «Джона Графтона». Циллиакус в вышеприведенной его версии говорит, что Азеф спас положение привлечением Гапона, но что Гапон во всей этой сложной и дорого стоящей аванюре играл весьма своеобразную роль, производя шум вокруг этого предприятия и невольно маскируя поведение истинных творцов его. Версии осведомленного финского источника и Салнынь совсем не упоминает имени Гапона, архивные документы тоже не указывают на него. Циллиакус, близко связанный с Гапоном, приравнивает его роль в этом деле к нулю. А между тем слухи, имевшиеся в революционных кругах о доставке транспорта оружия на пароходе «Джон Графтон» в 1905 году, были как-то связаны с именем Гапона, и авторы в вышеприведенных воспоминаниях в вопросе о «Джоне Графтоне» пишут, видимо, то, что сохранила у них память с того времени, а именно, что пароход был снаряжен Гапоном. О роли Гапона в этом деле рассказывает и Поссе в своей книге и тоже отмечает у Гапона черты шумливости, трусости, истеричности, хвастовства, и только.

Что же послужило причиной срыва всего этого сложного предприятия?... Предполагать, что случайная гибель парохода испортила все дело, едва ли было бы верно, ведь для проведения «плана» восстания в Петербурге был выбран эсеровский комитет, во главе которого стоял Азеф, и в этот «план» входили и доставка оружия в различные и точно установленные пункты и разгрузка его. Помощником Азефа был опытный в эсеровских делах Рутенберг²⁾, но, как видно из книги Циллиакуса эсеровским комитетом и Азефом для этого ничего не было сделано и, когда «Джон Графтон» был

¹⁾ Из донесения Азефа от 8/III 1905 г.: «...Вообще восстание у всех на языке, и я уверен, что в ближайшем будущем состоится союз между всеми революционными организациями для приготовления восстания, т.-е. вооружения масс оружием и бомбами. О бомбах теперь говорят, как об обычной вещи, как о литературе и т. п.» «Былое», № 1 (23), июль, 1917 г., стр. 221.

²⁾ В «Былом» Рутенберг пишет: «ЦК поручил мне поехать в Россию и поставить приемку оружия с отправлявшегося тогда парохода «Джон Графтон». Заняться этим делом мне не пришлось. Через несколько дней после приезда в Петербург я был арестован». «Былое», № 2 (24), август, 1917, стр. 21.

¹⁾ Из донесения от 17/IV 1905 г. Азеф сообщает Ратаеву, что на апрельской конференции представителем от «грузинской партии социалистов-революционеров Деканози». Там же, стр. 224.

²⁾ См. приложение.

уже в финляндских водах и присутствие на месте Азефа, как организатора, было крайне необходимо,—никто даже не знал, где он находился, и заинтересованные лица не могли найти путей, чтобы с ним установить связь. Едва ли можно объяснить все эти обстоятельства случайностью. Азеф впоследствии объяснил свое отсутствие на должном месте в такой важный момент слежкой за ним охранки, теперь же, когда это объяснение совершенно отпадает, является вопрос, не вынужден ли был Азеф бросить это предприятие потому, что в то время уже был назначен Рачковским на место Ратаева Ландезен-Гартинг,—совершилась перетасовка высших чинов охранки, и провокаторская затея, начатая Ратаевым с таким ловким помощником, как Азеф, должна была с водворением его врагов рухнуть. Азефу же по долгу службы при новом начальстве пришлось бросить свою сложную провокаторскую махинацию, не доведя ее до конца. И дело, на котором, вероятно, Ратаев и Азеф думали заработать большой капитал¹⁾, кончилось вничью, и, может быть, им ничего другого не оставалось (так как даже не последовало сколько-нибудь заметных арестов), как посадить «Джона Графтона» на мель еще до того момента, когда фактически он очутился на ней.

Почему же с.-д. взялись спешно подготавливать приемку оружия с «Джона Графтона» (см. воспоминания М. Литвинова), когда никакого участия их в организации этого предприятия не было?

М. Литвинов в своих воспоминаниях дает объяснение этому факту. «Летом 1905 года ко мне в Ригу приехал Н. Буренин,—пишет М. Литвинов,—и сообщил, что Гапон совместно с эсерами погрузил в шотландском порту оружие на пароходе «Джон Графтон», не позаботившись об организации приемки. Эсеры обратились в ЦК нашей партии за содействием, и вот Буренин привез мне от ЦК поручение взяться за это дело²⁾. Работать пришлось недолго. Через неделю пришло

¹⁾ Ратаев в рапорте мин. вн. дел жалуется: «Должность мою я вынужден был покинуть совершенно неожиданно без всяких предупреждений и как раз в тот самый момент, когда агентура среди партии с.-р. достигла небывалой высоты и ожидалась весьма крупные результаты». В. А. Агафонов, «Заграничная охранка», стр. 70.

²⁾ По воспоминаниям Н. Буренина дело обстоит так: Л. Красин, узнав, что эсеры предлагают большевикам взять на себя приемку оружия с парохода «Джон Графтон», и что в этом деле большую роль играет Гапон, который был в это время за границей, командировал в Женеву к Владимиру Ильичу Н. Буренина. Получив инструкции от Владимира Ильича, Н. Буренин поехал в Лондон, где у него состоялось свидание с Гапоном.

Вернувшись в Петербург, Н. Буренин информировал обо всем Л. Красина и заявил, что приемку произвести можно, но что Гапон не

известие, что «Джон Графтон» разбился в финляндских шхерах».

Неведение и непричастность с.-д. большевиков ко всему этому предприятию обнаруживаются во всей полноте в письме «Феликса» (М. Литвинова), сохранившемся в переписке Владимира Ильича Ленина и Надежды Константиновны с российскими организациями. Письмо датировано 7/20 IX. «...Будь у нас те деньги (100.000 р.), которые финляндцы и с.-ры затратили на своей несчастный пароход,—мы бы вернее обещали себе получение оружия. Вот уже авантюра была принята ими! Вы знаете, конечно, что финляндцы, не найдя с.-ров в России, предложили нам принять пароход, но срок для этого дали одну неделю. Ездил я на один островок и устроил там приемы для одной хоть шкуны, но пароход в условленное время туда не явился, а выплыл лишь месяц спустя где-то в финляндских водах. Финал, Вам, конечно, известен из газет. Чорт знает, как это больно!»¹⁾.

В дальнейшем это участие большевиков также вполне ясно. Когда судно село на мель и окрестные жители вылавливали ящики с оружием из воды, бывшие в то время в Финляндии организатор «Боевой технической группы» Буренин и М. Игнатьев организовали покупку и сборку этого оружия у рыбаков и отправление его в Россию.

Таким образом большевики прикоснулись к этому предприятию лишь в самый последний момент развязки, при чем у них не было оснований подозревать подлинных корней предприятия, так как предложение исходило от мелкобуржуазной организации эсеров, отдельные практические соглашения с которыми допускались.

Царское правительство, усиленно распространявшее в 1905 году слухи о «японских деньгах» для русской революции, было, конечно, хорошо осведомлено о том, кто ими пользовался, но его желание нажать себе политический капитал на этом предприятии и дискредитировать русских революци-

внушает никакого доверия. Тогда было решено, что Н. Буренин устроит в Финляндии свидание Л. Красина, М. Горького и П. Румянцева с Гапоном с целью взять инициативу приема оружия в свои руки. Преодолев большие конспиративные трудности, все съехались в назначенном для свидания месте Финляндии, но Гапон несмотря на твердое обещание не явился. Буренин делал доклад на заседании ЦК 10 августа о переговорах с Гапоном по вопросу приемки оружия. (V Ленинский сборник, стр. 538—539). Надежда Константиновна Крупская, запрошенная нами о снаряжении парохода «Джон Графтон», сообщила следующее: «Насчет парохода «Джон Графтон» ничего не знаю: знаю что с «Граптоном» возился Гапон, вкладывая в него поспулавшие к нему пожертвования, насчет японских денег ничего не знаю».

¹⁾ См. приложение.

онеров потерпело крах. Позднее (в 1906 г.) выпущенная для этих же целей брошюра «Изнанка революции» не сыграла также никакой роли. Революционный подъем в стране был еще очень велик, и значения эти слухи, даже с документальными подтверждениями, не имели.

Эта сложная экспедиция, несомненно, лишний раз обнаружила, до какого безграничного авантюризма и легкомыслия могут дойти мелкобуржуазные партии, среди которых эсерам принадлежала одна из главных ролей. Не пользуясь влиянием среди широких рабочих масс, не имея своих прочных рабочих организаций, составляя свои планы «массового» восстания чисто заговорщическим путем без непосредственного участия рабочих организаций, не способные руководить массовым движением, эсеры могли только, нанося вред движению, позорно проваливаться со своими авантюрными проектами массового восстания.

С. Познер.

Главный склад оружия и динамита Боевой группы в Сестрорецке в 1906 г.
Разлив, домик И. И. Андимова.

Источники, послужившие исследованию вопроса о пароходе «Джон Графтон».

1. Версия о «Джоне Графтоне» Салнын.
2. Версия—финляндский источник.
3. К. Циллиакус. «Подготовка к русской революции». (Из книги «Революция и контрреволюция в России и Финляндии» Конни Циллиакуса. Авторизованный перевод с рукописи Карла Марбургера. 1912 г. Мюнхен, изд. Георга Мюллера).
4. Ленинградский Центральный исторический архив (дело д. п. 1905 г. О. О., № 450, т. II, л. А. Пароход «Джон Графтон»).
5. В. К. Агафонов. «Заграничная охранка». С приложением очерка «Евно Азеф» и списка секретных сотрудников заграничной агентуры. Издательство «Книга». 1918 г.
6. А. В. Лучинская. «Великий провокатор Евно Азеф». Издательство «Радуга». Петроград—Москва, 1923 г.
7. Воспоминания В. А. Поссе (1905—1917 гг.). Изд. «Мысль». Петроград, 1923 г.
8. «Былое». Сборник по истории русского освободительного движения. Апрель — май, №№ 9—10; 11—12, Париж 1909 г.
9. «Былое». Журнал, посвященный истории освободительного движения, № 1/23, июль 1917 г., № 2 (24), август 1917 г.; № 1 (29), январь 1918 г.; № 2 (30), февраль 1918 г.
10. «Дело народа», №№ 4, 6/19 III 1906 г.; № 5 от 7/20 V 1906 г. «Г. Гапон». (Из личных воспоминаний В. Лемуар).
11. «Революционная Россия», № 65, 25 апреля, 1905 г.
12. «Изнанка революции». Вооруженное восстание в России на японские средства. Спб. 1906 г. Типография А. С. Суворина. (Анонимная брошюра. — С. П.).
13. А. И. Спиридович. «Революционное движение в России в период империи. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886—1916 гг.». Изд. 2-е, допол., 1918 г.
14. «Красная летопись», № 1 (12), 1925 г. Ленинградский отд. Статья Ю. Сирола «Октябрьские события в 1905 г. в Гельсингфорсе».
15. Воспоминания товарищей, участников данного сборника.
16. Н. Ленин. Собрание сочинений, т. VI, стр. 81—88.
17. Из переписки В. И. Ленина и Н. К. Крупской с российскими организациями за 1905 г. Письмо «Феликса» (М. М. Литвинова). Архив Института имени Ленина.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Телеграмма департаменту полиции из Гельсингфорса от 28 августа 1905 г. о взрыве парохода «Джон Графтон».

26 августа близ Якобстада в море взорвался пароход с контрабандными боевыми припасами. Обнаружено много плавающих ружейных прикладов и шлюпка с магазинными ружьями. Подробности донесу.

Ротмистр Комендантов.

(Ленинградское отделение Центрального исторического архива. Дело д. п. 1905 г. О. О. № 450, т. II, л. А. Пароход «Джон Графтон».)

Донесение об обстоятельствах, предшествовавших взрыву на пароходе «Джон Графтон», и о находке оружия на острове Калльшер.

Вр. и д. начальника финляндского жандармского управления. 1 сентября 1905 г., № 2422, г. Гельсингфорс.

Секретно.

Командиру отдельного корпуса жандармов.

В пятницу 26 августа (8 сентября) надсмотрщик и вахтер таможенной конторы города Якобстада, совершая на лодке сторожевую поездку, прибыли во 2 часу пополудни к шхерам прихода Ларсмо, при чем у острова Калльшер усмотрели пароход, вместимостью около 300 тонн, сидящий на мели; к пароходу привязаны две небольшие лодки. Поднявшись на палубу, они увидели около 20 составленных в козлы винтовок с прикинутыми штыками и повсюду в беспорядке разбросанные ящики разной величины, из коих один — вскрытый — оказался с динамитными патронами. Через несколько времени на палубу явился господин в штатском платье, который, отрекомендовавшись штурманом парохода, произнес на шведском языке: «Здесь важное дело, пароход будет взорван, вы должны удалиться или остаться здесь; даю вам время на размышление», а вслед за тем повел их вниз, в каюту. Здесь к ним приставили стражников, которые, меняя друг друга, стояли с револьвером в одной и с патронами в другой руке. Время-от-времени заключенных поощал штурман, при чем, указывая на то, что на пароходе имеется 20 вооруженных людей, советовал не сопротивляться; когда же таможенные чины высказывали желание исполнить требование и уйти, то возражал: «Нет, вы не уйдете, пока вам не позволят». Во время одного из таких посещений в каюту пришел капитан парохода, в возрасте около 35 лет, в спортуке с медными пуговицами; поговорив о чем-то со штурманом на английском языке, он взял лежавший на койке английский флаг и удалился.

Заключение таможенных чинов в каюте продолжалось около 1 часу, после чего последовало разрешение им удалиться. На палубе штурман им заметил: «Вы исполняете свою службу, но у нас нет ни сахара, ни кофе; вы видите ружья, револьверы, патроны и динамит, и ничего против нас сделать не можете». На вопрос надсмотрщика: «Откуда пароход идет?» возразил: «Вот этого-то вам и не нужно знать; здесь лица разных наций, а команда русская». Слова эти таможенные чины поняли в том смысле, что начальствующие лица на пароходе разных наций, а матросы русские. Разговаривая дальше, штурман высказал, что «если бы не было тумана, то пароход не был бы здесь; что пароход удачно пробрался сюда, но, выходя в море, сел на мель; в заключение же он заявил, что таможенным чинам следует удалиться по возможности дальше, так как скоро последует большой «шум»

Сев в лодку, таможенные чины направили ее за остров и стали наблюдать, при чем заметили, что к пароходу со стороны моря направлялась довольно большая парусная лодка. Вскоре после этого раздались взрывы.

Во время вышеприведенного разговора таможенные чины заметили, что люки в кормовой и носовой частях были закрыты, а в средней части открыты. Эта последняя оказалась наполовину наполненной водою, под которою виднелись ящики разной величины.

В тот же день трое рыбаков, ловя рыбу у шхер Ларсмо, в состоянии около 2 километров от парохода, услышали три последовавших один за другим взрыва и, получив разрешение от таможенных чинов, направились на взорванный пароход, при чем усмотрели, что совершенно разрушены часть кормы и вся средняя часть, которые лежат под водою. На уцелевших частях парохода они нашли 36 магазинных ружей со штыками, системы Ветерлей, а затем плавающие на воде три ящика с 6-зарядными револьверами системы Веблей, которые взяли с собою. Спустя несколько времени после взрыва они заметили удалявшуюся на юг, при юго-восточном ветре, парусную лодку.

В течение последовавшего за тем времени, до прибытия 28 сего августа месяца в 3 часа пополудни, на место происшествия г-на губернатора Вазаской губернии, пароход оставался без охраны, вследствие чего местные рыбаки выгружали винтовки из-под воды и увозили их с собою. Таких винтовок впоследствии было представлено обратно более 1000 штук. Передавали также, что в субботу 27 августа к пароходу пристала шведская спасательная лодка из числа тех, которые, в поисках за работою, плавают по финляндскому берегу Ботнического залива, при чем спускавшийся с лодки водолаз заявил, что имеется на пароходе очень много оружия; извлечены были одна винтовка и 2 флага — английский и немецкий.

Не могу также не отметить, что за несколько времени до взрыва к берегу у деревни Круг пристала небольшая парусная лодка с 4 неизвестными населению пассажирами. Из них двое, имея 4 посылки, вышли на берег и в ближайшей торпе Ньюмана справлялись о месте жительства крестьянина Симона Финне, объясняя при этом, что приехали с севера и едут на юг.

Опрошенный производящими дознание по настоящему делу С. Финне показал, что лиц этих он не знает и что за 5 марок согласился отвезти их в город Якобстад. Дорогою они, однако, раздумали ехать в город и, обещая прибавить 1 марку, высказали желание ехать дальше, минуя город. Ввиду этого он отвез незнакомцев в имение Бреннэс, в 2 километрах к югу от города Якобстада. Наведенные здесь справки указывают на то, что вечером в день взрыва парохода у острова Калльшер в имение прибыло двое молодых людей высокого роста и крепкого телосложения, которые за неимением лошадей вернулись обратно в город пешком; здесь следы их теряются, и место остановки их пока не выяснено.

В воскресенье 28 сего августа, вследствие заявления местной малолетней девочки, обнаружены были в нескольких местах на острове Калльшер выгруженные экипажем парохода и покрытые брезентом и ельником около 700 винтовок вышеназванной системы, ящики с револьверами, патронами и взрывчатым веществом, провода для производства взрыва, мужской галстук с надписью: „Gardiner et Comp. The Scotch House. L. London“, обложка от какого-то пакета: „The London Wax Vesto Company's Braide et Lights for Lighting, Cigars and Pipes“, обложка с пакета с какао: „Bensdorp's reiner Holland. Cacao Amsterdam“, на русском языке речь анархиста перед судом присяжных в Париже и лист издания „Революционная Россия“, № 68.

На носовой части парохода заметны сохранившиеся остатки названия его. Из найденного ныне остатка судового журнала выяснено, что пароход назывался «John Grafton» («Джон Графтон»).

В осведомленных кругах города Якобстада передают, что за несколько времени до настоящего происшествия по всем прибрежным городам края последовал запрос о желании принять на хранение груз оружия, и что в местной телеграфной конторе все дело хорошо известно. Генерал-губернатор, по моему докладу, сделал распоряжение о высылке из якобстадской конторы всей телеграфной корреспонденции за истекший месяц.

Ротмистр Комендантов.

(Ленинградское отделение Центрального исторического архива. Дело д. п. 1905 г. О. О. № 450, т. II, л. А. Пароход «Джон Графтон»).

Из переписки по поводу закупки оружия, привезенного на «Джоне Графтоне».

Письмо Акаши к Деканози.

1 января 1905

Дорогой друг!

Кажется, дело в Париже устроилось отлично. Теперь по случаю Нового года примите мои наилучшие пожелания как вам лично, так и нашему общему делу. Надеюсь, что дружба наша станет еще более прочна. Прощу у вас, дорогой друг, еще раз принять поздравления к Новому году.

Акаши.

Письмо Циллиакуса к Акаши.

Копенгаген, 25 апреля.

Дорогой друг!

Благодарю вас за письмо, которое пришло чересчур поздно по случаю праздников для ответа из Стокгольма. Что касается моего путешествия, то я намерен уехать отсюда в пятницу вечером в Гамбург, где я пробуду один день, уеду в субботу вечером и прибуду в Париж в понедельник пополудни. Там я останусь, по всей вероятности, очень недолго перед поездкой в Лондон, но если вам возможно вручить мне в Париже 4000 фунтов за счет тех, кому я обещал как результат сбора в Америке, я буду вам очень благодарен. Приготовления идут превосходно, и деньги тают, как снег на солнце.

Надеюсь, вам вручили обещанное донесение перед вашим отъездом, оно отправлено отсюда в субботу вечером. Как только приеду в Париж, я тотчас же сообщу вам свой адрес. До свидания через неделю или приблизительно.

Дружески ваш Конни Циллиакус¹⁾.

Отчет о расходовании денег и распределении оружия между партиями

Для СР ²⁾	4 000	здесь
Яхта	3 500	500 — Лондон
Экипаж и т. д.	500	
5 000 ружей для Г.	2 000	

¹⁾ Письма эти, появившиеся в 1906 г., в брошюре «Изнанка революции», произвели впечатление злостной инсинуации, но теперь, когда явилась возможность исследовать этот вопрос, они производят впечатление правдоподобия и выявляют не «изнанку революции», а изнанку мелкобуржуазных партий. — С. П.

²⁾ Под буквами: СР (социалисты-революционеры), Г (грузинская революционная партия), Ф (финляндская) и СП (польская социалист., socialistes polonafs). Все эти партии были представлены на конференции революционных организаций в апреле 1905 г. См. «Революционная Россия», № 65, 1905 г. Из брошюры «Изнанка революции».

1 000 ружей для СР	800	15 дней
8 000 ружей для СР	6 400	
5 000 ружей для СП	4 000	
500 жур. маузера для радчи Ф и СР	2 000	

21 300

Уже получено 2 000

23 000

Письмо Литвинова к Ленину и Крупской.

№ 1002. «7/20 IX. Дорогие друзья! Удалось устроиться дешево и удобно при переходе границы, и вот я в Берлине. О причинах приезда писал вам уже. О русских делах нового мало могу вам сообщить, так как уже 2 недели не был дома, а в Питере и того больше. Знаю, что предполагалось сформировать при ПК Исполнительное бюро, в которое вошел бы из его агентов пропагандист (Инсаров), агитатор (Рубен), организатор (Бур) и секретарь (вероятно, я). Это бюро выполняло бы всю практическую работу, лежащую на ПК. Из пекистов (кроме), кажется, никто ничего не делает за исключением разве Рахметова, но и тот теперь призван на военную службу. Настроение у товарищей в России довольно подавленное. Причина — обнаруживающиеся трудности технической подготовки восстания. Разочарованы и рабочие, всюду требующие оружия и не получающие его. Без хоть некоторого количества ружей нигде ничего нельзя предпринять, даже в таких революционных центрах, как Рига. Было К-том организовано нападение на частный оружейный магазин, но взять там удалось лишь 65 револьверов. Нужны же винтовки, а их можно получить лишь из-за границы. В последнем счете вопрос сводится к деньгам. По части добывания денег ношусь с самыми фантастическими планами, но не знаю, удастся ли что-нибудь сделать. Будь у нас те деньги (100.000 р.), которые финляндцы и с.-р. затратили на свой несчастный пароход, — мы бы вернее обеспечили себе получение оружия. Вот уж авантюра предпринята была ими! Вы знаете, конечно, что финляндцы, не найдя с.-р. в России (обрати), предложили нам принять пароход, но сроку для этого дали одну неделю. Ездил я на один островок и устроил там прием для одной хоть шкуны, но пароход в условленное время туда не явился, а выплыл лишь месяц спустя где-то в финляндских водах. Финал вам, конечно, известен из газет. Чорт знает, как это больно! Латыши получили недавно через нашего же контрабандиста несколько ящиков ружей...

Жму крепко руку Феликс¹⁾.

(Из переписки В. И. Ленина и Н. К. Крупской с российскими организациями в 1905 г. Архив института Ленина).

Программа практических занятий в лаборатории ПБО по теории взрывчатых веществ и разрывных металлических снарядов.

А. Общая часть.

Возникновение и развитие идеи применения взрывчатых веществ в революционной борьбе.

Покушение на Наполеона III в Париже.
Парижская Коммуна 1871 года.

¹⁾ Архив Института Ленина при ЦК ВКП(б).

Отношение исполнительного комитета «Народной воли» к взрывчатым веществам, как средству борьбы.

Покушения на Александра II до 1 марта 1881 г.

Дело 1 марта.

Смерть Покотилова в Северной гостинице и казнь Плеве. Взрыв в «Бристоле» (Петербурге).

Смерть Сергея Ал., Слепцова, пристава Константинова, покушения на Дубасова и Столыпина.

Массовое изготовление разрывных снарядов, частичный упадок революционной техники.

Применение разрывных снарядов в октябрьские и декабрьские дни 1905 года.

Взрывчатые вещества и тактика партизанской борьбы.

Снаряды и партизанские выступления в наше время и применимость снарядов в современной партизанской борьбе.

Революционная и правительственная взрывчатая техника. Условия, при которых возможен перевес правительственной техники над революционной, и условия, способные изменить соотношение технических сил.

Топографические, стратегические и технические условия надвигающегося вооруженного восстания.

О моральном и физическом действии разрывных снарядов.

Дезорганизация в рядах правительства, как неизбежное следствие взрыва (Москва 1905 г., Ростов-на-Дону, Петербург — разгром черносотенной чайной (неразобранное слово).

Влияние взрыва на инициативу правительства (Москва 1905 г., Порт-Артур, македонское восстание, Ростов-на-Дону в декабрьские дни).

Сильное разрушение разрывных снарядов (С. А., Плеве, Москва 1905 г., Ростов, Мадрид, Варшава).

Преимущество разрывного снаряда перед пушкой в верности действия.

Покушения с негодными средствами.

Литература. Необходимость в критическом отношении к трудам по теории взрывчатых веществ и разрывных снарядов. Отсутствие литературы по теории ручных гранат ¹⁾.

Обвинительный акт по делу школы-лаборатории в Куоккала (Финляндия).

Обвинительный акт

по делу о группе лиц, принадлежащих к боевой организации при С.-Петербургском Комитете РСДРП: 1) сыне пастора, бывшем студенте Альфреде Нейман; 2) с.-петербургском ремесленнике Якове Линд; 3) крестьянах: 4) Константине Иванов; 5) Иване Иосте; 6) Григории Курочкине; 7) Алексее Простакове; 8) Андрее Михайлове; 9) Михаиле Масленникове; 10) Александре Мекси; 11) Мартине Самейт; 12) мещанине Александре Андрееве; 13) мещанке Анне Парамоновой, преданных петербургскому военно-окружному суду помощником главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа.

По сведениям с.-петербургского охранного отделения, временное бюро военной организации РСДРП при Петербургском Комитете для

¹⁾ Ленинградское отделение Центрального исторического архива. Дело № 699. 1907/1908 г. «Дознание, произведенное при СПб ГЖУ. Том. I. О группе лиц: Чесском, Неймане и др.». Из протокола № 3.

подготовки к вооруженному восстанию петербургского пролетариата решило организовать инструкторскую школу для преподавания минного искусства, снаряжения взрывчатых снарядов, постройки баррикад и т. п. В состав этого бюро входили: 1) студент С.-Петербургского университета Альфред Нейман; 2) Александр Чесский, окончивший гимназию в г. Слуцке и проживавший по подложному паспорту на имя крестьянина Сидора Фадеева Сорокина, с организационной кличкой «Шурка»; 3) мещанка Анна Парамонова, с организационной кличкой «Казачка»; 4) крестьянин Андрей Михайлов; 5) крестьянин Александр Ансберг. При вышеописанной инструкторской школе должна была быть устроена лаборатория со взрывчатыми веществами, для оборудования которой бюро командировало в Москву за денежными средствами Чесского и Неймана, которые, вернувшись из Москвы, сняли по рекомендации финляндских социал-демократов дачу в Финляндии в дер. Куоккала, у крестьянина Мутте, на имя студента С.-Петербургского университета Иосифа Марковского (не разысканного охранным отделением, т. I, л. 36, № 12736) и перевезли на эту дачу материал для приготовления взрывчатых веществ, закупленный в Гельсингфорсе. На этой даче и начались занятия инструкторов, но от неумелого обращения со взрывчатыми веществами и оружием двое неизвестных были ранены, а Ансбергу прострелили ногу и поместили его для излечения в одну из больниц гор. Выборга. После этого происшествия все посетители дачи уехали в Петербург, а весь материал из лаборатории Парамонова свезла на хранение какому-то доктору. В последних числах апреля Чесский с Нейманом вновь сняли дачу в деревне Хаапала, у крестьянина Пимми, на имя какого-то зубного врача и вновь устроили лабораторию взрывчатых веществ, при чем материал взяли от хранившего его доктора. 1 мая 1907 г. на даче собралось посетителей около 23 человек, из числа которых несколько человек 2 мая, перейдя пограничную линию, чтобы заняться практической стрельбой, убили пограничного стражника Петра Николаева (дело об этом убийстве выделено в особое производство). По возвращении на дачу и после рассказа об этом происшествии, часть посетителей дачи вернулась в Петербург, а для охраны лаборатории осталось 11 человек тех, у которых имелось оружие: 1) крестьянин Родион Андреев Ульпе (Мартин Самейт), бежавший из Риги от карательной экспедиции, когда был расстрелян некий Ланге; 2) крестьянин Андрей Андреев Фролов (Александр Андреев), организатор боевой дружины Франко-Русского подрайона Городского района; 3) студент С.-Петербургского университета Альфред Адольфов Нейман, заведующий лабораторией; 4) Александр Федоров Чесский, главный химик лаборатории, был в Москве приговорен к каторжным работам, но бежал из тюрьмы; 5) землевладелец Петр Петров Вич (Иван Иост), организатор боевых дружин Выборгского района, исполнял обязанности секретаря в боевой организации; 6) крестьянин Андрей Михайлов, организатор боевых дружин Нарвского района; 7) чертежник Евгений Тотровский (Карл Лодин); 8) чертежник Григорий Каменецкий (Яков Линд); 9) рабочий Александр Прокофьев Суворов; 10) учащийся Ян Дубрович (Ян Кульпе) и 11) рабочий Александр Борщев (Михаил Масленников). Крестьянин Александр Ансберг, организатор боевых дружин Нарвского района, хранил у себя на даче оружие и бомбы; эти сведения не подтвердились при обыске, но спустя некоторое время во дворе той дачи, где жил Ансберг, игравшими детьми случайно была найдена одна снаряженная бомба, а затем при обыске еще две также вполне снаряженные бомбы (т. I, л. 9—11, отзыв с.-петербургского охранного отделения, № 11726). В дальнейшей своей деятельности по розыску других лиц, причастных к данной организации, охранное отделение установило наблюдение за сношениями мещанина Константина Денисова Иванова, который по

агентурным сведениям состоял дружинником боевой дружины Чернореченского подрайона Выборгского района, посещал вышеназванную лабораторию и вообще был в близких сношениях с арестованными в Финляндии лицами. Результаты этих наблюдений, а также и показаниями Иванова установлено участие в организации следующих лиц: крестьянина Григория Павлова Курочкина (помощник организатора боевой дружины Чернореченского подрайона и инструктора по изготовлению бомб); дружинника той же организации крестьянина Алексея Александрова Простакова.

Обыском у Алексея Простакова и Григория Курочкина охранным отделением была обнаружена небольшая лаборатория по приготовлению взрывчатых веществ. По показаниям Константина Иванова все вышеперечисленные лица посещали лабораторию в Финляндии (т. I, л. 39, отзыв с.-петербургского охранного отделения, № 22171).

Вышеприведенные сведения с.-петербургского охранного отделения нашли себе подтверждение в нижеследующих данных, обнаруженных при производстве полицейского дознания в Финляндии и при производстве дознания по настоящему делу при с.-петерб. губернском жандармском управлении (т. I, л. 100).

16 мая 1907 г. в дер. Хаапала (Финляндия) коронным ленсманом Перссоненом по приказанию выборгского губернатора был произведен арест группы лиц в 11 человек, принадлежащих к боевой группе РСДРП, и обыск дачи, занимаемой этими лицами. Основанием этому послужил доклад полицейского констебля Ниссонена о том, что в снятом у крестьянина Пимии неизвестным молодым русским человеком, не сказавшим при найме своего имени и назвавшимся доктором, доме происходит что-то таинственное, при чем Пимия подозревает, что в снятом у него доме изготавливаются бомбы, так как Пимия, а равно и его жена и брат неоднократно замечали, что сквозь занавешенные окна дома вспыхивало какое-то странное пламя и видели выходящий из трубы густой черный дым. Эти же лица сообщили констеблю Ниссонену, что в квартиру их жилья съехалось много мужчин, русских, занимавшихся чем-то по ночам, при чем мужчины имели таинственный и боязливый вид, и что в одной из комнат квартиры они, хозяева, видели стоящими стеклянный шкаф, соединенный трубой с дымоходом. Получив приказание об аресте этих русских и о выяснении их занятий, ленсман Перссонен в сопровождении 20 констеблей, прибыв ночью в дер. Хаапала, приказал оцепить дом, а сам начал наблюдать за происходившем в доме. Вскоре им было замечено, что в доме потушили огонь и обитатели его, очевидно, легли спать, а около дома прохаживалось двое-трое мужчин. Оцепив дом и арестовав тех двух людей, которые, очевидно, были в карауле и которые назвались при аресте Петром Вичем (Иост) и Яном Дубровичем (Кульпе), Перссонен предложил сдать и остальным обитателям дома. Всего было арестовано 11 человек, назвавшихся при аресте: 1) учащимся Яном Дубровичем (Кульпе); 2) рабочим Андреем Михайловым; 3) рабочим Александром Борщевым (Масленников); 4) чертежником Каменецким (Линд); 5) токарем Андреем Фроловым (Андреев); 6) земледельцем Петром Вичем (Иост); 7) публицистом Родионом Ульпе (Самейт); 8) чертежником Евгением Тотровским (Лодин); 9) приказчиком Иваном Давыдовым (Чесский); 10) студентом Альфредом Нейманом и 11) рабочим Александром Суворовым. Все задержанные при аресте сдались без сопротивления и объяснили, что если бы их арестовали русские власти, а не финские, они взорвали бы их всех на воздух. При обыске дачи была обнаружена лаборатория взрывчатых веществ.

При осмотре самой дачи, внутри ее и в лаборатории было найдено: 1) 1 снаряженная бомба с капсулом и куском зажигательного

шнура; 2) 2 оболочки для бомб; 3) динамит в корзине; 4) в небольшом количестве пироксилин; 5) стеклянный химический шкаф, соединенный трубой с дымоходом; 6) химические весы; 7) много разных химических приборов; 8) разные химические вещества в склянках и пакетах, в виде жидкостей и порошков, при чем экспертизой установлено, что все эти химические вещества могут быть употребляемы для приготовления взрывчатых смесей и что найденных готовых взрывчатых веществ хватило бы для начинки, по крайней мере, 14 бомб. При обыске самой лаборатории, не признанные никем за свои: 1) лист из записной книжки с заметками о взрывчатых веществах, начинающимися словами: «брезант. действия»...; 2) 3½ четвертушки писчей бумаги с заметками об изготовлении взрывчатых веществ, начинающимися словами: «быстро горящие вещества брезантного действия...»; записи подразделены на 7 пунктов; экспертизой установлено, что эти заметки (в п.п. 1 и 2) писаны рукой Линда; 3) клочок бумаги с надписью: «Вход воспрещается. Лаборант Михайлов»; экспертизой установлено, что эта надпись сделана рукой А. Неймана; 4) маленькая записная книжка в коленкоровой обложке с какими-то заметками, при чем упоминаются несколько фамилий и, между прочим, в числе их «Казачка»; 5) клочок бумаги с заметками: «Краткий взр. вещ. Потоцкого. Краткий курс взрывчатых веществ. Ипатовича-Горанского и Генкеля». Экспертизой установлено, что этот клочок бумаги написан рукой А. Андреева; 6) печатная прокламация по поводу значения и празднования 1 мая, издания Московского района РСДРП; 7) 2 книги со следующим заглавием: «Основы техники взрывчатых веществ» и «Лабораторная техника», обе Е. А. Гопиуса; 8) 7 открытых писем с изображением государственных преступников — З. В. Коноплянниковой, И. П. Каляева и др.; 9) предметы женского костюма, в числе которых, между прочим, имеются 2 носовых платка с метками «А. П.». Все эти предметы Анна Парамонова признала принадлежащими ей. По личному обыску лиц, задержанных финляндской полицией, обнаружено: у Петра Вича (Иван Иост): 1) 1 снаряженная бомба; 2) заряженный 8 патронами револьвер системы Браунинг и 3) годовой паспорт на его имя; у Яна Кульпе, назвавшегося при аресте Яном Дубровичем, а потом Адамом Остелем: 1) записная книжка в черной клеенчатой обложке с записями о взрывчатых веществах и составах, в которой, между прочим, приводится состав веществ для снаряжения бомбы и есть рисунки разреза разрывных снарядов; на последней странице книжки подпись «ученик Дубрович». Экспертизой установлено, что записи в этой книжке сделаны рукой Кульпе; 2) годовой подложный паспорт на имя крестьянина Лукьянова; 3) ружье системы Маузера с 80 патронами; 4) годовой паспорт на имя Яна Дубровича; у Карла Лодина, назвавшегося при аресте Евгением Тотровским: 1) ружье системы Маузера, с отдельным прикладом, заряженное 10 патронами, 2) годовой подложный паспорт Е. Тотровского; установлено, что этот паспорт написан самим Лодиным; у Андрея Михайлова: ружье системы Маузера, заряженное 10 патронами; у Михаила Масленникова, назвавшегося при аресте Александром Борщевым: 1) тетрадь в синей бумажной обложке, с записями относительно состава и свойств взрывчатых веществ и разрывных снарядов; в тетради имеются заметки по поводу боевых действий революционеров и говорится, между прочим, что при настоящей системе бомб они в момент вооруженного восстания сыграют громадную роль, и что нужно приготовить кадры партийных дружинников, которые взяли бы на себя дезорганизацию правительственной армии; 2) 1½ листов почтовой бумаги с заметками о взрывчатых веществах; экспертизой установлено, что эти записи сделаны рукой Масленникова; 3) годовой паспорт на имя А. Борщева и 4) револьвер системы Наган, заряженный 6 патронами. Кроме того,

при обыске лаборатории были обнаружены следующие предметы, которые Альфред Нейман признал за свои: 1) тетрадь в синей бумажной обложке, с пометками и вычислениями, касающимися взрывчатых веществ, в начале первой страницы запись: «Пироксилин $C_6H_7O^2O^3$ »; 2) листок из такой же тетради с заметками о взрывчатых веществах, начинающимися словами: «144 час. аз. кисл.»; экспертизой установлено, что эти заметки писаны рукой Неймана; 3) 4 книги: 1) «Краткие сведения о взрывчатых веществах» А. Геккеля, II) «Минное искусство», ч. I, Подрывное дело», III «Минное дело, ч. II, Минные работы и минная война» и IV «Минное искусство, ч. I, Чертежи», все три книги А. Ипатовича-Горанского; 4) 9 экземпляров брошюр и книг нелегально и тенденциозного содержания: 1) 2 экземпляра «Вестник жизни», № 3, II) «Протоколы первой конференции военных и боевых организаций РСДРП, состоявшейся в ноябре 1906 года», в которых говорится о необходимости приведения в боевую готовность революционных кадров и пригласения инструкторов вооруженного восстания, так как революционная энергия народа не ослабевает и наступает момент грандиозной вооруженной борьбы революционного народа с царским правительством, излагаются роли партий и боевых организаций в вооруженном восстании и говорится о временном бюро военных и боевых организаций и о функциях этих организаций, III) «Невский сборник», 1906 г., IV) «Записки революционера» П. Кропоткина, V) «Развитие народного хозяйства и аграрная программа» П. Маслова, VI) «Две тактики социал-демократии в демократической революции», издание Центрального Комитета РСДРП, VII) «Социалисты-революционеры и пролетариат», Ливартова, VIII) «Как происходили революции в Западной Европе» П. Ролль; у Мартина Самейта, назвавшегося при аресте Радионом Ульпе: 1) листок из записной книжки с заметками, касающимися взрывчатых веществ, с начальными словами: «1 кл.—2½ ф. порох...»; экспертизой установлено, что эти заметки написаны рукой Самейта; 2) годовой подложный паспорт на имя Р. Ульпе, при чем экспертизой установлено, что этот паспорт написан рукой Самейта; 3) 16 экземпляров печатных прокламаций о значении и праздновании 1 мая и 4) ружье системы Маузера, заряженное 10 патронами; у Александра Суворова: 1) листок из записной книжки, на котором написано: «Генкель. Краткое сведение о взрывчатых веществах. Генерального штаба книгой» В. В. Родионовского¹⁾; у Александра Чесского, назвавшегося при аресте Иваном Давыдовым, кроме паспорта на имя крестьянина Ивана Давыдова, ничего обнаружено не было, но Чесский признал ему принадлежащими найденные по обыску в лаборатории нижеследующие предметы: 1) 52 названия взрывчатых веществ в виде списка на желтой картонной бумаге. 2) лист синей переводной бумаги с записями следующего содержания: «Программа практических занятий в лаборатории ПБО по теории взрывчатых веществ и разрывных метательных снарядов»; в программе этой имеются, между прочим, следующие пункты: «Возникновение развития идеи применения взрывчатых веществ в революционной борьбе», «Взрывчатые вещества и тактика партизанской борьбы», «Покушения с негодными средствами» и др.; 3) ½ листа переводной бумаги со спутанными записями, касающимися взрывчатых веществ; 4) листки, вырванные из прихода-расходной книжки, с черновиками программы занятий в лаборатории, в которой имеются, между прочим, следующие пункты: «способы взрыва», «практическое применение нитроглицерина» и т. п.: экспертизой установлено, что все эти записки, изложенные в 4 пунктах, сделаны рукой А. Чесского; 5) годовой паспорт за № 470 на

¹⁾ Точное воспроизведение подлинного документа.—С. П.

имя кр-на Давыдова; 6) 4 брошюры и книги нелегального и тенденциозного содержания с заглавиями: 1) «Движущие силы и перспективы русской революции» К. Каутского, II) сборник статей книгоиздательства «Воля труда», III) «История революционных движений в России» А. Туна, IV) сборник «Воля труда», все эти книги и брошюры были найдены в лаборатории и признаны А. Чесским за свои: независимо от этого, при препровождении в с.-петербургское губернское жандармское управление А. Чесского финляндскими властями, были вместе с ним препровождены нижеследующие найденные при нем предметы: 7) кассационная жалоба в имперский финляндский сенат по делу о Неймане и др.; 8) тетрадь из 10 листов, озаглавленная: «Заметки по технологии взрывчатых веществ (материалы)» с начальными словами: «Литература. Технология взрывчатых веществ является одной из развившихся в самостоятельную обширную науку»; эти заметки служат кратким и популярным руководством к ознакомлению с взрывчатыми веществами для революционных целей; 9) тетрадь в 7 листов с различными заметками, с начальными словами: «Тюремные мотивы», большую часть записей составляет критика Чесского судебной экспертизы, найденных в дер. Хаапала предметов и его возражения против мотивов и данных, положенных Выборгским гофгерихтом в основание своего обвинительного приговора по данному делу; в рукописи имеется несколько зашифрованных мест, по разбору которых оказалось, что они имеют следующее содержание: «не раз оказывалось, что клич «в знании и борьбе сила и право» превращается в боевой лозунг борющегося пролетариата», «средства борьбы в руки борющегося класса дают интеллигентные рабочие», «взрывчатые вещества из орудия порабощения превращаются мало-помалу в могучее орудие освобождения», и «задача истинно демократической техники в том, чтобы обрушить весь этот процесс на головы тех, в интересах кого он совершается»; 10) отдельный лист с записями, касающимися экспертизы по тому же делу, с начальными словами: «эксперту I основные уравнения реакции...»; 11) такой же лист, содержание которого служит продолжением записей, находящихся в листе, описанном в п. 10, с начальными словами: «исключительно из личного интереса»; 12) рукопись на листе, заключающая в себе продолжение текста по тому же делу, с начальными словами: «это утверждение не совсем соответствует действительности»; в этом листе имеются формулы взрывчатых веществ; 13) пол-листа писчей бумаги с заметками о взрывчатых веществах, с начальными словами: «относятся ли нитроглицерин, пироксилин и гремучая ртуть к разряду нитро-соединений...» и 14) нешита тетрадь в 10 листов с рукописями, начинающаяся рассказом под заглавием «Он», при чем под словом «он» подразумевается государь император; в рассказе иносказательно описываются волнения, беспорядки 1905 года, какое они производили впечатление на государя, но ничего предосудительного по отношению к особе его величества нет, за исключением поношений со стороны «врагов», которые называли его «царем-кровопийцей», листы оканчиваются подписью «Ал. Чесский». В этой же тетради опять говорится о деле Неймана и др. Экспертизой установлено, что все эти записи писаны рукой Чесского.

Обыски у лиц, причастность которых к данной организации была установлена, как выше сказано, наблюдением охранного отделения за сношениями Константина Иванова и его показаниями, дали следующие результаты:

У Алексея Простакова, на его квартире, которую он снимал совместно с Григорием Курочкиным, найдено: 1) незаряженный револьвер системы Лефоше, 2) кинжал в ножнах, 3) аптекарские весы с разновесами, 4) медная коробка с винтовой крышкой; 5) коробки, пакетики и пузырьки с разными химическими веществами, 6) фарфоровый пс-

стик, с следами на нем какого-то порошка, при чем исследованием в химической лаборатории Михайловского артиллерийского училища установлено, что: I) в коробке с белым порошком и надписью «бертолетовая соль» находится таковая; II) в коробке с желтым порошком и надписью «танин», находится таковой; III) в небольшом бумажном пакетике с белым порошком находится бертолетовая соль; IV) на фарфоровом пестике находятся остатки танина; V) в одной стеклянной банке с порошком находится железисто-синеродистый калий; VI) в другой стеклянной банке с порошком находится хлористый барий; VII) небольшой кусок желтого вещества представляет из себя железисто-синеродистый калий; VIII) медная оболочка с навинтованной крышкой представляет из себя нижнюю часть гильзы от артиллерийского патрона и могла бы служить для изготовления небольшого метательного снаряда; из заключения же эксперта видно, что все найденные вещества могли бы служить составными частями бертолетовых составов, пригодных для снаряжений метательных разрывных снарядов; 7) печатная прокламация: «Ко всем рабочим города Петербурга», за подписью «Петербургский Комитет РСДРП»; 8) печатный листок: «Программа Российской Соц.-Дем. Раб. Партии», оканчивающийся словами: «Задачи достижения лишь путем низвержения самодержавия и созыва учредительного собрания, свободно избранного всем народом», с пометкой «Издание редакции «Пролетария»; 9) 16 нелегальных брошюр, изданных в целях революционного движения, с следующими заглавиями: I) «Тактика уличного боя», II) «О красных и черных», с девизом социал-революционеров «В борьбе обрешь ты право свое», III) «Хлеб, свет и свобода», IV) «Какое войско лучше», издание Центрального Комитета РСДРП, V) «Мировая политика, беспорядки в Китае и трансваальская война», VI) «Как происходили революции в Западной Европе», VII) «О баррикадной и уличной борьбе в западно-европейских революциях», VIII) «О поранениях современным оружием», IX) «К вопросу о революционной тактике», «Сила и насилие», X) «Заметки из личных наблюдений и опытов в боях с японцами поручика Харитонов», XI) «Катехизис», XII) «Московское вооруженное восстание», XIII) «Армия в демократическом государстве», XIV) 2 экземпляра «Протоколы первой конференции военных и боевых организаций РСДРП в 1907 г.», XV) «Шапка-невидимка»; 10) три открытых письма с изложением государственных преступников Шмидта, Конопляникова и Спиридоновой, 11) Рукопись на 9 листах с рецептами и заметками по составлению взрывчатых веществ, с начальными словами: «I в чувствительность вещества 1 бертолетовая соль синеродисто жел. свинец»; 12) записи синим карандашом на 2 листах бумаги о свойствах и разрушительной силе взрывчатых веществ, с начальными словами: «Бризантное газовое, дробящееся на очень мелкие части»; 13) 10 листов писчей бумаги с заметками о составах и приготовлении порохов и других взрывчатых веществ, с начальными словами «I) Условия приготовления из бертолетовой соли»; 14) 1/2 листа почтовой бумаги с карандашной рукописью, озаглавленной «Обращение с браунингом и название частей»; 15) рукопись на трех клочках писчей бумаги (с заглавием «Устав кружка пикник. О количестве Коллектива», заключающая в себе устав тайной политической организации, изложенный в 9 параграфах и оканчивающийся словами: «за провокац. с. к. + ». Экспертизой установлено, что все обнаруженные рукописи, описанные в пунктах с 11 и до последнего 15, написаны рукой Григория Курочкина.

У Александра Ансберга при обыске квартиры предосудительного ничего найдено не было, но во дворе той дачи, где жил Ансберг, были обнаружены три снаряженные бомбы, полузакопанные в землю между корней дерева.

У Александра Иванова и у Григория Романова ничего преступного

обнаружено не было. Обыск у Ивана Ершова и Константина Иванова также не дал никаких результатов.

У Александра Мекси на его квартире: 1) 31 нелегальных брошюр, которые, между прочим, утеряны; 2) трехлинейная винтовка нового образца в разобранном виде, при чем экспертизой установлено, что эта винтовка собрана из разных частей, что из нее производилась стрельба и что она пригодна к таковой и в настоящее время, но представляет опасность для стреляющего ввиду отсутствия на ней ложевых колец; 3) деревянная модель револьвера системы Браунинг.

У Анны Парамоновой на ее квартире, при чем свидетелем старшим помощником пристава 2 участка Нарвской части, подполковником Сигизмундом Сухамель, присутствовавшим при обыске, подтверждаются обстоятельства таковые; 1) 3 записки, из которых одна представляет из себя листок почтовой бумаги с письмом следующего содержания: обращаясь к «Вале, Ганне, Борису, Альфреду и Анне Никол.», автор пишет, что его высылают в Архангельскую губ., в один из северных уездов, что он посылает письмо Комарницкого и просит его напечатать и распространить во многих экземплярах «среди кронштадтцев и по России» и тем исполнить «последнюю волю казенного». Вместе с тем автор сообщает, что он «бодр, весел и смеется над «сволочью», которая за отсутствием улики должна так комично покончить дело». В заключение, посылая всем привет, автор извещает, что он все равно убежит из ссылки. Подпись «Ваш М.». На этом же листке помещено стихотворение «Стена» и «Завещание товарищам рождя кронштадтского восстания», матроса Комарницкого, казенного в числе 9-ти на форте № 6, в ночь на 23 сентября. Завещание это, начинающееся словами: «Товарищи! Остается несколько часов до расстрела», оканчивается: «Довольно рабских цепей, долой самодержавие, долой царя; да здравствует свобода всему великому русскому народу!». Вторая записка, на клочке почтовой бумаги, начинается словами: «Для учителей Эрфуртская программа» и заключает в себе отдельные фразы, без всякой связи между собою. 2) Бессрочная паспортная книжка на имя Анны Загайной.

Нижепоименованные обвиняемые, не признавая себя виновными, при допросе на полицейском дознании, произведенном ленсином Пессоненом и при формальном дознании, произведенном при с-петербургском губернском жандармском управлении, дали следующие объяснения: Альфред Нейман, что, наняв дачу в деревне Хаапала, он свез туда все принадлежности для оборудования лаборатории, но откуда взял их, не объяснил. Переехав и приведя в порядок лабораторию, он отправился встречать Чесского, который привез с собой корзину, по что в ней было, он, Нейман, не знает. Чесский, оставив на даче корзину, уехал, а он, обвиняемый, читал и работал в лаборатории. В субботу вечером на дачу съехалось человек 10, а в воскресенье утром приехало еще несколько человек. Фамилий приехавших он не знает, а если бы и знал, то все равно не сказал бы. В воскресенье же он читал посетителям лекции о взрывчатых веществах и слушатели делали для себя разные пометки. Цель его занятий была чисто научная, а его товарищей — чтобы ввиду «наступающего особенного исторического момента быть готовыми к таким действиям, из которых можно было бы извлечь пользу». Бомбы они не изготовляли, а найденные у них были даны ему на хранение. В Финляндию он, Нейман, приехал заниматься потому, что полагал, что здесь это не преследуется законом. Сторожей они не ставили, а арестованные 2 мужчин просто прогуливались. Затем он, обвиняемый, сознался, что у них раньше была лаборатория на даче Мутте, которую он нередко посещал. В последних числах апреля он, Нейман, пригласил на дачу 8 человек, фамилии которых сказать не пожелал, и предложил им организовать правильные

занятия, но они отказались. В этой, первой лаборатории у них взрывчатых веществ не было. На этой же даче с ними жила одна женщина. В лаборатории они как-то нечаянно разлили серную кислоту, и хозяин дачи, боясь пожара, потребовал, чтобы ему очистили дачу. Тогда они переехали в деревню Хаапала. Относительно найденной на даче программы объяснил, что это копия с подлинника, который приезд как-то один из товарищей, но была ли эта программа одобрена партией, или это был только проект, он, обвиняемый, не знает. К боевой организации сам он не принадлежал, но в принципе признает правильными ее цель и стремления. Цель же эта, по его словам, состоит «в изменении существующего в России административного строя посредством вооруженного восстания». Читая лекции, он хотел познакомиться своих слушателей со взрывчатыми веществами, которые служат одним из средств вооруженного восстания. Он, Нейман, готов одобрить обнародованную в манифесте конституцию, но так как правительство ее не осуществило, то он считает необходимым понудить к этому правительство насильственными мерами. Затем он, обвиняемый, сознался, что ставил сторожей для предупреждения ареста. Часть отобраанных при обыске записей и книг признал принадлежащими ему. Когда дачу окружила полиция, то он, Нейман, слышал, как кто-то, кажется, Чесский, предупредил, что если это финны, — не стрелять. В конце концов, он, обвиняемый, сознался, что в числе арестованных, может быть, и есть члены боевой организации, но кто именно, он не знает. Будучи в с.-петербургской тюрьме, он, Нейман, подал письменное заявление в с.-петербургское губернское жандармское управление, в котором написал, что он себя виновным не признает, а что эти обстоятельства сложились таким роковым для него образом. Ездил же он в Финляндию по приглашению одного из своих товарищей, фамилии которого он сказать не хочет, не желая навлекать на него неприятности, но которого он вызовет в качестве свидетеля в суд. Его товарищ жил в Финляндии, так как он был выслан административным порядком из Петербурга, и пригласил к себе его, Неймана, чтобы совместно заниматься немецкими переводами. Он, обвиняемый, принял это приглашение и уехал в Финляндию 16 марта 1907 г. Живя в Финляндии, он изредка и ненадолго приезжал в Петербург, чтобы продавать свои переводы, в различные книгоиздательства. В Финляндии же он, Нейман, встретился со своим бывшим товарищем по училищу Александром Чесским и изредка посещал его, но эти посещения преступного характера не имели.

Александр Андреев (Андрей Фролов) — что он познакомился с Альфредом Нейманом в Петербурге. Сам он в то время, как слушатель Лесгафтовских курсов, готовился к выпускному экзамену, и Нейман пригласил его к себе на дачу, желая помочь ему в его занятиях. Он, обвиняемый, приехав на дачу, застал там еще 8—9 человек, и Нейман читал им лекции о взрывчатых веществах и о применении таковых на террористических актах. Эти лекции его, Андреева, не особенно занимали и он их не записывал. Затем он, обвиняемый, вернулся в Петербург, желая присутствовать на празднике 1 мая и после праздника опять вернулся в Финляндию, интересуясь опытами. В читаемых лекциях ничего не говорилось об изготовлении бомб и он, обвиняемый, увидел таковые только при аресте. С особенным одушевлением производил опыты Андрей Михайлов. Сторожа назначались каждую ночь, чтобы предупредить остальных при внезапном аресте. Целью слушания лекции его, обвиняемого, было только изучение практических опытов, цель же других слушателей, он полагает, была чисто научная. (На допросе при производстве дознания при с.-петербургском губернском жандармском управлении). Будучи уволенным с Урало-Волжского металлургического завода, он, Андреев, был в гор. Царицыне,

где он жил без места, а поэтому, взяв на чужое имя (Фролова) паспорт, поехал в Петербург, где поступил на Франко-Русский завод. С этого завода он был уволен по случаю сокращения работ. По своим убеждениям он сочувствует социал-демократам-большевикам, но к членам партии не принадлежал. В остальном он подтвердил свои показания, данные им в Финляндии, и добавил, что об убийстве пограничного стражника узнал от полицейских, которые вели его в тюрьму. Затем Андреев объяснил, что он был арестован в гор. Царицыне за распространение прокламаций, но был выпущен из тюрьмы. Не имея при себе паспорта, он случайно достал его от неизвестного ему рабочего, при чем этот паспорт был на имя Фролова. Насчет того, что он, обвиняемый, показал денсману, что Михайлов с особенным усердием занимался опытами, объяснил, что говорил это шутя, подразумевая под опытами изготовление Михайловым обеда, каковое ему было поручено. Вообще же он, Андреев, находит, что его показания в Финляндии несколько искажены, наверное, вследствие плохого перевода. Кроме того, он, обвиняемый, показал, что, когда их всех арестовали и везли в Выборг, они по дороге сговорились показывать одно и то же, а именно, что занимались в лаборатории с научной целью. Наконец, сознался, что он был свидетелем убийства пограничного стражника, при чем его показания по этому делу совершенно одинаковы с таковыми же Константина Иванова, а именно он подтвердил, что стражника убили Юдин и Ян Кульпе. Записку, в которой упоминается про учебники по взрывчатым веществам, писал он, Андреев, желая купить эти учебники из простого любопытства.

Иван Иост (Петр Вич) — что он познакомился с Альфредом Нейманом в Петербурге и узнал, что последний читает лекции по химии взрывчатых веществ, демонстрируя их соответственными опытами. Узнав, что эти лекции происходят в Финляндии и интересуясь ими, он, Иост, в числе 15 человек, отправился к Нейману. Сказать фамилии своих спутников он отказался. На ст. Келломяки их встретил Нейман. Во время пребывания его, обвиняемого, на даче состав слушателей лекций все время менялся. В содержание лекций входили сведения по политическим вопросам, поскольку это касается употребления взрывчатых веществ, и опыты по взрывчатым веществам, — о снаряжении бомб ничего не говорилось. Записей он, обвиняемый, не делал, но опыты производил. Отобранный у него револьвер-браунинг он взял у своего товарища в Петербурге; как фамилия этого товарища, — сказать отказался. Во время ареста он, Иост, был в карауле и, когда его задержали, он хотел убежать, но его остановили, тогда он хотел закричать, но ему зажали рот. Некоторые из посетителей дачи принадлежали к боевой организации, но кто именно, показать не пожелал. На вопрос, принадлежит ли он сам к боевой организации, не ответил, а сказал, что он — социал-демократ. По его словам, цель боевой организации — распространение теоретических сведений, необходимых при вооруженном восстании, об употреблении оружия и взрывчатых веществ. Организация теперь не имела в виду приступить к какому-либо террористическим действиям, но если бы партия признала необходимым вооруженное восстание, организация начала бы действовать. Ту же цель, т. е. ознакомление для нужного случая со взрывчатыми веществами, по его, обвиняемого, словам, преследовали все прибывшие на дачу к Нейману. Снаряженные бомбы держались на тот случай, чтобы взорвать их при аресте. В среду 15 мая (нов. стиль) на дачу приехал какой-то господин, который сказал, что все окрестные жители, у которых он расспрашивал дорогу, знают, что в дачу съехалось много народа и относятся к этому подозрительно. Боясь быть арестованными, несколько человек уехало в тот же день в Петербург, но фамилии уехавших сказать отказался. На допросе при производстве

дознания при с.-петербургском губернском жандармском управлении сознался, что его зовут Иван Иост. Затем объявил, что так как протокол полицейского дознания в Финляндии был составлен в его отсутствие, то многое в нем искажено, почему он, Иост, и не признает все эти показания за свои.

Яков Линд (Григорий Каменецкий — на допросе в Финляндии) — что он сговорился со своим товарищем, фамилию которого не показал, но который знал о том, что в Финляндии читаются лекции по взрывчатым веществам, поехать на эти лекции. В Финляндии он слушал лекции и производил опыты. На все вопросы, особенно касающиеся его товарищей, отказался отвечать. Цель своих занятий по взрывчатым веществам сначала сказать отказался, но потом объяснил, что эта цель была чисто научная. Так как они вооружались против русских властей, то он, обвиняемый, находит, что по финляндским законам их занятия не могут быть воспрещаемы. При производстве дознания при с.-петербургском губернском жандармском управлении сознался, что его зовут Яковом Линдом, но дальнейших показаний давать не пожелал и только признал, что заметки о взрывчатых веществах, начинающиеся словами: «быстро горящие вещества», написаны им.

Андрей Михайлов — что, он, узнав от одного своего товарища, фамилию которого не знает, что Альфред Нейман в Финляндии читает лекции по взрывчатым веществам, поехал слушать эти лекции. Приехав на дачу, он был и в лаборатории, но что именно там находилось и для какой цели, — он не знает. Сам он опытов никаких не производил и не видел, чтобы их производили другие. Он, Михайлов, видел у Альфреда Неймана бомбу, и Нейман ему сказал, что она ему дана кем-то на хранение. Ставили ли в ночное время сторожей, он, обвиняемый, не знает. Отобранное у него ружье он купил в Выборге у какого-то финна. Вообще он, обвиняемый, от показаний отказывался, ссылаясь на свое незнание. На допросе при производстве при с.-петербургском губернском жандармском управлении давать какие-либо показания отказался.

Михаил Масленников (Александр Борщев) — что он 12 мая (нового стиля) приехал из города Костромы в Петербург на заработки. Здесь он встретился с товарищем Александром, фамилию которого не знает, и по его предложению поехал в Финляндию поучиться химии, при чем Александр дал ему адрес Неймана. 14 мая он, обвиняемый, приехал на дачу, где и слушал лекции о взрывчатых веществах, но опытов не производил. По ночам бывал в карауле, чтобы предупредить остальных на случай ареста. Во время ареста кто-то предупредил, что если это финны, то не стрелять. Револьвер он получил от Неймана в собственность. Всех слушателей лекций было до 20 человек, но когда приехавший к ним какой-то мужчина предупредил их, что окрестные жители знают о собраниях на даче и относятся к этому подозрительно, половина посетителей дачи раз'ехалась. Бомб они не изготавливали, но Нейман показывал им, как надо снаряжать бомбы. Слушая лекции, он записывал их в отобранную у него тетрадь. Когда он, Масленников, ехал слушать лекции, то не знал, что именно будут читать о взрывчатых веществах, а думал, что просто по химии, которую он интересовался. Других целей слушания лекций, как только приобрести теоретические познания, у него не было. Попадающиеся в его тетради записки по вопросу о революции он, обвиняемый, писал со слов Неймана и пополнил своими соображениями. На допросе при производстве дознания при с.-петербургском губернском жандармском управлении сознался, что его зовут Михаил Масленников, признал, что найденные у него заметки писаны им, но от дальнейших показаний отказался.

Александр Суворов — что он попал в Финляндию следующим образом: один из его товарищей, фамилию которого он сказать не по-

желал, заболел и попросил его съездить в указанное им место, сказав, что там читаются лекции по взрывчатым веществам. Он, Суворов, находясь без места, решил поехать. На указанной ему товарищем даче действительно читались лекции, при чем лектором был Нейман. Сам он, обвиняемый, ничего не записывал, опытов не производил и в лабораторию не входил. Когда он увидел, что назначаются по ночам сторожа, то он решил, что чтение подобных лекций — незаконные деяния, но все-таки не уехал с дачи, решив, что все равно, «будет, что будет». Когда полиция оцепила дом, то все проснулись, и он, Суворов, слышал, как кто-то сказал, что если это финляндская полиция, то не стрелять, а сдаваться без сопротивления. О существовании боевой организации он слышал, но сам к ней не принадлежал. На допросе при производстве дознания при с.-петербургском губернском жандармском управлении отказался давать какие бы то ни было показания.

Александр Чесский (Иван Давыдов — на допросе в Финляндии) — что он ездил в Гельсингфорс для закупки там химических приборов и веществ, которые он свез на дачу, нанятую Нейманом. Затем он поехал в Петербург за товарищами. Состав слушателей лекций часто менялся, но общее число посетителей было около 30 человек. Предметом занятий было изучение взрывчатых веществ, цель же занятий — чисто научная. Сторожа выставлялись для отражения неожиданного нападения на лабораторию. В былое время он, Чесский, сам принимал пассивное участие в политических манифестациях. Во время занятий в лаборатории он, обвиняемый, показывал слушателям опыты. Найденные на даче динамит и бомбы были привезены на хранение, но кем — сказать не пожелал, не пожелал также назвать фамилии посетителей дачи.

Михайлов был у них за повара, и поэтому, вероятно, в шутку и написал на бумаге «вход воспрещен». Отобранные у него, Чесского, книги и записки признал за свои. Оружие, которое было найдено на даче, имелось у них для самозащиты, но откуда оно взялось, он не знает. Бомб в своей лаборатории они не изготавливали. Во время ареста, узнав, что их арестовывает финляндская полиция, он, Чесский, приказал товарищам не стрелять. На допросе при производстве дознания при с.-петербургском губернском жандармском управлении показал, что он, будучи в Москве, принимал деятельное участие в революционной борьбе и оказывал свои услуги боевой организации, которые (услуги) заключались в том, что он знакомил дружинников организации с конструкцией разрывных снарядов, их снаряжением, метанием и хранением, а также с изготовлением для революционных целей различных взрывчатых веществ. Взял он это на себя потому, что сам очень хорошо знаком с техникой взрывчатых веществ. Он признает необходимым для народного блага ниспровержение существующего в России политического строя насильственным путем. За свою деятельность он был арестован, но убежал из-под стражи и долгое время скитался по разным городам России и, наконец, приехал в Петербург, где жил по подложным паспортам. В Петербурге он также принял участие в деятельности боевой организации и до конца марта 1907 года занимался технической подготовкой членов боевых дружин к вооруженному восстанию и изготовлял отдельные части разрывных снарядов, которые, в случае вооруженного восстания, могли бы быть собраны в целые снаряды. Согласно найденной в дер. Хаапала резолюции, руководящая группа Петербургской боевой организации решила устроить специальную лабораторию для изготовления снарядов и обучения технике дружинников организации. В марте он, Чесский, устроил такую лабораторию в дер. Куоккала, но для своей собственной технической подготовки. Эту лабораторию посещал Нейман и несколько других лиц, один из которых в его отсутствие пролил азотную кислоту. Это происше-

ствие напугало местных жителей и он, обвиняемый, боясь, что о существовании лаборатории узнают агенты охранного отделения, переехал в деревню Хаапала, а лабораторию передал Нейману, который и снял дачу у крестьянина Пимии. Здесь он, Чесский, своих занятий не прекращал. На эту дачу к ним съезжалось много желающих учиться химии взрывчатых веществ; для какой цели слушатели желали учиться, — он, Чесский, не знает, но сам он учил их для революционных целей. Фамилии лиц, с которыми он имел сношение, сказать не пожелал. Об убийстве пограничного стражника он знает, но участников убийства — нет. Он, Чесский, также вел занятия и в инструкторской школе, при чем опять-таки по технике взрывчатых веществ. Велась ли в этой школе занятия по ознакомлению с огнестрельным оружием, — он сказать не пожелал; не пожелал также ответить, где была эта школа. Снарядов в Финляндии он не изготовлял. Найденные в дер. Хаапала взрывчатые вещества частью он приготовил сам, частью достал, но откуда — не пожелал ответить. Бомбы, найденные там же, он также достал, но откуда — опять-таки не сказал. Рукописи, найденные при обыске и отмеченные экспертизой, как писанные им, признал действительно своими.

Согласно заключения старшего врача с.-петербургской тюремной больницы о том, что А. Чесский болен первичным помешательством, постановлено исследовать его умственные способности.

Финляндский гофгерихт приговорил обвиняемых за приготовление к преступлению против верховной власти к заключению в смиренном доме, с соответственной денежной пеней и с лишением доверия сограждан на соответственное число лет: Александра Неймана — на 3 года и 3 месяца, Александра Суворова и Андрея Михайлова — на 1 год и 9 месяцев каждого и Ивана Иост, Яна Кульпе, Мартина Самейт, Александра Андреева, Михаила Масленикова, Якова Линда и Карла Лодина — на 2 года и 10 дней каждого, а Александра Чесского постановил выдать в распоряжение московского судебного следователя по особо важным делам.

Согласно заключению старшего врача тюремной больницы о том, что А. Суворов обнаруживает признаки психического расстройства, постановлено исследовать состояние умственных его способностей.

Затем привлеченные и допрошенные при производстве дознания при с.-петербургском губернском жандармском управлении, нижепоименованные обвиняемые, не признавая себя также виновными, показали:

1) Константин Иванов — что в апреле 1907 года он как-то пришел к Аристову (он же Александр Иванов) и там застал неизвестного ему человека по имени «Иван», в котором он, обвиняемый, по предъявленной ему фотографической карточке признает Иоста. Этот человек сидел в комнате, занимаемой Григорием Курочкиным, где уже был Иван Ершов и куда немного погодя пришел Алексей Простаков. Иван спросил у присутствующих, т. е. у Григория Курочкина, Ивана Ершова, Алексея Простакова и его, Константина Иванова, согласны ли они войти в боевую организацию РСДРП, на что все ответили согласием. Тогда «Иван» сказал, что в следующий раз принесет с собою браунинг, покажет его сборку и разборку и вообще, как с ним обращаться, затем «Иван» рассказал про московское восстание и как вообще надо действовать во время вооруженного восстания и, окончив рассказ, назначил время для будущей сходимки, после чего все разошлись по домам. В следующий раз, кроме их четырех, пришел Григорий Романов, и «Иван» демонстрировал перед ними браунинг и объявил, между прочим, что он принадлежит к Чернореченскому подрайону боевой организации. На этом сходка закончилась. В третий раз все собрались без Г. Романова. «Иван» демонстрировал перед ними револьвер Ма-

уэра и предупредил, чтобы они готовились к поездке в Финляндию на практические занятия. В последних числах апреля они все опять собрались на квартире Григория Курочкина, и «Иван» назначил им день отъезда в Финляндию, каждому оставил на дорогу деньги и предупредил, что их встретит на ст. Келломяки товарищ Александр, в котором он, обвиняемый, по предъявленной ему фотографической карточке, признает Александра Чесского. Когда они приехали на дачу в дер. Хаапала, то встретил там неизвестного ему, обвиняемому, товарища, по имени Альфред, в котором он, обвиняемый, по предъявлении ему фотографической карточки, признал Неймана. Нейман сказал прибывшим, чтобы они располагались, как дома. В тот же день приехало еще несколько человек, в числе которых был и «Иван». На следующее утро всех собралось около 23 человек. После чего Александр стал читать присутствующим лекции, как надо начинать бомбы и обращаться со взрывчатыми веществами, потом стали готовить всякие взрывчатые вещества, и Александр при нем, обвиняемом, начинил 5 или 6 бомб, а остальные присутствующие помогали ему. На пятый день своего пребывания на даче, он, К. Иванов, с Г. Курочкиным и А. Простаковым пошли гулять на реку Сестру, а несколько человек других посетителей дачи пошли в лес. По предъявленном ему, обвиняемому, фотографическим карточкам арестованных в Финляндии лиц он признает Яна Кульпе, Александра Андреева, Карла Лодина и Мартина Самейта теми лицами, которые пошли в лес. Вернувшись с гулянья, он, обвиняемый, услышал выстрелы, а немного спустя прибежали на дачу вышесказанные лица из леса и сказали А. Чесскому, что они убили пограничного стражника. (Дело об этом убийстве выделено в особое производство). После этого происшествия все стали совещаться: раз'езжаться или нет, и порешили, что останется тот, у кого есть оружие, а у кого такового не имеется, тот может уезжать, при чем Александр Чесский просил никого не рассказывать о происшедшем, и все на это согласились. В числе уехавших были Григорий Курочкин, Алексей Простаков и он, обвиняемый, в общем же всех уехавших было человек 7 или 8. Во время своего пребывания на даче он, Константин Иванов, видел лабораторию, химические приборы, склянки и пакеты с разными химическими веществами и взрывчатым смесями. На столе в лаборатории, лежал лист бумаги с надписью «в лаборатории ни до чего не дотрагиваться» и на этом же столе лежала резиновая перчатка, но для какой цели — он, обвиняемый, не знает. В столовой на полу лежало около 5 оболочек для бомб. Приступая к чтению лекций, Александр Чесский объявил присутствующим, что они, как «члены боевой организации», должны быть подготовлены к тому, чтобы при вооруженном восстании руководить другими, и поэтому им надо уметь хорошо владеть оружием, начинать бомбы и готовить взрывчатые вещества. Во время вооруженного восстания они, по словам А. Чесского, должны были помогать народу уничтожением тех лиц, «которые мешают революции, и борьбой с войсками». Кроме того, А. Чесский объяснил, что отдельных лиц убивают анархисты, а боевая организация должна действовать во время вооруженного восстания.

Спустя неделю после приезда в Петербург, он, обвиняемый, пошел к Григорию Курочкину и там застал неизвестного ему человека по имени «Овод», от которого узнал об аресте в Финляндии, и «Овод» сказал, что «мы все-таки будем продолжать свою работу». Вообще же он, обвиняемый, в последнее время ходил к Григорию Курочкину очень редко. Однажды, в одно из таких посещений, они пошли гулять на ст. Ланскую, и Курочкин сказал ему, Константину Иванову, что он получил заказ начинить бомбу и что он попробует исполнить это, на вопрос же его, обвиняемого, кому, ответил, что это его дело. Спустя неделю он, Константин Иванов, опять встретил Курочкина и спросил,

начинил ли он заказанную ему бомбу, на что этот последний ответил, что нет, так как ему не дали начинать ее, боясь, что он не сумеет этого сделать, а данный ему материал велели отвезти, но куда, Григорий Курочкин не сказал. До встречи с Иостом из них четырех никто не принадлежал к боевой организации. Григория Романова, как бывшего один раз на их заседании, они не считали вошедшим в состав боевой организации. Иван Ершов в Финляндию с ними не ездил, так как перед отъездом по какой-то причине отказался. Александр Иванов с ними компании не водил и, насколько ему, обвиняемому, известно, никакого отношения к боевой организации не имел.

Затем Константин Иванов от своих показаний отказался.

2) Григорий Курочкин — что ему принадлежат отобранные по обыску на их совместной квартире с Алексеем Простаковым весы с разновесами и разные химические вещества, а Простакову — револьвер, кинжал и все брошюры. Все эти вещи он приобрел для употребления при охоте, так как в Олонецкой губернии, месте его родины, много зверя, а он собирался поехать туда поохотиться, из этих химических веществ он хотел составлять порох для охоты, при чем бертолетовая соль и танин идут, как ему кажется, в черный порох, а сера в охотничий. Порошок в пузырьке это «Kali ferrum» и употребляется при «калке железа». Инструкцию по изготовлению взрывчатых веществ он списал у своего мало ему знакомого Петра Николаева. С этим Петром Николаевым они встречались в Ланском парке и этот же Николаев посоветовал ему купить весы и прочие химические вещества. В Финляндию он ездил 2 раза: первый — хотел проехать на свою родину, в Олонецкую губ., но у него нехватило на дорогу денег и он вернулся, а второй раз ездил с Алексеем Простаковым к своему знакомому, товарищу по училищу, Андрею Ивановичу Мельцусу, который жил на собственной даче родителей в Келломяках. На втором допросе он, Курочкин, сознался, что был один раз в Финляндии в деревне Хаапала на лекциях по взрывчатым веществам с целью познакомиться с химией, как с наукой. Все лица, которых он там встретил, ему не были знакомы. На предъявленных ему карточках признал Алексея Простакова, Григория Романова, Александра и Константина Ивановых и Ивана Ершова.

3) Алексей Простаков давать какие-либо показания по настоящему делу отказался.

4) Иван Ершов — что он знает Григория Курочкина и Алексея Простакова, Константина Иванова по фамилии не знает, а з. лицо, может быть, и знает. Он также жил с Григорием Курочкиным в квартире, но человек по имени «Иван» к ним не приходил и вступать им в боевую организацию не предлагал. Все показания насчет него других лиц он признает неправильными.

5) Анна Парамонова — что прозвище «Казачка» принадлежит ей. Две из отобранных у нее по обыску записки признала своими, третья же со стихотворением «Стена» — нет, и откуда она взялась, не знает; с Чесским и Нейманом она знакома давно и состоит с ними в дружеских отношениях, но относительно того, принадлежат ли они или кто-либо из знакомых к боевой организации или вообще участвуют в революционном движении, ответить не желала. В Финляндию она, Парамонова, ездила 2 раза: один раз на Иматру, а другой — на дачу Мутте к Чесскому и Нейману. При ней приходили на дачу какие-то люди, и сразу больше 2—3 человек на даче не собиралось. Химической лаборатории она, обвиняемая, не видала и не знает, была ли вообще такая лаборатория, хотя знает, что на даче была какая-то секретная комната, ключ от которой всегда был у Чесского, и в эту комнату Чесский ее не пускал, так что она не знает, что в ней было. На даче она прожила 2 недели и очень часто уходила гулять с Нейманом. Что

делал в ее отсутствие Чесский со своими гостями, она не знает, но в ее присутствии разговора о взрывчатых веществах не бывало. С дачи она уехала раньше Чесского и Неймана, так что сдавать на хранение лабораторию по отъезде первых двух лиц, как об этом имеются сведения, она не могла. Из Гельсингфорса химических веществ не привозила. О поранении Ансберга также ничего не знает. Переезжал ли Чесский с Нейманом в дер. Хаапала, а равно и о причинах этого переезда, если таковой был, она, Парамонова, не знает. О знакомых Чесского и Неймана ответить не желала. О существовании инструкторской школы при боевой организации ничего не знает. Принадлежности женского костюма, найденные при обыске дачи Пимии, признала своими, но, как они там очутились, ответить не желала. Объяснить, как к ней попала паспортная книжка на имя Анны Загайной, тоже не желала.

6) Александр Мекси — что он винтовку получил от Александра Ансберга на хранение. С Ансбергом он товарищ по училищу. Зимой они несколько раз ходили на практическую стрельбу в лес близ Лигова, при чем брали с собой либо револьвер, либо ружье, ходили человека по 2, 3, 4 или 5, но кто именно с ними ходил, не знает. Он также ходил и в «инструкторскую школу». Был несколько раз в Горном институте и на курсах Лесгафта, где встречал Андрея, Андрея Михайлова, Ивана, Августа и некоторых других лиц, фамилий и имен которых не знает. Перед пасхой он ездил на дачу Мутте в Финляндии, где слушал лекции по лабораторной части. На даче были Андрей, Андрей Михайлов, «Шурка», Ансберг, «Казачка» и некоторые другие лица, фамилий которых он не знает. Он, Мекси, пробыл на даче всего 1½ дня и поехал домой, при чем взял с собой какой-то пакет, но что в нем было, он не знает. Пакет этот он получил от неизвестного ему человека, с которым он встречался в инструкторской школе. Затем этот пакет от него взяли и оставили ему какой-то другой пакет, который он отвез на дачу Мутте. Когда он второй раз поехал на эту дачу, то пробыл там очень недолго. Позже он узнал, что у Ансберга прострелена нога. Слыхал он и про вторую поездку в Финляндию, но куда именно едут и для какой цели, не знает. По фотографическим карточкам установил, что Андрей — Александр Андреев, «Шурка» — Александр Чесский, который читал им лекции, «Иван» — Иост, «Казачка» — Анна Парамонова. На втором допросе он, Мекси, дополнил свои предыдущие показания, объяснив, что раньше они с Ансбергом занимались стрельбой одни, и когда однажды стреляли из револьвера системы нагана, к ним подошли какие-то два неизвестных им человека и попросили у них позволения пострелять из нагана, обещав дать им взамен пострелять из браунинга. Но так как у них не было больше патронов, то они условились свидетельствовать в этом месте в другой раз и тогда заняться совместной стрельбой. В назначенный день все собрались, как условились, но вместо двух неизвестных пришло трое, после они впятером собирались еще несколько раз. После одной такой стрельбы он, Мекси, оставил у Ансберга на хранение винтовку, которую и получил в разобранном виде. От того же Ансберга он узнал, что в Горном институте и на курсах Лесгафта читаются лекции по стрельбе. Интересуясь стрельбой, он, Мекси, ходил туда на лекции, и им показывали сборку и разборку револьверов нагана, браунинга, маузера и винтовки. На лекциях собиралось человек 20—25, лекции читались двумя неизвестными ему людьми. Как после он, обвиняемый, узнал место, где читались лекции, называлось «инструкторской школой». Он, Мекси, ходил на лекции раза четыре и, как только лекции кончались, уходил домой, так что не знает, что в школе делалось и говорилось после его ухода. В последний раз, когда он был на лекции, какой-то неизвестный ему молодой человек, один из посещающих эти лекции, попросил у него взять на хранение какой-то пакет, содержимого которого он, Мекси,

не знал. Он, обвиняемый, согласился, и ему принесли 2 пакета, один из которых скоро взяли обратно, а другой остался и был взят у него при обыске. Однажды, перед пасхой, он, Мекси, зашел в школу, где узнал, что ученики школы собираются ехать в Финляндию заняться стрельбой. Он также попросил позволения присоединиться к едущим. Когда они приехали в Финляндию на дачу Мутте, то он, обвиняемый, увидел, что в одной из комнат дачи была устроена лаборатория, в которой и читались Александром Чесским лекции. В этой лаборатории стоял шкафчик, в котором производились опыты, аптекарские весы, химические приборы и разные химические вещества. Лекции читались с свойствах взрывчатых веществ и демонстрировались опытами, но про приготовление взрывчатых веществ не говорилось. На даче он, обвиняемый, видел «Альфреда», который приехал и опять куда-то уехал. Стрелять им не пришлось, так как у них не было оружия. Так как пакет, данный ему, Мекси, неизвестным человеком на хранение, все еще продолжал лежать у него, то он, обвиняемый, решил отвезти его на дачу Мутте и для этой цели поехал вторично в Финляндию. Там ему сказали, что хозяин дачи требует от приезжающих паспорта, и он, как не взявший такового с собой, уехал в Петербург. После этого, он, Мекси, в Финляндию не ездил и ни с кем сношения не имел, исключая тот случай, когда он, не помнит только от кого, узнал о том, что Ансберг, разряжая револьвер, ранил себя в ногу. У Ансберга на квартире он не бывал, так что не знает, хранил тот у себя оружие и взрывчатые вещества или нет. Инструкторская школа по его, Мекси, показаниям, была в Горном институте, где он был на лекциях в первый раз, а затем лекции происходили как в этом институте, так и на курсах Лесгафта, но в каких именно аудиториях, он указать не может. Цель этих лекций, как он, Мекси, полагал, была научная, а не революционная. По фотографической карточке признал Неймана, как одного из посетителей дачи Мутте.

7) Григорий Романов — что он состоит членом союза русских людей. Ивана Ершова, Александра Иванова, Григория Курочкина, Константина Иванова и «Алексея» знает, познакомился с ними случайно, через Александра Иванова, но принадлежат ли они к боевой организации, не знает¹⁾. Однажды, после пасхи, он действительно заходил к Александру Иванову, где застал Григория Курочкина, Ивана Ершова и Константина Иванова, но никакого револьвера он у них не видал. Когда он пришел к ним, то застал Ершова играющим на гитаре, а остальные пели. Пробыл он там короткое время и скоро ушел, так как он был пьян и присутствующие не желали с ним, как с пьяным, разговаривать. В это посещение ему никто не предлагал вступать в боевую организацию и о деятельности этой организации он решительно ничего не знает.

8) Александр Иванов (по прозвищу Аристов и Рыжов) — что он знаком с Иваном Ершовым через его сестру, с которой он, Иванов, сожительствует. Ершов снимал у него комнату, в которую впоследствии переехал Григорий Курочкин. Их довольно часто посещал Алексей Простаков, реже приходили Григорий Романов и Константин Иванов. Вся эта компания его, обвиняемого, чуждалась, и когда он однажды попросил их взять его с собой в то место, куда они собирались идти, то они ему ответили, что с пьяницей не желают иметь никакого дела. В комнате жильцов он бывал редко, но не замечал там чего-либо преступного. Кроме вышеупомянутых лиц, к его жильцам ходили еще какие-то неизвестные ему лица, а Григория Курочкина, кроме того, посещала еще какая-то женщина, фамилии которой обвиняемый не

¹⁾ Про Григория Курочкина он знал, что он находится «в подозрении у администрации», но причин этого «подозрения» не знает.

знает. Не знает также, принадлежали ли Курочкин и Ершов к какой-либо преступной организации.

9, 10 и 11) Ян Кульпе, Карл Лодин и Мартин Самейт виновными себя не признали, но участие Карла Лодина при производстве опытов было установлено показаниями Неймана и Андреева, а Кульпе и Самейт сознались, что они, слушая лекции, делали себе для памяти заметки, и Самейт, кроме того, что он производил опыты.

12) Александр Ансберг разыскивается.

Допрошенные в качестве свидетелей при производстве формального дознания: Эдуард Линд, Георгий Шагун, Наталья Филатова и мещанка Варвара Свинкина установили личность обвиняемого Якова Линда. Сергей Андреев, Константин Васильев и Иван Хохеев установили личность Александра Андреева. Ян Остель, Карл Кульпе, Иоганн Укке и другие, — что именуемый себя Адамом Остелем есть в действительности крестьянин Ян Кульпе.

Мещане Фриц Лодин и Анна Лодина установили личность обвиняемого Карла Лодина.

Василий Андреев, Евгений и Ольга Михайловы и другие установили личность обвиняемого Андрея Михайлова, а Александр Мосс показал, что А. Михайлов перед пасхой уезжал куда-то на неделю или на две и что из разговоров с ним он, свидетель, вывел заключение, что Михайлов сочувствует революционному движению. Федор Смирнов, владелец столярной мастерской, у которого А. Михайлов служил подмастерьем, показал, что он слышал, что Михайлов ведет общение с людьми, занимающимися «революционными делами», но с кем именно и в чем выражалась революционная деятельность Михайлова, он, свидетель, не знает. Когда была забастовка рабочих его мастерской, Михайлов принимал в ней деятельное участие. Но вместе с тем он, свидетель, добавил, что, судя по записям в расчетной книжке Михайлова, он работал у него до 12 мая и нигде из Петербурга не уезжал, и что у него служил всего 2 недели в последних числах февраля и в начале марта другой Андрей Михайлов, но на предъявленной ему, свидетелю, фотографической карточке он признает первого Андрея Михайлова. Александр Смирнов во всем подтвердил показания своего отца, Федора Смирнова, и добавил, что он также слышал, что А. Михайлов участвовал в каких-то кружках и организациях и посещал тайные собрания этих организаций.

По осмотре домовой книги дома, где жил обвиняемый, оказалось, что он отмечен выбывшим на родину 8 мая 1907 года, но ведущий эту книжку отставной старший унтер-офицер Василий Андреев объяснил, что не знает, соответствует ли эта отметка действительности, так как он ее сделал со слов матери А. Михайлова.

Личность Михаила Масленникова, назвавшегося при аресте Александром Борщевым, устанавливается показаниями крестьян Марии Масленниковой, Дарьи Масленниковой, Антона Бочарова и мещанина Семена Чернышева.

Личность Альфреда Неймана устанавливается показаниями вдовы провизора Софьи Крузе, помощника народного учителя Ивана Микелянос, пастора Адольфа Неймана и жены его Марии Нейман, кроме того, Софья Крузе добавила, что ее племянник, Альфред Нейман, после знакомства с Александром Чесским стал часто отлучаться из дома и поздно возвращаться, что в половине марта А. Нейман уехал, как он сам сказал, в Финляндию, чтобы заниматься там немецкими переводами, и что с ее племянником была знакома Анна Парамонова, причем, когда А. Парамонова с А. Чесским приходили к ее племяннику, то они всегда разговаривали в комнате последнего и о чем, она, свидетельница, не знает. По отъезде Неймана в Финляндию Парамонова и Чесский не заходили к нему. Осмотром домовой книги того дома, где жил

Нейман, установлено, что он 19 марта 1907 года отмечен выбывшим в Москву.

Личность Мартина Самейта, назвавшегося Родионом Ульпе, устанавливается показаниями крестьян Анны и Якова Самейта.

Личность Александра Суворова устанавливается показаниями крестьян Настасьи, Арсения и Филиппа Суворовых и мещанина Павла Селиванова, причем этот последний добавил, что он одно время служил с А. Суворовым в одном доме в дворниках. В мае 1905 г. Суворов ушел со службы и поступил подручным к сидельцу винной лавки, где и служил до мая 1907 года. Оставив эту последнюю службу, А. Суворов зашел к нему, свидетелю, отдать ему свой паспорт и ушел неизвестно куда. Летом 1907 г. он, свидетель, получил от А. Суворова письмо из Выборга, в котором тот писал ему, что он арестован за проживание без паспорта, и просил выслать таковой по указанному адресу, что и было им, свидетелем, исполнено.

Личность Александра Чесского установлена крестьянкой Александрой Чесской, Р. Казаком и Сергеем Бусселем. Кроме того, из сообщения директора случкой гимназии видно, что А. Чесский в бытность свою учеником этой гимназии принимал деятельное участие в волнениях учеников в ноябре и декабре 1901 г.

По имеющимся в деле письменным сведениям видно, что обвиняемые родились: 1) Константин Денисов Иванов—16 мая 1889 г.; 2) Иван Андреев Иост (назвавший себя Петром Вичем)—6 февраля 1889 года; 3) Григорий Павлов Курочкин — 18 апреля 1888 года; 4) Александр Янов Мекси—1 января 1888 года; 5) Алексей Александрович Простаков—11 марта 1887 года, происходят из крестьян, кроме Курочкина и Простакова, под судом и следствием не были; крестьяне же: 6) Андрей Михайлов Михайлов (без фамилии) родился в 1886 году; из сведений с.-петербургского охранного отделения видно, что 13 апреля 1907 года Михайлов был подвергнут обыску, которым были обнаружены нелегальные брошюры, но самого Михайлова за его отсутствием арестовать не удалось; 7) Михаил Дмитриев Масленников (назвал себя Александром Борщевым) — в 1883 году, привлекался в 1905 году при курском губернском жандармском управлении к дознанию по обвинению его по 103 ст. уголовного уложения, но в силу высочайшего указа от 21 октября 1905 года дознание было прекращено, мещане: 8) Александр Сергеев Андреев (называл себя Андреем Фроловым) родился в 1883 году, привлекался в 1906 году при саратовском губернском жандармском управлении к дознанию по обвинению его в распространении преступных изданий на Урало-Волжском заводе, но бежал из-под стражи и разыскивался; 9) Анна Никитина Парамонова родилась в 1875 году, привлекалась в 1905 году при с.-петербургском губернском жандармском управлении к дознанию о «группе вооруженного восстания» в качестве обвиняемой по 126 ст. уголовного уложения, причем это дознание в силу высочайшего указа 21 октября 1905 года было прекращено; 10) с.-петербургский ремесленник Яков-Иоганнес Яковлев Линд (называл себя Григорьем Каменецким) родился в 1886 году, в 1906 году привлекался при с.-петербургском губернском жандармском управлении к дознанию о «боевых организациях С.-Петербургской группы РСДРП» по обвинению по 102 и 126 ст. ст. уголовного уложения, при чем дело это было прекращено согласно заключения прокурорского надзора; кроме того, в том же (1906 году) мировым судьей 29 участка города С.-Петербурга приговорен к аресту на 3 недели за проживание по нелегальному документу; 11) сын пастора, бывший студент Альфред Адольфов Нейман родился в 1881 году, привлекался при с.-петербургском губернском жандармском управлении 2 раза: первый — в 1904 году по делу группы лиц «партизанской борьбы», при чем это дознание было прекращено в губернском совещании; второй раз — к переписке

в порядке положения государственной охраны об исследовании политической неблагонадежности, каковая переписка в силу высочайшего манифеста 11 августа 1904 года была прекращена; 12) крестьянин Александр Адамов Ансберг разыскивается.

Приговором с.-петербургской судебной палаты от 4 апреля 1908 года Григорий Курочкин и Алексей Простаков за хранение взрывчатых веществ с целью производства по мотивам политического свойства террористических действий, т.-е. за преступление, предусмотренное 2 п. 1 ст. закона 9 февраля 1906 года заключены в тюрьму на три года каждый и по приговору этому ныне отбывают наказание.

На основании всего вышеизложенного: 1) сын пастора, бывший студент Альфред Нейман, 2) с.-петербургский ремесленник Яков Линд и крестьяне, 3) Константин Иванов, 4) Иван Иост, 5) Григорий Курочкин, 6) Алексей Простаков, 7) Андрей Михайлов, 8) Михаил Масленников, 9) Александр Мекси, 10) Мартин Самейт, 11) мещанин Александр Андреев, 12) мещанка Анна Парамонова обвиняются в том, что в 1907 году в г. Петербурге одновременно вступили в образовавшееся в сем городе преступное сообщество, присвоившее себе наименование «Боевой организации при С.-Петербургском Комитете РСДРП», поставившее заведомо для них, обвиняемых, целью своей деятельности насильственное ниспровержение путем вооруженного восстания и ряда террористических актов установленного в государстве российского образа правления, с заменою такового демократическою республикою, и имевшее в своем распоряжении склад оружия и взрывчатых веществ, при чем они, обвиняемые, для осуществления намеченных сообществом целей, собирались на даче крестьянина Пимии в деревне Хаапала в Финляндии, где руководящая группа партии организовала для своих членов инструкторскую школу и лабораторию взрывчатых веществ, обсуждали там вопросы о вооруженных выступлениях, изучали технические действия взрывчатых веществ и оружие по применению таковых к отдельным террористическим актам и вооруженным выступлениям, чтобы затем в качестве руководителей принять участие в вооруженных восстаниях народа, с целью насильственного ниспровержения государственного строя в империи.

Деяние это предусмотрено 2 ч. 102 ст. уголовного уложения.

23 марта 1909 года, С.-Петербург.

Помощник военного прокурора

полковник Голубев ¹⁾.

¹⁾ Ленинградское отделение Центрального исторического архива. Юридическая секция. Дело спб. военно-окружн. суда, № 93, 1909 г. О сыне пастора, б. студенте Альфреде Неймане, ремесленнике Якове Линде и др. в числе 12 человек.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие М. Горького	5
Предисловие к первому изданию	6
Предисловие ко второму изданию	7
ПЕРВАЯ БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ	
С. Познер — Деятельность первой Боевой организации больше- виков в 1905—1907 гг.	11
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ РАБОТА ГРУППЫ	
С. Гусев — Переговоры с офицерами гвардейцами в 1905 г.	35
Н. Буренин — Организация „Боевой технической группы“ 1901— 1904 гг.	37
С. Познер — Подготовка к вооруженному восстанию в Петер- бурге	58
„Альфа“ Л. Пескова — Работа в „химической группе“ при ЦК 1905—1907 гг.	67
С. Познер — Л. Б. Красин „Никитич“ руководитель Боевой груп- пы при ЦК	73
А. Игнатьев — Воспоминания организатора	77
В. Смирнов — Работа в Финляндии	83
ЗАГОТОВКА ОРУЖИЯ	
Б. Стомяков — Заграничная организация по доставке ору- жия в Россию в 1905 году	89
А. Шаловалов — Работа по закупке оружия	99
М. Литвинов — Транспортирование оружия в Россию	103
И. Лютер — Дополнение к воспоминаниям М. М. Литвинова	112
М. Сулимова („Магда“) Работав „Боевой технической группе“ 1905—1906 гг.	113
Участие сестрорецких рабочих в заготовке оружия в 1905—1906 гг.	116
МАСТЕРСКИЕ БОМБ И ПАТРОНОВ	
С. Познер — Патронная мастерская и вооруженное сопротивле- ние 1905—1908 гг.	133
Сергей Сулимов („Петр“) Мастерская бомб	143
И. Михайлов — Подготовка к вооруженной борьбе	155

КОНСПИРАТИВНЫЕ КВАРТИРЫ И СКЛАДЫ

Э. Зиварт — Конспиративная квартира в Академии художеств в 1903—1905 гг.	167
В. Ландсберг — Повседневная конспиративная работа в 1905 г.	170
Н. Четвериков („Михаил Львович“) — Склады ору- жия	176
Л. Х. Гоби („Ирина“) — Мое заведывание складами бомб	181
В. Богомолов („Чорт“) — Связь военно-технической группы с московской организацией	186
С. Познер — Из шифрованной записной книжки Н. П. Сагредо РАБОТА БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В 1906—1907 гг.	191
С. Эйнерлинг — Арест „Андрея Андреевича“ (Сагредо)	199
Салнынь („Гришка“) — Деятельность латышского боевика в Петербурге	202
Булле („Фриц“) — Из Прибалтики на работу в ПБО	210
С. Познер — Боевые дружины и борьба с черной с тенью	219
С. Познер — Нападение Боевой дружины на чайную „Тверь“	221
А. Забуркин („Шуранька“) — Как возникла первая боевая дружина за Невской заставой в 1905 году	224
С. Познер — Из истории боевой техники. Школа в Куоккола	232
ЛИКВИДАЦИЯ БОЕВОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ	
Г. Томашевский — Ликвидация складов оружия в 1908 г.	247
„ДЖОН ГРАФТОН“	
С. Познер — Версии о пароходе „Джон Графтон“	259
Источники, послужившие исследованию вопроса о пароходе „Джон Графтон“	279
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Телеграмма департаменту полиции из Гельсингфорса от 28 августа 1905 г. о взрыве парохода „Джон Графтон“	280
Донесение об обстоятельствах, предшествовавших взрыву на паро- ходе „Джон Графтон“ и о находке оружия на острове Кадльшер	280
Из переписки по поводу закупки оружия, привезенного на „Джо- не Графтоне“	282
Программа практических занятий в лаборатории ПБО по теории взрывчатых веществ и разрывных металлических снарядов	283
Обвинительный акт по делу школы-лаборатории в Куоккола (Фин- ляндия)	284